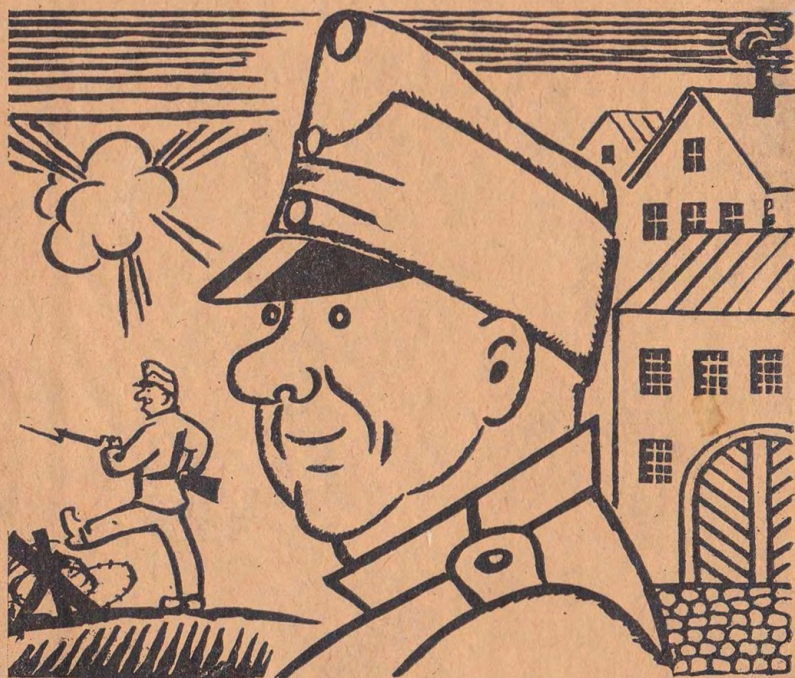

Золотые
родники

ЯРОСЛАВ ГАШЕК

Рассказы Фельетоны

Scan Kreyder - 29.04.2019 - STERLITAMAK

БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЯРОСЛАВ ГАШЕК

Рассказы Фельетоны

БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. УФА — 1983

Редакционная коллегия:
Бикчентаев А. Г., Даминов Д. А., Рахимкулов М. Г.,
Сафуанов С. Г., Филиппов А. П., Чванов М. А.

Предисловие и составление А. П. Филиппова

Гашек Я. И.

Г 24 Рассказы и фельетоны. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1983. 368 с. — (Серия: «Золотые родники»).

В книгу вошли рассказы Я. Гашека и фельетоны, написанные по-русски, в основном того периода, когда выдающийся чехословацкий писатель в составе красных войск находился в Башкирии. Книга выходит в связи со столетием со дня рождения Ярослава Гашека.

Г 24 $\frac{4703000000-292}{M121(03)-83}$ 126-83

© Башкирское книжное издательство,
предисловие, оформление, 1983.

СЕРДЦЕМ С РОССИЕЙ

Ярослав Гашек — интернационалист, комиссар, агитатор и страстный пропагандист, автор всемирно известного романа «Похождения бравого солдата Швейка».

Враги называли его по-всякому, стараясь унижить и умалить величайшие заслуги. Каких только презрительных кличек они не напридумывали для него: «агент Москвы», «продавшийся коммунистам», «безродный рыцарь богемы», «двоеженец и бродяга»... Ему мстили осмеянные им политики, старались уколоть и причинить сердечную боль оплеваннные богослужители и пьяницы.

Друзья же навечно нарекли его «Красным чехом». Еще при жизни назвали его так, и он гордился этим. Так зовут его и поныне, таковым знаем мы его до сегодняшних дней.

Ярослав Гашек — красный чех!

Его искрящийся всеми цветами радуги добродушный смех, его острая, как лезвие кинжала, саркастическая улыбка или ядовитые по-эзоповски завуалированные смелые нападки на представителей власти и политическую структуру буржуазного общества — все это сегодня стало достоянием всемирного читателя. Литературное наследие Ярослава Гашека поистине огромно и необозримо. Не десятки и сотни, а тысячи ярких рассказов и острых фельетонов, пьесы и письма, обращения к иностранным солдатам, циркулярные распоряжения, приказы, газетные заметки, которых им написано столько, что если б издать их, то не хватило бы бумаги во всем Иркутске, как он сам сообщает об этом в одном из своих писем. Кроме того, бесчисленные выступления на всевозможных собраниях и митингах, доклады и лекции в период становления Советской власти в России...

И наконец — гениальный роман «Похождения бравого солдата Швейка», принесший всемирную славу его автору.

Чехословацкий писатель, литературовед и критик, специалист по творчеству Гашека доктор Радко Пытлик пишет об этом знаменитом

романе: «В нашей литературе немного произведений, которые были бы столь ярко национальными и народными, как «Швейк». Гашек в нем выразил отвращение чеха к войне и авторитету вообще, наделил его типичной сердечностью, общительностью и говорливостью человека с пражской улицы. Дело дошло до того, что Швейк стал олицетворением национальной психики и мышления. Почему именно Швейк?..»

Да, именно, почему Швейк? Почему этот безобидный, грузноватый с виду, с небольшими хитрыми глазками человек, полный то легкой иронии, то убийственного сарказма, становится таким популярным, и не только среди чехословацкого читателя?

В прошлом году пролетом в Конго наш самолет приземлился в пражском аэропорту. Сойдя с трапа, мне почему-то сразу же вспомнился гашековский «бравый солдат». В каждом встречном я выискивал внешние черточки сходства со знакомым литературным персонажем, пристально вглядывался в черты лиц в буфете, где продавали пиво, внимательно прислушивался к веселой речи братьев славян. И к великому своему сожалению, не находил ни в ком знакомых по роману черт.

Видимо, мало прочесть книгу, надо еще жить среди этого народа, годами ходить по красивым улочкам Праги, разговаривать с рабочими и дворниками, инженерами и домохозяйками, ругаться с продавцами из уличных ларьков, дружить с соседями, пить пиво у стоек в дешевых окраинных пивных, только тогда, может быть, можно будет до конца, до самого донца понять характер гашековского знаменитого героя Швейка.

Но так ли это?

Реальность и факт, что разноязыкий читатель земного шара никогда не бывал в Праге, а вот душу и характер Швейка хорошо понял и даже полюбил искренне этого веселого «бравого солдата».

Значит, сила убедительности Ярослава Гашека такова, что каждый, кто впервые знакомится со страницами его гениального романа, проникается уважением к написанному, к замечательному герою и к самому автору. Для правильного понимания мировоззрения и жизненного кредо писателя, а главное, его литературного героя, стоит привести упоминание о Швейке замечательного сына чехословацкого народа, казненного в годы войны в фашистском застенке Юлиуса Фучика. В одной из своих многочисленных статей патриот Чехословакии писал: «Швейк... плоть от плоти народа. Он не народный герой, он сын улицы, которая хорошо понимает, каких перемен следует ожидать и как полезно подрывать все старое, чтоб поскорей настало новое... Своей пародией на послушание, своей простонародной шуткой Швейк подрывает с таким трудом создаваемую реакционерами силу их власти; он, как червь, точит реакционный строй и вполне активно, — хотя не вполне сознательно, — помогает ломать здание гнета и произвола. В своем духовном развитии, таком же, как у автора, Швейк приближается к полной сознательности. Невольно чувствуешь, что в какой-то момент он станет серьезнее и, хотя

не перестанет дурачиться, но в трудную минуту будет сражаться со всей серьезностью и упорством.»¹

Здесь Юлиус Фучик буквально несколькими строчками характеризует знаменитого «бравого солдата» и в то же время проводит некую параллель между ним и его создателем — Ярославом Гашеком. На сегодняшний день во всем мире написано о Швейке очень много.

Еще больше сделано литературоведами и критиками о творчестве чехословацкого писателя, его личности. Создано тысячи книг, защищено сотни и сотни научных диссертаций, проведен детальный анализ замечательного романа, и все авторы бесконечного потока этих работ сходятся на том, что в образ Швейка писатель привнес очень много личного: и в характере, и даже во внешнем облике зачастую обнаруживаются схожие черты, есть некая общность между самим писателем и его великим творением — образом «бравого солдата».

К своему роману Гашек шел долгим, извилистым, трудным путем. Впервые с именем Швейка чешский читатель познакомился в 1912 году, когда в Праге в издательстве «Гейда и Тучек» был опубликован рассказ «Бравый солдат Швейк перед войной».

С тех пор образ представителя из простого народа, человека с улицы постоянно занимал мысль и воображение писателя. Пройдут многие годы, останутся за спиной бесчисленные скитания и беды, «Красный чех» прошагает дорогами гражданской войны в России, затем вернется на родину в Чехословакию и только тогда вновь примется за разработку когда-то найденного образа. Но жизненного опыта было накоплено столько, что вложить его в рамки обычного рассказа или даже повести не представлялось никакой возможности. Накопленный материал требовал нового выхода, широкого полотна. И Гашек, уже больной, разбитый, гонимый недругами, унижаемый врагами, недавно осмеянными им самим, берется за воплощение замысла — детища всей жизни, романа «Бравый солдат Швейк».

Все предыдущие рассказы о Швейке были, по сути, заготовками будущего романа, преддверием к большой дороге, которая откроется для «бравого солдата» после создания книги о нем. Роман писался, если учесть, что Гашек был в то время больным человеком, удивительно свободно и быстро. Писатель вернулся на родину из Советской России 19 декабря 1920 года, а уже через два года и пятнадцать дней, т. е. 3 января 1923 года, его не стало. Вот за этот небольшой промежуток времени и был создан роман, известный сегодня читателю всей земли.

Перед тем как оказаться в России, Гашек был уже широко известен как писатель у себя на родине. Но теперь с полным правом можно сказать, что если бы не прошел он горнила Первой империалистической войны, а затем и гражданской у нас, то вряд ли бы смог написать со столь большой и зрелой силой роман о Швейке, принесший ему всемирную известность. Хотя образ Швейка и был задуман им еще перед началом

---

¹ Юлиус Фучик. Избранные очерки и статьи. ИЛ, М., 1950, стр. 199.

войны, тем не менее со всей полнотой образ этот обозначился в его писательском сознании только после возвращения из России.

Значит и к этому факту биографии чешского писателя наша Уфа и в целом Башкирия имеют определенное отношение.

Не ставя задачи анализа этого блестящего произведения мировой литературы, мы просто ограничиваемся приведением цитаты из книги крупного специалиста по чешской литературе И. А. Бернштейн. Одну из статей в своей книге «Чешский роман XX века и пути реализма в европейских литературах» она заканчивает емкими, удивительно точными словами: «Швейк» — это не только синоним отношения рядового человека к войне, до которой ему нет дела. Это синоним естественного, глубоко человеческого сопротивления античеловечной бюрократической машине, всяким мертвым параграфам, получившим власть над человеком, всяким фальшивым, дутым «идеалам»... Гашек обогатил развитие современного романа и в жанровом отношении, создав, пожалуй, единственную в наше время сатирическую эпопею такой художественной и идейной значимости... Продолжив богатую литературную и фольклорную традицию прошлого, Ярослав Гашек создал одно из самых оригинальных и значительных произведений мировой литературы XX в. Можно сказать, дебют чешского романа на мировой арене был столь же неожиданным, сколь блестящим».

Так высоко оценивает творчество чехословацкого писателя советский специалист, литературовед и критик Инна Бернштейн.

Всего несколько месяцев Ярослав Гашек не дожил до своего сорокалетия.

Детально изучена биография писателя, глубоко проанализирован его творческий путь. Миллионными тиражами расходятся по миру книги. Один только роман «Бравый солдат Швейк» выходил чуть ли не на ста языках народов планеты. ЮНЕСКО включило в свой культурный календарь юбилей Гашека, столетие со дня рождения писателя будет широко отмечено и в Советском Союзе.

Ярослав Гашек родился в Праге 30 апреля 1883 года. Его отец Йозеф Гашек выходец из крестьянской семьи, жил всегда в нужде и лишениях. Поступив учиться в университет, он сам себе зарабатывал на хлеб насущный. Но закончить полный курс учебы так и не удалось, и он получил право преподавания только в частных школах, где заработки были ниже, чем в государственных гимназиях. Скитаясь от города к городу, замещая временно то там, то тут отсутствующих по каким-либо причинам учителей, Йозеф окончательно подорвал свое здоровье. В конце семидесятых годов прошлого века он, наконец, получает место преподавателя математики и физики в частном немецком училище в самой Праге и переезжает туда на постоянное жительство. Ему испол-

нилось тридцать шесть лет, когда он женился на дочери мелкого служащего Катерине. В этой бедной семье, еле-еле сводящей концы с концами родился будущий всемирноизвестный писатель.

И в школе, и затем в торговом училище или как его громко именовали — Академии, Гашек учился хорошо, правда, особо не выделяясь из общей среды учащихся. Чем выделялся из своей среды Ярослав Гашек, так это — своей революционностью. Все его биографы постоянно отмсчают именно эти качества Гашека. Будучи совсем юным, он всегда стремился к рабочей массе, стихийно проявляя свой бунтарский дух. Он зачастую присоединялся к той или иной антиправительственной демонстрации. А таких выступлений в те годы было много: чешский народ страдал от австрийского гнета, всеми силами пытался освободиться от чужеземного ярма.

За участие в одной из таких демонстраций Ярослава исключили из четвертого класса гимназии. Это было осенью 1897 года. Улицы Праги бурлили толпами недовольного народа. С учреждений срывались гербы и вывески, написанные по-немецки. Уличные волнения переходили в настоящие боевые стычки с полицией и представителями административной власти.

И конечно же Ярослав Гашек был с народом. Сердце четырнадцатилетнего паренька горело и звало на борьбу с ненавистными поработителями его любимой родины. «Чувствовал себя я, как в раю, — писал позднее об этом времени Гашек. — Вечером 30 ноября я выбил окна в немецком театре и в других домах... Я пристал к толпе, которая собиралась разгромить Нусельский полицейский участок. Еще по сей день слышу, как какой-то пожилой господин в цилиндре, подавая мне кирпич, говорил добродушно: «На-ка, тебе, мальчик, попади в того орла...»

Горячие дни, кипучее время...

В самое горнило стихийной борьбы попадает молодой Ярослав. Об одном из тех давних событий хорошо и ярко пишет в своей книге куйбышевский историк Ю. Н. Щербаков, опираясь, конечно, на достоверный факт.

Во время уличной стычки Ярослава схватили и доставили в полицейский участок. Обыскали его и нашли в карманах увесистые камни, которыми, по всей вероятности, парнишка громил окна.

Крайне обостряло дело военное положение в Праге, и за обычные камни в мальчишеском кармане можно было легко схлопотать веревку или расстрел. Так оно и действительно могло случиться, ибо дело Гашека готовилось в военный суд, где любого ребенка с камнями или рогаткой за пазухой могли причислить к мятежникам. Хорошо, что в полиции в самые последние минуты его дело попало в добрые руки старого чеха, к чиновнику Оличку. Благодаря судьбе и этому благородному человеку от предстоящих потрясений Гашек был спасен, но из гимназии выгнали его, как говорится, с треском.

К литературному труду Ярослав Гашек приобщился рано. Он начал писать короткие, остроумные свои рассказы и фельетоны еще во время учебы в Торговой академии. Когда ему было всего восемнадцать лет, в 1901 году в газете «Народная политика» появились первые его рассказы и очерки...

Творчество и биография выдающегося писателя, повторяем, изучены довольно глубоко и подробно. Нас же прежде всего интересуют детали и моменты из его бурной жизни, связанные прежде всего с Россией и, главным образом, с Уфой, где он жил, работал, любил.

Еще двадцатилетним юношей Ярослав впервые попытался попасть в Россию, которую любил всем сердцем по книгам Гоголя и Пушкина, Чехова и Толстого. Вдвоем с приятелем осенью 1903 года они тайком перешли через государственную границу, но были пойманы и арестованы. Целых полтора месяца шло разбирательство, в конце концов выяснив, что у этого беспаспортного австрийского подданного Гашека нет никаких злонамеренных мыслей и действий против царя и российского государства, юношу посадили в бричку, довели до границы и выдворили обратно из пределов России.

Но первая встреча все-таки состоялась, он воочию увидел Великую державу, на которую втайне уповал и надеялся, как и весь его народ, верил, что именно оттуда грядет свобода.

Вторая встреча с Россией была горькой и в то же время комичной, как и его рассказы. Произошло это в самый разгар первой мировой империалистической войны, на русском фронте. В здравом и бунтарски настроенном сознании Гашека все еще теплилась надежда на Россию: она должна исполнить историческую миссию — освободить его родину от австрийского порабощения. Когда Ярослава призвали в действующую армию, он вовсе не горел желанием проливать кровь во имя бредовых идей чужеземцев, во имя их и так уж битком набитых кошельков. Улучив однажды первую же возможность, наткнувшись случайно на группу русских солдат, он поднял руки вверх. По всей вероятности сознание его обожгла радостная мысль: наконец-то ему повезло, это не плен, а сознательный переход на сторону своих братьев, которым рано или поздно придется встать на защиту интересов родной Чехословакии.

Но радость была преждевременной. Русским солдатам тоже надоела война за чужие интересы. Увидев солдата в форме противника, они побросали винтовки, тесным кольцом окружили его и, как в анекдоте каком, стали упрашивать забрать их в плен.

Создалась горе-комическая ситуация, у всех по паре рук вздернуто вверх. Как при голосовании на собрании, победило большинство. Целое отделение «неприятельских» солдат привел Гашек в плен, за что был удостоен серебряной медали «За храбрость»

Ситуация получилась комической, а медаль-то была настоящая.

Вскорости, правда, состоялась и третья встреча. Уже на несколько лет, когда всем сердцем он прикипел к России. Связал с ней всю свою жизнь, все горячие помыслы.

Наступающие русские войска ворвались в окопы. Гашек не покинул позиций вслед за бегущей в тылы оравой солдат. В какой уже раз он добровольно поднял руки вверх.

Мы не будем рассматривать эволюцию его политических убеждений и привязанностей от анархистующего молодого человека с пражских улиц до закаленного борца, вступившего с чистым сердцем в Российскую коммунистическую партию. Наша задача более скромная: показать читателю некоторые штрихи прочнейшей связи Гашека с Уфой, с Башкирией.

В столице Башкирской республики есть тихая и уютная улочка по размеру всего в один квартал. Вроде бы небольшая и незаметная, тем не менее расположена она в самом центре города. И куда бы ни пойти — в оперный ли театр, в башкирский драматический или же в филармонию, непременно придется натолкнуться и миновать эту красивую улочку, всегда размеренную и спокойную в своем малолюдье. Взглянув на табличку, иной из непосвященных прохожих может удивиться: не случайно ли названа улица именем чехословацкого писателя? Почему именно Уфа решила увековечить автора знаменитого романа «Похождения бравого солдата Швейка»?

И что интересно, улочку эту символично венчают с одной стороны, где Дом актера, бюст Александра Пушкина, а с другой, где здание башкирского театра драмы, — бронзовое изваяние классика башкирской и татарской литературы Мажита Гафури.

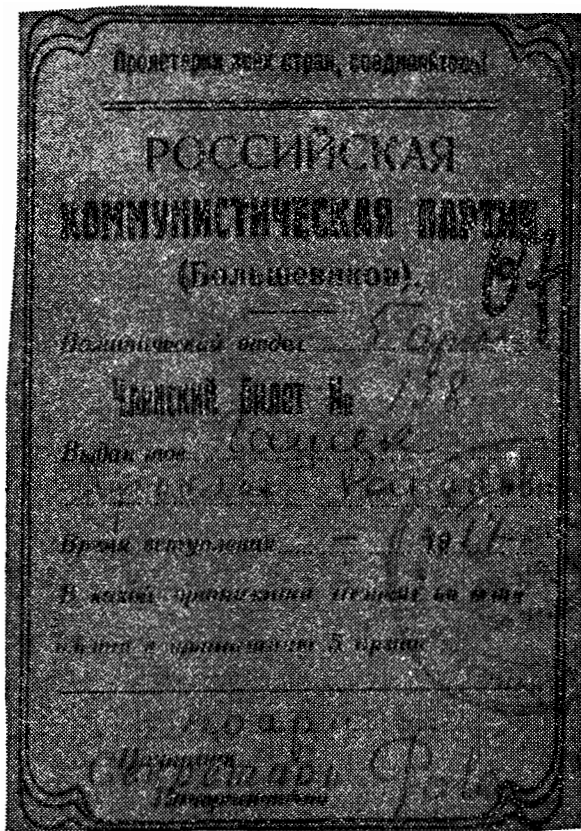
Два корифея двух культур. И имя Ярослава Гашека между ними.

Это перечисление великих имен отнюдь не случайно: сын России Александр Сергеевич Пушкин неоднократно и проникновенно писал о башкирах, приезжал в ковыльные и безрадостные некогда степи башкирские, Мажит Гафури всей своей жизнью и творчеством явился олицетворением башкирской литературы.

А как же Ярослав Гашек связан с Уфой?

Самым теснейшим образом. Даже сами названия некоторых его фельетонов времен Гражданской войны красноречиво говорят об этой связи. «Из дневника уфимского буржуя» (написано по-русски), «Об уфимском разбойнике, лавочнике Булакулине» (написано по-русски) «Уфимский Иван Иванович» — произведения эти были опубликованы у нас в Уфе, в армейской газете и, кроме того, явились первым опытом литературной работы писателя на русском языке, хотя по-русски он к этому времени прекрасно умел говорить, писал всевозможные распоряжения и циркуляры, выступал с лекциями на собраниях и митингах.

«Впервые на территорию Башкирской АССР Гашек попал в декабре 1918 года, когда с политическим отделом 5-й Красной Армии следовал из Татарской республики дальше к Уралу. Под ударами советских войск белогвардейцы отступили и 31 декабря оставили Уфу. В тот же день

Партийный билет Я. Гашека.

Гашек прибыл в освобожденный город... В донесении о деятельности политического отдела 5-й армии от 10 января 1919 года указано, что Гашек остается в распоряжении коменданта Уфы.»—Так начинается одну из глав Зденек Штясны в своей книге «Сражающийся Ярослав Гашек», изданной двадцать лет тому назад Башкирским книжным издательством

Документы из Государственного архива свидетельствуют: «Гашек. С должности — в распоряжении коменданта г. Уфы. Новое назначение—заведующий Советской типографией бывш. Яцкевича.»¹ Одно из объявлений в газете «Красный стрелок» подписано так: «Секретарь ячейки РКП(больш.) при типографии «Красный стрелок» Яр. Гашек».²

¹ Ведомость о движении сотрудников, находящихся в распоряжении политического отдела. ЦАКА, ф. 158, опись 2-я, архив № 131.

² Газета «Красный стрелок», № 40, 11 VI, 1919

Значит, вместе с доблестными войсками Красной Армии писатель шел к Уфе от Западных границ Башкирии через Белебей, Кандры, Чишму и в декабре 1918 года впервые ступил на улицы освобожденного города.

Сказать, что начинался какой-то новый период в его биографии,— будет не совсем правильным, потому что еще более года назад он вступил в ряды партии большевиков, и в первые же дни Октябрьской революции острым штыком и талантливым пером встал на защиту завоеваний народа. Революцию он воспринял всем сердцем, увидел в ней идеалы всего человечества и потому, засучив по локоть рукава, тут же вклинился в обычную черновую работу на благо высоких целей. Он надеялся и верил, что вслед за Россией поднимется на борьбу и его многострадальная родина.

В то тревожное и грозное время слово Гашека звучало решительно и призывно. Партия высоко ценила писательское слово, доверяла ему, и Гашек отвечал на это доверие своей будничной повседневной работой и своими талантливыми произведениями. А писать приходилось не только рассказы. Выработывался властный и жесткий слог уже в другом жанре. Вот, например, какой документ публикует он за своей подписью в газете V армии «Новый путь» в марте месяце 1919 года:

«Всем венгерским гражданам, проживающим в Уфимской губернии.

В Венгрии победила пролетарская революция. Вся власть в Венгрии перешла в руки рабочих и крестьян. **Отныне Венгрия объявляется Советской Республикой.** Она состоит в оборонительном и наступательном Союзе с Российской Социалистической Республикой. В силу этого Союза против врагов рабочего класса —

Объявляю всеобщую мобилизацию до сорока год, всех венгерских граждан, проживающих в Уфимской губернии. Они должны записаться в трехдневный срок в Губернском Военном Комиссариате в городе Белебее. С не подчиняющимися этому приказу будет поступлено как с предателями Венгерской Социалистической Республики.

Уполномоченный Австро-Венгерским Советом

Рабочих и Солдатских Депутатов

Ярослав Гашек¹

Обманутые буржуазией и офицером солдаты чехословацкого корпуса, возвращающиеся по договоренности на родину из русского плена, подняли мятеж. А это лишние, добавочные штыки для белогвардейской контрреволюции. Ярослав Гашек прибыл в распоряжение Политотдела 5-й армии Восточного фронта со специальным заданием партии большевиков. Основная задача этого задания заключалась в подавлении чехословацкого мятежа, разгроме колчаковщины и иностранной интервенции. Голос убежденного коммуниста, обращенный к своим обманутым соратникам, играл немаловажную роль в борьбе русского народа с контрре-

---

¹ Приводится по статье Мариэтты Шагинян «Ярослав Гашек» из сборника «Рассказы и фельетоны» Госиздат, Москва 1960 г.

А. Г. Львова-Гашекова.

волюцией. С 5-й армией Гашек прошел большой и трудный путь от Симбирска до Иркутска. На этом пути Уфа стала заметным фактом в его биографии, она сыграла значительную роль в его личной судьбе.

Да, Гашека с Уфой связала не только гражданская война. Безусловно, она, как и всякая война, ломала судьбы людей, будто игральными картами, распорядилась ими: сталкивала, разводила, даже самых завязанных домоседов отрывала от насиженных мест, швыряла в неведомые доселе пути. Вот одна из таких дорог привела великого юмориста в город на высоком берегу красавицы Агидели.

Здесь, в Уфе, он встретил молодую красивую девушку. Всем сердцем полюбил ее и понял, что это — его судьба, краткая радость в бесконечных трудах и борьбе.

Ее звали Шурой Львовой. Работала она в типографии накладчицей. Он звал ее Шуленькой. Гашек сразу же заметил эту тихую и скромную девушку, стал оказывать ей знаки внимания. Вскоре она стала женой Ярослава Гашека, и до конца дней его была верной подругой писателю.

Краеведы Уфы и других городов страны сделали многое по выявлению биографических данных Александры Гавриловны. Родилась она недалеко от Бирска в татарской деревне Петяково. Рано осиротев, Шура оказалась в Уфе, где ее удочерила семья Малоярославцевых. Или, как видим из других источников, семья Александровых. Эта фамилия фигурирует и в книге Станислава Антонова «Ярослав Гашек в Башкирии». Некоторые другие авторы утверждают то же самое. Но никто из этих авторов не обращает внимания на тот факт, что Шура носит фамилию — Львова, но не Александрова и не Малоярославцева. Конечно, большинство исследователей творчества Гашека прежде всего интересовала судьба и фактография самого писателя, а не его жены, что вполне оправдано и закономерно.

Уфимцев же, а их сейчас как-никак поболее миллиона человек, интересуется и такой, казалось бы, частный факт.

Живет в Уфе бывший военный журналист, подполковник в отставке Георгий Кириллович Базекин. Это в высшей степени интересный человек и собеседник. Сотни и тысячи фактов таится в его записных книжках, масса статей по всевозможным вопросам, особенно по краеведению, опубликовано им в республиканской и центральной печати. Его с полным правом можно назвать «геологом в журналистике», ибо метод его рабо-

ты — это поиск. Он всегда в поиске, ищет все интересное; по **деталькам**, найденным в архивах, по судьбам людей, встреченных и найденных **им**, он строит интереснейший механизм своих журналистских материалов, по ниточке тклет полотно статей и заметок о выдающихся людях, связанных некогда с Башкирией. Очень широк диапазон его «геологических от журналистики» изысканий: Чапаев и Александр Матросов, пионер Павлик Морозов и легендарный разведчик Николай Кузнецов, родственники Льва Толстого и Аксаковых. И, наконец, то, что нужно нам по данной статье: Ярослав Гашек.

Вероятно он был одним из первых, кто в свое время нашел в Уфе людей, хорошо знающих чешского писателя, работавших с ним в одной газете, а затем прошедших от Уфы до Иркутска. Георгий Кириллович успел сделать литературные записи бесед с этими людьми, большинства из которых уже нет в живых.

Имя Ярослава Гашека, неусыпаемый интерес к нему читателей до сих пор сближает и роднит людей многих национальностей. Несколько лет тому назад Г. Базекин опубликовал в газете «Советская Россия» статью «Фронтовые друзья Гашека». В ней как раз говорилось о людях, с которыми свела судьба писателя в Башкирии во время гражданской войны: это — наборщик типографии Иван Яковлевич Агапитов, работник той же типографии политотдела 5-й армии Степан Викторович Ганцеров, переплетчик Григорий Степанович Тимофеев. Прошло какое-то время после опубликования статьи, как вдруг в Уфу на имя Георгия Кирилловича приходит телеграмма из Праги. «Можно ли приехать и встретиться с Вами,— писал из Чехословакии неизвестный адресат.— Я занимаюсь творчеством Гашека, собран большой материал, а вот период, когда писатель находился в Советской России, исследован мною мало...»

— С удовольствием приму!— ушла ответная телеграмма из Уфы в Прагу.

Оказывается, статья Г. Базекина была переведена и опубликована в Чехословакии. С нею познакомился журналист Зденек Штясны.

С тех пор чехословацкий журналист несколько раз побывал в Уфе. Он написал и издал в Башкирском книжном издательстве интересную книгу «Сражающийся Ярослав Гашек», в которой широко использовал записи бесед Георгия Базекина с людьми, знающими Гашека.

Встреча в Уфе двух энтузиастов породила своеобразную дружбу, В один из приездов Зденек Штясны подарил Базекину символические сувениры — красивый хрустальный фужер, на котором выгравирован во всем своем обличии бравый солдат Швейк, и салфетку, где по краям вышиты персонажи из знаменитого романа.

Изыскания уфимского энтузиаста сыграли немалую роль и в судьбе другого «гашекаведа» — Станислава Ивановича Антонова. Еще в конце пятидесятых годов, работая в газете «Советская Башкирия», молодой журналист заинтересовался заметками, опубликованными в газете. Шаг за шагом Ст. Антонов приоткрывал завесу времени, обнаруживая интереснейшие подробности из биографии Гашека и окружающих его людей.

Сама по себе родилась книга «Ярослав Гашек в Башкирии». Позднее, уже будучи преподавателем факультета журналистики Казанского государственного университета, он защищает кандидатскую диссертацию по теме «Ярослав Гашек — публицист советской печати».

Едут ли уфимские туристы в Чехословакию, спешат ли башкирские нефтяники в братскую страну — Георгий Кириллович непременно даст адрес и телефон жены Гашека — Александры Гавриловны. И та обрадованно бежит в гостиницу, готовит званый обед, приглашает далеких гостей со своей родины к себе домой¹.

Одним из последних оставшихся в живых сподвижников Гашека, прошедший вместе с ним в рядах Красной Армии до Иркутска, был уфимец И. Г. Мурашов.

— Я буквально за месяц до его смерти был у Мурашова, — говорит Г. Базекин. — Опять и опять старый товарищ Гашека вспоминал годы своей молодости, рассказывал о некоторых подробностях той давней, но не забытой поры.²

Среди множества книг о «Красном чехе», изданных в Советском Союзе, вряд ли бросится в глаза небольшая брошюрка (памятка читателю), издания Министерства культуры БАСССР и библиографическим отделом Республиканской библиотеки им. Н. К. Крупской «Ярослав Гашек в Башкирии». Составители этой «Памятки», детально изучив местный архив, приводят интересные факты из деятельности Гашека в нашей республике, указывают основные произведения писателя, переведенные и изданные на башкирском языке. Есть в этой своеобразной и в целом интересной брошюре такая фраза «Восемь месяцев 1919 года он (имеется в виду Я. Гашек. А. Ф.) работал в г. Уфе». Следует отметить, что большинство работ о Гашеке, за исключением, может быть, Ст. Антонова, оперируют именно этими восемью месяцами, когда 31 декабря 1918 года писатель прибыл с политотделом Пятой армии в Уфу и 17 августа переезжает из Уфы в Челябинск. Хотя в той же брошюре ясно написано: 13 марта 1919 года Я. Гашек вместе с типографией прибыл в г. Белебей. 9 июня 1919 года Я. Гашек снова вернулся в г. Уфу, после разгрома Колчака. То есть из восьми месяцев выпадают целых три, когда Гашек жил и работал в городе Белебее и Самаре.

Уфимский период, в основном благодаря работам Г. Базекина, С. Антонова, З. Штястны, изучен и проанализирован, хотя и не совсем полно, но достаточно основательно. А вот три месяца, проведенных в Белебее, а затем в Самаре, как-то выпадают из биографии «Красного чеха». А при той работоспособности, которой обладал писатель, — три месяца — это много. Для примера можно привести перечень статей и фельетонов, опубли-

---

¹ А. Г. Львова-Гашекова умерла 8 декабря 1965 г. в ЧССР.

² Записи Г. К. Базекина публиковались в газетах Башкирии, подробно приводились в книге З. Штястны «Сражающийся Ярослав Гашек», Башкнигоиздат, Уфа, 1962 г.

ликованных им во фронтовой газете «Наш путь» всего за каких-то пол месяца.

«Из дневника уфимского буржуя» (№ 3, 14 января).

«Трагедия одного попа» (№ 6, 17 января).

«Святая кровь» (№ 8, 19 января).

«Два выстрела» (№ 9, 21 января).

«От партии иностранных коммунистов» (№ 9, 21 января).

«Жизнь по катехизису» (№ 10, 22 января).

«Горе побежденным» (№ 13, 26 января).

«Всем австро-венгерским и германским военнопленным и военнообязанным» (№ 14, 28 января).¹

Даже этот, по всей вероятности не совсем полный перечень материалов, как в зеркале, отражает журналистскую работу Я. Гашека. К тому же, в те тревожные и горячие дни, он, естественно, занимался не одной только журналистикой, было масса организационных дел, выступлений на собраниях, встреч с нужными людьми, бесед с ними. Без этих встреч немислим, как писатель, Ярослав Гашек. Стечение обстоятельств, а порою и просто везение, сводили его на дорогах Гражданской войны с такими выдающимися деятелями, как Владимир Маяковский, Валериан Куйбышев, Яков Михайлович Свердлов, монгольские политические и государственные деятели Сухэ-Батор, Чойбалсан, венгерский писатель Матэ Залка. Более подробно и детально о таких встречах рассказывает в своей книге Иван Филиппович Риманов, служивший вместе с Гашеком сначала в Бугульме, затем — в Башкирии ².

Несколько позднее другой чехословацкий писатель с удивительной точностью скажет о нем: «Гашек был человек, который видел мир. Многие другие о нем только пишут».

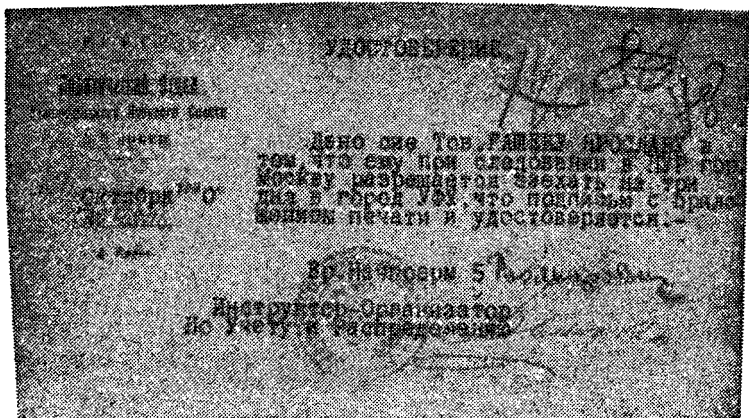
Итак, Ярослав Гашек прибыл в Уфу вместе с политотделом Пятой армии по одним источникам 31 декабря 1918 года, по другим — в первых числах января 1919. Вторично после «Белбеевского» трехмесячного периода Гашек вернулся в Уфу 9 июня после героического форсирования реки Белой красногвардейскими войсками.

В середине августа того же 1919 года вышел последний номер газеты «Красный стрелок» (№ 92) и Гашек вместе с Армией уезжает в Челябинск. Но это было еще не окончательное прощание с Уфой, милой и близкой его сердцу. Через год с небольшим по пути из Иркутска в Москву он вместе с женой «Шулинькой» на три дня вновь посетит город у Белой реки. Сохранился в архивах документ, подтверждающий этот факт: «Удостоверение. Дано сие Тов. ЯРОСЛАВУ ГАШЕКУ в том, что

---

¹ Приводится по изданию Республиканской библиотеки им. Крупской «Ярослав Гашек в Башкирии» (Памятка читателю), Уфа, 1963.

² И. Ф. Риманов. «Встречи с Ярославом Гашеком». Чувашкнигоиздат, Чебоксары — 1974.

ему при следовании в ПУР гор. Москвы разрешается заехать на три дня в город Уфу, что подписью с приложением печати и удостоверяется.

Был конец октября, когда они вместе с женой Александрой Гавриловной после разлуки вновь посетили Башкирию. Три дня они улаживали в Уфе свои семейные дела, навещали родных и знакомых, гуляли по осенним улицам города, совсем не предполагая, наверно, что жизненные дороги больше никогда не приведут их сюда. 4 декабря 1920 года они под чужими именами уедут из Москвы в Прагу.

Уже больной, диктуя недописанные страницы своего будущего романа о Швейке, думал ли Ярослав Гашек, что он вернется в наши уральские края, к нам в Уфу, где он нашел свое личное счастье — Шуру Львову?

Гашек вернулся сюда названием улицы, вернулся многочисленными книгами как собственными, так и написанными о нем.

Революционная Россия дала Гашеку многое. Не будь этого периода в его жизни — не известно еще, написал ли бы он свой знаменитый роман. А главное, самое главное в том, что в те бурные годы произошел в нем внутренний перелом, идейные блуждания по чужим коридорам обрели наконец единую закономерность. В России он стал убежденным коммунистом и борцом за светлые идеалы человечества. Доктор Радко Пытлик пишет по этому поводу: «В России происходит коренное изменение его взглядов и подхода к жизни: из представителя довоенной богемы и мистификатора он становится пламенным публицистом и пропагандистом сопротивления».

* * *

Ярослав Гашек вошел в литературу на заре нового столетия. Вошел шумно и бурно, заставив обратить на себя внимание читателей всех кру-

гов: буржуйствующие любители наживы и ренессанса смотрели на молодого автора со злобой, простой пролетарий и крестьянин — с любовью и уважением, ибо Гашек раскрывал глаза последним на существующее на их родине беззаконие и произвол. Он был сам представителем анархистствующего поколения, которое искало новые пути к свету и свободе, пыталось сбросить путы символизма и пустой риторики, стараясь всем своим творчеством приблизить литературу к жизни. Он жил, как писал, и писал, как жил — с полным правом можно сказать о замечательном чехословацком писателе. Не напрасно по свидетельству знающих его людей он часто говорил: «Печатное слово — сильнее штыка». Сарказм, насмешка, шутка, а порою убийственное отвращение к буржуазному обществу являются постоянным источником его настоящей революционной позиции и глубоко правдивого взгляда на мир, как утверждает чехословацкий литературовед, специалист по творчеству Гашека Р. Пытлик.

Умер Ярослав Гашек в январе 1923 года в местечке Липнице под Прагой. Без нескольких месяцев ему было всего сорок лет. Для писателя — это возраст самого расцвета сил, полной отдачи всего того, что было накоплено годами. Он не ошибся, когда в своем кратеньком в несколько строчек предисловии к недописанному еще роману со сдержанной улыбкой предсказал судьбу Швейка. Бравый солдат Швейк не Наполеон, но слава его затмила бы, как утверждает писатель, даже славу Македонского, если бы история упоминала его. Он не выигрывал сражений, не завоевывал чужих земель, «он не поджег храма богини в Эфесе, как это сделал глупец Герострат для того, чтобы попасть в газеты и школьные хрестоматии», тем не менее бравый солдат обрел всемирную известность и славу.

Гашек был прав в своем предвидении: Швейк обошел весь мир.

И мы, уфимцы, бесконечно рады за светлую судьбу «Красного чеха», ведь он имел прямое отношение к столице Башкирской республики — Уфе.

Александр Филиппов

Уфа: Октябрь 1982 г.

РАССКАЗЫ

МЫТАРСТВА ЛИТЕРАТОРА

В настоящее время условия жизни литераторов более благоприятны, чем до войны. Если литератор хорошо работает, то у него всегда найдутся деньги на то, чтобы купить себе муки, хлеба, сахару, табаку. И даже больше: он один раз в месяц может пойти в театр. Если он равнодушен к вину и чувствует слабость к рому, то у него есть возможность удовлетворить эти свои желания в кредит.

Но раньше положение литераторов было много хуже. Позвольте мне рассказать о нескольких случаях.

В Праге когда-то выходил журнал «Веселая Прага», куда я посылал свои юморески. Три юморески за две кроны, которых с нетерпением ожидало несколько голодных и жаждущих ртов. Однажды, когда я принес шесть юморесок, издатель отказался заплатить мне четыре кроны и предложил заключить с ним договор на двадцать юморесок, за которые он мне заплатит вперед, но только товаром. Он случайно где-то раздобыл партию часов, которые он рассылал в качестве премии своим подписчикам (часы стоили в магазине две кроны). Мы условились, что я могу забрать с собой четырнадцать штук часов по две кроны, причем пару часов он мне дарит для круглого счета.

Итак, я с ним заключил договор на двадцать юморесок и ушел из издательства с четырнадцатью часами.

На улице меня ждал молодой человек — поэт, который продавал стихи (пять стихотворений за два геллера).

— Что мы будем делать с часами? — сказал непрактичный поэт-идеалист (в те времена водились еще идеалисты

— Мы распродадим их по пивным

Молодой поэт покраснел.

— Если мы не продадим по пивным, — сказал я, — то будем продавать по кабакам.

— Я с вами продавать не пойду, — заявил поэт, — вы ведь хорошо знаете, что я член общества молодых литераторов «Сиринкс»*.

— Хорошо, — сказал я, — вы продавать не будете, а будете только со мной ходить.

Мы пришли в пивную «Примасы», где собирались мясники. Один из них сказал, что серебряные часы он бы купил, и, осматривая, испортил пружину в одних из наших часов. Он глубокомысленно предложил нам две кружки пива в виде вознаграждения за причиненный ущерб. После этого мы эти часы с испорченной пружиной продали одному торговцу за тридцать крейцеров. Он, осмотрев их, высказал убеждение, что часы, наверное, краденые.

Потом мы отправились напротив к Шенфлоку, откуда нас выгнали, обозвав бродягами и заявив, что у нас нет разрешения на право торговли. От Шенфлока мы направились в «Мозоль» на Виноградах, где мы продали одни часы за восемьдесят крейцеров какому-то студенту, который заложил свои часы и ждал приезда своего отца.

После этого мы ходили по Вино градам, но никто у нас ничего не покупал. В конце концов, в одном кабаке у нас украли двое часов. В другом притоне к нам подошел человек в фуражке и спросил, откуда мы. Потом он вытащил записную книжку, посмотрел в нее и сказал: «Подходит». Взял нас за шиворот и повел в полицию, где мы оставались до утра, так как моего издателя не оказалось дома.

Когда нас, наконец, на другой день освободили, то издатель оказался столь любезным, что оставшиеся часы купил у меня обратно за полцены, то есть по кроне за штуку.

Уплатив мне незначительную сумму, он сказал мне внушительно:

— Не забудьте, что вы мне должны двадцать юморесок.

Когда я через несколько дней принес ему две юморески, он уже с меньшей внушительностью произнес:

— Не забудьте, что вы мне должны еще восемнадцать юморесок.

Этих восемнадцать юморесок он ждет до сих пор.

Или вот, например, другой случай. Ваш рассказ напечатали в большом журнале. Вы, по наивности, думаете, что сейчас же получите деньги: «Вчера был напечатан мой рассказ, я пришел за гонораром».

Оказывается, денег нет — «приходите завтра».

А когда, наконец, вы должны получить в кассе пять крон двадцать два геллера, то кассир вам дает шесть крон

и просит у вас сдачи, смотря на вас, как на негодяя. В вашем кармане нет ни теллера; кассир берет шесть крон назад и кричит на вас:

— Принесите сдачу!

И вы бежите искать по Праге семьдесят восемь геллеров, чтобы получить свои пять крон двадцать два геллера.

Теперь стало гораздо лучше.

Если мне следовало получить за печатный лист тридцать две кроны и я просил аванс, то совали по кроне. Если же мне приходила сумасшедшая мысль получить гонорар книгами, то мне их не стыдились считать по продажной цене. Таким образом, при продаже книг вы теряли шестьдесят шесть процентов своего гонорара, и при этом вам еще имели наглость говорить:

— Знаете, мы бы вам заплатили деньги, но боимся, что вы их истратите...

Когда вы хотели получить аванс, то вы должны были выдумывать разные небылицы, лгать.

Однажды я хотел получить двадцать пять крон аванса за свою книгу и должен был прибегнуть к следующему трюку: я послал своего друга Густава Опоченского, известного поэта, в издательство со следующим письмом:

«Милостивый государь!

Меня переехал автомобиль, колесо которого сломало мне ногу. Прошу выдать двадцать пять крон в счет аванса за мою книгу».

Он вернулся без денег с таким ответом:

«Выясните, для чего именно ему нужны эти двадцать пять крон».

Я ответил:

«На расходы, связанные с перевозкой на мою квартиру».

Он принес такой ответ:

«Карета скорой помощи перевезет вас бесплатно».

Я написал:

«Карета скорой помощи доставляет только в городскую больницу, а так как я настаивал на домашнем лечении, то она уехала».

Опоченский вернулся и принес десять крон с пометкой на моей записке:

«Десять крон совершенно достаточно».

Я издаю теперь одну книгу сам: «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны». И сейчас рекла-

мирую ее в провинции. Один человек был так любезен, что предложил взять с собой книгу и передать в книжные магазины города Будейовице. Через некоторое время я получил от него письмо, отрывок из которого привожу здесь:

«...Потом я пришел к книготорговцу пану Сватеку, и он мне сказал, что уже получил часть ваших книг из Праги и что весьма им обрадовался, так как теперь узнал, где живет этот пан Гашек, который заключил с ним 25 апреля 1915 года, прежде чем уйти на войну, договор, по которому обязался писать военные юморески в течение десяти лет и никому другому, кроме как ему, пану Сватеку, не давать их. Но так как вы ушли на войну и попали в плен, то, само собой понятно, не могли писать; теперь же он настаивает на исполнении договора и передает дело адвокату. Он удивляется, что пан Гашек уже забыл об этом договоре или делает вид, будто не знает, что австрийские законы имеют силу у нас и сейчас. Он посоветовал мне покончить это дело миром, а иначе он наложит арест на всю книгу»...

Начинается старая история с часами.

Из-за каких-то пятидесяти крон, отбывая воинскую повинность в Будейовицах в качестве вольноопределяющегося, 25 апреля 1915 года, я на целых десять лет продал свою душу, как Фауст. И лицо, которому я продал себя, охраняло меня в самых ужасных боях мировой войны.

А теперь с помощью адвоката он идет за моей душой. Увы, даже и святая вода мне не поможет.

БРАВЫЙ СОЛДАТ ШВЕЙК ПЕРЕД ВОЙНОЙ*

I. ПОХОД ШВЕЙКА ПРОТИВ ИТАЛИИ

Швейк шел на военную службу в веселом настроении. Ему хотелось просто поразвлечься, а получилось так, что он привел в ужас весь гарнизон города Тренто с его начальником во главе.

Швейк всегда улыбался, был любезен в обращении и, видимо, поэтому его все время сажали в тюрьму. Выйдя из заключения, он с улыбкой отвечал на все вопросы и совершенно спокойно опять давал себя запереть, уверенный в том, что его боятся абсолютно все служащие трентского гарнизона. Не грубостью, а, наоборот, учтивыми манерами и приветливыми, дружелюбными улыбками — вот чем он

их выводил из терпенья. При появлении дежурного Швейк, сидя на койке и улыбаясь во весь рот, вежливо приветствовал его словами:

— Слава Христу-спасителю, осмелюсь доложить.

Эта искренняя, добродушная улыбка заставляла офицера Валка скрежетать зубами. Он охотно поправил бы на голове у Швейка фуражку, чтобы та сидела согласно уставу, но теплый, задушевный взор Швейка мешал ему что-либо предпринять.

Как-то раз в казарму вошел майор Теллер. Окинув суровым взглядом вытянувшихся возле своих коек солдат, Валк скомандовал:

— Швейк, подай сюда винтовку!

Швейк добросовестно выполнил команду: только вместо ружья принес ранец. С ненавистью глядя на славную наивную физиономию Швейка, майор Теллер спросил:

— Вы не знаете, что такое винтовка?

— Так точно, не могу знать, — был ответ.

Швейка повели в канцелярию. Принесли винтовку, сунули ему под нос.

— Что это такое? Как называется?

— Не могу знать.

— Это винтовка.

— Не могу знать.

Его отправили в тюрьму, и вдобавок тюремщик по своему почину обозвал его ослом. Но солдаты ушли на тяжелые ученья в горы, а Швейк остался преспокойно сидеть за решеткой с улыбкой на устах.

Не зная, как с ним быть, назначили его подавальщиком в столовую для вольноопределяющихся — прислуживать за обедом и ужином. Он накрывал на стол, разносил кушанья, пиво, вино, потом скромно садился у двери и курил, время от времени объявляя:

— Осмелюсь доложить, господа: господин Валк — хороший человек, очень хороший!

При этом он улыбался, выпуская в воздух клубы дыма.

В столовую пришел караул, и какой-то новый офицер имел неосторожность спросить скромно стоящего у двери Швейка, какой он роты.

— Не могу знать.

— Тысячу чертей! Какой здесь полк?

— Не могу знать.

— Как называется город, в котором расположен здешний гарнизон?

— Не могу знать.

— Ты что? С неба свалился?

— Никак нет, — ответил Швейк с милой улыбкой, глядя на офицера наивным, доверчивым взглядом. — Я родился, потом ходил в школу. Потом выучился столярному ремеслу. Потом привели меня в одну корчму и заставили догола раздеться. Через несколько месяцев пришла за мной полиция, и меня отвели в казармы. Там меня осмотрели и говорят: «Вы, дескать, не явились во-время на призыв, три недели просрочили. Мы вас арестуем». — «За что?» — спрашиваю. — Я ведь и не собирался идти на войну и даже не знаю, что такое солдат...» Все-таки арестовали меня, на поезд посадили и привезли в одно место, откуда мы сюда пришли. Я никого не спрашивал, какой полк, какая рота, какой город, чтобы ненароком не обидеть кого. На учении меня сразу арестовали из-за того, что я в строю закурил, что тут такого — не знаю. Потом арестовали, когда я насчет потери штыка заявил. Потом я на полигоне чуть не застрелил господина полковника. Теперь вот господам вольноопределяющимся прислуживаю.

Бравый солдат Швейк проговорил все это, глядя на офицера таким ясным, детским взглядом, что тот не знал — сердиться или смеяться.

Наступил сочельник. Вольноопределяющиеся устроили в столовой елку, и после ужина полковник произнес трогательную речь на тему о том, что вот родился Христос и радуется при виде хороших солдат, а хороший солдат должен сам на себя радоваться...

Вдруг торжественное выступление было прервано возгласом:

— Это как есть! Так точно!

Возглас вылетел из уст бравого солдата Швейка, который стоял, никем не замеченный, среди вольноопределяющихся, весь сияя.

— Sie Einjähriger! ¹ — взревел полковник. — Кто это крикнул?

Швейк с улыбающейся физиономией выступил из рядов.

— Так что, господин полковник, я прислуживаю господам вольноопределяющимся, и больно мне понравилось, что вы сказать изволили. Сразу видать — от чистого сердца!

Когда в Тренто било полночь, brave солдат Швейк уже больше часу сидел в холодной.

На этот раз он присидел довольно долго, но потом ему опять повесили штык на пояс и направили его в пулеметную часть.

---

¹ Вольноопределяющиеся! (немецк.)

Проводились большие маневры на итальянской границе, и храбрый солдат Швейк выступил вместе с армией.

Перед походом он слушал доклад кадета.

— Представьте себе, — сказал докладчик, — что Италия объявила нам войну, и мы выступаем против итальянцев.

— Что ж, повоюем! — крикнул Швейк, за что получил неделю ареста.

Отбыв наказание, он был отправлен, вместе с тремя товарищами по заключению, под надзором капрала в свою пулеметную часть. Сперва двигались долиной, потом углубились в горы и там, как можно было ожидать, Швейк потерялся в густом лесу на итальянской границе.

Пробираясь сквозь кустарник, он напрасно искал глазами своих, пока не очутился благополучно, в полном вооружении, по ту сторону итальянской границы.

Там храбрый солдат Швейк отличился. В это время возле самой границы с Австрией, на итальянской территории, проводила маневры Миланская пулеметная часть; восемь солдат и мул с пулеметом вышли на равнину, которую внимательно осматривал храбрый солдат Швейк.

Итальянские солдаты, ничего не подозревая, легли в тень и заснули, а мул с пулеметом принялся важно щипать траву, все более от них удаляясь, пока не подошел к тому месту, откуда Швейк с улыбкой наблюдал за неприятелем.

Храбрый солдат Швейк взял мула под уздцы и вернулся в Австрию с итальянским пулеметом на итальянском муле.

Спустившись обратно по тому же косогору, он пробродил со своим мулом полдня в каком-то лесу и только к вечеру увидел австрийский лагерь.

Сперва охрана не хотела его впускать, так как он не знал пароля, но тут прибежал офицер, и Швейк, встав во фронт и взяв под козырек, отрапортовал:

— Имею честь доложить, господин лейтенант: мной захвачен итальянский мул с пулеметом!

Бравого солдата Швейка отослали в распоряжение гарнизонного начальства, но нам стало известно устройство итальянского пулемета последнего образца.

II. ШВЕЙК ЗАКУПАЕТ ЦЕРКОВНОЕ ВИНО

Полевой апостольный викарий доктор Коломан Белопотцкий, епископ Трицальский, назначил священником трентского гарнизона Августина Кляйншродта. Между обыкновенным священнослужителем для штатских и свя-

щеннослужителем армейским — огромная разница. В последнем слились воедино религиозность и воинственность; он — воплощение двух разных каст, соединенных вместе, и различие между обоими видами духовенства такое же, как между драгунским лейтенантом, обучающимся в военной академии верховой езде, и владельцем ипподрома.

Военный священнослужитель получает содержание от государства, — это военный чиновник определенного класса; он имеет право носить шашку и драться на дуэли. Священнослужитель штатский тоже получает вознаграждение от государства, но для того, чтобы жить в достатке, вынужден брать и с верующих.

Обыкновенного священника солдат не обязан приветствовать, а военному обязан отдавать честь под угрозой ареста. Таким образом, бог имеет представителей двух родов: штатских и военных.

Штатский должен вести политическую агитацию, а военный исповедует солдат и сажает их под арест, что, конечно, имел в виду господь бог еще в то время, когда создавал нашу грешную землю, и позже, когда создавал Августина Кляйншродта.

Проносьясь по улицам Тренто, этот достойный священнослужитель издали производил впечатление кометы, ниспосланной в виде божьей кары на злосчастный город. Он был страшен в своем величии, и молва утверждала, будто в Венгрии у него уже было три дуэли, кончившиеся тем, что он отрубил носы своим противникам — офицерам, членам того же клуба, обнаружившим слишком мало религиозного рвения.

Нанеся таким образом чувствительный урон неверию, он был переведен в Тренто, как раз когда brave солдат Швейк, выйдя из гарнизонной тюрьмы, вернулся к себе в часть для дальнейших достижений в деле обороны родины.

В это время духовный отец трентского гарнизона искал себе денщика и решил лично выбрать подходящего солдата. Что же удивительного в том, что, проходя по казармам, он заметил добродушную физиономию солдата Швейка, ударил его по плечу и сказал:

— Иди за мной!

Brave солдат Швейк стал было отнекиваться, уверять, что ничего не умеет, но капрал толкнул его в спину и повел в канцелярию.

Там, после продолжительных отговорок Швейка, унтер-офицер обратил внимание священнослужителя, что Швейк

«ist ein Mistvich»¹, но достопочтенный отец Кляйншродт возразил, что «Ein Mistvich kann doch gutes Herz haben»².

На это бравый солдат Швейк покорно кивнул. При виде его круглой улыбающейся физиономии и наивных глаз гарнизонный священнослужитель не стал даже просматривать список наказаний, которым бравый солдат Швейк подвергался.

С этого момента Швейк зажил припеваючи: втихомолку потягивал церковное вино и так чистил своему начальнику лошадь, что достопочтенный отец Кляйншродт даже похвалил его.

— Осмелюсь доложить,— ответил бравый солдат Швейк,— изо всех сил стараюсь, чтоб как цветок была.

По случаю церковного праздника в военном лагере у Кастель-Нуово предстояло отслужить обедню в поле.

Для церковных надобностей Августин Кляйншродт пользовался только нижеавстрийским вином из Феслау. Итальянского вина он терпеть не мог. А тут как раз запас кончился, и он сказал бравому солдату Швейку:

— Завтра утром отправишься в город за нижеавстрийским вином из Феслау. Получишь деньги в канцелярии и привезешь восьмилитровый бочонок. И сейчас же возвращайся! Запомни хорошенько: из Феслау в Нижней Австрии. Марш!

На другой день Швейк получил на руки двадцать крон. А для того, чтобы при возвращении в лагерь его не задержал патруль, ему было выдано удостоверение: «Командируется для закупки вина».

Выходя из лагеря и шагая по городу, бравый солдат Швейк все время твердил про себя:

— Феслау, Нижняя Австрия.

Это занятие он продолжал и на вокзале. И часа не прошло, как он уже преспокойно сидел в поезде, увозившем его в Нижнюю Австрию.

В тот день благолепие торжественного молебствия было нарушено лишь горечью итальянского вина в чаше.

К вечеру Августин Кляйншродт окончательно убедился, что бравый солдат Швейк — мерзавец, пренебрегающий своими воинскими обязанностями.

Лагерь огласился яростными воплями Августина Кляйншродта. Вознесшись к альпийским вершинам, они сбегали вниз по долине Адиджо и Мерано, куда за несколько часов перед тем, с безмятежной улыбкой на устах и радостным соз-

---

¹ Грязная скотина — (немецк.).

² У скотины тоже может быть доброе сердце (немецк.).

нением добросовестно исполняемый обязанности, выехал бравый солдат Швейк.

Он ехал по долине, проезжал туннели и на каждой станции коротко осведомлялся:

— Феслау, Нижняя Астрия?

Наконец, перед добродушной физиономией солдата Швейка появился вокзал Феслау. Там бравый солдат Швейк предъявил человеку в чиновничьей фуражке официальное военное удостоверение: «Командируется для закупки вина». И с любезной улыбкой осведомился, где тут казармы.

Человек в фуражке спросил, имеется ли у него командировочное предписание. Бравый солдат Швейк ответил, что не знает, что это такое.

Тут подошли еще двое в фуражках и объявили Швейку, что ближайшие казармы находятся в Корнейбурге.

Бравый солдат Швейк взял билет до Корнейбурга и поехал дальше.

В Корнейбурге стоял железнодорожный полк. В казармах страшно удивились, когда бравый солдат Швейк явился туда ночью, и показал охране удостоверение: «Командируется для закупки вина».

— Придется подождать до утра, — сказал караульный. — Господин начальник только лег спать.

Бравый солдат Швейк улегся на топчан с блаженным сознанием, что делает для государства все от него зависящее, и спокойно уснул.

Утром его отвели в складскую канцелярию. Там он показал бухгалтеру в чине унтер-офицера свое удостоверение: «Командируется для закупки вина», с печатью «Полевой лагерь Кастель-Нуово, 102-й полк, 3-й батальон» и подписью дежурного офицера.

Унтер-офицер отвел Швейка в полковую канцелярию, где тот был опрошен подполковником.

— Так что прибыл по приказу его преподобия гарнизонного священника Августина Кляйншродта из Тренто, — объяснил бравый солдат Швейк. — Имею приказ доставить восьмилитровый бочонок церковного вина из Феслау.

Было созвано совещание. Простодушная, наивная физиономия Швейка, его строгая военная выправка, предъявленное удостоверение: «Командируется для закупки вина», надлежащим образом скрепленное подписью и печатью, — все это произвело самое благополучное впечатление, в то же время до крайности запутав все дело.

Поднялась целая дискуссия. В конце концов пришли к заключению, что его преподобие гарнизонный священник Августин Кляйншродт, видимо, сошел с ума и ничего не

остаётся, как отослать бравого солдата Швейка обратно, выдав ему командировочное предписание на этот предмет.

Унтер-офицер заготовил предписание. Человек он был покладистый и не пожалел километров. Он указал маршрут: Вена, Штирский Градец, Загреб, Терст, Тренто. Проездные выплатили Швейку наличными на двое суток — 1 крону 60 геллеров. Кроме того, унтер-офицер купил ему билет, да повар по доброте душевной выдал три буханки из полковой пекарни.

Между тем гарнизонный священник Августин Кляйншродт бродил по лагерю Капель-Нуово и, скрежеща зубами, твердил одно:

— Арестовать, связать, расстрелять!

Все решили, что brave солдат Швейк — дезертир. Каково же было всеобщее изумление, когда на четвертые сутки ночью он появился у входа в лагерь и, улыбаясь, подал караульному командировочное предписание из Корнейбурга, а также удостоверение, выданное непосредственным начальством: «Командируется для закупки вина».

Его сейчас же схватили, заковали, к его ужасу, в кандалы, отвели в барак и там заперли.

А утром повели в город в казармы.

Как раз в это время из Корнейбурга пришел запрос командира железнодорожного полка о причинах, побудивших его преподобие гарнизонного ксендза Августина Кляйншродта послать солдата Швейка в Корнейбург за церковным вином из Феслау.

Солдата Швейка допросили. Он с блаженной улыбкой, чистосердечно рассказал все, как было. Состоялось продолжительное совещание, после которого достопочтенный отец Кляйншродт пошел навестить бравого солдата Швейка в заключении.

— Лучше всего подавай на комиссию, дурак ты этакий. Проси освободить тебя по состоянию здоровья и катись!

— Осмелюсь доложить, желаю служить государю императору до последнего вздоха! — возразил brave солдат Швейк, глядя своими честными глазами прямо в глаза духовного начальства.

III. РЕШЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ КОМИССИИ О БРАВОМ СОЛДАТЕ ШВЕЙКЕ

В каждой армии есть негодяи, которые не желают служить. Им приятнее стать самыми заурядными штатскими разбойниками. Эти продувные бестии жалуются, к при-

меру, на порок сердца, а вскрытие обнаруживает у них, может, всего-навсего какое-нибудь воспаление слепой кишки. Такими и другими подобными способами пробуют они избавиться от своих воинских обязанностей. Но не тут-то было! Существует медицинская комиссия, которая портит им всю музыку. Парень жалуется на «плоскоступие». Военный врач прописывает ему глауберову соль, клистир и «плоскоступый» убегает как ошпаренный, а утром садится под арест.

Иной прохвост жалуется на рак желудка. Его кладут на операционный стол и говорят: «Вскрыть желудок, не прибегая к наркозу». Договорить не успеют, — рак как рукой сняло, и чудесно исцеленный шагает в тюрьму.

Медицинская комиссия — настоящее благоденствие для армии. Без нее каждый призывник чувствовал бы себя больным и неспособным носить ранец.

Основная функция медицинской комиссии — произвести осмотр. Но правильно говорил один штабной врач:

— Осматривая больного, я исхожу из убеждения, что речь должна идти не об осмотре, а о досмотре, что больной безусловно здоров как бык. В соответствии с этим я и действую. Пропишу ему капли, диету. И через трое суток — будьте покойны! — непременно выпишу из больницы. А ежели симулянт все-таки умрет, так это нарочно, чтобы нам насолить и самому не сесть в тюрьму за обман. Поэтому говорю вам: не осмотр, а досмотр! Подозревай каждого до его последнего вздоха!

Когда храброго солдата Швейка послали на комиссию, ему завидовала вся рота.

Тюремщик, принесший ему в камеру обед, сказал:

— Твое счастье, паршивец. Домой вернешься. Тебя уволят в чистую.

Но храбрый солдат Швейк ответил ему то же, что достопочтенному отцу Кяйншродту:

— Осмелюсь доложить, не выйдет это. Я здоров как бык и желаю служить государю-императору до последнего вздоха.

И с блаженной улыбкой лег на топчан. Тюремщик доложил об ответе Швейка дежурному офицеру Мюллеру.

Тот заскрипел зубами.

— Мы отобьем у мерзавца охоту к военной службе! Надо устроить ему сыпняк, чтоб он спятил.

А в это время храбрый солдат Швейк говорил другому заключенному из той же роты.

— Буду служить государю-императору до последнего вздоха. Я — солдат, значит, должен служить государю-

императору, и никто не имеет права выгнать меня из армии. Пускай хоть генерал придет, даст мне под зад и вытурит из казармы. Я и тогда вернусь и скажу: «Так что, господин генерал, желаю служить государю-императору до последнего вдоха и потому возвращаюсь в роту». А если меня опять не примут — пойду во флот! — служить государю-императору хоть на море. А во флот не примут, и там господин адмирал тоже даст мне под зад, буду служить государю-императору в воздухе.

Но вся казарма была твердо уверена, что бравого солдата Швейка все-таки демобилизуют. Третьего июня к нему в камеру явились санитары с носилками, после ожесточенной борьбы привязали его к ним ремнями и отнесли в гарнизонный лазарет. По дороге с носилок все время раздавались патристические возгласы:

— Солдаты, оставьте меня! Я желаю служить государю-императору!

Его поместили в отделение для тяжелобольных, и штабной врач Яса произвел поверхностный осмотр.

— У тебя увеличение печени и ожирение сердца, Швейк. Ты отслужил. Придется тебя уволить.

— Осмелюсь доложить, я здоров как бык, — возразил Швейк. — Прошу прощения, как же армия будет без меня? Так что желаю вернуться в часть и служить государю-императору верой и правдой, как полагается солдату.

Ему был назначен клистир, и когда санитар Бочковский, русин по национальности, приступил к лечению, бравый солдат Швейк, находясь в столь щекотливом положении, с достоинством произнес:

— Не церемонься, братец. Я не побоялся итальянцев, — не боюсь и твоего клистира. Запомни: солдат не должен ничего бояться и обязан служить!

Потом его отвели в уборную и приставили к нему чашового с заряженной винтовкой.

После этого его опять уложили в постель, а санитар Бочковский ходил вокруг него и вздыхал:

— Родные-то есть, пся крев?

— Есть.

— Оттуда не выйдешь, симулянт!

Бравый солдат Швейк дал ему по морде.

— Я — симулянт? Да я совсем здоров и желаю служить государю-императору до последнего вдоха.

Его обложили льдом. Трое суток пролежал он в ледяных компрессах, а когда пришел штабной врач и сказал: «Ну, Швейк, придется тебя все-таки демобилизовать!» — возразил:

— Осмелюсь доложить, господин доктор, я совершенно здоров и желаю служить.

Его опять обложили льдом на двое суток, после чего медицинская комиссия должна была собраться и навсегда освободить его от воинских обязанностей.

Накануне заседания, когда на него был уже составлен увольнительный билет, brave солдат Швейк дезертировал.

Ему пришлось бежать, чтобы иметь возможность служить государю-императору. Две недели о нем ничего не было слышно.

Но, ко всеобщему изумлению, через две недели brave солдат Швейк появился ночью у ворот казармы и с обычной почтительной улыбкой на довольной круглой физиономии отрапортовал начальнику караула:

— Честь имею доложить, явился для отбытия наказания, как дезертировавший с целью служить государю-императору до последнего вздоха.

Его желание было удовлетворено: он получил полгода, а так как и после этого продолжал требовать оставления в рядах армии, был послан в арсенал — начинять торпеды пироксилином.

IV. БРАВЫЙ СОЛДАТ ШВЕЙК УЧИТСЯ ОБРАЩАТЬСЯ С ПИРОКСИЛИНОМ

Вышло, как сказал его преподавание:

— Швейк, мошенник ты этакий... Уж коли хочешь служить, так поработай с пироксилином. Это тебе полезно.

Стал brave солдат Швейк работать в арсенале учиться обращению с пироксилином, начинять им торпеды. На этой службе шутки плохи: того и гляди взлетишь на воздух и — крышка!

Но brave солдат Швейк не робел. Вполне довольный проводил он дни свои в отдельном бараке, между динамитом и пироксилином, начиняя торпеды этими страшными веществами и оглашая окрестность пением:

Ах, Пьемонт, Пьемонт!
Видно, край ты панский:
Ведь с тобою пал
Весь оплот миланский —
Гоп, гоп, гоп!

И оплот миланский
И четыре моста.
Выставляй, Пьемонт,
Посильней форпосты —
Гоп, гоп, гоп!

Я ведь вам прислал
Целый полк уланский.
Вы ж его сгубили
У ворот миланских —
Гоп, гоп, гоп!

За этой прекрасной песней, делавшей бравого солдата Швейка львом, следовал целый ряд других волнующих песен — о кнедликах, величиной с человеческую голову, которые бравый солдат Швейк проглатывал с неописуемым наслаждением.

Так вот и жил он — довольный своей судьбой — один на один с пироксилином, в отдельном арсенальном бараке. И вот однажды туда пришла инспекция, проверяющая, все ли в порядке в бараках.

Войдя в барак, где бравый солдат Швейк учился обращаться с пироксилином, дежурные увидели по облакам табачного дыма, распространяемым швейковой трубкой, что бравый солдат Швейк — бесстрашный воин.

При виде начальства Швейк встал, вынул, согласно уставу, трубку изо рта и отложил ее в сторонку, но недалеко, только руку протянуть, как раз у открытого стального чана с пироксилином.

И, встав во фронт, отрапортовал:

— Честь имею доложить: происшествий не было, все в порядке.

В жизни человека бывают мгновенья, когда все зависит от присутствия духа.

Быстрее всех нашелся полковник. Над пироксилином уже вились колючки табачного дыма, и он сказал:

— Продолжайте курить, Швейк!

Это было очень умно с его стороны, так как гораздо лучше, чтобы трубка находилась во рту, чем в пироксиллине.

— Слушаю, господин полковник. Есть курить, — ответил Швейк, снова встав навытяжку.

Он был очень дисциплинированный.

— А теперь — шагом марш на гауптвахту!

— Осмелюсь доложить, никак не могу. Потому, согласно предписания, обязан быть здесь до шести, дожидаться смены. У пироксилина всегда должен кто-нибудь быть, а то долго ли до беды!

Инспекция поспешно удалилась рысцой в караульное помещение и там приказала послать за Швейком патруль.

Патруль отправился без особой радости.

Явившись в барак, где сидел среди пироксилина, поку-

ривая трубку, бравый солдат Швейк, младший унтер-офицер крикнул:

— Швейк, мерзавец, кидай трубку в окно и выходи наружу!

— Никак невозможно; господин полковник приказал мне курить. Так что буду курить, хоть режь на части.

— Выходи наружу, скотина!

— Никак нет, не выйду. Сейчас только четыре, а смена в шесть. До шести я должен быть при пироксилине, чтобы не случилось какой беды. Я насчет этого строго...

Он не договорил. Вы, может быть, читали о страшной катастрофе в арсенале. В какие-нибудь три четверти секунды весь арсенал взлетел на воздух.

Началось с того барака, где бравый солдат Швейк учился обращаться с пироксилином: над тем местом, где стоял этот барак, воздвигся целый курган из бревен, досок, железного лома, слетевшихся отовсюду, чтобы воздать последнюю честь бесстрашному Швейку, не боявшемуся пироксилина.

Трое суток на развалинах работали саперы, сортируя головы, туловища, руки и ноги, чтобы господу богу на страшном суде легче было разобраться в чинах погибших и соответствующим образом распределить награды. Это была настоящая головоломка.

Трое суток разбирали они и курган, возвышавшийся над Швейком, а на третью ночь, проникнув в самую глубь этой горы из бревен и железа вдруг услышали приятное пение:

И оплот миланский,
И четыре моста.
Выставляй, Пьемонт,
Посильней форпосты
Гоп, гоп, гоп!

При свете факелов они принялись копать в том направлении, откуда слышалось пение:

Я ведь вам прислал
Целый полк уланский.
Вы ж его сгубили
У ворот миланских
Гоп, гоп гоп!

Вскоре при свете факелов перед ними открылась образованная железным ломом и нагроможденными бревнами небольшая пещера, и в уголочке сидел бравый солдат Швейк. Он вынул трубку изо рта, встал во фронт и отпартовал.

— Честь имею доложить: происшествий никаких не было, все в порядке!

Его вытащили из этого дикого хаоса, и он, очутившись перед офицером, вторично рапортовал:

— Честь имею доложить: происшествий никаких не было, все в порядке. Покорно прошу прислать смену: шесть часов давно минуло. Прошу также выплатить мне суточные за то время, что я просидел под развалинами. Храбрец был единственным, уцелевшим от катастрофы.

Вечером в честь него сослуживцы устроили в офицерском клубе небольшое торжество. Бравый солдат Швейк, окруженный офицерами, опрокидывал стопку за стопкой, и добрая круглая физиономия его сияла блаженством.

На другой день ему выплатили суточные за трое суток, как на войне, а через две недели он был произведен в капитаны и награжден большой военной медалью.

Входя с этой медалью на груди и звездочками на погонах в ворота трентской казармы, он столкнулся с офицером Кноблехом. При виде почтительной добродушной физиономии бравого солдата Швейка офицер содрогнулся:

— Это ты, головорез?

— Осмелюсь доложить: так что умею теперь обращаться с пироксилином! — улыбаясь, ответил Швейк.

И гордо зашагал по двору, разыскивая свою роту.

В тот же день дежурный офицер зачитал солдатам приказ военного министерства об организации при армии воздушных частей и обращение ко всем желающим вступать в эти части.

Бравый солдат Швейк сделал шаг вперед и заявил офицеру:

— Осмелюсь доложить: как я уж побывал в воздухе и это дело мне знакомо, желаю послужить государю-императору в воздушных частях.

Через неделю бравый солдат Швейк был переведен в воздухоплавательную часть, где, как будет видно из дальнейшего, вел себя столь же благоразумно, как и в арсенале.

V. БРАВЫЙ СОЛДАТ ШВЕЙК В ВОЗДУШНОМ ФЛОТЕ

Австрия располагает тремя управляемыми дирижаблями, восемнадцатью, не поддающимися управлению, и пятью самолетами. Такова ее воздушная мощь. Бравый солдат Швейк был направлен в отделение самолетов — трудиться во славу этого нового рода оружия. Сперва он

выкатывал самолеты из ангаров на аэродром, тер металлические части скипидаром и венской известью.

Ухаживал за самолетами не за страх, а за совесть. Как для его преподобия в Тренто заботливо чистил лошадь, так и здесь усердно хлопотал вокруг машин, начищал их плоскости щеткой, словно лошадиные бока скребницей, и, в качестве разводящего, расставляя часовых у ангаров, инструктировал их:

— Летать необходимо. Так что при малейшей попытке украсть самолет, стреляйте без предупреждения!

Уже через две недели он был переведен из наземного в летный состав. Это было головокружительное повышение. Он стал летать с офицерами, как пассажир, — для нагрузки.

Бравый солдат Швейк не испытывал страха. С улыбкой поднимался он в воздух, почтительно и покорно глядел на пилота офицера и козырял ползающему далеко внизу по аэродрому начальству.

А когда им случалось упасть, разбив самолет, первым из обломков всегда вылезал бравый солдат Швейк. Помогая офицеру подняться, он рапортовал:

— Имею честь доложить: мы упали, но живы и здоровы.

Он был приятным спутником. Как-то раз ему пришлось летать с офицером Герцигом. На высоте восьмисот двадцати шести метров у них перестал работать мотор.

— Разрешите доложить: у нас вышел бензин, — послышался за спиной офицера мягкий голос Швейка. — Так что я забыл долить в бак.

И через минуту:

— Разрешите доложить: мы падаем в Дунай.

Когда же через несколько мгновений головы их вынырнули из бурных зеленых дунайских волн, бравый солдат Швейк, плывя за офицером к берегу, промолвил:

— Осмелюсь доложить: мы нынче поставили рекорд высоты.

А вот что произошло перед большим авиационным праздником на Новоместовском аэродроме близ Вены, в момент осмотра аэропланов, проверки моторов и последних приготовлений к полетам.

Поручик Герциг собирался лететь со Швейком на биплане братьев Райт, оснащенном аппаратом Мориссона, позволяющим взлетать без разбега.

На аэродроме присутствовали представители иностранных вооруженных сил.

Самолетом Герцига сильно заинтересовался майор ру-

мынской армии Грегореску: забравшись внутрь, он стал рассматривать рычаги управления.

По приказанию поручика, храбрый солдат Швейк включил мотор. Пропеллер завертелся. Швейк, сидя рядом с любознательным румынским майором, чрезвычайно внимательно регулировал трос, управляющий рулем высоты, причем производил это с такой осторожностью, что сбил головы майора фуражку.

— Швейк, осел этакий! Вы у меня полетите ко всем чертям!

— *Zum Befehl, Herr Leutnant!*¹ — воскликнул Швейк, схватив рычаг руля высоты и рычаг аппарата Мориссона, и самолет оторвался от земли, оглашая окрестность ритмичным рокотом сильного мотора.

Двадцать, сто, триста, четыреста пятьдесят метров высоты. Направление на юго-запад, к снежным вершинам Альп. Скорость — сто пятьдесят километров в час.

Бедный румынский майор не успел опомниться, как очутился над каким-то ледником, но на такой высоте, которая позволяла отчетливо различить чудесный пейзаж внизу, снежное поле, грозно и сурово зияющие пропасти.

— Что случилось? — промолвил он, заикаясь от страха.

— Честь имею доложить: летим согласно приказа, — вежливо ответил храбрый солдат Швейк. — Господин поручик сказал: «Полетите ко всем чертям». Мы и полетели.

— А где сядем? — стуча зубами, осведомился любознательный майор.

— Осмелюсь доложить: не могу знать, где сесть придется. Летим согласно приказа, а самолет вести я могу только кверху. Вниз не умею; нам с господином поручиком никогда не приходилось: наверх заберемся, а оттуда вниз всегда падаем.

Альтиметр показывал 1860 метров. Майор, судорожно вцепившись в поручни, кричал по-румынски:

— *Деу, деу, деу!*²

А храбрый солдат Швейк осторожно оперировал рулем и пел пролетая над Альпами:

Перестенек, что ты дала,
Мне носить неловко.
Что за черт! Почему?
Этим перстнем буду я
Заряжать винтовку

Слушаюсь, господин лейтенант! (*немецк.*)

² Боже боже, боже!

Майор громко молился по-румынски и страшно ругался, а в чистом холодном воздухе разносилось звонкое пение бравого солдата Швейка:

И платок, что ты дала,
Мне носить неловко.
Что за черт! Почему?
Стану чистить я в полку
Тем платком винтовку.

Под ними сверкала молния, бушевала буря.

Майор, выпучив глаза, глядел вперед.

— Будет ли этому конец? — спросил он хриплым голосом.

— А то как же, — с улыбкой ответил brave солдат Швейк. — По крайности, мы с господином поручиком всегда куда-нибудь падали.

В это время они находились где-то над Швейцарией и летели на юг.

— Немножко терпения, осмелюсь доложить, — продолжал brave солдат Швейк. — Как бензин кончится, так обязательно упадем.

— Где мы?

— Имею честь доложить: над водой летим. Пропасть воды. Видно, в море падать придется.

Майор Грегореску, лишившись чувств, защемил свое толстое брюхо между поручнями и совсем завяз в металлических конструкциях.

А над Средиземным морем разносился голос бравого солдата Швейка:

Моего совета послушай:
Побольше кнедликов кушай.
Айн, цвай...¹
Станешь ты сильный, могучий,
Недоступен пуле летучей.
Айн, цвай...
Чтобы кнедлик крупней был каждый
Головы человечьей дважды.
Айн, цвай...

Brave солдат Швейк заливался над гигантскими морскими просторами на высоте одной тысячи метров:

Зашагал наш Грневиль,
Подымая в поле пыль...

---

¹ Раз, два (немецк.)

Свежий морской ветерок привел майора в чувство. Но при виде страшной бездны и моря внизу он воскликнул:

— Деу, деу!..

И снова потерял сознание.

Они летели ночью — все вперед и вперед. Вдруг храбрый солдат Швейк потряс майора за плечо и ласково сказал ему:

— Имею честь доложить: летим вниз, но что-то медленно...

Самолет, за отсутствием бензина, спланировал на африканский континент, приземлившись возле пальмовой рощи в Триполи.

Бравый солдат Швейк помог майору выйти из кабины и, встав во фронт, отрапортовал:

— Честь имею доложить: все в порядке.

Бравый солдат Швейк поставил мировой рекорд дальности полета, перелетев через Альпы, Южную Европу, Средиземное море и приземлившись в Африке.

При виде пальм майор дал Швейку пару оплеух, которые тот принял с улыбкой, — ведь он только выполнил свою обязанность, раз поручик Герциг сказал ему: «Летите ко всем чертям».

О дальнейшем неудобно рассказывать, так как это, конечно, очень не понравилось бы военному министерству, которое категорически отрицает факт аварии австрийского самолета над территорией Триполи, — во избежание крупных международных осложнений.

МЯТЕЖ В АВСТРИЙСКОМ ФЛОТЕ

Не стану отрицать, у меня постоянные дела с полицией: соседи считают меня удалившимся на покой коммерсантом, тогда как в действительности я давно разыскиваемый мошенник.

В ресторане, где я постоянный гость, ко мне относятся с почтением, а одного полицейского комиссара, который когда-то усиленно интересовался мной, я даже ссужаю деньгами для игры в карты. В этом же ресторане бывает сыщик из политической полиции. Мы трое — я и эти двое полицейских, близкие приятели, — видимся каждый день, и у нас нет секретов друг от друга.

Недавно агент политической полиции не пришел на обычную партию в карты. На другой вечер он явился с опозданием и не в своей тарелке, чем-то расстроженный.

Он рассказал, что полиция напала на след антимили-таристического социалистически-коммунистически-анархистского заговора. Он сам произвел обыск у одного человека.

— Дело очень серьезное, господа! — повторил он и, вздохнув, продолжал: — В последнее время внимание высоких властей в Вене привлек следующий факт: в Португалии при помощи флота совершен государственный переворот. Такая же попытка имела место в Бразилии, где моряки начали с артиллерийского обстрела и продолжали в том же духе. Исходя из этого, приказано взять под наблюдение австро-венгерский флот — гордость нашей монархии. Я твердо верю, что недалек тот час, когда этот флот завоюет нам колонии на Южном полюсе, как когда-то австрийские мореплаватели открыли в Арктике Шпицберген и Землю Франца-Иосифа. Однако завоевание Южного полюса и присоединение его к Австро-Венгрии требует от нашего флота высокой дисциплины. И вот представьте себе, господа: на юге нашей монархии, у Триеста, матросы с одной канонерки... — Наш приятель склонился и продолжал шепотом: — ...ходили пить вино к трактирщику, у которого был брат, а у брата имелся приятель, который породнился с человеком, живущим в одном коридоре с социалистическим агитатором!

Сыщик персвел дух и продолжал:

— Дело в сущности очень простое: ведь тот молодой человек безусловно встречался со своим соседом, социалистическим агитатором; знаете, как это бывает, слово за слово, то да се... А потом сестра этого молодого человека... виноват, сестра того человека вышла замуж за молодого человека и тем самым породнилась с приятелем того, первого человека, виноват, я хотел сказать — с братом приятеля первого человека...

— ...к которому, — подхватил я, — ходили выпивать матросы с канонерки.

Как видите, политическая полиция до всего доберется, — подтвердил сыщик. — Итак, первый человек, поскольку сестра молодого человека вышла замуж за социалистического агитатора, теперь тесно связан с противозаконным движением, так как его приятель, чей брат породнился с первым человеком, живет в одном коридоре... э-э, нет, я, кажется, сбился. В коридоре живет не он, а приятель его брата... нет, опять не то... Извините, господа, я сегодня слишком устал и лучше завтра dokonчу эту историю.

Он пожал нам руки и ушел, все еще расстроенный. На следующий вечер он продолжал:

— Вчера, господа, я рано ушел, потому что очень утомился за день. Сегодня опишу вам дальнейшие обстоятельства этого дела... Я забыл упомянуть, что у арестованного хозяина распивочной, куда ходили матросы, было семь сыновей и один из них женился на дочери пражского привратника, с которой познакомился в Вене. Это обстоятельство играет важнейшую роль во всем деле.

У снохи арестованного есть кузен в Праге. К этому кузену мы и нагрянули с обыском, о котором я еще расскажу. Все это дело кажется страшно запутанным, но на самом деле оно проще простого: налицо злостный умысел — внести разложение в наш флот. Это видно из того, что арестованный в Праге кузен снохи арестованного трактирщика, собираясь проникнуть в военный флот, поддерживал знакомство с матросами пражского пригородного пароходства. Но я разгадал его тайные планы!

Мы обнаружили, что он втерся в доверие к капитану «Збраслава» и — представьте себе, какова дерзость! — ездил на этом судне до самой Давли. Подчеркиваю также, что он пытался подкупить рулевых на пароходах «Хухле» и «Браник» и расспрашивал у них об устройстве штурвала. Его знали все машинисты и кочегары пражского пароходства, потому что он угощал их пивом с единственной целью — выведать, как устроен пароходный винт.

А чего стоят его вопросы о численности команды на отдельных пароходах, например, на «Вышеграде» и других?! Не ясно ли, что этот человек готовился к антивоенной пропаганде в военном флоте? Зачем бы он иначе ходил в кино, где показывали хронику «Парад военноморского флота»? И почему, скажите на милость, этому подозрительному субъекту понадобилось породниться с тем самым арестованным трактирщиком... Вернее, наоборот: почему у трактирщика оказалось семь сыновей и одному из них вздумалось жениться на кузине человека, который разъезжал на судах пражского пригородного пароходства, готовясь к подрывной деятельности в военно-морском флоте? Человека, который не гнушается за литр пива выманить у рулевого на «Збраславе» тайну того, как пароход маневрирует, поворачивая то налево, то направо. Представьте же себе, что он стал бы делать, доведись ему попасть на дредноут флота его императорского величества? Уж он бы не пожалел всего своего состояния, чтобы, например, узнать, как на наших кораблях дают контрпар. Состояния у него правда, нет, но все же хватает денег угощать сигарами машинистов винтовых пароходов на Влтаве, лишь

бы они ему растолковали, как приводят в движение судовой двигатель.

Не важно, находится этот двигатель на миноносце, канонерке или пригородном пароходе «Пршемьсл». Важно то, что этот злоумышленник разлагает команду, осматривает винты и рули и даже учится плавать!

Сыщик сделал значительную паузу, вздохнул и продолжал:

— Все это мы точно установили, прежде чем арестовали этого субъекта. Двое сыщиков задержали его, как раз когда он ступил на палубу «Збраслава», чтобы отправиться в Моджаны. Заметьте, что Моджаны лежат на том же меридиане, что и австрийский морской порт Пулье... Итак, его задержали и привели в полицию. При нем оказалось три письма. Он, конечно, уверяет, что ни в чем не виноват. Но это ему не помогло; мы взяли за письма. И вы подумайте, каков негодяй! Внешне невинная торговая переписка: заказы на цыплят, масло и сушеные овощи. При этом он заявляет, что у него нет никаких родственников в Триесте, а на вопрос о местожительстве дает адрес и объясняет, как пройти, — квартира мол на третьем этаже, а на дверях нет визитной карточки. И все это так нахально, смотрит прямо в глаза, просто ужас!

Мы его для виду отпустили домой, а мне было приказано рано утром явиться к нему на квартиру с обыском. Ладно, взял я с собой еще двух сыщиков, и мы пошли. Адрес сходится, дом номер такой-то, третий этаж, дверь без визитной карточки. «Хозяина нет дома», — отвечает прислуга. «Ага, говорю я, упорхнула пташка!» Вскрываем письменный стол, забираем письма, вытаскиваем все платье из гардероба, связываем в узлы и инспектор Шпачек уже собирается их унести, как вдруг пташка возвращается в гнездо... И тут Шпачек потянул меня за рукав и говорит: «Господи боже мой! Это же не та квартира, коллеги, мы попали к судье!» Скандал! Ну, мы с извинениями ретируемся — мол ошиблись дверью — и видим, что рядом, на площадке того же этажа, обитает настоящий виновник.

Политический сыщик утер пот с лица и закончил:

— А теперь, господа, вы ясно увидите, как тяжела полицейская служба. Все наши старания пошли прахом. Изъяли мы у него корреспонденцию и продолжаем розыски сообщников. И вот как раз сегодня из Вены приходит телеграмма — дело временно прекратить будто бы на том основании, что к арестованному трактирщику не могли ходить моряки: он не трактирщик, а приказчик в овощной лавке, к тому же глухой от рождения... А тот тип, чью

корреспонденцию мы изъяли, тоже не имеет прямого отношения к делу, потому что человек, который ходил на пароходы вынюхивать, оказывается, умер десять лет назад.

Полицейский агент мрачно выпил пиво и утер усы. Мятаж во флоте австрийской империи был полностью подавлен!

МЕРТВЫЙ ИЗБИРАТЕЛЬ

Кладбищенское бюро последнее время было занято следующим событием. За четырнадцать дней до начала коммунальных выборов в канцелярию кладбищенского бюро пришла мадам Демус, вдова торговца колониальными товарами Эдуарда Демус, и пожаловалась на непорядки, существующие на кладбище: могилу своего супруга она нашла запавшей, с большой щелью и заросшей травой.

Кладбищенские сторожа действительно обнаружили на могиле Демуса большую трещину, происхождение которой они не могли никак объяснить. После посещения кладбища мадам Демус вернулась домой весьма расстроенная. И чем больше она вспоминала о своем супруге, тем больше открывала в нем хороших черт: порядочность, благородство, прямоту. Вот человек, который не терпел небрежности. Что бы он сказал, если бы увидел, в каком состоянии находится его могила!

Какой порядок был у него в магазине! И когда однажды, по ошибке, он налил вместо водки одному алкоголику уксусной кислоты, потому что бутылка оказалась не на своем месте, он отправился в комнату за магазином и остаток уксусной кислоты выпил сам до самого дна, оставив следующую записку: «Я не выношу беспорядка и потому, как честный человек, предпочитаю добровольную смерть». Письмо было написано энергичным почерком.

Это случилось пятнадцать лет тому назад, и с тех пор Демус покоится на кладбище в шестом квартале.

Мадам Демус подробно рассказала своей соседке о том, в каком состоянии она нашла могилу своего мужа.

Соседка задумалась и затем сказала:

— Не пугайтесь, сударыня, это только так говорят, такое поверье ходит, что если могила трескается, то мертвый хочет выйти на свет. Я тоже читала одну балладу о мертвом портном. А вот, говорят, в Германии один раз раскопали такую могилу, где-то в Саксонии, и не нашли погребенного в ней музыканта. Тогда вдова, его жена, поместила

в газетах объявление, чтобы он не делал глупостей и вернулся обратно, на что мертвый ей ответил, что будет ее ждать возле главной почты. Она пошла туда с сыщиками. Его арестовали, но оказалось, что это был вовсе не ее муж. Вы понимаете, голубушка, что на свете творятся такие вещи, каких не придумаете. Но вы не пугайтесь, это только поверье.

После того мадам Демус вспомнила, как когда-то давно она была однажды со своим умершим мужем в кабаре и как там один артист читал пародию на «Свадебную рубашку»¹.

От этого воспоминания у нее по спине прошел мороз, и она отправилась к соседке просить ее, чтобы она отпустила ночевать к ней свою дочь Карлу.

Соседка одолжила свою дочь так же спокойно, как одолжала керосин и прочие вещи. Карла пошла на ночлег ни жива, ни мертва от страха, так как перед этим брат сказал ей в шутку:

— Не забудьте приготовить чай с ромом, а то нечем будет угощать покойного Демуса. Он простынет с дороги.

Когда Карла пришла к Демус, то со страхом спросила ее, есть ли у нее ром. Та ответила, что есть. Всю ночь они провели без сна и ожидали всяких событий. Однако ничего особенного не случилось. Только с вечера лопнула лампа, да два или три раза затрещал шкаф. В полночь завел свою песню сверчок. На улице выла собака, и какой-то пьяница распевал: «Моя красавица Барушка»...

Они уснули только после рассвета и проснулись в полдень от стука в дверь.

Они наскоро оделись и открыли дверь. В квартиру вошли два господина и спросили господина Демус. Мадам Демус перекрестилась и стала объяснять, что ее муж умер пятнадцать лет тому назад.

— Это неважно, — сказал один из них. — Вы хорошо знаете, сударыня, что если бы он был жив, то выполнил бы свой долг. Он был искренним сторонником младочешской партии, и, безусловно, он и теперь работал бы вместе с нами и подал бы за нас свой голос. От третьего района он получит избирательную карточку, за которой мы зайдем попозже. Он, безусловно, будет голосовать вместе с нами. Вы приготовьте нам доверенность на него. Надеемся, вы не откажетесь сделать нам эту услугу. Ваш муж незадолго до своей смерти сам говорил: «Господа, если вам

---

¹ «Свадебная рубашка» — популярная в Чехословакии повесть писателя К. Я. Эрбена (1811—1870), написанная в стиле «романа ужасов».

нужно будет что-либо, обращайтесь ко мне, и я для вас сделаю все, где бы и в каком положении я ни находился. На меня вы можете положиться, а в случае моей смерти обращайтесь к моей жене...».

Они поцеловали ей руку и ушли. И в этот же день после обеда разносчик принес ей избирательную карточку для господина Демус.

— Пресвятая богородица! — воскликнула мадам Демус. — Здесь что-нибудь не так...

Она немедленно отправилась на кладбище и с ужасом обнаружила, что трещина на могиле стала еще больше. К следующей ночи она выпросила у соседки Карлу и ее младшего брата Богуслава, которые должны были у нее остаться ночевать.

Однако Богуслава они должны были прогнать, так как он всю ночь подходил к дверям, стучал и говорил: «Пожалуйста, проходите дальше, господин Демус». Затем он спрятался под кровать и издавал оттуда замогильные звуки. Мадам Демус всю ночь казалось, что кто-то ходит по лестнице, а Карла ее уверяла, что вот сейчас кто-то взялся за ручку и пытается открыть дверь.

Утром пришли те два господина, восторженно говорили о младочешской партии, забрали избирательную карточку и уверяли, что теперь они имеют полномочия на голосование от господина Демус. Они долго молили какую-то чушь, говорили о том, что, собственно, голосует сам господин Демус. Всю их речь сопровождали причитания мадам Демус:

— Пресвятая богородица, да ведь он пятнадцать лет тому назад умер. Мне страшно.

— Сударыня, — победоносно сказал один из них, пряча в портфель избирательную карточку господина Демус. — Сударыня, ничего не бойтесь, ваш супруг способствует победе тех, с которыми он всегда находился в хороших отношениях.

Они оставили мадам Демус взволнованной, и ее волнение увеличилось после того, как она после обеда вновь побывала на кладбище и убедилась, что расселина на могиле снова увеличилась.

«Это он пробивается наружу» — мелькнуло у нее в голове, и она, расстроенная, направилась домой. Придя домой, она попросила дворничиху отпустить к ней дворника переночевать. Дворник до двух часов бегал за пивом, пил без конца и к трем часам начал рассказывать такие ужасные истории о мертвецах, что у Карлы и у мадам Демус становились волосы дыбом.

Так прошла целая неделя. У дворника стал определенно краснеть нос, и весь дом по ночам отправлялся пугать мадам Демус. Всегда находился добрый человек, который самоотверженно вставал с теплой постели, шел в одном нижнем белье к дверям ее квартиры и брался за ручку. Затем произошли выборы, и в газетах напечатали, что в районе Либня¹ был задержан человек, который пытался голосовать за Эдуарда Демус, торговца, умершего пятнадцать лет тому назад. К сожалению, личность этого человека установить не удалось, так как он скрылся. Когда мадам Демус все это прочла, она стала лихорадочно креститься и плакать. С тех пор посещавшие шестой квартал либенского кладбища могли наблюдать печальную сцену. Каждый день после обеда у могилы Эдуарда Демус стояла на коленях одетая в черное женщина и плакала:

— Эдуард, раз ты уже пошел на коммунальные выборы и голосовал за господина Филиппа, тебе следовало зайти и к нам. Нехорошо это с твоей стороны, Эдуард!

ПОВЕСТЬ О ПОРТРЕТЕ ИМПЕРАТОРА ФРАНЦА-ИОСИФА

Господин Петишка держал в Младой Болеславе писчебумажный магазин. Он уважал законы и с незапамятных времен жил напротив казарм. В день рождения его величества императора, равно как и в остальные высокосторжественные праздники в честь императорской фамилии, Петишка вывешивал на своем домике черно-желтый флаг и поставлял офицерскому казино бумажные фонарики. Он сбывал портреты Франца-Иосифа в еврейские шинки младоболеславского округа и в полицейские участки. Он поставлял бы изображения императора и в школы округа, но портреты не соответствовали размерам, одобренным земским школьным советом. У земского школьного инспектора был даже однажды разговор с Петишкой.

— Весьма сожалею, господин Петишка, но вы хотите всучить нам императора намного шире и длиннее, чем это предписано постановлением земского школьного совета от двадцатого октября тысяча восемьсот девяносто первого года. Постановлением предусматривается император более скромных размеров, а именно сорок восемь сантиметров в длину и тридцать шесть сантиметров в ширину. В вашем

---

¹ Либень — район в Праге.

же императоре пятьдесят сантиметров на сорок. Вы говорите, что у вас осталось на руках свыше двух тысяч портретов нашего всемилостивейшего монарха. Но не воображайте, что вам удастся всучить такую заваль. Ваш император — это товар отвратительного качества и прескверно отпечатанный. Можно подумать, что его величество никогда не расчесывал себе бороду, на носу у него слишком много красной краски, и, наконец, он косит.

Вернувшись домой, удрученный этим разговором, Петишка сказал жене:

— Ну и влипли же мы с престарелым императором...

Все это происходило еще до войны. Короче говоря, две тысячи портретов августейшей особы так и остались лежать у господина Петишки, не находя сбыта.

Когда разразилась война, господин Петишка страшно обрадовался: наконец-то он сбудет с рук эту заваль! Он повесил в своем магазине портреты кровожадного старичка с надписью: «Продажа по общедоступным ценам! Император Франц-Иосиф I — за пятнадцать крон». Было продано шесть штук. Пять купили для казарм, чтобы эти литографированные изображения последнего Габсбурга воодушевляли резервистов в солдатских буфетах. Один портрет купил старый Шмир, владелец табачной лавочки. Этот австрийский патриот сторговал портрет за двенадцать крон и вдобавок обозвал Петишку грабителем.

Однако война шла, а на императора по-прежнему не было спроса, хотя господин Петишка обращался и к газетной рекламе. Он напечатал объявление в газетах «Народни политика» и «Глас народа».

«В нынешние суровые времена в каждом чешском доме должен висеть портрет нашего многострадального императора стоимостью в пятнадцать крон».

Но вместо заказов господин Петишка получил приглашение явиться в окружную управу, где ему предложили впредь воздерживаться в объявлениях от слов: «тяжелые времена» и «многострадальный», а вместо них, во избежание неприятностей, употреблять слова: «славные времена» и «победоносный». Тогда Петишка напечатал в газетах такой текст:

«В эти славные времена в каждом чешском доме должен висеть портрет победоносного монарха стоимостью в пятнадцать крон».

Но и это ни к чему не привело.

Он получил только несколько непристойных писем, в которых неизвестные авторы настоятельно советовали ему повесить портрет в такое место, куда императору пола-

гается ходить пешком. Мало того, Петишку снова вызвали в окружную управу, где чиновник порекомендовал ему следить за сводками императорской ставки и сообразоваться с ними, составляя свои объявления.

— Русские в Венгрии, они взяли Львов и стоят под Перемышлем. Все это никак нельзя назвать славными временами, господин Петишка. Это похоже на шутку, насмешку, иронию. Как бы вам за такие объявления не пришлось отвечать перед военным судом!

Господин Петишка пообещал быть внимательнее и составил следующее объявление: «Пятнадцать крон охотно пожертвует каждый чех, чтобы иметь возможность повесить у себя в доме нашего престарелого монарха». В местной прессе это объявление печатать отказались.

— Господь с вами,— сказал Петишке один владелец газеты, — не хотите же вы, чтобы нас всех расстреляли!

Петишка вернулся домой вконец расстроенный. В чуланчике за магазином валялись пачки портретов императора. Господин Петишка пнул их ногой и сам испугался своего поступка. Он боязливо поглядел вокруг и успокоился только тогда, когда убедился, что никто этого не видел. Погруженный в свои мысли, он стал смахивать пыль с пачек и обнаружил, что некоторые из них покрылись плесенью. Тут же в чулане сидел черный кот. Нетрудно было догадаться, кто развел эту сырость.

Кот замурлыкал, явно желая отвести от себя подозрения. Тогда господин Петишка швырнул в государственного изменника метлой и заставил его замолчать. Ворвавшись к себе в квартиру, он накинулся на жену:

— Проклятого кота надо вышвырнуть вон! Кто же захочет купить императора, которого загадила эта бессовестная тварь! Император в плесени! Придется его сушить, чтоб ему провалиться!

После обеда господин Петишка немного поспал, пока жена сидела в магазине, но сон не принес ему облегчения. Ему приснилось, что за черным котом пришли жандармы и их обоих ведут под конвоем в военный суд. Потом приснилось, что его с котом приговорили к смертной казни через повешение и кота уже собираются вздернуть, а он, Петишка, в присутствии судьи, ругается самыми последними словами. Он и в самом деле закричал, но, к счастью, проснулся и увидел возле себя жену.

— Ради бога, перестань, что ты такое говоришь? — взмолилась она. — Кто-нибудь еще услышит...

И расстроенная женщина рассказала, что она пыталась просушить императора в садике, но какие-то стервецы-

мальчишки стали швырять в портрет камнями и превратили его в настоящее решето.

Обнаружились и другие убытки. На один из императорских портретов, выставленных на лужок сушиться, уселись куры и оставили на нем содержимое своих желудков, выкрасив бороду императора в зеленый цвет. Два портрета пытался сожрать сербернар мясника Голечки, неискушенный щенок, никогда не слыхавший о § 63 Уложения о наказаниях. Видимо, у щенка это было в крови: его мать год назад угодила на живодерню за то, что сожрала на плацу знамя 36-го полка.

Господин Петишка пришел в отчаяние. Вечером в винном погребке он то и дело заводил разговор об удешевленных ценах и о своих затруднениях с императором, в общем из его речи следовало, что если венское правительство не доверяет чехам, то только потому, что они не покупают у фирмы Франтишек Петишка в Младой Болеславе портретов монарха стоимостью в пятнадцать крон.

— Не дорожитесь, — сказал ему хозяин погребка на прощанье, — нынче плохие времена. Горейшек продает паровую молотилку на триста крон дешевле, чем в прошлом году, то же самое надо сделать и с императором.

Придя домой, господин Петишка заготовил следующий плакат для своей витрины: «Ввиду экономического кризиса продается большая партия художественно выполненных портретов императора вместо пятнадцати крон по десять крон за штуку».

Но в магазине было по-прежнему пусто. Знакомый виноторговец поинтересовался, как идут дела с императором.

— Печально, — ответил господин Петишка, — его никто не спрашивает.

— Мой вам совет, — таинственно сказал виноторговец, пока не поздно, постарайтесь сбыть его по любой цене.

— Подожду еще, — отвечал господин Петишка.

И на портреты продолжал садиться негодный черный кот. Не прошло и полутора лет, как вся кипа портретов императора покрылась плесенью до самого основания. Австрийцы уезжали из Чехии, положение в Австрии было из рук вон скверное.

Тогда господин Петишка взял карандаш и бумагу и подсчитал, что разбогатеть он все равно не разбогатеет, но, если продавать императора по две кроны, он все же заработает на каждом экземпляре по кроне.

И он изготовил соответствующую рекламу — вывесил

в витрине портрет, написав под ним: «Продается старец монарх со скидкой: вместо пятнадцати за две кроны».

Вся Млада Болеслава перебивала в этот день у магазина Петишки, чтобы убедиться, как катастрофически упали акции Габсбургской династии.

А ночью за Петишкой пришли жандармы, и все быстро кончилось. Магазин закрыли, господина Петишку арестовали и судили военным судом за нарушение общественной тишины и спокойствия. Общество ветеранов на чрезвычайном собрании исключило его из числа своих членов.

Господина Петишку приговорили к тридцати месяцам строгого заключения. Ему следовало бы дать пять лет, но участь его облегчило то обстоятельство, что он когда-то сражался за Австрию под Кустоуцей. Высочайшие портреты хранятся в депозите военного суда в Терезине и ждут часа своего освобождения, когда после распада австрийской монархии какой-нибудь предприимчивый бакалейщик станет завертывать в них селедку.

УШИ СВЯТОГО МАРТИНА ИЛЬДЕФОНСКОГО

В середине шестнадцатого столетия в Толедо, в Испании, произошло следующее событие.

Братство св. Антония, бывшее главной опорой инквизиции, к своему ужасу неожиданно обнаружило, что по всему Толедо распространяется беггардизм, особое еретическое учение, проповедывавшееся досточтимым Мартином Барбарелло, сожженным за это учение на костре святой инквизицией. Само собой разумеется, что прежде чем сжечь его, святые отцы раздробили ему все кости на лестнице для пыток, которую изобрел папа Иоанн IV. Это орудие пытки состояло из целого ряда отдельных остроумных приспособлений, развинчивая и свинчивая которые и постепенно разжимая и сжимая их, можно было медленно разрывать или сжимать тело, дробить кости и суставы еретиков, причем каждое из этих интересных приспособлений носило свое собственное название: например, голень св. Иосифа, скула божьей матери, ребра св. Петра и пр. Каждое такое приспособление имело свое определенное назначение. Если скажем, главный инквизитор просил принести «набивалку св. Валентина», можно было с уверенностью сказать, что еретика, для совершенного изгнания дьявола из его грешного тела, будут медленно превращать в колбасу.

Братство св. Антония действительно находилось в большом затруднении, так как беггарды начинали совершенно

открыто чествовать память разрубленного на куски и сожженного Мартина Барбарелло. Казалось, что весь город Толедо дал обет принять мучения святой инквизиции во имя беггардийского бакалавра.

Святая церковь с помощью своей инквизиции сжигала, вешала, топила, четвертовала, душила, колесовала, сажала на кол, подвешивала на крючья, вырывала языки толедцев, но ничто не помогало. Они отказывались от католицизма и мужественно исповедовали учение Мартина Барбарелло.

Поэтому братство св. Антония сочло необходимым обратиться за советом к преподобным отцам францисканского монастыря Великой черной св. Маргариты, чья икона, находившаяся в севильском соборе, прославилась тем, что на нарисованных ногах великомученицы каплями выступал пот. Этот пот за недорогую плату слизывали потом верующие паломники. Так как вся выручка от продажи пота шла в кассу севильского архиепископа, то впоследствии в связи с этим возникла шуточная испанская поговорка: «Полижи, архиепископ, себе ногу!»

Братия монастыря Великой черной св. Маргариты никогда не могла простить этого чуда севильскому собору. Собственно идея с потением ног исходила от них и была личным изобретением члена их ордена Доминика, который все приспособление для вызывания пота позорно продал в Севилью, за что его заживо замуровали в монастырскую стену. А чтобы как-нибудь себя развеселить, аббат монастыря замуровал вместе с ним и большого дикого кота. Ах, как смеялись потом монахи, когда, собравшись вечером в трапезной, они строили догадки о времяпровождении отца Доминика в обществе черного дикого кота.

А однажды, когда аббат шуточно заметил, что кот наверное читает ему молитвенник, они так смеялись, что монах Доминиканиус из монастыря св. Ипполита лопнул от смеха, и у него из живота вывалились внутренности.

Все сказанное свидетельствует о чрезвычайной изворотливости францисканцев монастыря Великой черной св. Маргариты. Действительно, они приобрели большой опыт в борьбе с еретиками и всегда быстро принимали решения. Поэтому-то к ним в затруднительных случаях обращались за советом даже главные инквизиторы.

Собственно говоря, за советом шли к аббату Фернандо, пользовавшемуся за свои заслуги перед святой церковью наибольшим уважением. Он был автором знаменитой книги «Шестьдесят способов, как изгнать дьявола при помощи воды». Кроме того, уже около десяти лет поль-

зуются его способом свежевания гугенотов, беггардов, кальвинистов* и евреев. Не менее он прославился своим сочинением, правда, более теоретического характера, в котором доказывал, что при пытках еретиков дьявол всегда выходит из тела через левое ухо, ибо по собственному опыту аббат убедился, что череп всегда лопается в этом месте. Поэтому он предлагал при пытках употреблять завинчивающийся цилиндр св. Эмериха, устраняющий этот недостаток. Кроме того, он был известен не только как автор духовных сочинений, но и как никем не превзойденный администратор и работник в области экономики и хозяйства монастыря. За два года он сделал для своего монастыря больше, чем мог бы сделать самый хороший аббат за десять лет. Недалеко от монастыря в пещере он организовал явление св. Цецилии, для чего воспользовался глупой пастушкой, с которой монахи часто занимались амурными делами.

По другую сторону монастыря он выкопал чудодейственный колодец св. Иллариона, для продажи воды из которого потребовалось наладить производство глиняных кувшинов. Вода эта потом прославилась на всю Испанию, и за ней приходили паломники даже с Пиренеев.

Вскоре оказалось, что колодец, дававший в день не более двадцати пинт воды, не может удовлетворить потребности всех паломников.

Поэтому аббат Фернандо приказал провести канал от недалеко протекавшей речки Мирбы, куда многочисленные пилигримы сбрасывали нечистоты. Канал вел во двор монастыря, где был устроен большой водоем. Из этого водоема затем было проведено два канала: один в чудодейственный колодец, а другой в монастырскую уборную. Это была первая попытка в испанском королевстве ввести канализацию. Таким образом, колодец св. Иллариона оказался своеобразным филиалом монастырской уборной.

Доходы от продажи чудодейственной воды первое время намного превышали доходы с пещеры, где явилась св. Цецилия, но благодаря промыслу божию случилось новое чудо: глупая пастушка родила мальчика с шестью пальцами на ногах и руках, точь-в-точь как у монаха Оне-сифона из монастыря Великой черной св. Маргариты.

Чудо о мальчике с шестью пальцами, родившемся от святого духа, распространилось с быстротой молнии по всей Испании.

После этого в Толедо поймали еврея, притащили его к пещере и торжественно сожгли в честь св. Цецилии.

На это интересное зрелище приезжала посмотреть даже сама королева с маленьким инфантом, который хлопал в ладоши и даже изволил подложить немного хворосту на костер.

Затем к ребенку, рожденному от святого духа, привели мавра, который сорвался с виселицы. Его приговорили к повешению за то, что он, желая опозорить христианство, ежедневно, став лицом на восток, произносил слово «Христос» наоборот: «сотсирх, сотсирх, сотсирх». Мавр все время оправдывался тем, что он выкрикивал по-арабски первое слово шестнадцатого стиха алкорана *, которое в переводе означает: «верую, верую, верую».

У пещеры св. Цецилии его должны были посадить на кол, но, увидев малыша, рожденного от святого духа, он неожиданно разрыдался на всю округу.

Святой ребенок ему улыбнулся и вцепился руками в его черную бороду. Мавр испугался и заявил, что он не позволит посадить себя на кол прежде чем не примет христианство. Это желание его было исполнено, после чего его посадили на кол уже с святым распятием в руке.

Таким образом, торговые дела монастыря процветали, и жилось в нем настолько хорошо, что туда два раза в неделю навещался главный инквизитор Альмано де Базза.

Он привозил с собой несколько молодых девиц, обвиняемых в колдовстве и в сношениях с дьяволом.

Главный инквизитор применял на практике идеи до-стопочтимого аббата Фернандо, который утверждал, что, если колдунью раздеть донага и оставить в монастырской ризнице на всю ночь с монахом, у которого будет висеть на шее амулет св. Парамония, то из нее выйдет дьявол, так как он не перенесет присутствия тонзуры, амулета и монастырской обстановки. Благодаря этим мерам много колдуний избежали костра и были возвращены в лоно церкви. Колдуний, из которых вышел дьявол, монахи оставляли в монастыре для работы по хозяйству и главным образом для доения коров.

Итак, к этому аббату Фернандо решило обратиться братство св. Антония.

Когда прибыла депутация этого братства, во главе с заместителем толедского градоначальника грандом Мануэло Фаненас Эльквадала, главный инквизитор и аббат Фернандо сидели в трапезной, расписанной кистью старинного испанского художника.

В этом большом помещении, предназначенном исключительно для утоления голода монахов, стены были украшены живописью; рассматривая ее, францисканские монахи

всегда думали о том блаженстве, которое предоставляет им по своей доброте не забывающий их господь бог.

На стенах было изображено, как бог бросает с неба целые окорока, жареных цыплят, колбасы, форелей из Невады, самых вкусных морских крабов из Бийского залива. И все это подбирают францисканские монахи. Бог, видимо, всячески о них заботится. Вот в капкан попала серна, и для того чтобы она не протухла, два ангелочка-херувимчика непрестанно дуют ей в зад. Кроме того, весьма многозначительная картина написана перед входом в трапезную: бог посылает своих ангелов для поддержания огня в очаге, где жарится на вертеле дикий кабан. Маленький мускулистый ангел все время поворачивает этот вертел, а внизу поучительный латинский стих: «Огонь — радость верующих и горе еретиков».

Итак, в эту трапезную пришла депутация просить совета как бороться с распространением еретических учений Мартина Барбарелло.

Я сказал, что в трапезной сидели двое — это правда, но, кроме них, там был еще третий, к сожалению, не сидевший, а уже лежавший в углу, свернувшись, как огромный пес, которых в то время разводили при дворце королевы Аррагонской. Это был отец-эконом, который не мог выдержать общества и особенно времяпровождения аббата и главного инквизитора и свалился. Но те еще нашли в себе силы встать и приветствовать депутацию братства св. Антония, после чего все сели, перекрестились и воскликнули: «Да здравствует святой Антоний!».

Подкрепившись вином Биро, прозванным в шутку за свой красный цвет и густоту еретической кровью, они приступили к дебатам о том, как вернее отбить охоту у еретиков почитать память Мартина Барбарелло.

Древний кастильский стих, сказал гранд Мануэло Фаненас, — говорит, что в Севилье самый большой, в Толедо самый богатый, а в Компостле самый красивый костел. Теперь, однако, стих можно изменить так: в Севилье меньше, а в Толедо больше еретиков.

— Хорошо же, сердито сказал главный инквизитор Альмано де Базза, вы знаете, что я делал все, что было в моих силах. Я организовал уже три Варфоломеевские ночи; я разрешил королевским мушкетерам присутствовать на майском торжестве, насадив на пики детей тех, кто следует учению Мартина Барбарелло. Что же нам еще делать? Вы сами хорошо знаете, что было бы совершенно излишне устраивать четвертую Варфоломеевскую ночь в Толедо. Если в последнюю Варфоломеевскую ночь

мы убили не больше двадцати еретиков, то теперь мои солдаты не убили бы ни одного последователя проклятого Мартина Барбарелло, так как и они, мои солдаты, сами исповедуют учение этого проклятого еретика. Теперь уже не то, что было пять-шесть лет тому назад! Солдаты св. инквизиции сделались еретиками! Подумайте, до чего мы дошли! Это между нами, конечно. Недавно в застенок попал один еретик, который учил, что земля шарообразна и что она вертится. Его должны были подвергнуть шестистепенной пытке, чтобы он признался в сношениях с дьяволом. Прихожу это я в подвал и вижу: вместо того, чтобы орать благим матом на лестнице пыток, сей муж сидит себе с палачом и с палачевыми помощниками-негодьями на куче испанских сапог, они спокойно попивают чистый *spiritus vini* и при этом рассказывают друг другу анекдоты из жизни двора королевы Изабеллы Католической. А на пергаменте уже было написано, что бакалавр отказался от своего учения о шарообразности земли и признался, что эту мысль нашептал ему дьявол, что он признает католическую веру и так далее. Причем присутствующий при этом писарь инквизиционного суда, который, кстати сказать, был совершенно пьян, приписал еще примечание, что этот бакалавр по милости божьей выдержал всю шестистепенную пытку, что все раны при этом чудесно зажили, и что он видел собственными глазами, как ангелы снимали его с лестницы. А палач и его бездельники были настолько дерзки, что утверждали, будто писарь ошибается: — не два, мол, ангела снимали с лестницы бакалавра, а три, и четвертый ангел играл с двумя испанскими сапогами.

— Как видите, — продолжал главный инквизитор, — я оказался в идиотском положении, и мне ничего не оставалось как только назначить этого мерзавца бакалавра викарием храма св. Онуфрия Саламанского. Вы ведь знаете, что, кроме главного инквизитора, я еще по совместительству архиепископ, — поэтому должен быть политиком и дипломатом. Я пришел к тому заключению, что сожжение, раздробление костей, четвертование, вешанье и прочее — все это бывает полезно от случая к случаю, потому что взгляды и положения с течением времени меняются. Мы никогда не могли себе ни представить, ни предположить, что настанет время, когда палач с человеком, предназначенным к пыткам, станут пить *spiritus vini*. Раньше вы вешали еретиков, а теперь, если дело пойдет так и дальше, начнут вешать нас.

Отец-эконом, свернувшийся клубком на полу, что-то бормотал во сне: «Вместо кусков мраморной стены дайте

оленьего мяса, нашпигованного салом аррагонских поросят».

— Мы находимся в упадке,— задумчиво сказал главный инквизитор.

Аббат Фернандо добродушно улыбнулся.

— Не стоит на это обращать серьезного внимания, мои дорогие. Если культ Мартина Барбарелло имеет такой большой успех, то исключительно по нашей вине. Почему мы до сих пор не дали народу какого-либо святого, который стал бы популярным в широком смысле этого слова?

— Советом нашего братства святого Антония,— сказал председатель Сан-Яго и братства де-Лос Рейес Навос по этому вопросу уже вынесено решение— обратиться к вам, святой отец Фернандо, с просьбой, чтобы ваша милость дала испанскому королевству нового святого.

Аббат Фернандо осушил большую глиняную кружку вина Биро, на которой с одной стороны были выжжены следующие слова: «Господи боже, отче небесный, благовослови нам дары, что по твоей щедрости мы принимаем», а на другой стороне был вылеплен барельеф кастильской крестьянки в бесстыдной позе.

Аббат Фернандо, поглаживая изображение нагой крестьянки, смело спросил гранда Мануэло Фаненас Элквдала:

— Вам, мои дорогие, желательно нового святого с легендой или без легенды?

Депутация ордена св. Антония единогласно ответила:

— С легендой, ваше преподобие.

— Хорошо,— сказал аббат,— через неделю у вас будет новый святой с легендой, но я надеюсь, что гранд Эльквдала подарит мне кое-какие угодья с лесами Марены.

— Безусловно, ваше преподобие, клянусь богом,— ответил гранд,— кроме того, я прибавлю вам двух мавританских рабынь, весьма искусных в делах любви.

— Я просил бы,— сказал главный инквизитор,— чтобы досточтимый аббат назвал нового святого также Мартином для гого, чтобы заменить Мартина Барбарелло и этим облегчить борьбу с беггардийской сворой.

Аббат Фернандо честно исполнил свое обещание. В летописях города Толедо он нашел сообщение о том, что в 1490 году в Гренаде, после того как город был отнят у мавров королевой Изабеллой Католической, жил архиепископский писарь Мартин из Ильдефонса, который в Севилье обокрал церковь св. Якова и дароносицу продал евреям. Он был судим королевским судом в Толедо и при-

сужден к отрезанию ушей и утоплению в реке Тахо, в которую его, зашитого в овечью шкуру, политого смолой и зажженного, бросили с моста. Таким образом Мартин Ильдефонский плыл по реке в полной своей славе при свете горящей смолы, которая создавала вокруг него своеобразный ореол.

В общем это был человек, житием которого можно было великолепно манипулировать, а его самого выдать за святого. Досточтимый аббат Фернандо немедленно же написал главному инквизитору, чтобы тот послал ему пару свежеотрезанных человеческих ушей.

В это время в Толедо в заключении у св. инквизиции находилась одна дама Инесса Ладро, обвинявшаяся в том, что она научила говорить своего кота, который потом без всякой надобности произносил имя божие.

Кот мужественно перенес все пытки, собственно они не были значительны, так как для пытки кота инквизиция не имела соответствующих приспособлений. Палач отрубил ему хвост, на этом и успокоился. Кот, однако, ни в чем не признался и даже для того, чтобы спрятать концы в воду, удрал из заточения.

Затем госпожа Инесса Ладро под пытками призналась, что кот не переносил крестного знамения, что он был желтый, короткошерстый и однажды, ловя мух, опрокинул на себя бутылку со святой водой. После этого кот, страшно фыркая, выбил окно и убежал. Вернулся он на другой день в полночь, но уже черным и длинношерстным. Из его глаз вылетал огонь, а во рту дымилась сера, причем он громко с кастильским акцентом кричал: «Будь проклят Христос!».

Подвергнутая новым пыткам, Инесса Ладро это свое показание дополнила следующим:

Кот питался исключительно святым причастием, которое она по его приказанию ежедневно раздобывала во всех церквах Толедо. Затем она призналась, что в течение нескольких лет в великую пятницу и субботу совершала с котом грех прелюбодеяния. Кот знал несколько латинских молитв, причем после каждого слова мяукал. Когда он был в хорошем настроении, то рассказывал ей, будто он происходит из поколения узурласских дьяволов и хвастался, что во время бегства святого Иосифа и божьей матери из Вифлеема он всыпал в нос Иисусу щепотку нюхательного табаку, по каковой причине святой младенец всю ночь чихал.

Одним словом, достопочтенный аббат Фернандо получил от главного инквизитора пару отрезанных ушей гос-

пожи Инессы Ладро, признавшей, что в течение десяти лет она жила с самим дьяволом Узурлассом.

Главный инквизитор впоследствии рассказывал, что в тот день, когда госпожу Инессу должны были сжечь на костре перед собором, он видел в своей спальне большого черного кота с отрубленным хвостом. Он подошел к кресту, поспешил к нему и исчез, оставив после себя запах серы.

Получив уши, аббат Фернандо уложил их пока в церковную чашу, залив на время вином и алоевым соком. Затем он приказал объявить во всех церквях, жилищах, кабаках и домах терпимости, что бог в своей бесконечной доброте еще не забыл Толедо, несмотря на то, что город предался блуду и совращенные беггардийскими еретиками толедцы уже перестали верить в чудеса. Милосердный бог делает последнюю попытку спасти грешный город и вывести его на путь спасения. Бог посылает толедцам в знак отпущения их грехов чудо св. Мартина Ильдефонского, утопленного в Тахо за то, что он не выдал королю тайны исповеди его жены королевы Изабеллы Католической. Объявляется всем гражданам, что в течение тридцати дней во всех соборах будут совершаться торжественные богослужения, во время которых лучшие проповедники будут говорить о великом чуде св. Мартина Ильдефонского, жертве тайной исповеди, мученике, чьи отрезанные уши были найдены на том же месте, в реке Тахо, куда, зашитый в овечью шкуру, был брошен святой угодник. Уже в те времена, при жизни и после смерти святого, среди богобоязненного народа шла молва о том, что настанут дни, когда святая церковь придет в упадок, и тогда объявятся мощи св. Мартина Ильдефонского. Монах Джоагомез, из монастыря Великой черной св. Маргариты, собираясь ловить рыбу для своего бедного монастыря, видел чудесный сон. Во сне к нему явился архангел Гавриил и сказал: «Иди ловить рыбу в речку Тахо, под мост св. Квераторо. Бог осчастливит твои сети чудесным уловом. Ты из воды вытащишь уши св. мученика Мартина Ильдефонского, которому бог судил услышать исповедь королевы Изабеллы, пострадать, а ушам остаться нетленными».

Эта легенда, так мастерски распространенная достойными аббатами Фернандо, понравилась толедцам, которым давно надоели дела с лестницами пыток и другими чудесными приманками святой инквизиции.

В тот же вечер, когда легенда получила гласность, по улицам Толедо потянулись толпы фанатиков, кричавших: — «Да здравствует св. Мартин Ильдефонский, исповедник королевы Изабеллы Католической!»

Эти крики продолжались до поздней ночи.

В одном месте к толпе вышел монах из братства св. Якова и произнес речь в том духе, что король Фердинанд, который двести лет тому назад, во время войны с маврами, отрезал уши св. Мартину Ильдефонскому, был тайным последователем еретического учения альбитойцев* и беггардов. Затем он тонко намекнул, что не мешало бы устроить маленькую Варфоломеевскую ночь для еретиков и евреев. Этот его намек был прекрасно понят и с необычайным рвением приведен толпой в исполнение; правда, верующие больше обращали внимание на еврейские магазины, чем на беггардов. Так, долго можно было наблюдать, как Христово воинство растаскивало перины из еврейских домов с криками: «Да здравствуют уши святого Мартина Ильдефонского!». А на другой день (это было как раз в праздник Успенья) общими усилиями братства св. Антония, св. Якова и де-Лос Ревер Навос, вместе с монастырем Великой черной св. Маргариты, организовали торжественную процессию по городу Толедо. Под особым балдахином впереди всех шел главный инквизитор с его преподобием аббатом Фернандо, и каждый из них нес на бархатной подушке белое ухо госпожи Инессы Ладро, причем монахи монастыря Великой черной св. Маргариты пели следующий стих:

О преподобный, душелюбящий, святой Мартин Ильдефонский,
Мученик за святую исповедь! Мы клянемся страданием
Твоих святейших ушей и болезнями твоими.
Обмой в своей крови грешников всего мира.
Ради твоих нетленных ушей помилуй нас!

Так возникла легенда о святом Мартине Ильдефонском, которая затмила собой культ замученного Мартина Барбарелло. Его уши до сих пор находятся в толедском кафедральном соборе, а его память празднуется 11 сентября.

Пока испанский закон о наказаниях допускал перед ссылкой на галеры уличенным в воровстве и грабежах отрезать уши, толедский собор всегда на 11 сентября получал сотни нетленных ушей святого Мартина Ильдефонского. После отмены указанного закона толедский кафедральный собор стал получать уши непосредственно из университетской клиники.

ЧАГАН-КУРЕНСКИЙ РАССКАЗ

У монгола Сакаджи, из племени халхасов в Чаган-Курене, было пять верблюдов, двенадцать лошадей, восемнадцать волов и пятнадцать баранов. Был у него также свой бог: Уисон-Тамбу. Он стоял у него перед кибиткой на деревянной подставке. У бога была пьяная рожа. По обе стороны от истукана стояли два маленьких истуканчика с высунутыми в знак почтения языками. Однажды с севера пришла большая вода и унесла бога Уисон-Тамбу, двух верблюдов, трех лошадей, пять волов и четырех баранов.

Сакаджа остался на некоторое время без бога. И прекрасно обходился без него, сам съедая чашку жареного пшена, которую до этого ежедневно приносил в жертву Уисон-Тамбе. Прежде ее съедал старичок лама, нищенствующий священнослужитель Уисон-Тамбы, ходивший по кибиткам и кравший у господ бога пшено, пользуясь при этом всеобщим уважением.

В то время по Чаган-Курену странствовал миссионер Пике. В одежде монгольского пастуха, с золотой шишечкой на шапке, он ездил по долине реки Пага-Гол, проповедуя католическую веру и страдая от насекомых под названием «ту-лакци», то есть красных вшей, сильно докучавших ему в его миссионерских трудах.

При этом он принимал от всех, кому проповедовал новое учение, не только сапеки — мелкую монету грубой чеканки, но и унции серебра; кроме того, вел бойкую меновую торговлю, приобретая собольи шкурки по поручению крупных торговцев в Пекине, и выполнял функции «яочанг-ти», то есть «вымогателя налогов».

На доходы от молитв он откупал долги пастухов в этом богатом травой крае и на основании императорских законов наживал проценты с процентов, а также весьма успешно занимался всевозможными интригами, умело сочетая их с истинной верой и западными молитвами.

В то время как самым крупным хищникам, грабившим монгольский народ, не удавалось содрать со своих жертв более трехсот процентов, достопочтенный отец Пике брал не меньше пятисот процентов, так как, кроме долговых обязательств, пускал в ход и нового бога, во славу которого звенело серебро.

Он отличался необычайным красноречием. За несколько лет перед тем в стране Ортушев на него напали разбойники. Достопочтенный отец Пике обратил их в христианство и обобрал до последней сапеки, собственноручно повесив на шею каждому медный крестик. С тех пор ортуш-

ские разбойники стали нападать на караваны во имя нового бога.

Позже, когда миссионер Пике, покинув долину реки Пага-гол, перенес свою деятельность в страну халхасов, торговые операции его пошли менее удачно. Он вернулся бы на прежнее место, если бы река, разлившись, не отрезала его от страны обетованной, принудив остаться там, где уже до его прихода царила бешеная конкуренция между служителями культа. Китайские священники и ламы из Сок-по-ми обчистили страну на год вперед, и в ней, кажется, не осталось кибитки, где можно было бы получить хоть сапеку. Только в скрытой холмами долине Гобиль-хану не появлялись посланцы бога Фо и бога Самчимичебату. Там-то как раз и жил Сакаджа — без бога.

Когда в эту долину явился достопочтенный отец Пике, гостеприимный Сакаджа пригласил его к себе в кибитку и угостил чаем с овсяными лепешками, печенными в золе.

Храни тебя бог, — сказал миссионер, утолив голод. — Пошли он тебе мира и счастья.

— У меня нет бога, — ответил Сакаджа. — Мой бог Уисон-Тамбу уплыл от меня в период дождей. Но я продам коней и куплю себе в Голубом городе нового бога.

— Сын мой, — возразил отец Пике. — Уисон-Тамба не был истинным богом, и потому его унесла вода. Так повелел всевышний, предвечный и всемогущий. Но без бога тебе быть нельзя, и ты поступишь правильно, если продашь не одного, а трех коней и приобретешь бога, втрое более могущественного, чем Уисон-Тамба, ибо предвечному угодны такие жертвы.

И долго, до поздней ночи, пока на озере не крикнула ночная птица юэн, беседовал достопочтенный отец Пике с Сакаджей о презрении к суете мирской.

Когда же они утром встали с верблюжьих войлочных подстилок и Сакаджа совершил преклонение перед Прастарым, то есть Солнцем, отец Пике начал так:

Сын мой милый, ты вчера говорил мне, что у тебя после наводнения осталось девять коней. Какой тебе толк от этих девяти коней, если ты не имеешь смирения и усердия к единому истинному богу, пославшему тебе знамение и предостережение в виде наводнения, которое унесло ложного бога? Будь у тебя хоть тысяча коней, какой в этом толк, если нет над тобой милости божьей. Но у тебя только девять коней. Продай их, сын мой, и полученное серебро вручи мне. Ибо суетно алкать призрачного богатства. Отврати сердце свое от любви к мирскому, прилепись душой к вещам невидимым и готовься со своими конями в дорогу

Я поеду с тобой в Голубой город и сам обращу их в наличные, чтобы удержать тебя от греха суетности.

Продав в городе коней, отец Пике сунул деньги к себе в пояс, и Сакаджа, по возвращении, попросил его поставить нового бога на пустой столб.

— Еще не время, сын мой, — возразил почтенный муж. — Ибо ты еще потакаешь своим мирским желанием и держишь трех верблюдов. Собирайся завтра в дорогу, ибо я продам их, милый сын мой. Пусть не насыщается око твое их лицемерием и не наполняется слух звуками их шагов.

И продали они верблюдов в Голубом городе; и ответил, пряча унции серебра к себе в пояс, отец Пике Сакадже на вопрос о том, поставит ли он ему бога на пустой столб:

— Воздержись от чрезмерного любопытства, ибо этим можно прогневить бога. Знай, милый сын мой, что еще не пришло время: ведь ты хвалился в харчевне «Трех совершенств», что держишь еще тринадцать волов. А ведь самые прекрасные вола — суета и тщеславие. Ты холишь их, пася в степи и невоздержанно стремясь к тому, чтобы они тучнели и благоденствовали. В душе твоей дремлет столько низменных влечений, что тебе необходимо покаяться. Покаяние примирит тебя с богом. Не возлагай надежд на предметы земные, милый сын мой. Продай волов своих, ибо кто питает истинную любовь к богу, тот равнодушен ко всем житейским радостям.

И продал он волов, и осталось у Сакаджи только одиннадцать баранов.

— Я крещу тебя, милый сын мой, — сказал торжественно отец Пике, — и, как только мы съедим этих баранов, пойду дальше проповедовать истинную веру.

Сакаджа был окрещен, и они стали каждый день кушать баранину, беседуя о новом учении.

— Святой отец, — сказал как-то раз Сакаджа, указывая на деревянный крест, сделанный отцом Пике после обряда крещения и установленный им на пустом столбе. — Ты говоришь, что это только знамение, которое ты, как посланник божий, поставил мне на столб. Я — великий грешник, и мне мало этих двух сколоченных крест-накрест досок. Мне бы хотелось, чтоб ты остался у меня навсегда, как посланник божий. Чтобы в доме моем было побольше этой новой веры.

— Это невозможно, сын мой: южные страны Хиа-хо-по и У-фу-тьен до сих пор лишены радостей правой веры.

— Святой отец, — печально промолвил Сакаджа. —

Я не могу жить без тебя. Мало мне бога только на столбе. Надо, чтоб возле меня был хоть ты — его посланник.

Ночью, когда достопочтенный отец Пике уснул, благочестивый Сакаджа задушил его и зарыл перед своей кибиткой, под столбом со знаменем новой веры, озарившей его монгольскую душу. В поясе достопочтенного отца Пике он нашел в пять раз больше унций серебра, чем тот вынул за его верблюдов, волов и коней.

И на каждой из этих унций почилась благодать божья.

Благочестивый Сакаджа накопил в пять раз больше верблюдов, коней и скота, чем имел до прихода достопочтенного отца Пике. Он спокойно сидел у столба, под которым зарыл посланника божьего, чтобы тот был под рукой, отменно толстел, приняв новую веру, и давил на себе вшей, чего не делал прежде, когда верил в переселение душ.

Одного только не мог он понять. Почему миссионер, приехавший к нему через год после погребения достопочтенного отца Пике под столбом, так быстро поспешил на юг, когда Сакаджа, сияя от радости, вышел ему навстречу со словами:

— Услышь мою просьбу, святой отец: войди ко мне в кибитку. У меня под этим вот столбом уже есть один посланник божий.

Святой отец не проявил сочувствия к этой, внушенной благочестивым рвением, коллекционерской страсти набожного Сакаджи и ничем на нее не откликнулся. А Сакадже не удалось сбить его с коня.

И остался Сакаджа один — при одном только посланнике божьем.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Его высочество владетельный князь Оксенгаузен впал в слабоумие, настолько явное, что это заметили даже его министры, которые и сами отнюдь не были титанами ума. Не станем рассказывать о том, как долго кабинет министров, обсуждая этот вопрос, ходил, как говорится, вокруг да около, пока решился признать, что его высочество князя Аладара XXI постигло умственное расстройство, которое нельзя характеризовать иначе, как полный маразм, и что он больше не способен управлять княжеством.

Только министр двора был в душе не согласен с этим заключением, но не стал возражать, опасаясь, как бы

коллеги чего доброго не объявили идиотом и его — в доказательствах не было бы недостатка, — и потому проголо-совал вместе со всеми; решение было вынесено единогласно.

Для того чтобы установить регентство, нужно было эту догадку не сведущих в медицине лиц подкрепить свидетельством врача-специалиста. Премьер-министр взял на себя нелегкую миссию поговорить с придворным лейб-медиком его высочества. Вызвав медика к себе, он сказал:

— Дорогой господин медицинский советник, я пригласил вас, чтобы обсудить состояние здоровья его высочества. Мои коллеги того мнения, что несомненные и богатые душевные дарования нашего высокородного князя в последнее время...

— ...развиваются сверх всяких ожиданий?.. Вы совершенно правы, ваше превосходительство!..

— Вы угадали мою мысль, господин медицинский советник. Эти редкостные дарования его высочества развиваются не только сверх всяких ожиданий... но и в совершенно неожиданном направлении... гм... гм... Одним словом, все это просто поразительно. Вчера я имел честь сопровождать его высочество на прогулке. По дороге нам попались силки, расставленные птицеловом. Его высочество стал расспрашивать меня об их устройстве. Я объяснил ему, что птицы прилипают к веткам, намазанным клеем, и так попадают в руки птицелову. Его высочество со свойственной ему благосклонностью выслушал мои объяснения, а потом соизволил осведомиться: «А что, если прилипнет сам птицелов? Тогда он попадет в лапки к птичкам?»

— Гени-аль-ная острога! Гениальная! — смеясь, воскликнул лейб-медик. — Вот видите, ваше превосходительство, его высочество становится все остроумней?

«Этот тип тоже впал в слабоумие», — подумал премьер-министр и не стал больше задерживать лейб-медика.

Неторопливо шагая восвояси, лейб-медик размышлял о том, что означает этот разговор. Премьер-министр как будто недоволен его ответом... Что же нужно премьеру? Лейб-медика вдруг осенило: да, да, несомненно! Эти люди замышляют что-то против его высочества. Они хотят, чтобы он, лейб-медик, дал неблагоприятное заключение о повелителе. Кто знает, что здесь готовится! А что, если после Турции и Португалии пришел черед и на Оксенгаузен? И это министры его высочества! Но он, лейб-медик, раскроет их гнусный заговор. Он изобличит их!

На другой день лейб-медик узнал, что в Оксенгаузен прибыл из Берлина знаменитый невропатолог, профессор

Гшейдтле, и был принят в личной аудиенции князем, а после этого имел долгую беседу с премьер-министром. Лейб-медик решил идти ва-банк. Он надел парадную форму и отправился с визитом к приезжей знаменитости.

— Как жаль, — сказал он после нескольких приветственных фраз, — что мы такому прискорбному обстоятельству обязаны знакомством с вами, уважаемый профессор.

Профессор посмотрел на лейб-медика с удивлением, но потом сказал:

— Ах да, вы ведь личный врач его высочества и, конечно, в курсе событий. Поистине это весьма огорчительно. Но что поделаешь! Его высочество безнадежен. Я полагаю, что ваш и мой диагноз совпадают: о выздоровлении не может быть и речи. Его высочество по воле божией навсегда останется слабоумным. Править княжеством он, конечно, неспособен. Или вы иного мнения?

— О нет, отнюдь нет, уважаемый профессор, — ответил лейб-медик, у которого даже дыхание перехватило. — А как долго наша столица будет иметь честь видеть вас в своих стенах?

— Я уезжаю сегодня вечером, господин медицинский советник.

Но вечером профессор не уехал. Когда он уже садился в экипаж, кто-то положил ему руку на плечо и арестовал именем закона.

— За что? — недоумевал профессор.

— За оскорбление достоинства его княжеского высочества, которое вы допустили в разговоре с лейб-медиком.

И бедняга профессор был посажен в тюрьму. Прокуратура, восхищенная своей распорядительностью, не скрывала случившегося от жителей города. Прокурор явился к министру юстиции с докладом. Когда он повторил злополучную фразу профессора о слабоумии князя, министр прервал его гневным возгласом:

— Скажи он это о вас и о лейб-медике, это была бы самая бесспорная истина в мире!

Прокурор вернулся от премьера в полном недоумении.

Кабинет министров собрался на экстренное заседание и констатировал, что внутривполитическая обстановка сильно осложнилась.

— Не можем же мы на основании отзыва одного профессора отправить его высочество на покой, — сказал премьер. — Нужны заключения других ученых. Но если они признают, что князь здоров, то оскандалимся мы. Если же они решат, что его высочество — идиот, придется упеть

в тюрьму другого осла — лейб-медика, а иначе весть о его диагнозе распространится по всей стране. Что же, спрашивается, делать?

— Надо избавиться от лейб-медика.

— Легко сказать. А как?

— Давайте посадим его в тюрьму, — предложил министр юстиции.

— За что?

— Вот еще! Уж если нам надо кого-нибудь посадить, повод всегда найдется.

— Вызовем его сюда.

— Это идея!

Но посланный вернулся ни с чем. Лейб-медик велел передать, что считает кабинет министров сборищем заговорщиков и государственных изменников и не желает с ними разговаривать.

Министра юстиции это привело в восторг.

— Вот он и попался! — воскликнул он. — Этого мне и нужно! Разве не оскорбление его высочества — утверждать, будто князь может почтить своим доверием изменников и заговорщиков?

В тот же день лейб-медик был посажен в тюрьму и даже оказался в камере по соседству с берлинским профессором.

Само собой разумеется, что эти два ареста стали величайшей сенсацией в столице. Кабинет министров развил бешеную деятельность: он разослал телеграфные приглашения различным медицинским светилам, которые могли бы дать заключение об умственных способностях Аладара XXI. Но светила, прочтя в газетах о том, что произошло в княжестве Оксенгаузен, воздержались от поездки, решив, что это попросту ловушка, чтобы заманить новых людей и арестовать их под предлогом оскорбления величества.

Кабинет министров был в отчаянии, а князь день ото дня дурел. Прошла неделя. Его высочество уже нельзя было выпускать из тесного круга самых близких людей, ибо и постороннему стало бы ясно, в каком он состоянии.

Спустя две недели кабинет министров снова собрался обсудить положение. Министр иностранных дел доложил о безуспешных переговорах с заграничными медицинскими светилами, присовокупив, что таким путем ничего сделать не удастся.

Премьер-министр подумал и сказал:

— А нужно ли собственно что-нибудь делать?

— То есть как так?

— Наш венценосный князь впал в слабоумие, это факт. Но этот факт уже не нов, а в княжестве все идет своим порядком. Разница лишь в том, что его высочество не занимается государственными делами. А разве так уж нужно, чтобы он занимался?

Никаких светил в Оксенгаузен больше не приглашали. Его высочество Аладар XXI остался князем Оксенгаузенским.

СУП ДЛЯ БЕДНЫХ ДЕТЕЙ

Герцог Роберт был очень гуманный человек. Он решил устроить в деревне, находившейся возле его замка, бесплатную выдачу супа для бедных школьников. Не пожалел средств на постройку павильона и выписал из Вены походную кухню. Когда ее доставили, герцогиня на коленях умоляла мужа отказаться от своего замысла. Но герцог ответил:

— Ни в коем случае, герцогиня... Я сам буду варить этой голытьбе картофельный суп.

Отговаривал его и брат герцогини, граф Мангард, доказывая, что это — занятие, не достойное герцога.

Но герцог Роберт закричал, что будет во что бы то ни стало сам варить картофельный суп и выставит за дверь всякого, кто вздумает лезть к нему со своими советами.

Герцог Роберт был очень гуманный, но в то же время очень вспыльчивый человек.

И вот в один прекрасный день павильон и походную кухню убрали свежими сосновыми ветвями, вход в павильон украсили надписью: «Награди господь!», в сосновые ветви вплели флажки, двухцветные ленточки, и дворецкий во фраке, в цилиндре подошел к печке и принялся ее растапливать. Таково было желание герцога Роберта.

Сам он смотрел в окно, с нетерпением ожидая, когда дворецкий снимет цилиндр в знак того, что вода закипела и пора его светлости чистить картошку. Это было тоже предусмотрено составленной герцогом программой.

Наконец, герцог вышел из замка и важно, торжественно проследовал к павильону, возле которого стояла походная кухня. Там сельский староста был занят тем, что тыкал кулаками под ребра нескольким бедным ребятам, которые даже в это мгновение, не обращая внимания на его светлость, продолжали ковырять в носу.

Староста знал порядок. Он велел всем двадцати трем бедным школьникам деревни кричать герцогу «ура», кинул

на них быстрый взгляд — умыты ли — и дал знак стражнику Пазуреку; тот зажег фитиль у одной mortarы и перебежал к другой. Грянули два выстрела, и герцог выступил из заклубившихся над mortarой облаков дыма. Дети оглушительно заорали. Герцог приветливо махнул рукой и сел перед походной кухней. Два лакея подали ему картофелину. Взяв ее руками в белых перчатках, он очистил ее и бросил в котел с кипятком. Дети не могли кричать от радости, так как охрипли, и его светлость приступил к чистке второй картофелины. Когда он бросил и ее в котел, снова раздался радостный рев. Герцог Роберт встал и промолвил:

— Ви, детка, имейт радость, кушайт суп и радуйтеяся, что я вас варил. Ви, детка, должна помнийт, что я для вам герцук, я быть ваш мать, я вас...

Раздался новый радостный рев в знак того, что прекрасная речь его светлости доставляет юным слушателям искреннее удовольствие.

— Ви, детка, знайт: то есть лучший монумент вам, что я варю, — торжественно продолжал герцог. — Ви делайт ам-ам хорошего суп, а я вас сам картошить. Молийтс богу об мейне!

Вслед за тем каждый из двадцати трех бедных учеников получил от его светлости крону. В заключение герцог подошел к старосте, снял перчатки и отдал их ему со словами:

— На памейт о первый ам-ам хорошего суп, который я картошил. Молийтс богу об мейне!

Егерь подвел герцогу коня, и его светлость отбыл рысью в заповедник, а дворецкий и лакеи гордо удалились в замок.

Староста сунул перчатки в карман, посмотрел на двадцать трех бедных ребят, потом на сельского стражника Пазурека, потом опять на перчатки — нет ли тут чего, — наконец, обратился к члену общинного управления Вершине с такими словами:

— Ну, а кто ж теперь суп-то для этих голодранцев доварит?

— Пазурек с ребятами пускай дочистят картошку, — ответил Вершина.

— Вари суп, Пазурек, а вы, девчата, принимайтея чистить картошку, — распорядился староста и ушел с первым и вторым членами общинного управления.

Как описать досаду Пазурека? Он стал ругать детей, свирепо вращая глазами:

— Показал бы я вам, как ходить сюда за супом. Балует вас его светлость!

С основательностью старого солдата он, не вынимая трубки изо рта, опустил в кипящую воду разложенные на столе продукты. А девочки уже почистили всю картошку, и он принялся хлопотать вокруг котла, стирая рукавом обильный пот со лба. Вдруг он перестал мешать в котле: его озарила какая-то мысль. Поглядев на кувыркающихся перед павильоном в траве ребят, он крикнул одному из них:

— Эй, Малина, пойди сюда!

Ничего не подозревающий Малина подошел.

— Слушай, сорванец! — заявил ему Пазурек. — Я видел ты вчера на общинном поле горох воровал. За это штраф полагается. Давай сюда крону и позови брата своего Пепика... Пепик, паршивец, ты знаешь, что брата твоего Карела чуть в тюрьму не посадили? Он вчера горох воровал. За это — штраф. Он крону от герцога получил и ты тоже. Благодарите бога, что у нас герцог такой добрый. А то кто бы за вас, прохвостов, штрафы платил? Так вот — крона с Карела да крона с тебя, Пепик, — как раз и выйдет, что полагается. Только смотрите: коли я вас опять в горохе увижу, сейчас запру в хлев при управлении. Штаны долой и — задам трепку!.. Воровать — великий грех, дети! Но я вас прощаю... А теперь, Пепик, сбегай за пол-литровкой, а Карел пускай суп помешает.

И он спокойно сел возле котла на лужайку. Вскоре Пепик принес пол-литровку. Выпив как следует, Пазурек собрал вокруг себя ребят и долго беседовал с ними о необходимости уважать начальство.

— Потому оно от бога, сукины дети! — сказал он в заключение и послал еще за пол-литровкой.

Солнце стояло уже высоко, и Пазурек снял сапоги. Потом, привольно раскинувшись на траве, уснул, между тем как ожидающие герцогского угощения занялись игрой в «разбойники».

Крик их не разбудил Пазурека. К тому же скоро вокруг все затихло, так как «разбойники» убежали в заповедник.

В полдень герцог, возвращаясь с прогулки домой, в замок, увидел всеми оставленную походную кухню и пустой павильон.

Из котла шел пар, слышалось клоко^танье, и на поверхность время от времени всплывали сапоги общинного стражника Пазурека. Герцог разбудил его пинком, так как был хотя гуманный, но очень вспыльчивый

А с дороги над косогором, укрывшись в кустах терновника, братья Малина, ликуя, любовались сапогами в котле

и всей картиной в целом, как художник любит свое произведение, удостоенным первой премии.

Это зрелище возместило им потерю двух крон.

Герцог тотчас раз и навсегда отменил бесплатную выдачу супа. А когда его шурин, граф Мангард, человек исключительного добросердечия, встретил в лесу общинного стражника Пазурека и с любопытством осведомился, как они варили в первый и последний раз картофельный суп, Пазурек откровенно сообщил:

— Ах, ваша милость! Это было ужасно. Вонь стояла такая — ну не продохнешь!

ИСТОРИЯ ПОРОСЕНКА КСАВЕРА

Поросенка Ксавера кормили мелассовыми кормами. Имя Ксавер дал ему управляющий имением в честь государственного советника профессора Ксавера Кельнера из Мецкера, крупнейшего авторитета в области науки о питании, которому принадлежит следующий блестящий афоризм: «Ввиду того, что меласса, по моим всесторонним наблюдениям, производит такое великолепное действие, ни один вид корма не заслуживает такого внимания, как это домашнее средство».

Поросенку Ксаверу меласса пришлась по вкусу. Он толстел с каждым днем, философствуя в своем роскошном хлеву о жизненных наслаждениях, копаясь рылом в мелассовом корме и запивая еду отличным молоком. Время от времени его навещал владелец, граф Рамм, и говорил ему:

— Вы поедете на выставку, мой мальчик. Будьте умником, кушайте как следует, не осрамите меня!

Иногда заходила графиня.

— Ах, какой он большой и красивый — мой милый Ксавер! — с сияющим взором восклицала она.

На прощанье оба говорили:

— Доброй ночи, дружок! Спите спокойно...

А поросенок Ксавер нежно жмурил глазки вслед уходящим и так мелодично хрюкал, что графиня говорила супругу:

— Слушая нашего Ксавера, я начинаю верить в переселение душ.

Заходили к нему и гости хозяев. Они выражали по-французски, по-немецки, по-английски свой восторг перед почтенным поросенком, фотографировали его себе на память.

Он был розовый, как только что выкупанный младенец, и на шее у него красовалась кокетливо повязанная огромная бархатная лента.

— Ваш Ксавер, несомненно, получит на выставке первую премию, милый граф,— предрекали джентльмены, аристократы, друзья графа.

Нежный супруг преподнес графине Ксавера в числе других подарков в день ее рождения. Так что Ксавер принадлежал теперь только ей, безраздельно и неотъемлемо ей одной. И граф был обязан поросенку таким пламенным поцелуем, словно это был не толстый, мирный, флегматичный поросенок, а красивая дикая свинья.

Как только Ксавер перешел в собственность графини, были приняты еще более строгие меры к охране его здоровья. Его перевели в особое помещение с проверенной системой вентиляции, обеспечивающей идеальную чистоту воздуха. Он имел свою ванную, свой ватерклозет, отделанный со вкусом, свойственным всему графскому роду. Всюду были развешаны термометры, и приказчик Мартин получил указание измерять температуру воды и молока, предназначенных для Ксавера,— строго следя, чтобы уровень ее ни в коем случае не отклонялся от предписанного ветеринаром. Как же можно было допустить, чтобы столь хрупкое существо простудило желудок? Ведь от этого у него мог бы начаться хронический катар, бедняжка приобрел бы жалкий вид, и графине пришлось бы плакать.

Поэтому приказчик Мартин тщательно следил за температурой питья, заставляя, по мере надобности, охлаждать либо подогревать его.

Наконец, поросенку провели электрическое освещение и приучили его спать на волосяных матрасах,— разумеется, дезинфицированных. Поросенок Ксавер принимал все это благосклонно и день ото дня толстел.

Как-то раз графиня пришла с супругом навестить своего любимца. Ксавер как раз пил прекрасную воду, взятую из колодца, бактериологический анализ которой дал ноль процентов содержания вредных бактерий, тогда как химический обнаружил некоторое количество полезной для здоровья окиси железа в соединении с углекислотой (столь необходимой для свиней).

Граф по обыкновению опустил в воду термометр и — не поверил глазам своим! Температура, вместо предписанных 8⁰С, достигала лишь 7,5. Графиня побледнела. Не может быть! Неужели этот негодный приказчик не смерил температуру?

Соединенными усилиями графу и графине удалось оттащить Ксавера от воды. Они растолковали ему, что он может простудить себе внутренности. Потом закрыли сосуд крышкой и вне себя кинулись на квартиру к приказчику.

— Ты измерял температуру воды для Ксавера, бездельник?— загремел граф.

Мартин показал на постель у окна.

— Сынишка мой очень болен, ваша милость. Жар у него. Я ему пить даю.

— Э-э, я тебя спрашиваю: ты мерил температуру воды для Ксавера?

— Забыл, ваша милость. Мальчик разболелся. Пить я ему даю. Голова крúгом...

— Что?!— закричал в бешенстве граф.— Так-то ты относишься к своим обязанностям? Я тебе уж не хозяин, мерзавец? Делаешь, что хочешь? Сейчас же собирай свои вещи. Ты у меня больше не служишь. До вечера чтоб духу твоего здесь не было! А не то я велю тебя отсюда выбросить вместе с мальчишкой.

— Какая сволочь!— поддержала графиня.

В тот же день приказчик Мартин зарезал Ксавера. Срочно вызванный ветеринар мог только констатировать смерть. Графиня чуть не помешалась от горя и долго лежала без чувств. Приказчика Мартина связали жандармы; больной сын убийцы был выброшен из усадьбы.

В газетах появилось сообщение: «Зверская жестокость. Приказчик известного аристократа графа Рамма Мартин был уволен за нерадивость. Из мести он зарезал ценный экземпляр породистой свиньи. Изверг отдан под суд. По слухам, он не признает никакой религии. Если это подтвердится — вот лишнее доказательство того, что, кто не верит в бога, тот способен на самые ужасные поступки».

Три месяца пробыл Мартин в предварительном заключении. На допросах он упорствовал, в костел не ходил. Во время следствия обнаружили дефекты его биографии. В возрасте четырнадцати лет он отсидел две недели за нарушение закона, запрещающего уличные сборища: негодяй не подчинился даже требованию пристава разойтись. В этом были уже задатки тех проступков, в которых потом сказалось все его злонравие. Далее, он отсидел три дня за выкрик: «Эй вы, хохлатые!»¹— новое доказательство его неуживчивого, мстительного характера. Обвинитель использовал все эти подробности и прегрешения обвиняемого. Указав вкратце на преступные склонности,

---

¹ Ироническое прозвище жандармов.

обнаруженные последним в прошлом, он выразил твердую уверенность в том, что, подвернись обвиняемому под горячую руку вместо Ксавера сам граф, он и графа зарезал бы как свинью.

Перед защитником стояла не легкая задача. Прошлого никуда не спрячешь, а больной ребенок — обстоятельство, слишком сентиментальное и притянутое за волосы, чтобы играть роль действительно смягчающего.

Жалко было глядеть на бедную графиню, присутствовавшую в качестве свидетельницы и проливавшую горькие слезы при взгляде на бархатную ленточку, которая лежала на столе перед председателем суда.

— Да, я узнаю, узнаю ее, — ответила графиня на вопрос председателя. — Она принадлежала моему дорогому Ксаверу, прах которого похоронен под клумбой лилий в саду замка.

Обвиняемый, не обнаружив ни малейшего раскаяния, признал себя виновным в совершении преступления и был осужден на шесть месяцев тюремного заключения со строгой изоляцией за умышленную порчу чужого имущества. И это еще не все. Для вящего торжества справедливости у него за это время умер сын, ибо божьи жернова мелют не скоро, но верно. А поросенок Ксавер мирно спит под клумбой белых лилий, посреди которой стоит памятник с надписью:

«Здесь покоится прах нашего милого Ксавера, зарезанного убийцей Мартином, присужденным к шести месяцам одиночного тюремного заключения и к шестидневному посту. Похоронен 8 мая 1907 года в возрасте полутора лет. Да будет тебе земля пухом!»

Граф Рамм заказал себе из ленты несчастного поросенка Ксавера галстук, который надевает каждый раз в годовщину гибели этой благородной свиньи.

УРОК ЗАКОНА БОЖЬЕГО

Короуповские ребята знали из закона божьего только то, что господь бог в неизреченной благодати своей создал камыш. Вслед за тем он создал законоучителя Горачека. Оба эти предмета взаимно друг друга дополняли. Потом он научил людей делать из камыша трости, а законоучителя Горачека — с необычайной ловкостью пользоваться этими тростями.

Начиналось обычно с того, что капеллан Горачек, войдя в класс, грустно смотрел на вытянувшиеся физиономии учеников и произносил:

— А ну-ка, Ваничек, идиот этакий, перечисли мне семь смертных грехов в обратном порядке!

В искусстве ставить вопросы законоучитель Горачек был настоящий виртуоз. Он заставлял учеников перечислять в обратном порядке десять заповедей господних или требовал:

— Людвик, скажи скорей, негодяй, какая заповедь на третьем месте от конца, перед «не убий»?

Получалась какая-то божественная математика, кончаясь поркой, в виде печального душеспасительно-арифметического итога.

Так было всегда; поэтому понятно, что каждый вызываемый — будь то Ваничек или Бухар Людвик или кто другой, неохотно подымался из-за парты и подходил к кафедре.

Каждый шел, испытывая сомнение в неизреченной благодати божией, заранее уверенный, что дело кончится печально и что религиозные понятия содержатся не в катехизисе, а в той части штанов, которая протирается от продолжительного сидения.

Дело несложное: выставить зад всем напоказ и дать опытной руке законоучителя отколотить тебя проклятой тростью.

Эти сцены повторялись регулярно через день. С ласковой улыбкой клал Горачек ребят одного за другим к себе на колено и говорил им:

— Благодарите бога, мерзавцы, что я могу пороть вас.

Как-то раз Вепршек из соседнего села Козьи Дворы принес известие, что хорошо, мол, намазывать трость чесноком: будто бы не так больно, а трость от удара ломается.

Известие это так отвечало их безумным мечтаниям и они до того уверовали в этот самый чеснок, что во время натирания трости Кратохвал даже плакал от радости.

Но произошло то, что можно назвать крахом всех чаяний короуповской школы печальной повестью об обманутых надеждах.

Законоучитель исчерпывающим образом разъяснил им все на их задах. А затем прочел лекцию на тему о том, что проделка их с чесноком есть не что иное, как обман — к тому же смешной, как они могли убедиться. Наказаны они по заслугам: ведь они хотели обмануть бога. Он описал им губительные последствия, которые их поступок может иметь для них на всю жизнь. Это первый шаг к нравствен-

ному падению и полной гибели. Он готов душу свою прозакладывать, что чеснок ими украден, и за это он их еще раз выпорет. Нет никакого сомнения, что все они, за исключением сына управляющего Веноушека и Зденека (эти двое никогда не подвергались порке; отец Зденека был членом школьного совета), кончат жизнь на виселице...

Так безрадостно уплывал день за днем, не принося никаких перемен. Казалось, над короуповскими ребятами навис неотвратимый рок, от которого нет защиты. Однако хромой Мельгуба придал всей этой религиозной борьбе новое направление.

Играя с товарищами возле пруда, он поделился с ними результатами проделанного дома опыта с бумагой: он набил себе в штаны бумаги и разбил горшок с молоком; его тотчас отхлестали ремнем, и боль была вдвое слабее, чем при обычных условиях. После этого сообщения школьники прониклись к бумаге таким же уважением, как китайцы, подбирающие каждую бумажку, чтобы сберечь ее; только в данном случае, наоборот, бумага должна была уберечь своих почитателей. Сын купца Мистерка взялся доставлять спасительное средство, и законоучитель скоро заметил, что на лицах несчастных уже не появляется столь ярко выраженных признаков страдания.

Тщательно вдумавшись в это обстоятельство, он пришел к выводу, что, видимо, у них огрубела кожа и что ему необходимо обзавестись для уроков закона божьего более крепкой тростью, поскольку господь бог позволяет произрастать также более твердому и толстому камышу.

И вот, выстроив в ряд перед кафедрой приговоренных к экзекуции, он объявил им, что они, видимо, слишком привыкли к тонкой трости.

— Вот тебе деньги,— обратился он к Мистерке.— Скажи папе, чтоб он прислал мне трость покрепче.

Видя, что лица преступников изображают полную растерянность, он потер себе руки. Губы его исказила жесткая гримаса. Он уже предвкушал новое наслаждение.

Отец Мистерки выбрал отличную трость, толщина которой сводила на нет все значение защитного слоя бумаги.

Возникла необходимость усовершенствовать изобретение, и однажды Мельгуба произнес возле пруда слово:

— Картон!

Оно произвело нужное действие, и законоучитель на уроках опять завздыхал:

— Господи, до чего толстокожи!

И в конце концов велел Мистерке купить еще более крепкую трость. На этот раз она была самая крепкая из

всех, какие только бывали в Короупове. Картон ударов ее не выдерживал.

— Теперь нам крышка!— вздыхал возле пруда Мельгуба.

На следующем уроке закона божьего они сидели за партами, уныло глядя в пространство. Понимали, что всякая борьба бесполезна. Только Вепршек слегка улыбался.

В результате неправильных ответов на вопрос о том, когда бог впервые явил людям свое неизреченное милосердие, перед кафедрой предстало пятнадцать человек — в том числе и Вепршек.

Десять из них были уже выпороты и ревели, услаждая сердце наставника, когда настала очередь Вепршека.

Вот он лег на колено законоучителя. Вот толстая трость засвистела в воздухе и... бумм! Раздался страшный гром, как если бы кто изо всех сил ударил в литавры или трахнул дубиной в большой гонг.

Выпустив улыбающегося Вепршека, законоучитель взревел:

— Долой штаны!

Вепршек перестал улыбаться, спустил штаны и подал законоучителю жестяную табличку, которую взял накануне в костеле.

Законоучитель прочел на ней:

«Жертвуйте на построение храма божьего!»

ПОП И МУЛЛА

Большой и Малый Караджинач! Две деревни, столь схожие по своим интересам и все же столь различные по своей сущности! Дело в том, что Малый Караджинач лежал в Сербии, а Большой — в Турции. Население этих обеих деревень, расположенных в пустынной горной местности, билось изо всех сил, чтобы пропитаться. Главным источником их пропитания были овес и козы, легко карабкавшиеся по горам.

Если крестьяне продавали коз, то в Малом Караджиначе делали это для того, чтобы заплатить подати сербскому королю, а в Большом — чтобы заплатить десятину падишаху. Это, конечно, было одно и то же. Разница лишь в названии. Православных сажали в тюрьмы за неуплату подати, а магометан — за неуплату десятины.

В Малом Караджиначе на церкви желтел покрытый дешевой позолотой крест, и такой же позолотой был по-

крыт полумесяц, возвышавшийся на мечети Большого Караджинача. И крестами и полумесяцами торговал купец-армянин, проживавший недалеко, в одном из пограничных городков. Но как православные, так и магометане гордились этой символической мишурой.

А когда однажды турки Большого Караджинача побелили свою мечеть, православные тоже вымазали свою церковь белой известкой, так что обе вызывающе поблескивали и с сербской и с турецкой стороны. И в то время, когда православные звонили во все колокола, на другой стороне мулла силился заглушить звон криками:

— Аллах есть аллах! Велик аллах!

А когда мулла Изрим оканчивал свои призывы и спускался с минарета, то, закулив чубук, шел поболтать с православным попом Богумириным.

Обычно они сходились у водопада, который отделял Османскую империю от королевства Сербского.

Поп Богумиринов тоже курил чубук. Их беседа обычно начиналась с взаимных ругательств.

— Ты что хромаешь, турецкая собака?

— А какие у тебя, проклятая христианская душа, круги под глазами!— говорил мулла Изрим.

Затем тон разговора снижался, и аллах и всемогущий бог отходили на задний план перед наиболее злободневным вопросом о козах.

Дело в том, что оба священнослужителя разводили коз, и каждый из них бахвалился своими успехами на этом поприще. Возможно, что в их представлении эти козы были не обыкновенными козами, а козами магометанскими и козами христианскими.

— Мои козы жирнее твоих, мулла,—торжествовал поп.

— Жирнее? Скажи мне, пожалуйста, где ты видел такую красивую, как моя Мири, эта черная, знаешь? Какая она красавица! Рога у нее, как у венгерской коровы.

И это была правда. Коза Мири приносила козлят один другого лучше.

Мулла Изрим говорил, что у нее глаза лучше, чем у дочки старосты — Кюлют. Когда он был в более приподнятом настроении, то даже утверждал, что в эту козу переселилась душа одной гурии, бывшей в свите пророка Гавриила.

И вот по этой-то козе и тосковал поп Богумиринов.

Как бы с нею он улучшил породу своего стада, которое теперь паслось на горах и то исчезало за большими каменными глыбами, то снова появлялось на покрытых скудной

растительностью серых скалах, пощипывая редкую траву и высокий очиток!

Водопад шумел, первые звезды заблестели над Балканами.

Это была минута, полная интимных настроений.

— Послушай, мулла,— сказал поп Богумиров,— твоя коза не так уж красива, но мне она могла бы понадобиться. Видишь ли, самая лучшая моя коза издохла по воле божьей. Пришлась по вкусу господу-богу...

Поп перекрестился.

— Велик аллах!— воскликнул мулла.— Моя коза не продается.

— Послушай, мулла,— продолжал поп,— твой аллах не так велик, как православный бог. Творил ли он какие-нибудь чудеса? Посылал ли он вам чудотворцев? Мой бог по своему желанию может, к примеру, из меня сделать чудотворца, тогда как ты на всю жизнь останешься глупым, неверным басурманом. Я, по желанию бога, могу воскрешать мертвецов, а ты до самой смерти все будешь орать с минарета: «Аллах есть аллах!» и кружиться, как коза.

Это задело Изрима.

— Ну и глупая же твоя душа!— воскликнул он.— Наш Магомет нарочно запрещает воскрешать мертвецов. Станный у вас бог, который даже мертвецам не дает покоя! Если ты торжественно заявишь мне, что не можешь воскрешать мертвецов, я продам тебе свою козу Мири!

Поп начал усиленно размышлять: с одной стороны, коза Мири — предмет его страстных желаний, с другой — он должен перед этим басурманом от чего-то отречься.

Между тем мулла спокойно продолжал курить свой чубук. Голубоватый дым подымался в сумерках над долиной и полз по скалам. В душе попа шла великая борьба, борьба между любовью к козам и любовью к всемогущему богу.

— Мулла Изрим, бедный, неверующий человек,— наконец отозвался поп,— я допускаю и утверждаю, что не могу, даже по желанию бога, воскрешать умерших.

Он перекрестился.

— Сколько же ты с меня возьмешь за козу?

Начался продолжительный торг. Мулла хотел за козу Мири две других козы и в придачу сто пиастров.

Поп давал одну козу и пятьдесят пиастров, а потом прибавил пятьдесят с условием, чтобы мулла заявил, что его аллах — не аллах.

Теперь в свою очередь поп зажег трубку и спокойно стал курить турецкий табак.

— Аллах — не аллах, — повторил мулла и добавил: — потому что сто пиастров — деньги не малые!

Так поп Богумиров купил козу у муллы Изрима.

На другой день басурмане привели попу козу Мири. Стоял ясный солнечный день, какие обычны на Балканах перед осенью.

Под таким голубым небом человеку только петь песни. Горный ручей, с чистой и прозрачной, как само отражающееся в нем небо, водой, течет сверху, от Малого к Большому Караджиначу.

Повторяю, в такое время человеку становится радостно. А особенно радостно было попу Богумирову, потому что он вел на привязи свою новую козу Мири, вел ее от водопада наверх, к колодцу, что на вершине Мегадиштя. При этом он был в веселом настроении.

Придя к колодцу, он погрузил купленную у Изрима козу в воду и запел: «Господи помилуй! Господи помилуй!»

Не оставаться же козе мусульманской!

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЙ РАССКАЗ

Княгиня Шварц поддерживала любовную связь с молодым патером, который славился своим враждебным отношением к порочной жизни. И так как он поддерживал любовную связь с княгиней, то особенно ненавидел порок, господствовавший среди бедного люда...

Впервые он доказал княгине свою любовь в часовне замка. А после этого сказал ей:

— Иди, дочь моя, и больше не греши!

Это было так забавно, что княгиня старалась почаще предоставлять ему возможность повторять эти евангельские слова.

Деля с князем любовь княгини, он в своих проповедях громил людской порок, царящий у подножия замка в глухих хатенках, населенных по большей части людьми, работающими на господском дворе.

Их дети ходили в школу, где монашенки рассказывали им чудесные вещи о священном писании. Но дети всего этого не понимали; в голове все у них путалось, особенно после того, как они приходили домой и слушали брань родителей.

Что толку из того, что дети под влиянием монашенки глупеют и становятся живыми ангелочками, если родители погрязают в грехе и не в состоянии очистить свою душу от светских соблазнов и страстей?

Другое дело — княгиня Шварц; она совершала столько добрых дел, что они перевешивали ее грехи.

Но, видимо, люди глубоко погрязли в пороке, и ничто им не помогало, — даже и то, что патер после ночи, проведенной вместе с княгиней в усиленном бдении, в своей проповеди еще резче обрушивался на людские пороки и страсти. Его прихожане не ходили к нему, не испрашивали благословения, и, самое главное, не платили денег.

И даже больше того: достаточно было какому-нибудь лоботрясу сказать: «Эй, девка, собирай манатки и переселяйся ко мне!» — как, смотришь, они уже жили вместе, к ужасу княгини и патера, которые живо представляли себе, что ожидает на том свете грешников.

— Мы знаем по себе, как тяжело противостоять искушению, — вздохнул молодой патер, — и хотя мы, ваше высочество, обладаем сильной волей, все же тело наше слабо, что, конечно, известно тебе, всемогущий боже! Но самое ужасное то, что бедный народ погряз в пороке. Что толку в моих проповедях, когда народ не ходит в церковь?

— Тогда вам, ваше священство, придется прибегнуть к мерам личного воздействия, — сказала на это княгиня.

— Придется, — вздохнув, ответил служитель бога и поцеловал княгиню в шею.

В связи с этим он отправился в воскресенье к батраку Вейводе, чтобы лично разъяснить ему греховность внебрачной жизни.

Вейвода сидел у стола и курил трубку. Его сожительница Петрова вязала чулок, а на постели возились их дети.

Вейвода предложил патеру единственный стул, а сам сел на лавочку вместе с Петровой. Без всякого предупреждения патер выгнал детей из избы и начал душеспасительную беседу.

Вы забыли страх божий и погрязли в незаконном сожительстве. Берегитесь, ибо дьявол, аки лев рыкающий, ходит вокруг и ищет, кого бы поглотить

— Ну да, — сказал Вейвода.

— Вы не можете себе представить, Вейвода, как угоден богу церковный брак.

— Ну да, ваше преподобие.

— Вот видите, Вейвода, и вы, Петрова, пребывание в законном браке — вещь ценная и богу угодная. Неужели

вы не понимаете, что если вы живете вместе без брака, то навлекаете на себя гнев божий?

— А не все ли равно?— ответил Вейвода.

— Но, Вейвода, помните о том, что вы говорите: не кажется ли вам, что ваш язык деревянеет?

— Нет, не кажется.

— А не думаете ли вы, Вейвода, что на том свете вам припомнят вашу порочную жизнь? Я весьма обеспокоен за вашу душу, Вейвода.

— Все равно, ваше преподобие.

— Вейвода, заклинаю вас, очиститесь от грехов и повенчайтесь с Петровой в церкви! Ведь жить так — это все равно, что пожелать жену ближнего своего, как сказано в святой заповеди. Вейвода! Помните о загробной жизни, о смерти. Обещайте мне, что вы исправитесь. Ведь это же свинство, Вейвода. Это все равно, что соблазнить жену ближнего своего. Ну, что мы сделаем теперь, Вейвода?

Вейвода вынул трубку изо рта, взял патера за руку и сказал ему на ухо:

— Мы с вами, святой отец, и впредь останемся свиньями.

КАМЕНЬ ЖИЗНИ

В лето от рождества Христова 1460-е игумен Штальгаузенского монастыря в Баварии возносил тайные молитвы всевышнему и всемогущему подателю разума о ниспослании духа святого, который помог бы ему, игумену Леонарду, отыскать философский камень и эликсир жизни.

Перед ним пылал огонь, нагревавший выпуклую реторту, где, шипя, варилось какое-то снадобье, а рядом стояли тигли, которым предстояло принять в свои недра окончательно растопившееся вещество, чтобы можно было выпарить твердый осадок.

Игумен Леонард умиленно взывал к милосердному господу, моля его взглянуть на своего смиренного служителя, который, не покидая путей благодати, не обращаясь за советом к дьяволу и не призывая на помощь нечистую силу, ищет философский камень и жизненный эликсир.

А из соседней трапезной доносился исступленный вопль монахов, оглашавших строгие готические своды хоровым чтением: «Pater noster qui est in coelis...»¹

---

¹ Отче наш, иже еси на небесах... (лат.).

Дружно скандируя каждый слог, они старались пере-кричать друг друга, голодные и сердитые, так как игумен ради их же спасения сильно ограничил их всех, кроме са-мого себя, в пище и питье.

Открыв дубовые двери в трапезную, отец Леонард с просветленным лицом произнес:

— Молитесь до захода солнца!

Потом вернулся в свою алхимическую лабораторию, преклонил колени на скамеечке перед распятием, и, словно в экстазе, стал молиться:

— Господи боже, спаситель мой, ниспошли луч света на раба твоего, просвети его мысли, чтобы найти ему жиз-ненный эликсир, во спасение христианам, и философский камень. И укажи мне, господи, не грех ли будет опустить ныне в эликсир сей пепел от сожженного еретика, который держал у себя черного кота, ходившего на двух ногах и сожженного нами вместе с его одержимым бесовской силой хозяином, в честь и славу твою в день храмового праздника у ворот штальгаузенских. А я поступлю по воле твоей.

Бог не послал знамения. И отец Леонард сварил пепел сожженного еретика-чародея вместе с пеплом его кота. По-том, тихо вторя завываниям монахов, читающих в соседней трапезной «Отче наш», вылил содержимое реторты в тигли, поставил их на таган и с сердечным, благодатным умиле-нием принялся выпаривать осадок.

Снова спустился сумрак, и отец Леонард пошел в тра-пезную, предоставив огню в каменном очаге кипятить кло-кочущую и шипящую материю.

В трапезной он проникновенным, отечески-ласковым го-лосом сказал монахам несколько слов о божьем милосердии, а затем распустил их на отдых, приказав им всем, прежде чем вовлечь на свои жесткие лежа, подвергнуть грешную плоть взаимному душеспасительному бичеванию. Наконец, преклонив колени перед неугасимой лампадой, зажег факел и вышел во двор.

Он пошел осматривать монастырское хозяйство, этот милый игумен-хлопотун. Навестить поросят в хлеву: как они себя чувствуют? Вчера они выглядели очень плохо.

Отец Леонард подозревал, что монахи, тяготясь нало-женным на них постом, добрались до каши из отрубей, предназначенной свинкам, и питают ею свои грешные утро-бы, гневя бога и обкрадывая бедных тварей. За последнее время свинки заметно похудели. Это были уже не прежние славные круглые бочонки, такие розовые, аппетитные, что отец Леонард пел во славу их псалмы, воздавая хвалу создателю. Этих милых божьих созданий было сорок—

ровно столько, сколько монахов. Значит, если сорок монахов съедали с ненавистью пищу, приготовленную для сорока свиней, как же можно было ждать, чтобы бедняжки весело похрюкивали на дворе святой обители, оживляя отголосками живой жизни и молодости угрюмую монастырскую тишину.

Пламя факела, потрескивая, озарило бедные создания красным светом. Узнав своего пестуна, они захрюкали так печально, что у доброго игумена сжалось сердце.

— В каком виде, о братья, предстаете вы предо мной?— скорбно воскликнул старец, глядя на их исхудалые тела; он прослезился и вздохнул.

Потом, увидав пустые корыта, послал проклятье по адресу монахов и пошел звонить в колокол.

Когда монахи опять собрались в трапезной, он обратился к ним с такою речью:

— Вы бичуете бранные тела свои, а сами обкрадываете свиней и нарушаете посты? Бог накажет вас. На колени, негодяи!

Как бы восхищенный над толпой, с лицом, озаренным лучами неугасимой лампы, он воскликнул:

— Покайтесь, жалкие свиньи!

И под пение монахов, затянувших: «Misericordia — Помилуй нас!», спустился в погреб, где, скрипнув зубами, испил чару вина.

Вернувшись в трапезную, он объявил монахам, что пошлет их пешком в Рим, к папе Иннокентию III — просить прощения у главы христианского мира.

Потом велел идти спать.

А сам пошел в темную каморку, где производил свои опыты, и, сунув факел в очаг, стал рассматривать оставшееся после выпаривания вещество. Оно было тяжелое, с металлическим блеском.

Отец Леонард побледнел. Нет, это не философский камень: в старинной книге, принадлежавшей сожженному чародею, сказано, что философский камень должен быть прозрачен и невесом. А ведь землю для своих опытов он взял с того холма возле Штальгаузена, где прежде была каменоломня и в великую пятницу, говорят, появляется светлое сияние.

Он упал на колени и заплакал. Устремив взор на распятие и ударив себя в грудь, промолвил смиренно:

— Вижу, боже, спаситель мой, что я недостоин твоих милостей!

Потом взял оказавшийся в тиглях зернистый порошок, вынес его на двор и там высыпал.

После этого монахи еще несколько дней постились и худели, так как заботливый игумен, хлопоча о душевном их спасении, следил, чтобы они не трогали каши, предназначенной свиньям.

А свиньи удивительно раздобрели. Трудно даже себе представить, чтобы можно было так быстро разжесться после такой длительной голодовки. И чем больше худели монахи, тем быстрее поправлялись свиньи. Это просто бросалось в глаза.

И вот однажды отец Леонард увидел, что свиньи чего-то ищут во дворе, что-то жуют. Подошел поближе: оказывается, они подлизывают получившийся вместо философского камня и выброшенный им во двор порошок.

Он вошел в часовню и пал на колени. Ему сразу стало ясно, что господь смилостивился над ним, и он открыл камень жизни — не жизненный эликсир и не философский камень, а питательное средство, животворящий, бодрящий экстракт.

В тот же день он пошел с несколькими монахами на служивший лобным местом холм возле Штальгаузена за землей, необходимой для добычи камня жизни.

Когда этого камня был приготовлен целый запас, игумену Леонарду стало жаль своих бедных, исхудалых монахов. Ему захотелось, чтобы они тоже потолстели, как свиньи: он велел добавить в предназначенную для них черную кашу истолченного в порошок камня жизни, и, лакомясь поросенком, с радостью наблюдал, как охотно они ее кушают.

К утру все сорок монахов скончались в страшных мучениях, и отец Леонард остался один.

Камень жизни был не что иное, как сурьма. Ее открыл в 1460 году игумен Штальгаузенского монастыря в Баварии Леонард, назвав ее в шутку по-латыни «антимонием» (то есть средством «против монахов»).

Сам отец Леонард и в дальнейшем всю жизнь разводил свиней, которым сурьма не только не вредит, но от которой они толстеют,— так что, по желанию германского императора, ему был пожалован графский титул

СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Приказчик Никлес и управляющий экономией Пассер были большими приятелями. Каждый день они сидели в пивной «Тиск», где их считали такой неразлучной парой,

что все проделки, которые происходили на селе, заранее приписывали приказчику Никлесу и управляющему Пассеру. Приказчик Никлес очень любил управляющего Пассера, но все-таки между ними пробегала иногда черная кошка. Часто лицо Никлеса принимало мрачное выражение, и он втайне возмущался.

Оба они сидели в пивной «Тиск», вместе пили, а потом выкидывали какую-нибудь из своих веселых шуток, обычно состоявших в том, что ночью они ловили сельского стражника и бросали его куда-нибудь в канаву. Но всегда после этого на селе говорили: «Вчера приказчик Никлес был пьян, как свинья, а господин управляющий был немного навеселе».

В действительности же выпивали оба они одинаково, и на мозги их выпитое действовало одинаково. Однако глас народа звучал твердо: «Приказчик Никлес был пьян, как свинья, а господин управляющий немного навеселе».

Приказчик Никлес возмущался таким неравенством и раз даже решил воздержаться от пьянства. В то время как управляющий Пассер выпивал три кружки, Никлес пил всего одну, и к концу вечера управляющий выпил тридцать кружек, а Никлес только десять — и отказался участвовать в проделках.

Никлес поддерживал господина управляющего, был тихим и задумчивым и вел себя необычайно прилично. Управляющий же кричал во все горло и обругал хозяина пивной пана Тиска. Тем не менее на другой день Никлес узнал, что Тиск на вопрос, как они вчера себя держали, ответил: «Ну да, знаете, приказчик Никлес был пьян, как свинья, а господин управляющий немного навеселе».

Никлес понимал, что причиной всему социальное неравенство и что он, Никлес, никак не может сравниться с господином управляющим. Он страстно желал, чтобы о нем хоть раз сказали:

«Да, приказчик был навеселе, а господин управляющий был пьян, как свинья».

Но желание его не исполнилось. На селе продолжали говорить по-старому: из почтительности к господину управляющему. Никлес пил очень мало, но, возвращаясь домой в экономию, он всегда слышал от управляющего обидную фразу:

— Ну, видишь, я опять сегодня навеселе.

Приказчик Никлес понял, что его воздержание напрасно, что, сколько бы он ни пил, он всегда будет пьяным, как свинья, а господин управляющий немного навеселе. Хотя управляющий едва держался на ногах, а он шел возле него

твердо и уверенно, но управляющий все же только «немного навеселе», а он, Никлес, «пьян, как свинья».

В один прекрасный день управляющий и Никлес оба напились, как говорится, до чертиков. Приказчикпил с полным сознанием, что ему нечего терять, а управляющийпил с обычным легкомыслием, сознавая свою непогрешимость и хорошую репутацию. Затем они пошли по селу и, не разобрав, схватили на улице какого-то человека в форме и бросили его в озеро. Это была одна из их обычных проделок, за которую управляющий каждый день подносил сельскому стражнику пиво и сигару. Утверждают, что никто не может избежать своей судьбы, и они тоже ее не избежали. Это оказался не сельский стражник, а четник¹, совершавший обход своего участка,—четник, охраняемый 81-й статьей Уложения, грозящей наказанием всякому, кто поднимет руку на официальное лицо.

Вскоре обоих насильников вызвали в окружной суд в Ичин. Оба объясняли свои поступки пьяным состоянием и свидетелями выставляли содержателя пивной, старосту и еще трех крестьян села, которые видели, как они оба выпили по тридцати кружек пива.

Первым допрашивали содержателя пивной пана Тиска.

— Ну так, пан свидетель,—сказал председатель суда,—в каком состоянии Никлес уходил из вашего ресторана?

— Могу сказать, господин судья,—ответил Тиск,—что Никлес был пьян, как свинья.

— Ну, а управляющий Пассер?

Тиск почтительно посмотрел на управляющего и произнес:

— Сударь, пан управляющий в этот раз были навеселе.

Все это было запротоколировано.

Затем пришла очередь остальных свидетелей, которые отвечали то же самое: «Приказчик был пьян, как свинья, а пан управляющий был навеселе».

Случай представлялся судьям весьма ясным, и они вынесли следующее решение: так как управляющий был только «навеселе», то его осудили на месяц, а «пьяную свинью Никлеса» отпустили на свободу, так как он находился в невменяемом состоянии и не отвечал за свои поступки. Приказчик Никлес после объявления приговора получил еще одно удовлетворение: управляющий, выслушав приговор, воскликнул: «Езус-Мария, паны, да ведь я тоже был пьян, как свинья!»

Но это признание уже не могло изменить судебный приговор.

---

¹ Жандарм.

ЮБИЛЕЙ СЛУЖАНКИ АННЫ

Председательница общества по охране труда домашней прислуги, супруга советника, госпожа Краусова, готовила к завтрашнему заседанию поздравительную речь.

У секретаря общества советницы Тиховой работает служанка Анна, прожившая в этой семье пятьдесят лет и воспитавшая за это время два поколения. Завтра она будет праздновать пятидесятилетний юбилей своей верной службы. Анне уже семьдесят пять лет. Она никогда не забывалась и знала свое место.

Завтра ей предстоит получить от общества золотой крестик, золотую монету в десять крон, чашку шоколада и два пирожных. Но это еще не все. Она выслушает речь госпожи Краусовой, а от своей хозяйки получит в подарок новенький молитвенник.

Госпожа советница простить себе не может, что взяла на себя такую обузу! Надо же так утруждать свой мозг ради какой-то прислуги! Уже исписана кипа бумаги, но речь не получается.

Советница походила по комнате, размышляя, о чем же ей говорить? Ведь не о том же, что теперь все служанки состоят в обществе и добиваются выходного дня и свободного вечера? Ну и времена наступили, можно с ума сойти от этих прислуг! Раньше каждый мог себе позволить влить служанке затрещину и вышвырнуть ее на улицу, а теперь она за это, пожалуй, притянет тебя к суду. Госпожа советница села за письменный стол и стала усердно натирать виски мигреневым карандашом.

Взять хоть ее служанку. Эта бестолочь завела себе кавалера, который снабжает ее книгами. Нахалка, она смеет заниматься самообразованием!

Эти мысли настолько расстроили советницу, что пришлось снова обратиться к помощи мигренового карандаша. Напрасно она нервничает, вместо того чтобы обдумывать свою речь. Ведь уже сколько раз она выступала в обществе охраны труда служанок!.. Ей бы хотелось на этот раз сказать что-то новое, но, видно, придется опять начать с бога. Бог — это как раз то, что нужно служанкам.

Молись и трудись! Ах, если бы она могла сказать это по латыни! Надо будет спросить у мужа, как только он придет домой... Конечно, она так и начнет свою речь: «Молись и трудись!»

Госпожа Краусова присела за стол, и перо ее забегало по бумаге.

Молись и трудись! Какая поучительная мысль! Без молитвы нельзя успешно трудиться, быть честным, и вот... наша юбилярша — воплощение этой истины. Пятьдесят лет она усердно работала и молилась, и за это всевышний провел ее через все жизненные преграды к благой цели. Поэтому она и может отметить сегодня свой пятидесятилетний юбилей — юбилей неустанного труда. Ее ждет награда как на небе, так и на земле (там царство небесное, а здесь золотой крестик, золотая монета в десять крон, чашка шоколада и два пирожных).

Молись и трудись!

Наша юбилярша работала пятьдесят лет и теперь видит плоды своего усердия (золотая монета в десять крон равняется пятистам крейцерам, итого за каждый год самоотверженного труда — десять крейцеров).

Пятьдесят лет она усердно молилась господу богу, никогда не танцевала, не посещала театра, не читала плохих книг. Она знала только свой молитвенник, который учил ее уважению, любви к своим хозяевам, беспрекословному послушанию, и все эти пятьдесят лет молитвенник был ей опорой.

Молись и трудись! Анна сэкономила каждый хозяйский грош, она никогда ложки супу не выплеснула в уборную, она не обольщала себя напрасными надеждами, не дружила с чужими служанками, избегала лишних разговоров, не сплетничала про своих господ, а молитвы охраняли ее от желания полакомиться втихомолку.

Милостивые государыни, взгляните на эту старушку! Она ни разу не усомнилась в пользе послушания, она подавляла в себе все злые побуждения, была по-настоящему набожна, молчалива, кротка и, наверное, часто задумывалась о человеческих слабостях, каждую свободную минуту размышляла о смерти, о судном дне и о загробном воздаянии. Перед сном она усердно молила бога, чтобы он направил ее на истинный путь.

Покорной и смиренной видели ее два поколения в славной семье коммерции советника Тихого. Чистая сердцем и помыслами, она была благодарна за каждый кусочек, полученный от добрых хозяев. Она всегда целовала щедрую руку своей госпожи или своего господина в знак глубокой благодарности. Такой она была целых пятьдесят лет. За всю жизнь она ничего не украдала и свято берегла доверенное ей.

Так она трудится за пять золотых в месяц, да еще отказывает себе в ужине, чтобы кое-что сэкономить на посещение Святой горы, куда с милостивого разрешения хозяев

ездит ежегодно. И оттуда она еще привозит своим господам подарки, свидетельствующие о чистоте ее души.

Она сама говорит, что была бы счастлива отказаться от еды и питья, только бы иметь возможность без конца молиться и восхвалять нашего небесного творца!

Советница сделала минутную паузу и углубилась в раздумье. Как замечательно прозвучит все это завтра! О ее выступлении, несомненно, будет заметка в католической газете. Потом она издаст свою речь брошюрой под заглавием: «Обращение к служанкам».

Быть может, после этого у ее прислуги не поднимется рука выплеснуть в уборную остатки супу,— достаточно ей будет вспомнить об ангельском житии юбилярши.

Тут вошла служанка.

— Супруга советника Тихого,— доложила она.— Прикажете принять?

Не успела служанка получить ответ, как в комнату ворвалась благоухающая госпожа Тихова и со слезами на глазах бросилась в объятия своей председательницы.

— Представьте, какая неприятность,— всхлипнула госпожа Тихова.— Наша юбилярша только что скончалась.

Потом она немного успокоилась, осушила слезы и продолжала с нескрываемым раздражением:

— Вчера вечером я послала ее в подвал за углем. Сами понимаете, старуху в семьдесят пять лет не выкинешь на улицу, но раз я тебя кормлю, изволь работать. Так она, мерзавка, упала с мешком угля в подвал с высокой лестницы и так разбилась, что не дожила и до утра. И ведь надо же, как раз перед нашим торжеством! Представьте себе, какой скандал... Так вдруг, ни с того ни с сего срывается наш вечер. К тому же ради этого проклятого юбилея я заказала себе чудесное платье... Похороны обойдутся нам по меньшей мере в тридцать золотых, а у покойницы на книжке только двадцать пять.

Госпожа советница Краусова опять принялась тереть виски мигреневым карандашом. Сокрушенно взглянула она на исписанные листки со своей речью и сказала со вздохом:

Знаете, я думаю, она это нарочно нам подстроила.

НА РОДИНЕ

Государственный прокурор Норберт Попелец после долгого отсутствия возвращался на родину. Он расчувствовался и почти на каждой станции с печальным видом выпи

вал по кружке пива. Он решил высадиться в Противине, откуда намеревался пройти пешком через Скочице, Ражице, Водняны, Тын над Влтавою — места, дорогие ему по воспоминаниям детства.

Он представлял себе всех тех добрых людей, которых он знал в этих местечках в молодости, и заранее радовался тому разговору, который он поведет с ними, если застанет их еще в живых.

Поезд подошел к Писку; отсюда и до самого Противина он хорошо знал всю окрестность. Там скрывается в зелени Германь, туда школьниками они ходили за орехами, а через Ражице он всегда ходил к дядюшке, любившему играть в карты.

Неожиданно ему стали припоминаться и другие подробности. У Ражице когда-то был пруд, где однажды бродяги убили лесника Мркву.

Из задумчивости его неожиданно вывел сидевший против него господин, воскликнувший: «А пруда уже нет!» Государственный прокурор посмотрел в окно и увидел, что пруд действительно исчез. Чтобы скрыть свое волнение, он принялся громко сморкаться.

Вплоть до самого Противина он держал носовой платок у лица: слезы щекотали ему горло. Он представил себе тетушку Гобанкову: она часто держала его на коленях, и от нее пахло навозом; затем вспомнил о мяснике Пишольке, который под песню «Прийди, святая душа» связывал и резал телят.

В Противине он вышел из вагона, сел в буфете и стал размышлять о том, с кого начнет свои посещения. Наконец, он решил сперва узнать, жив ли его дядя Кодейш, который раньше имел дом подле речушки Бланице. Ему сказали, что Кодейши теперь арендуют небольшую лавочку и что жена его ослепла. Вскоре государственный прокурор уже разговаривал со своим дядей.

— Вы меня не помните?

— Нет.

— Я Норберт Попелец, государственный прокурор из Праги.

— Простите, я ничего не знаю.

— Я Попелец, сын Попельца, того, который содержал пивную, а вы — мой дядя.

— Попелец... пивную... а, вспомнил... А что ты тут делаешь?

— Иду посмотреть старых знакомых, может быть, в последний раз.

— Гм, а ты выглядишь неважно,— сказал старый дядюшка.— Твой отец был на вид получше, а трахнули его по голове пивным кувшином — и крышка... Так ты останешься здесь на всю ночь? Но у нас негде тебя положить. У нас всего две комнатухи, и в одной мы сами спим. А когда ты едешь?

Государственный прокурор прикусил губу и ничего не ответил.

— Не стоит идти смотреть тетю. Она слепая, не увидит тебя и еще, чего доброго, выругает.

— Ну, так всего хорошего,— с огорчением сказал государственный прокурор.

— Прощай, я руку тебе не подам, она у меня в повидле: с прилавка у меня упали в него деньги,— сказал дядюшка.

Когда государственный прокурор вышел на улицу, то чувствовал себя так, будто кто-то ударил его по лицу в грязной лавке.

Он повернулся и стал раздумывать о том, куда бы пойти. Вспомнил, что здесь живет его двоюродная сестра Овсарка, которую выдали замуж за содержателя пивной — той самой пивной, которая принадлежала его покойному отцу.

Он прошел Бланицу и налево от шоссе вошел в простенький дом с надписью: «Противинское пиво».

Войдя в пивную, он сейчас же узнал свою сестру, сильную, большого роста женщину; он заказал себе кружку пива и стал думать о том, как бы сказать ей, что он ее двоюродный брат.

— Вы меня не узнаете?— спросил он после длительного размышления.

— В первый раз вижу. Может быть, я встречала вас когда-нибудь на рынке в Будейовицах... Да, помню... Вы покупали детский мячик.

— Нет, нет. Вы же ведь Овсарка, урожденная Попелец?

— Да. А вы не писарь из Разводовиц? Тот тоже как-то странно смотрит.

— Нет, нет... Я — государственный прокурор Норберт Попелец, сын Йозефа Попельца, того, которому принадлежала эта пивная; я — ваш двоюродный брат.

— Ах, как жалко, что моего старика нет дома. Он поехал купить корову, и сегодня мы не варим обеда. Обед можно достать в другой пивной, подальше.

Она ушла и оставила прокурора одного. Он, конечно, понял, зачем она все это говорит. Она боится, чтобы ей не пришлось его угощать обедом.

Наконец, она снова появилась и сказала, что когда придет ее муж, она должна будет накачать пива, которое уже все продано, и опять убежала. Через минуту она пришла вновь с ведром воды, засучила рукава и, не говоря ни слова, принялась мыть пол.

Государственный прокурор расплатился, и, когда он уже уходил, его двоюродная сестра сказала ему на прощанье:

— В той пивной вы наверняка достанете обед.

Итак, он снова в своем родном селе на улице. Все ему казалось столь холодным, чужим, грязным и раздражающим, что государственный прокурор ударил палкою по мостовой. Потом совершенно машинально направился в ту, «другую» пивную.

Над дверью он прочитал вывеску: «Пивная Яна Волешика».

— Волешик... Волешик...— повторял про себя государственный прокурор.— Волешик ведь уж был пожилой человек, и его называли «прилиза», потому что он делал себе пробор. Не может быть, чтобы это был он.

В углу сидел старик; это и был тот самый «прилиза», с пробором седых волос на голове. «Ему лет девяносто»,— подумал про себя государственный прокурор.

— Дедушка, вы помните старого Попельца, сын которого учился в Праге?

— Как же не помнить такого подлеца,— сказал дедушка.— А его сын, говорят, непрерывно судится. Тоже хорош гусь. С Марженой Гроссовой, с еврейкой из Германии, прижил ребенка. Теперь мальчишка у старого Леви в Писке приказчиком.

— Но позвольте, кто вам это сказал, дедушка?— смущенно проговорил государственный прокурор.

— Об этом знали все несколько лет тому назад; я все знаю. Ченка Мазовца я знал тоже; тот крутил с одной дамочкой из замка; я знаю все. Да, да, а Мазовец был родственником с Попельцами. Две семейки — одна подлее другой. Старик Попелец злился на меня за то, что я на три гектолитра продаю пива больше, так он донес на меня, будто я укрываю воров. И чего на меня этот мерзавец не наговорил, а тот, его сын, что потом учился в Праге, тоже был босяк порядочный. Однажды его видел наш мясник Кратохвил в суде. Двое полицейских, а посередине стоял сам молодой Попелец. Бог грехов не прощает.

Государственного прокурора бросало то в жар, то в холод. Он лихорадочно пил пиво и усиленно боролся с желанием что-нибудь разбить.

Старикашка тем временем продолжал

— Вся семья Попельцев такая. Один из них, двоюродный брат того, что учился в Праге, недавно был пойман жандармами за кражу дров в лесу, и позавчера его арестовали. А Кодейш, старый бездельник, дядюшка Попельца, скупает краденые дрова.

Вокруг сидело несколько человек гостей, пожилых людей, которые стали смотреть подозрительно на прокурора.

— Дедушка,— сказал один из них, показывая на государственного прокурора,— может, это «пражский Попелец»?

— Что вы, что вы...— заговорил господин Норберт Попелец.— Я... я торговец Гекса из Будейовиц.

Он расплатился и вышел.

— Тоже хороша птица,— сказал один из гостей после его ухода.— Это тот, который несколько лет тому назад подделывал деньги и получил пять лет.

Государственный прокурор, даже не заметив, что он назвался именем своего последнего подсудимого, отчаянно зашагал по грязным улочкам родного села на вокзал, и, когда уезжал обратно в Писку, к Праге, его лицо уже не носило выражения сентиментальности, и первую купленную им кружку пива он швырнул со злостью по направлению к родному селу.

ПРИМЕР ИЗ ЖИЗНИ

Американская юмореска

— Нет, ни в коем случае, мой юный друг,— произнес банкир Вильямс, обращаясь к молодому человеку, который сидел напротив, задрав ноги на спинку стула.— Никогда, господин Чейвин! Выслушайте меня внимательно и попытайтесь чему-нибудь научиться.

Вы просите руки моей дочери Лотты. Вам, очевидно, хотелось бы стать моим зятем. Вы надеетесь в конечном счете получить наследство. Минутой раньше на мой вопрос, есть ли у вас состояние, вы ответили, что получаете только двести долларов дохода.

Мистер Вильямс положил ноги на стол, за которым сидел, и продолжал:

— Вы можете сказать, что у меня когда-то не было и двухсот. Не отрицаю, но смею вас уверить, что в ваши годы я имел уже кругленькое состояние. И это только потому, что у меня была голова на плечах, а у вас ее нет. Ага, вы ерзаете в кресле?! Советую вам не горячиться:

слуга у нас — здоровенный негр. Выслушайте меня внимательно и намотайте себе на ус!

Шестнадцать лет я явился к своему дядюшке в Небраску. Деньги мне нужны были до зарезу, и я уговорил его, чтобы он позволил казнить на своей земле негра, которого так или иначе должны были линчевать.

С чернокожим расправились на участке дядюшки. Все желающие поглазеть должны были заплатить за вход, так как место казни мы обнесли забором. Когда же негр был повешен, я, собрав всю выручку, в тот же вечер благополучно скрылся.

Повешенный негр принес мне счастье. На эти деньги я купил земельный участок на Севере и распространил слух, что, перекапывая его, нашел золото. Участок я очень выгодно продал, а деньги положил в банк.

Едва ли стоит вспоминать, что один из одуроченных стрелял в меня, но его пуля, раздробившая кисть правой руки, принесла мне почти две тысячи долларов в возмещение за увечье.

Поправившись, я на все свои деньги купил акции благотворительного общества по возведению храмов на территории, населенной индейцами. Мы выдавали почетные дипломы стоимостью в сто долларов, но не выстроили ни одной церквушки. Вскоре общество вынуждено было объявить себя банкротом. Это произошло ровно через неделю после того, как я обменял обесцененные акции на партию шкур, цены на которые тогда быстро росли. Основанный мною кожевенный завод принес мне целое состояние. А все оттого, что продавал я за наличные, а покупал в кредит.

Разместив свой капитал в нескольких канадских банках, я объявил себя несостоятельным должником. Был арестован, но на следствии плел такую чепуху, что эксперты признали меня душевнобольным. Присяжные не только вынесли мне оправдательный приговор, но и организовали в зале суда сбор денег в мою пользу. Их вполне хватило, чтобы добраться до Канады, где хранились мои сбережения.

У бруклинского миллионера Гамельста я похитил дочь и увез ее в Сан-Франциско, пригрозив отцу, что не отпущу до тех пор, пока не смогу дать в газеты сенсационное сообщение вроде: «Дочь мистера Гамельста — мать незаконно рожденного ребенка» — и он вынужден был отдать ее за меня. Видите, господин Чейвин, каким был я в ваши годы, а вы все еще не совершили ничего такого, что позволило бы сказать — вот вполне разумный человек!

Вы говорите, что спасли жизнь моей дочери, когда она, катаясь в лодке, упала в море? Прекрасно, но я не вижу, чтобы для вас это имело практический смысл — ведь, кажется, вы совершенно безнадежно испортили свои новые ботинки?

Что же касается ваших чувств к моей дочери, то я не понимаю, почему я должен платить за них из своего кармана, тем более такому «зятю», у которого нет ни на грош соображения.

Ну вот, вы опять вертитесь в кресле. Пожалуйста, успокойтесь и ответьте мне, положив руку на сердце:

— Совершили ли вы в своей жизни хоть что-нибудь?

— Нет.

— Есть у вас состояние?

— Увы!

— Просите вы руки моей дочери?

— Да.

— Любит она вас?

— Любит.

— И последний вопрос: сколько у вас с собой денег?

— Сорок шесть долларов.

— Хорошо, я разговаривал с вами больше тридцати минут. Вы хотели узнать, как делают деньги. Так вот, с вас причитается тридцать долларов: по доллару за минуту.

— Но позвольте, мистер Вильямс...— запротестовал молодой человек.

— Никаких «позвольте»,— с усмешкой проговорил банкир, глядя на циферблат.— С вас причитается уже тридцать один доллар: прошла еще одна минута.

Когда изумленный Чейвин уплатил требуемое, мистер Вильямс любезно попросил:

— А теперь оставьте мой дом, или я буду вынужден приказать, чтоб вас вывели.

— А ваша дочь?— уже в дверях спросил молодой человек.

— Дураку она не достанется,— спокойно ответил мистер.— Уходите или будете иметь удовольствие проглотить свои собственные зубы.

— Хорош был бы у меня зятек!— сказал господин Вильямс дочери, когда Чейвин ушел.— Этот твой возлюбленный на редкость глуп. Он никогда не поумнеет.

— Итак,— осторожно задала вопрос Лотта,— у него нет никаких надежд стать моим мужем?

— При данных обстоятельствах это совершенно исключено,— категорически заявил мистер Вильямс.— Пока он

каким-нибудь ловким маневром не докажет обратное, у него нет никаких надежд!

И мистер Вильямс поведал теперь уже дочери историю линчевания негра на земле его дядюшки, рассказал также о своей крупной ссоре с миллионером Гамельстом и добавил:

— Я сообщил твоему знакомому немало поучительного.

На следующий день Вильямс уехал по делам. Неделю спустя он возвратился и нашел на своем письменном столе записку следующего содержания:

«Многоуважаемый мистер
Вильямс!

Сердечно благодарю за совет, который вы дали мне на прошлой неделе.

Ваш пример так воодушевил меня, что я вместе с вашей дочерью уехал в Канаду, захватив из вашего сейфа все наличные деньги и ценные бумаги.

С уважением
Чейвин».

А ниже стояло:

«Дорогой папочка!

Просим твоего благословения и заодно сообщаем, что мы не смогли найти ключа от сейфа и взорвали его нитроглицерином.

Целую
Лотта».

СПАСЕН

Неважно, за что должны были повесить Патяла. Какие бы на его совести ни лежали преступления, он не мог не улыбнуться, когда в ночь перед казнью к нему в камеру явился надзиратель с бутылкой вина и изрядным куском телячьего жаркого.

— Это все мне?

— Да, да,— соболезнующе сказал надзиратель,— покушайте хорошенько в последний раз. Сейчас принесу вам еще салат из огурцов,—я не мог захватить все сразу.

Патял выслушал его с удовольствием. Он поудобнее уселся за стол и, ухмыляясь, принялся уничтожать телятину. Как видите, это был здоровомыслящий циник, стремившийся взять от жизни все, что она может дать, даже и в эти оставшиеся ему считанные часы.

Одна только мысль портила ему аппетит: люди, сегодня утром сообщившие ему, что его ходатайство о помиловании отклонено, а выполнение приговора отложено на двадцать четыре часа, эти люди, озабоченные только тем, чтобы приговоренный хорошенько приготовился к казни, повесят его и увидят мертвым, а сами и завтра, и послезавтра, и еще много-много лет будут жить и по вечерам как ни в чем не бывало возвращаться к своим семьям, а его, Патяла, уже не будет на свете.

Размышляя таким образом, он меланхолично уплетал телячье жаркое, а когда ему принесли салат и булку, вздохнул и выразил желание выкурить трубку хорошего табаку.

Осужденному купили табаку лучшей марки. Надзиратель сам поднес ему спичку и кстати напомнил о бесконечном милосердии божьем. Если на земле все потеряно, то нельзя сказать, что на небесах...

Осужденный попросил принести ему еще порцию ветчины и литр вина.

— Сегодня вы получите все, что хотите,— сказал надзиратель,— для людей в вашем положении мы ничего не жалеем.

— Тогда прихватите еще двойную порцию ливерной колбасы. Кроме того, я не отказался бы от литра черного пива.

— Все получите, сейчас распоряжусь,— любезно сказал надзиратель. — Почему бы нам не порадовать вас? Жизнь слишком коротка, надо брать от нее все, что можно.

Когда надзиратель принес заказанное, Патял объявил, что вполне удовлетворен.

Однако не тут-то было.

— Послушайте,— сказал он, очистив все тарелки,— мне что-то захотелось жареного зайца, сыра, того, что называется горгонзола, сардинок в масле и каких-нибудь других деликатесов.

— Пожалуйста, все, что вам угодно. Честное слово, душа радуется, глядя на ваш прекрасный аппетит. Надеюсь, что вы у меня до утра не повеситесь? Я вижу, вы порядочный человек. К тому же какая вам польза, господин Патял, повеситься раньше, чем этого хотят власти? Говорю вам как честный человек — вы на это неспособны, нет! И думать об этом не стоит! Выпейте-ка лучше еще пива.

Я вижу, у нас с вами все пойдет как по маслу. Хватите-ка пивца под горгонзолу — что может быть лучше! Я принесу вам две кружки, а сардины и жареного зайца, дорогой друг, вы будете запивать вином.

Вскоре запахи всех этих лакомых яств наполнили камеру. Расставив блюда на столе, Патял налег на сыр и сардины, запивая их то пивом, то вином, смотря по тому, что попадало под руку.

Ему вдруг вспомнилось, как, еще живя на свободе, он вот так же сытно и приятно ужинал, сидя на веранде одного загородного ресторана. Листва деревьев поблескивала в свете луны, а против него, как сейчас надзиратель, сидел толстый ресторатор — владелец этого райского уголка, болтал без умолку и все потчевал Патяла...

— Расскажите мне анекдот, — попросил Патял, и надзиратель принялся рассказывать ему какой-то, как он сам выразился, свинского содержания анекдот.

На десерт Патял попросил фруктов и чашку черного кофе с печеньем.

Его желание было исполнено. Когда он покончил с десертом, в камеру вошел тюремный священник, чтобы принести последнее утешение узнику.

Священник был веселый, простой в обращении и приятный мужчина, как, впрочем, и все окружавшие Патяла люди, которые так заботились о нем, осудили его на смерть и завтра повесят. Лица их дышали бодростью, с ними приятно было иметь дело.

— Бог вас утешит, — говорил тюремный пастырь, хлопая Патяла по плечу. — Завтра утром все будет для вас кончено, но не впадайте в отчаяние. Исповедуйтесь и смотрите весело на божий мир. Уповайте на господу, ибо он возрадуется каждому покаявшемуся грешнику. Кто отказывается от исповеди, всю ночь не знает покоя: мечется по камере и плачет. А зачем это вам нужно, а? Только зря голова разболится. А кто исповедуется, спит эту последнюю ночь сном праведника. Повторяю, голубчик, вам полегчает, если вы очистите душу от грехов.

Патял внезапно побледнел. Его тошнило, все внутренности переворачивались, а рвоты не было. Тело сводили страшные судороги, он извивался и корчился, на лбу выступил холодный пот.

Священник не на шутку испугался.

Прибежали надзиратели и отнесли Патяла в тюремную больницу. Тюремные доктора качали головой. К вечеру у больного появился сильный жар, а после полуночи докто-

ра объявили его состояние угрожающим и единогласно поставили диагноз: острое отравление.

Тяжело больных не казнят, поэтому в ту ночь на тюремном дворе не поставили виселицы для Патяла.

Вместо этого ему очистили желудок, и анализ остатков непереваренной пищи показал, что ливерная колбаса была испорчена и содержала яд.

В магазин, где была куплена колбаса, нагрянула комиссия, было обнаружено, что колбасник не соблюдает санитарных правил и колбасу хранит не в холодном, а в теплом месте. Комиссия составила протокол, и дело было передано прокурору, который привлек торговца к ответственности за антисанитарное хранение продуктов.

В числе тюремных врачей, лечивших Патяла, был молодой добросовестный доктор, который не отходил от постели больного и старался спасти ему жизнь, так как случай был редкий, сложный и интересный. Днем и ночью молодой врач ухаживал за Патялом и спустя две недели похлопал его по спине и сказал:

— Вы спасены!

На следующий день Патяла повесили по всем правилам, ибо он был уже достаточно здоров для петли.

Колбасник, по чьей вине затянулось на две недели земное существование Патяла, был приговорен к трем неделям заключения, а доктор, спасший Патялу жизнь, удостоился похвалы высокого начальства.

У КОГО КАКОЙ ОБЪЕМ ШЕИ

I

В декабре 1866 года министр Беуст по приказу Франца-Иосифа разработал в Будапеште проект реконструкции кабинета государственной тайной полиции. В своей работе он руководился примером и образцом организации инквизиционного аппарата в Испании. Таким образом историю инквизиции после Морилля, Хуана Мартинекса и Томаса Торквемады заканчивают главные агенты пражской тайной полиции — Снапек и Клабичек.

Итак, мы оказались в столетии, когда в Австрии все решалось мечом, виселицей и полицией. Агент Снопек был брюнетом, Клабичек — рыжим. Они всегда ходили вдвоем и вместе составляли какой-то живой черно-желтый флаг¹

¹ Бывший австрийский национальный флаг.

Комиссар Клабичек, кроме всего прочего, добавлял еще к черно-желтому цвету красный нос, образуя таким образом вместе с комиссаром Снопекком национальный германский флаг. По-научному это называется мимикрией, то есть приспособлением животного к цвету окружающей среды.

С началом войны эти два современных инквизитора развернули большую деятельность. Иногда им удавалось в течение дня произвести около тридцати обысков в Праге и изъездить на автомобиле несколько сот километров. Они привезли Клофача из Высокого Мыта в Прагу, отвезли Крамаржа из Праги в Вену и сфотографировались вместе с трупом казненного Кратохвила из Прешерова.

Они дополняли друг друга. В то время как агент Снапек осматривал кальсоны подозреваемого супруга, агент Клабичек развлекал его жену. При этом они оба рассыпались в любезностях и мило улыбались.

В их улыбке таились одиночки полицейского управления на Варфоломеевской улице, военный суд на Градчанах и несколько лет тюремного заключения.

К концу 1914 года я также удостоился внимания этой неразлучной пары, благодаря чему и возникла настоящая детективная история.

II

Это случилось очень рано, когда все порядочные люди еще спят или идут спать. Неожиданно в моей квартире раздался электрический звонок. Кто-то сильно стучал в дверь и ругался. Брань возбудила мое любопытство.

Я подошел к дверям и с деланным равнодушием спросил, что им угодно. Мне ответили знакомыми словами: «Откройте именем закона». Наступившую минуту молчания нарушил женский голос.

— Вас, сударь, спрашивает полиция.

— Доброе утро, хозяйюшка, — ответил я, открывая двери.

В коридор ворвалась толпа подозрительных субъектов, среди которых я моментально узнал агентов: Снапека и Клабичека. Трое агентов, одетых в штатское платье, остановились в коридоре и принялись рассматривать вешалку так, как рассматривают мексиканские бандиты ветки дерева, выдержат ли они пленников.

Агенты улыбались, и Снапек заговорил вкрадчивым мягким голосом:

— Простите, что мы вас беспокоили и нарушили ваш сон. Вам известны, однако, наши служебные обязанности.

Мы получили ордер на производство обыска. Надеюсь вы не будете затруднять ни себя, ни нас и подпишете его. Я убежден, что никаких улик у вас не найдем. Если же вы не подпишете ордера, то мы произведем обыск без вашего согласия.

Тем временем агент Клябичек оказался уже в кухне. Я пошел за ним. Он стоял с заложенными за спину, как Наполеон, руками и сосредоточенно смотрел на плиту.

— Это печь,— пояснил я.

— Ах,— воскликнул Снопек,— действительно печь! Клейбер,— позвал он одного агента из коридора,— будьте любезны осмотреть печь.

Через четверть часа печь была разломана. Клейбер стал похож на грабителя, который попал в дом через дымовую трубу. Несмотря на это, он совершенно непринужденно разговаривал на политические темы.

— Вполне естественно,— говорил он, подмаргивая мне,— что государство не может примириться с анархическими элементами. Поэтому вы не должны удивляться, если оно иногда прибегает к резким мерам.

Моя кухня начала превращаться в бельгийский городок, который только что бомбардировали немцы. Всюду валялись пакеты, кухонная посуда и принадлежности, ящики от столов, кастрюли, цинковая доска, мороженица, которую Клейбер разобрал при помощи молотка и щипцов. С доски для глажения белья печально свешивалось оторванное полотно. Из выломанных дверей кладовой вывалилось содержимое, словно на бое быков, когда после страшной борьбы расвирепевший бык распорет брюхо бедной лошади. Соленые грибы смешались с мармеладом, и агент Снопек, пробуя ложечкой из разбитой банки сливовое повидло, с улыбкой заметил:

— Мы обнаружили, что два года тому назад вы в кафе «Рояль» играли на бильярде с адвокатом Савичем.

Тем временем агент Клябичек разрубал пополам коробки с консервами и, вперя свой взор в содержимое, полагал, что найдет в них что-нибудь, так как позавчера при домашнем обыске у одного политически неблагонадежного человека он нашел в консервах кусок швейцарской газеты «Цюрихер пост».

В то время как мы весело разговаривали в кухне, два других сыщика, по знаку агента Снопика, направились в спальню.

Агент Клябичек открыл еще коробку шпрот и сардин в масле, и мы пошли в спальню.

Сперва я никак не мог ориентироваться, так как в спальне, казалось, разразился снежный ураган и засыпал все белыми клочками снега. Это агенты распоролы перину.

Снопек с обычной улыбкой сказал мне:

— Не напоминает ли вам эта картина снежное поле, на которое тихо падает снег? Приблизительно неделю тому назад вот так же у одного редактора в Кладно мы распоролы перину; агент Патличка при этом опрокинул бутылку с «лесной водой», а рядом случайно заиграл граммофон «Рождество христово». Так не поверите ли, мы чувствовали себя, словно накануне рождества!

Тем временем агенты уже распоролы подушки и потрошили матрацы. С перьями смешалась морская трава, и мои кровати стали похожи на остатки разбитого корабля. Из умывальника вынули краны, зеркало на умывальнике отвинтили с целью посмотреть, не написано ли чего-либо на оборотной стороне. Во время осмотра зеркало лопнуло, как лед на морозе, и вскоре вся столовая напоминала дом, в который только что ударила хвостом комета.

— Вы не можете себе представить,— сказал мне Клабичек,— сколько нужно затратить энергии для того, чтобы водворить в Австрии порядок. Поверьте, от этого можно поседеть.

Я этому охотно поверил, наблюдая, как они обращались с моей библиотекою: думаю, что даже немцы не обращались так с университетской библиотекой в Лувене.

Когда Снопек выбросил из моей библиотеки историю Палацкого, он иронически сказал:

— Вы это тоже читаете?

Клабичек сидел на большой куче книг и срывал с них переплеты, так как слышал когда-то, что известие о поражении у Ватерлоо проникло во Францию в переплете молитвенника маркизы де-Миу.

Письменный стол для них не составил большого затруднения. Слабый удар молотком — и замок отлетел, а верхняя доска стала изгибаться, как умирающий лебедь.

Большой интерес возбудило в Снопек письмо, пожелтевшее от времени, которое написал мой дедушка своей бабушке. Он прочитал также письма, которые писала мне моя жена, и, осмотрев ее фотографию, спросил меня:

— Что это за жаба?— Затем добавил:— Удивляюсь вашему вкусу!

Письма и фотографии были вынесены в коридор, где один из агентов держал на цепочке моего Балабаша, грязного и возбуждающего сострадание пса. Впоследствии его мне возвратили совершенно остриженного, с выбранной спиной.

Оказывается, они вспомнили, что когда-то, в древней Греции, секретные сообщения писали на бритой голове посланца, и когда у него отрастали волосы, он отправлялся по адресу. Потом его снова брили, читали написанное, обмывали ему голову, писали ответ и ждали, пока у него вновь не отрастут волосы. Бедный Балабаш! Что же касается писем и фотографий, то, очевидно, толстощекий Карличек, сын полицейского инспектора Барнера, заведующего полицейским архивом, до сих пор забавляется тем, что составляет из них разные фигуры.

До полудня им удалось закончить разгром моей квартиры. Мы ходили по колено в бумагах, в разорванных книгах, в обрезках кожи с мебели, в перьях, пуху и морской траве. Клабичек еще раз осмотрелся вокруг и, когда убедился, что уже ничего не осталось разбивать, пороть и ломать, еще раз прошел по всем комнатам и, наконец, остановился у сундука с бельем, возле которого на полу лежало затоптанное с отпечатками сапог мое белье.

— Посмотрите,— сказал он победоносно,— а об этой коробке мы и забыли!

Он ударил ногой по коробке, выброшенной из сундука. От удара она раскрылась, и из нее выкатились белые крахмальные воротнички!

— Посмотрите, воротнички!— воскликнул Снопек.— А нет ли у вас привычки что-либо записывать на них, как это делал содержатель одного ресторана в Белях?

Они долго выворачивали и рассматривали воротнички, и, наконец, Клабичек как бы про себя сказал:

— Для нас эти воротнички были бы немножко малы размером. Моя шея объемом сорок шесть, а у Снопика — сорок четыре.

Теперь я, правда, далеко, но с нетерпением ожидаю того момента, когда вернусь домой и займусь изучением объема шен полицейских агентов Праги.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ

Учитель Швольба издал уже несколько книг об общественных отношениях между родителями и детьми, причем установил, что, согласно неопровержимым признакам, они являются наименее естественными человеческими отношениями.

Несколько лекций, прочитанных им в разных обществах, как, например, в «Женском клубе» и в клубе двухнедельника «Семья», ставившего себе целью сближение родителей с детьми, создали ему славу большого оригинала, особенно после того, как в передовой статье упомянутого журнала он доказал, что дети бесспорно являются ветвью того же рода, что и родители, и что эту логическую связь никак нельзя недооценить, причем ссылаясь на Адольфа Книгге, старого церемониймейстера и камердинера при веймарском дворе и еще на несчастного доктора Гутана Граде.

Ученая слава Швольбы, однако, весьма печально отразилась на его карьере; разве только нелепой случайностью можно объяснить, что этому полоумному было доверено воспитание учащейся молодежи. Судьба грубо подшутила над господином учителем. Ему пришлось сидеть на гимназической кафедре, вместо того чтобы прогуливаться в хорошую погоду в садике известной лечебницы.

Школьные власти переводили его с места на место, зато он на уроках чешского языка разъяснял, что, плодя детей, родители способствуют сохранению семьи.

Задаваемые им на дом письменные работы носили философско-педагогический характер, как, например, «Должны ли родители участвовать в проказах своих детей?»

Из-за таких заданий он путешествовал с места на место, с севера на юг, с юга на восток и с востока на запад республики.

В конце концов он очутился опять на новом месте, на этот раз на юго-западе, и первым его выступлением перед учениками пятого класса гимназии на уроке чешского языка была занимательная лекция о том, что сын от рождения знает своего отца, и, для того чтобы отец не возбуждал в нем антипатии, сын должен ценить хорошие стороны отцовского характера. Вместе с тем сын должен, однако, всегда отдавать себе отчет в родительских слабостях, чтобы не подражать им.

В качестве вывода из лекции новым ученикам была предложена домашняя работа под глубокомысленным заголовком: «Если даже дети имеют основания стыдиться слабостей своих родителей, они все же обязаны быть им благодарны».

К этой теме учитель Швольба продиктовал гимнастам тезисы и пункты, которыми они должны были руководствоваться при выполнении работы:

1. Перечень гадких, безнравственных поступков и пороков моих родителей.

2. Скрывают ли передо мной родители вышеназванные пороки?

3. Почему мы должны по возможности скрывать от общественности эти недостатки наших родителей?

4. Почему мы не должны следовать их дурному примеру?

5. Ссорятся ли между собой мои родители?

6. Отчего мы должны вести себя разумно и осмотрительно при семейных скандалах?

— Да, дорогие мои ученики,— торжественно заявил учитель Швольба,— при моей работе над домашними сочинениями я исхожу из принципиально новой педагогической системы. Я стараюсь сблизить родителей с сыновьями. Раньше считалось недоступным, чтобы родители помогали детям при выполнении уроков. Но я прямо настаиваю, чтобы родители вам помогали, и моей очередной задачей будет созвать в ближайшее время общее собрание родителей, на котором я сделаю доклад об укреплении семьи и воспользуюсь случаем выяснить, насколько родители помогают вам делать уроки.

Хотя среди пятиклассников и были храбрецы, пятый год сражавшиеся со всевозможными преподавателями, но даже они дрогнули и побледили при виде этого фанатика, чьи речи и худощавая фигура напомнили им грозного Савонаролу*, портрет которого смотрел на них со стены.

Во время перемены, когда Швольба ушел, весь класс единодушно решил, что новый учитель просто псих и с ним надо быть осторожнее, а что касается заданной темы, то, уж подавно, отвергнуть всякое сотрудничество с родителями.

Вернувшись из школы домой, пятиклассник Машек, сын окружного начальника, старательно спрятал листок со своими заметками по чешскому языку, содержащими пресловутые шесть тезисов, и за обедом, на вопросы отца, что нового в гимназии, не задали ли уроков на дом и как понравился новый учитель чешского языка, ответил, что нового ничего нет, уроков на дом не задали, а новый учитель очень симпатичный и приятный господин.

Сын окружного начальника Машека за последнее время был с отцом в весьма натянутых отношениях. Отец запретил ему вступить в футбольную команду «Квинта А» и не захотел даже слушать, что команда предложила молодому Машеку купить футбольный мяч, если он хочет стать капитаном.

Это было, так сказать, главное разногласие между старым и молодым Машеком, не считая ряда мелких недоразумений, вроде грубого отказа отпустить сына на ближайшие праздники в бойскаутскую* экскурсию на Шумаву.

Окружной начальник, разговаривая с сыном, считал его совершенным выродком. Особенно претило отцу абсолютное равнодушие сына к религиозным обязанностям. Окружной начальник был крайне поражен, узнав официальным путем, что его сын, уповая на свои четырнадцать лет, перешел в секту «адвентистов седьмого дня*». Юный Машек сделал это исключительно из корыстных соображений, ибо кто-то сказал ему, будто каждому перешедшему в эту секту дают двести пятьдесят крон и двенадцать кило баранины. Бедняга рассчитывал баранину загнать, а на вырученные деньги, к которым прибавились бы еще двести пятьдесят крон, полученных за измену католической церкви, купить хороший английский футбольный мяч с запасной камерой. Он просто хотел из чисто спортивного интереса променять мяч на религию.

Увы, его ждало разочарование. «Адвентисты седьмого дня» прислали библию на английском языке, сборник церковных песен на тридцати двух языках, не исключая негритянского наречия племени Машоколомбо, и счет на английском языке с предложением уплатить два фунта стерлингов пастору Мак-Роснеру, Прага, Гаштальская, 16.

Таким образом, молодой Машек, сидя после обеда в своей комнате и вспоминая своего жестокого отца и все разочарования, которые ему уготовила жизнь, решил совершенно правдиво ответить на все вопросы заданной домашней работы,— не щадить отца, принять бой, как его приняла «Квинта А» в футбольном состязании с «Октавой Б», хотя знала, что проиграет, а это и подтвердилось счетом 22 : 3.

Итак, он совершенно хладнокровно занялся ответами на отдельные вопросы, начав с первого пункта: «Перечень гадких, безнравственных поступков и пороков моих родителей».

«1. Мать моя путается с инженером Пупетом, служащим в фирме «Крулих и Комп, завод искусственных удобрений». Пупет еще умеет искусно тратить деньги моей маменьки, и поэтому папаша недавно разволновался и кричал перед прислугой, что с него хватит. Если бы он не был столько должен инженеру Пупету, они давно бы развелись. Сам отец ежедневно проводит служебные часы в кабаке Марковских, где всегда вертится несколько юбок. С одной из них он недавно съездил в Каменный Уезд. Так что родители стоят друг друга. Что касается характера моих родителей, то мать моя совершенно невоспитанная, очень вспыльчивая, не уделяет ни малейшей материнской заботы своим детям и свирепеет при самых невинных, свойствен-

ных молодому возрасту, забавах. О домашнем хозяйстве она совершенно не заботится и охотнее всего целый день торчала бы перед зеркалом, мазала бы лицо кремами и пудрами и причесывалась бы и одевалась, как на сцену. Отец — старый бюрократ, подлейшего характера, что известно всему городу со времен войны. При австрийском владычестве, занимая ту же должность, что и сейчас, он писал фамилию на немецкий лад — Матчек, а сразу после переворота переименовал фамилию и пишет теперь: Машек. Недавно, когда я к нему зашел по делу, на лестнице один посетитель говорил другому, что папаша при австрийцах был скотиной и таким же продолжает оставаться при республике. В прошлом году он в день именин покойного императора не пошел на службу, а отправился на молебен и был страшно удивлен, что костел закрыт, — только к обеду он разобрался, в чем дело. К своим детям он относится очень жестоко, поддерживая дисциплину лишь палочной расправой и преследуя их, как во время войны преследовал каждого политически подозрительного человека, то есть весь округ. Он лишает детей всякой радости, ненавидит футбол и физкультуру. Прислуг берет только из Иглавы, чтобы было с кем говорить по-немецки. Из кабака он возвращается обычно налившимся и начинает хвастать перед детьми, как он хорошо учился в свое время, получал награды и круглые пятерки, а мы нашли однажды его старый школьный дневник, так в нем были одни колы, двойки да переэкзаменовки. В гимназии он учился до того плохо, что его даже на второй год в одном классе оставили.

На второй вопрос: «Скрывают ли передо мной родители вышеназванные пороки?» — юный Машек ответил следующим образом:

«2. Не скрывают. У нас все делается открыто, и утаить от детей ничего не удастся, а если какую-нибудь пакость мы сами и не видим, то все равно узнаем о ней от посторонних людей, когда ходим в гости».

На третий пункт: «Почему мы должны по возможности скрывать от общества эти недостатки?» — он ответил словами, позаимствованными из вступительного слова учителя Швольбы:

«3. Потому что должны быть им благодарны за то, что они произвели нас на свет».

Ответ на вопрос: «Почему мы не должны следовать их дурному примеру?» показался ему весьма затруднительным, но он отделался и от него, написав:

«4. Так как каждый сын должен руководствоваться исключительно здравым смыслом, чтобы в будущем, став

взрослым, избежать ошибок своих родителей и, получив постоянную службу, посвятить себя воспитанию своего ребенка, который без отцовской заботы покоился бы в сырой земле».

Пятый вопрос: «Ссорятся ли между собой родители?» — не вызвал затруднений:

«5. Нет дня, чтобы у нас обошлось без скандала и не дошло до драки».

Ответить на шестой вопрос: «Отчего мы должны вести себя разумно и осмотрительно при семейных скандалах?» — Машеку не пришлось.

Кто-то, подойдя сзади на цыпочках, потрепал его по плечу. У несчастного пятиклассника не было уже времени уничтожить свое произведение: за его спиной стоял господин окружной начальник.

Он только что вернулся из кабака и был в самом добродушном настроении.

— Милый мальчик, — сказал он с отцовской нежностью, — теперь я вижу, как прилежно ты работаешь! Ты так же старателен в учении, как был я сам, когда получал одни похвальные грамоты. Смотри, какой у тебя хороший почерк, я до сих пор даже не замечал! А почему ты пишешь карандашом, черновик, что ли, это у тебя?

Он погладил сына по голове, и, взяв в руки заметки несчастного сына, ласково сказал:

— Подожди немного, мой мальчик, и ты от меня получишь мяч. Будешь играть в футбол, станешь скаутом...

С этими словами он начал перелистывать сыновнюю рукопись. Чем дальше, тем с большим интересом он читал и тем больше менялось выражение его лица. Бедный пятиклассник стал потихоньку пятиться к дверям, но окружной начальник настиг его прыжком пантеры.

Последовавшая за этим сцена была бы иллюстрацией к тому, что минуту назад писал злосчастный ученик: «К своим детям он относится очень жестоко, поддерживая дисциплину лишь палочной расправой...»

Окружной начальник обломал на собственном сыне последний остаток былой австрийской славы — шпагу от своего парадного мундира, которую он использовал вместо розги...

Когда на следующей неделе ученики сдавали домашние работы учителю Швольбе, молодой Машек трясущимися руками отдал свою тетрадь, где против заголовка «Если даже дети имеют основание стыдиться пороков своих родителей, они все же обязаны быть им благодарны» было написано:

«Ваши вопросы и тезисы я направил по служебной линии министру просвещения для оценки».

Под этим стояла подпись и печать окружного начальника, дата и исходящий номер V. г. 6272/126.

Говорят, учителя Швольбу перевели на Закарпатскую Украину.

НАСЛЕДСТВО ШАФРАНЕКА

После того как были проведены все необходимые формальности, наследство Франтишека Шафранека составило ровно семь геллеров. Вот и все богатство, оставшееся после этого доброго человека. Но самым неприятным было то, что у Шафранека не оказалось наследников, и государство было вынуждено принять эту сумму на хранение. Семь геллеров были положены в государственный депозит, и власти принялись за усиленные поиски наследников.

Нотариат развил бешеную деятельность. Прежде всего был назначен управляющий наследством. На основании своих полномочий он составил ясное, исчерпывающее извещение и напечатал его во всех газетах и журналах, заплатив за это, как за обычное объявление. Позаботился он и о том, чтобы сообщение о Шафранеке появилось в местной хронике газет.

Объявление гласило:

«Семнадцатого июня с. г. в общественной больнице скончался подмастерье печника Франтишек Шафранек, шестидесяти семи лет от роду, по нашим сведениям — холостой. Лица, претендующие на наследство покойного, приглашаются в нотариат окружного суда».

Словом, управляющий наследством г-н Камейка рьяно взялся за дело. Поиски неизвестных родственников Шафранека он начал со всей обстоятельностью, на какую только способны австрийские учреждения.

Судейский чиновник Камейка уже зарекомендовал себя кое-чем, однако ему еще никогда не выпадала честь управлять наследством. «Сделаю все возможное, — решил он. — Пусть меня черти возьмут, если я не закончу это дело самым успешным образом».

Пока Камейка трудился не покладая рук, семь геллеров, положенные в депозит, покоились вместе с другими суммами в сейфе государственного банка, около которого прохаживался солдат с ружьем.

Камейка не дремал. За короткий срок он поместил до пятидесяти объявлений в пражских и провинциальных газетах, что обошлось казне всего в шестьдесят крон. Писарь Шмидт был завален работой по отправке повесток всевозможным Шафранекам, которые нежданно-негаданно получали вызов в суд. В одной только Праге оказалось пятьдесят восемь Шафранеков.

С таким материалом уже можно было работать. Наблюдать трепет этих бедняг, вызванных в суд, где их допрашивали со всей строгостью и обстоятельностью, было истинным удовольствием.

Впрочем, Камейка немало намучился с Шафранеками! Некоторых приходилось чуть ли не за шиворот тащить в суд, или, выражаясь высоким, официальным слогом, доставлять туда под конвоем. Так было с Алоисом, Бененом, Артуром, Вильгельмом, Винемом, Карлом, Антоником и с Филоменой Шафранек. (Эта баба страшно ревела, когда полицейские подняли ее в шесть часов утра.) Двум Шафранекам — Михалу и Богуславу — эта история стоила должности, полицейские явились за ними на службу, чем наниматель был весьма шокирован.

Впрочем, все это пустяки, лишь бы была соблюдена юридическая процедура.

Когда с Прагой было покончено, Камейка вооружился адресной книгой и взялся за Пльзень. Там оказалось двадцать Шафранеков. В Клатовых их было десять.

Короче говоря, судебным учреждениям по всей Чехии Шафранеки доставили немало хлопот. В Млада Болеslave было допрошено четверо, в Колине — восемь, в Горжицах — один. «В Высоком Мыте — ни одного Шафранека», — констатировал Камейка, а спустя несколько дней, он, придя домой, торжествующе объявил жене: В Будапеште — восемь!» Все Шафранеки были допрошены в местных судах, и Камейка потирал руки:

— Черт меня подери, если я не доведу это дело до успешного конца!

За лето в окружном суде было заведено шестьсот двадцать девять новых папок. Для литеры «Ш» пришлось приобрести новый шкаф и нанять еще одного писаря. К осени неутомимый Камейка переключился на Моравию.

— Нельзя терять ни минуты, — говорил он своим подчиненным. — Сперва Брно, за ним Оломоуц, и все пойдет

как по писанному. Строжайший порядок: один округ за другим. Потом на очереди Силезия. Да, господа, рука судебных органов достигает далеко!

В шкафу под литерой «Ш» прибавилось еще пятьсот шестьдесят шесть дел. Писарям ночью мерещились Шафранеки.

В один прекрасный день Камейка объявил с видом победителя:

— А теперь возьмемся за Вену. Надо заручиться помощью тамошних полицейских властей. Дорога каждая минута. Телеграфируйте, нет ли там Шафранеков.

Шафранеки нашлись. Венская полиция препроводила в распоряжение пражского суда одного Шафранека, одного Шаффранка и одного Шафрана. Волею судеб это оказались почтенные коммерсанты, которые не знали, что и думать, когда их ночью схватили и отвезли в Прагу. Об этом случае даже был запрос в парламенте.

Камейка сиял.

— Все идет как по-писанному, — повторял он. — Вот увидите, я отыщу этих наследников. Пора, однако, обратиться за помощью в наши заграничные консульства.

В канцелярии окружного суда прибавилось еще сто семьдесят два дела. Консульства проявили не меньшее рвение, и через полгода Камейка мог похвастаться поистине замечательными результатами. В Германии нашло триста четырнадцать Шафранеков, во Франции — два, в Англии — девять, в России — тринадцать, в Турции — один Шафранек-бей. В Испании не оказалось ни одного, зато в Америке — восемьдесят человек. Из Австралии не поступило ответа, из Пекина ответ был отрицательный. Токио с энтузиазмом сообщало, что о таком имени там и не слыхали.

— Господа, — с удовлетворением заявил Камейка своим подчиненным, — все идет как нельзя лучше. Не пройдет и двух лет, как мы отыщем наследников. А до тех пор я прошу вашего неослабного внимания! Писать во все суды, расследовать, искать, не давая себе ни минуты отдыха. Расходы пока что составляют всего лишь одиннадцать тысяч крон — это сущий пустяк по сравнению с важностью юридической процедуры.

Розыски продолжались. Но однажды Камейка торжественно вошел в канцелярию и обратился к писарю Шмидту:

— Прошу официально зарегистрировать мою претензию на наследство Франтишека Шафранека. Не улыбайтесь, господа, я в своем уме. Будьте любезны допросить меня

по всем правилам. Имя и фамилия? Отвечаю: Ян Камейка. Состоите ли в родственных отношениях с покойным Франтишеком Шафранеком? Отвечаю, господа: состоял. Я вижу, вы удивлены... Да, господа, мы, наконец, достигли желанной цели. Мамаша моя именовалась в девичестве Шафранек. Я обнаружил это вчера, изучив свою родословную. Ее младший брат, которому не повезло в жизни, работал в Унетцах печником. Это лицо и есть покойный Франтишек Шафранек, оставивший наследство. Заявляю о своих правах и прошу завести дело.

Прошло около пяти лет, пока были выполнены некоторые мелкие формальности, и Камейка вступил во владение наследством. Из государственного депозита ему были выданы семь геллеров, он дал их позолотить и носил в виде брелока к часам.

СПОСОБ ГОСПОДИНА ПОЛИЦМЕЙСТЕРА

Друг против друга сидели двое, всем своим видом обнаруживая разделяющую их бездну. За столом — надворный советник и полицмейстер того города, где совершались описываемые события, а в кресле у стола — плохо одетый мужчина с зачесанными за уши волосами и соложкой от сигары за правым ухом. На коленях у него лежала потертая кепка. Он медленно, веско говорил:

— Поставим точки над и. Мне известно, господин полицмейстер, что, узнав о моем желании видеть вас и предложить вам свои услуги, вы с большой неохотой согласились принять меня. Вы считали, что у вас и без того довольно сыщиков, изучивших Панкрац, и было бы бесполезно толковать о их успехах... Короче говоря это совершенно никчемный народ. Мысль, конечно, правильная, но именно поэтому вы сделали бы ошибку, не приняв меня. Знаете, какой репутацией пользуется здешняя полиция? Об этом всюду идут толки: ее поведение объясняют то простой нерасторопностью, то наличием у нее тайного сочувствия к преступникам.

— Не может быть! — воскликнул полицмейстер.

— Факт, — возразил Ян Поберта. Но не в этом дело. Речь идет о другом. Мне понятно ваше отчаяние. Происходит убийство днем — полиция ничего не обнаруживает, происходит оно ночью — опять ничего. Убивают мужчину убийцы след простыл, убита женщина — виновных нет. Ну куда это годится?

— Вы забываете о последнем случае,— робко возразил полицмейстер.— Мы нашли убийц, установили их личность, их наружность, место, куда они уехали, имеем их снимки,— словом, нам известно все. Только их бегству тотчас после совершения злодеяния мы помешать не могли.

— Да, господин полицмейстер, это правда,— сказал Поберта.— Но вы забываете, что одного из убийц черт занес в Прагу и получилось опять плохо, так как негодяй доказал свое алиби. И вот, видя все это, я подумал, что благородство украшает человека. Заплатим добром за зло, сказал я себе: спасем полицию:

— Вы хотите спасти полицию?— воскликнул полицмейстер.

— Ну да,— скромно и солидно ответил Ян Поберта.— Нас собралось несколько известных старых практиков, и мы решили выручить здешнюю полицию, представив кое-какие факты, способные заткнуть рот ее недоброжелателям и насмешникам.

— Вы?— повторил свой вопрос изумленный полицмейстер.

— Да, да. Я и мои товарищи готовы помочь полиции выйти из неловкого положения. Конечно, не даром, но — цена умеренная, а способ замечательный.

— В чем же он заключается?— осведомился полицмейстер.

— Пожалуйста. О каждом сенсационном преступлении вы немедленно даете знать мне. В свою очередь я тотчас сообщаю вам, куда направить выделенного для данного случая члена нашей организации. Вы выдаете ему паспорт, проездные и некоторую сумму на первое время, пока он не устроится на чужбине. Все это я передаю ему, а вам вручаю предметы, которые послужат уликами. Кроме того, поставляю свидетелей, подтверждающих его присутствие в соответствующий момент на месте преступления, и так далее. После этого вы сообщаете печати и населению, что напали на след. И как только этот человек окажется за границей, объявляете, что преступник — не кто другой, как он. Даете приказ об аресте и так далее. Так как у него будет паспорт на другое имя, задержать его не удастся, но вам будет принадлежать честь обнаружения убийцы. Так уже делалось. Но самое главное то, что этот человек больше никогда не вернется и полиция не опозорится публично, как получилось в прошлый раз.

— Что же,— промолвил полицмейстер.— Это неплохо. Я подумаю.

— Когда мне прийти за ответом?

— Жду вас завтра в три.

Когда на другой день Ян Поберта опять пришел к полицмейстеру, они быстро договорились обо всем. И полицмейстер вздохнул свободно. Конец позору и скандалам! А газеты пускай лопнут с досады...

Через две недели произошло убийство из-за угла. Полиция и на этот раз не сумела задержать убийцу, но установила, кто совершил преступление. Она опубликовала описание примет, фотоснимки, назначила вознаграждение тем, кто обнаружит местопребывание преступников. Правда, все это она сделала, когда последние были уже далеко за границей. Население все же успокоилось, так как уже некого было бояться. Но не прошло и месяца, как было совершено убийство с целью ограбления. Бандиты были опять опознаны, фотографии опубликованы, было объявлено вознаграждение тем, кто их обнаружит,— словом, все как в первый раз.

Но, видно, тут сам черт решил подставить полицмейстеру ножку. Через некоторое время приходит к нему какой-то неизвестный и — ни много ни мало — заявляет, что явился с повинной. При расследовании убийства с ограблением полиция пошла, мол, по ложному следу.

— Послушайте, мой милый,— с раздражением ответил полицмейстер.— Не говорите глупостей. Полиции в точности известно, кем совершено это убийство. Все улики палицо и поразительно совпадают.

— Сколько бы их ни было и как бы они ни совпадали, полиция идет по неправильному пути.

— Это почему?— вскипел полицмейстер.

— Да потому, что убийца — я и пришел к вам с повинной.

Услышав это, полицмейстер чуть не отдал богу душу. Но тотчас овладел собой, вызвал чиновника и велел ему снять показания с преступника. А сам скорей послал за полицейским врачом.

— У меня тут душевнобольной, доктор!

— Душевнобольной?

— Ну да, человек, страдающий навязчивой идеей, будто не кто другой, как он, совершил последнее убийство с целью ограбления.

— А этого не может быть?

— Абсолютно исключено. Личность преступника установлена. Это не он.

— Значит, перед нами тяжелый случай психоза.

Только теперь, объявив сознавшегося убийцу сумасшед-

шим, полицмейстер вздохнул свободно. Опасность миновала!

Вскоре после этого было совершено преступление, о котором заговорил весь город: в одном банке произошла дерзкая кража; воры похитили не менее двухсот тысяч крон золотом и мелкими банкнотами, общую стоимость которых в точности установить не удалось.

На этот раз полицмейстер оплатил организации Яна Поберты даже билет на экспресс, чтобы только поскорей получить возможность опубликовать сообщение, что преступники ему известны.

Повторилась старая история... Но главный сюрприз ждал полицмейстера впереди.

Через две недели он получил от Яна Поберты из Северной Африки письмо следующего содержания:

«Многоуважаемый господин полицмейстер!

Как это ни грустно, нам надо расстаться. Надеюсь все же, что оставляю по себе добрую память, так как был полезен. Но в дальнейшем вам пришлось бы все время прибегать к помощи лжи, а это очень неприятно. Знаю, что первую возникшую опасность вы сумели отклонить, упрятав явившегося к вам с повинной действительного виновника в сумасшедший дом. Но при этом от пережитых волнений вы чуть не захворали. Я понял, что должен что-то для вас сделать. Сами того не зная, вы не погрешили против истины, опубликовав сообщение, что виновник нашумевшей кражи в банке — я, Ян Поберта. Банкноты и золото я захватил с собой, но не хочу с вами расстаться, не поблагодарив за любезность, с которой вы способствовали моему бегству и оплатили проезд. Жаль, что наша коммерческая связь на этом обрывается, но полагаю — вам будет нетрудно установить новую, обратившись к моим коллегам, которые так же предупредительны, как я.

С приветом

Ян Поберта»

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ С КОТОМ

Однажды пан Густолес, споря со своим соседом Кричком, сказал:

Ваша партия — прекрасная партия. Как только ей

удастся снять с виселицы какого-нибудь грабителя, она сейчас же выставляет его кандидатом в депутаты.

В ответ на это Кричка заявил:

— Мы с вами, господин Густолес, еще рассчитаемся.

Густолес обладал не только большой политической прозорливостью, но и черным котом, который всегда сидел на пороге его мелочной лавочки. Этого кота любила вся посещавшая лавочку публика и относилась к нему с большим уважением за его хорошее поведение и веселый нрав. Никому и в голову не приходило, что ярый противник этого красивого существа живет рядом и что он не кто иной, как Кричка, который после упомянутой ссоры на политической почве с Густолесом сказал своему восьмилетнему сыну Иосифу:

— Пепичек, как только ты увидишь эту черную тварь дурака Густолеса, наступи ему на хвост.

Разве найдется хоть один ребенок, который отказался бы исполнить такое поручение?..

Пепичек пошел в лавку, наступил коту на хвост и вдобавок обрызгал его водой изо рта.

Затем он убежал. Первое время кот никак не мог понять, что это значит, но затем, прочувствовав боль, причиненную ему мальчиком, и неприятное ощущение от холодной воды, которой тот обрызгал его изо рта, он пришел к заключению, что в другой раз он этого не допустит и примет меры предосторожности.

За свое мужественное поведение Пепичек получил от отца в награду один крейцер; кроме того, отец обещал подарить ему еще два крейцера, если он будет продолжать в том же духе. В коте Густолеса Кричка олицетворял всю неприятельскую партию и считал, что, нанеся вред коту, он как бы тем самым наносит вред имуществу своего политического противника. Таким образом, Пепичек наступил на хвост не коту, но всей враждебной политической партии, и плевал не на кота, но на всех сторонников этой партии, к членам которой он относил также и черного кота.

Пепичек весело отправился на новую политическую битву. Вот картина этой борьбы.

Кот лежит перед дверью и дремлет. Однако это не так: он притворяется. В этом его никто не должен упрекать, так как он не ходил в школу и не знает, что притворство — грех.

Итак, кот притворяется, и Пепичек снова наступает ему на хвост и плюет на голову. Вдруг кот с фырканием вскакивает и царапает ногу Пепичека. Затем взбирается ему на голову, дико мяучит, кусает его за ухо, прыгивает, торже-

ственно задрав хвост, убегает от ревущего мальчика и спокойно садится на порог лавки своего хозяина, уютно мурлыкая.

Когда Пепичек, оборванный и окровавленный, вернулся домой, Кричка закричал: «Наконец-то я тебя уличил, Густолес!» — и повел Пепичека в полицейский комиссариат, где полицейский врач, осмотрев его, составил протокол, а полицейский комиссар отдал распоряжение арестовать кота и передать его ветеринарному осмотру.

Двое полицейских отправились исполнять приказ и арестовали кота именем закона. Но так как кот пытался убежать, фыркал и царапался, то полицейские вынуждены были послать за специальным ящиком, в котором они заперли кота, допустившего перед этим открытое насилие над полицейскими и укусившего за палец одного из них. Кроме того, фырканием он явно оскорбил представителей власти. Что именно он хотел этим сказать, осталось неизвестным.

Таким образом кота привезли в ветеринарное отделение, и полицейские подали на него следующий рапорт:

«Когда мы за ним пришли, он фыркал, царапался и кусался. Мы вынуждены были, ввиду его отчаянного сопротивления, запереть его в ящик. Кроме того, он пытался сорвать с нас револьверы...»

Протокол был подписан и отправлен государственному прокурору.

Прокуратура усмотрела в поведении Густолеса преступление против статьи, предусматривающей наказание за недостаточный присмотр за животными.

Ему ставилось в вину, что его кот не был привязан на цепи и ходил без намордника.

Густолес обязан был привязать кота, тем более что в городе происходили выборы, во время которых животные могут легко заразиться бешенством.

Затем между Кричкой, отцом мальчика, подвергшегося нападению кота, и Густолесом, собственником черного кота, напавшего на сына Крички, долгое время существовала вражда на политической почве. Прокурор считает доказанным, что кот Густолеса совершил нападение умышленно, чтобы как можно сильнее изувечить сына своего политического противника, что ему действительно и удалось. Так как, согласно действующему в Австрийской империи закону от 8 января 1801 года, кота надлежит считать за особу слабоумную, за которую отвечает своим именем и своей жизнью ее собственник, то вся вина падет на Густолеса. Тем временем в ветеринарном отделении было исследовано душевное и телесное состояние кота, и протоколы этого исследова-

дования поступили в распоряжение государственного прокурора. Документы гласили следующее:

«Франтишек Густолес № 2145/65

Подвергнутый исследованию обладает широкими костями, хорошо упитан, но страдает воспалением надкостницы, так что его укусы могут быть небезопасны для жизни.

По этим причинам желательно, чтобы исследуемый был уничтожен.

Д-р М. Кашпарек»

Государственная прокуратура послала это отношение для исполнения в полицейский комиссариат, где оно было зарегистрировано и отнесено к делу, касающемуся Густолеса.

Тем временем кот был возвращен Густолесу. Неожиданно в пять часов утра четыре полицейских пришли к нему домой, арестовали пана Густолеса и увели его с собой. В полицейском участке строгий полицейский пристав довольно угрюмо начал допрос:

— Вы — Франтишек Густолес?

— Так точно, ваше благородие.

У одного молоденького полицейского навернулись на глаза слезы.

— Дайте сюда дело, касающееся Франтишека Густолеса, и не хнычьте.

Подали дело.

— Выслушайте приказ градоначальника, касающийся вас, Густолес, от 15 июня 1911 года за № 275/289:

«Франтишек Густолес, согласно донесению ветеринарного отделения за № 2145/65, подлежит немедленному уничтожению. Против этого постановления, в согласовании с законом об эпидемиях скота ст. 5 от 12 февраля 1867 года, никаких возражений не имеется.

Градоначальник Виниечка»

— Как видите,— сказал несчастному человеку полицейский пристав,— постановление не отменено. Напишите ваше последнее распоряжение и не хнычьте. Вы будете уничтожены, как только из Вены придет подтверждение решения и распоряжение о способе вашего уничтожения.

Мне самому интересно: как выпутался Густолес из этого дела?

БАТИСТОВЫЙ ПЛАТОЧЕК

Гувернер юного Антонина Марека отправился на прогулку в лес с его матерью.

Пани Марекова была высокообразованной дамой, она свободно объяснялась по-французски и по-английски, много читала и любила размышлять о жизни, которую в свои тридцать лет находила удивительной и прекрасной. Поговаривали, правда, что не один мужчина делит с паном Мареком ее благосклонность. Как бы там ни было, жизнь ее была полна прелестей.

Напротив, гувернер ее сына был человек задумчивый, и мысли его теперь были заняты главным образом тем, что завтра он покинет эту семью, чтобы поступить в городе на новое место и заняться воспитанием какого-то молодого графа.

Итак, это была их последняя прогулка с пани Марековой, любившей гулять в его сопровождении, поскольку был он образован, хорош собой и при этом очень робок. Сегодня он казался еще более задумчивым, чем обычно, потому как страдал насморком и позабыл дома носовой платок.

Положение было не из легких, что и отражалось на его лице, придавая ему выражение грусти и легкого скепсиса.

Он отрывисто отвечал на вопросы пани Марековой, которой было жаль, что он уезжает, — ведь он был так хорош собой и так робок, что ни разу не отважился произнести слова, которые дали бы ей понять, что он ее боготворит.

Они шли по лесу.

— Смотрите, — говорила она, — листья желтеют, и вянут, и осыпаются.

Махнув рукой, он ответил:

— Из года в год одно и то же.

— Ваш отъезд пришелся на такое грустное время года...

— Весной ли, осенью, летом или зимой, сударыня, — все одно, отъезд есть отъезд, был человек и нет его — с глаз долой...

Лицо его залилось краской — он изо всех сил старался не чихать.

— Вы должны признать, что были полноправным членом нашей семьи.

— Да, сударыня.

— Мы уважали и любили вас. Тоничек души в вас не чаял.

— Сударыня, мне этого не забыть никогда.

Он покраснел, потому что в носу все время что-то щекотало. Страдать насморком и не иметь при этом платка — последнее дело, и он, окончательно смутившись, буркнул:

— Спасибо, сударыня.

Пани Марекова обронила сумочку. Он поднял ее и, чуть отступив в сторону густого кустарника, сделал вид, что разглядывает ее, надеясь в зарослях незаметно вытереть нос рукавом.

— Чем вы там заняты?

— Любуюсь сумочкой.

Пани Марекова уже стояла рядом, и тут он, открыв замок, заглянул внутрь сумочки.

— Милая сударыня,— сказал он, вынимая из сумочки батистовый платочек,— какая великолепная вышивка. Подарите мне этот платочек, сударыня.

— На что он вам?

— На память о тех временах, когда мы гуляли с милостивой сударыней.

Она вопросительно взглянула на него: и куда это девалась его робость?

Пряча платочек в нагрудный карман, он сообразил, что сейчас самое время показать пани Марековой заход солнца с вершины холма и вытереть нос у нее за спиной. Она пошла к нему вплотную:

— Вы действительно будете о нем вспоминать?

— Буду, сударыня.

Они поднимались на холм, не проронив ни слова, он был занят своими мыслями и не мог дожидаться той чудной минуты, когда поднесет платок к носу.

Наконец они очутились на холме.

— Какой закат!— сказал он.— Взгляните, сударыня, какие краски, как все полыхает на горизонте... А эти леса... верхушки деревьев...

Он отступил назад и, убедившись, что она любит закатом, приложил батистовый платочек к носу...

Это было вожаделенное, волшебное мгновение. Он был обо всем на свете и страстно предавался наслаждению, хорошо известному людям, нюхающим табак.

Поэтому сам он не слышал звука, который более всего напоминает трубный зов. Он упивался освобождением, как человек, вновь обретший то, что потерял. Он сморкался, вкладывая в это занятие всю свою душу.

Подняв взор от платка, он побледнел. Пани Марекова глядела на него так укоризненно и так грозно, что он, заикаясь, смог лишь пролепетать:

— Милостивая сударыня...

— Негодяй,— промолвила она, указывая ему путь обратно к дому,— прочь с моих глаз...

На другой день гувернер прощался со всей семьей. Пани Марекова была в саду.

Не зная, что ей сказать, он выдал из себя:

— Не поминайте лихом, милостивая сударыня!

— Ну какое там,— ответила Марекова со значением.— Прощайте!

Не в силах опомниться после такого конфуза, гувернер, сидя в поезде, всю дорогу вытирал нос батистовым платочком.

Мораль: отправляясь в путь, не забывайте платков и вытирайте нос только своим собственным.

КАК Я СПАС УТОПАЮЩЕГО

Самым горячим моим желанием издавна было спасти чью-нибудь человеческую жизнь.

Мысль о спасении человека особенно подогревала меня, когда я сидел в нетопленной комнате. Кроме того, у меня врожденное корыстолюбие (мой дедушка по матери был осужден около пятнадцати раз за ростовщичество), а я часто читал в газетах, что в награду за спасение утопающего получали от муниципалитета пятьдесят крон. (Один человек, рискуя своей жизнью, спас утопающего, за что ему выдали награду в пятьдесят крон. Он так обрадовался этой награде, что получил разрыв сердца.) А затем — удовольствие попасть в газеты. Правда, я попадал в газеты, и весьма часто, но, увы, это нисколько не радует ни моего тестя, ни мою супругу Ярмилу. Однажды обо мне написали в связи с неприятным случаем, когда полицейский по несчастной случайности угодил под мою палку. В другой раз обо мне была заметка под заглавием: «Дрался с солдатами». Насколько помнится, она начиналась довольно многообещающе: «Вчера пришел в пивную «Канонир»... Одно сообщение за другим приходят мне в голову: «Остановил пароход», «Выброшен в Турнове», «Приставал к полицейским» и т. д. и т. д. Тяжелые воспоминания, лучше о них не рассказывать! Поэтому неудивительно, что у меня появи-

лось сильное желание попасть в газеты в качестве благо-родного и доброго человека.

Меня охватило страстное желание реабилитировать свое прошлое.

Я уже ясно представлял себе такой заголовок: «Мужественный спаситель». Я даже видел перед собою, как это напечатано в разбивку: «Мужественный спаситель».

Из пятидесяти крон, которые я получу, я куплю ботинки, порцию улиток... а на остаток? Само собою разумеется, не комплект «Вестника общества трезвости».

Взвесив все обстоятельства, я ежедневно ходил возле реки, высматривая излюбленные места самоубийц, преимущественно Карлов мост, с которого бросаются главным образом бережливые самоубийцы, с целью избежать платы в два геллера за переход по мосту.

Однако у меня оказалось много конкурентов. Внизу, под мостом, в течение целого дня сновал на своей лодке человек, живший исключительно спасением утопающих. В его доме под стеклом висит уже свыше шестидесяти благодарственных свидетельств и наград. Как паук, поджидающий мух, притаился он под мостом, а в последнее время даже подвесил сетку для самоубийц.

Одним словом, возле Карлова моста мне делать было нечего. Тогда я стал ходить возле моста у Элишкиной улицы, и там мне однажды представился счастливый случай: как раз на моих глазах прыгнул в воду какой-то человек, бросив перед этим письмо следующего содержания:

«Дорогая Боженка!

Сто раз говорил я тебе, чтобы ты не солила свиной печенки перед тем, как поставить в духовку. Потом она становится тверда, как кожа, отчего я и заболел неизлечимым катаром желудка. Кроме того, я узнал о твоих интимных отношениях с моим конторщиком, который обокрал меня на шестнадцать тысяч крон. Теперь я банкрот. Прощай!

Твой *Иозеф*»

Прежде чем я успел прочесть письмо, самоубийцу вытащили целого и невредимого. Оказалось, что он плавал, как рыба, еще немного — и он побил бы нынешний мировой рекорд венгерского пловца Какони.

Таким образом, на мостах мне не повезло. Я стал ходить в Карлин. Там, недалеко от железнодорожного моста, река особенно прекрасна. С Карлинской скотобойни и со-

седних фабрик несутся всевозможные ароматы. Река течет черная и задумчивая, как старик-перевозчик возле Роганского острова. Чайки кричат над рекой и бьют крыльями о водную гладь. Летучая мышь со свистом кружится над рекой (собственно, я не знаю, свистят ли летучие мыши, но это неважно). К вечеру эта часть города представляет такую печальную картину, что обойтись без бутылки коньяку никак нельзя. Кроме того, здесь упражняются саперы, и у берега всегда стоят их понтоны.

Эта часть города как раз соответствовала моим намерениям. Почти около месяца я шатался по этим местам, выпив около восьми бутылок коньяку. И — ничего! Наконец, в один грустный вечер, когда ветви деревьев жаловались, что осень сорвала все их листья и что они уже не могут вдохновлять поэтов, на берегу реки появился молодой человек. Я несколько раз прошел возле него и заметил, что ему около шестнадцати лет и что на самоубийство он идет без особой охоты. Он торчал уже в течение двух часов, вздыхал, сморкался, плакал, смотрел на небо, на воду, затем вынул из кармана какую-то фотографическую карточку, поцеловал ее, разорвал, вытер носовым платком пыль со своих ботинок и, наконец, бросился в речку. Сделал это он возле маленьких лодок, принадлежащих военному парку. Я быстро взял камень, подбежал к лодкам, сломал замок, которым была прикреплена одна из них, схватил весла и поплыл туда, где барахтался молодой человек и кричал: «Спасите, спасите!» Я схватил его за шиворот, дал ему два подзатыльника, вытащил, посадил к себе в лодку и поплыл с ним к берегу. Когда мы плыли, он целовал мои ботинки, но как только мы высадились на берег, он бросился бежать. Напрасно я старался догнать его. Выбившись из сил, я ворвался в первый попавшийся мне на пути полицейский участок. Строгий начальник участка, подозрительно посматривая на меня, спросил:

— Вам что угодно?

— Я сбил замок... — вырвалось у меня.

— Колечко! — крикнул начальник. — Обыщите его и посадите в карцер.

— Но позвольте, я объясню...

— Молчать!

— Но позвольте, это было так: я должен был сломать замок...

Больше я говорить не мог: Колечко открыл ключом камеру заключения, втолкнул меня туда и снова запер.

С ужасом я услышал громкий голос начальника участка:

— Колечко, телеграфируйте в полицейское управление, что мы поймали человека, который ломает замки.— Через некоторое время после этого:— Так вам уже ответили. Завтра передадим его в суд.

Я начал стучать в двери и в ответ на это услышал снова голос начальника:

— Колечко, наденьте на него смирительную рубашку. Утром рано меня направили в суд, где меня спросили:

— Кто вас научил ломать замки?

— Я сам,— сказал я робко, так как смирительная рубашка за ночь превратила меня в совершенного ягненка.

Допрашивавший меня судья оказался хорошим человеком. Мне удалось наконец ему объяснить, с какой целью я сломал замок. Тем не менее я остался арестованным, так как, сломав замок, я совершил преступление против государственного имущества. Теперь я сижу на нарах в скептическом настроении, и меня утешает только мысль о том, что я снова попаду в газеты. В отдел: «Из залы суда».

КАК ПАН КАРАУС НАЧАЛ ПИТЬ

Караус был главным инспектором общества страхования жизни. Бывая среди нас, он любил говорить о том, как было бы прекрасно, если бы внезапно вспыхнула эпидемия или война. Сколько бы нашлось работы его конторе! При этом он пил только содовую воду, так как был активным членом общества трезвости и подписывался на журнал «Друг природы». Самым большим для него удовольствием было говорить о живущих на земном шаре племенах, которые питаются одними растениями, пьют только воду и доживают до 180—200 лет. Так, например, на Новой Зеландии англичане обнаружили старуху в возрасте 180 лет, которая жива еще и сейчас. Кроме того, он предлагал нам питаться сушеными бананами, которые Палацкий будто бы назвал «пищей будущего». На самом деле было так: издатель «Друга природы», Крофта, когда-то закупил по дешевке большую партию бананов, часть которых сгнила, высушил их и выставил в витрине своего магазина со следующей надписью: «Вот те самые сушеные бананы, о которых отец Палацкий сказал, что они станут пищей будущего». Таким образом это сказал не Палацкий, а Крофта. Итак, Караус частенько распивал среди нас в ресторане «Золотой литр» содовую воду и рассказывал нам о вреде алкоголя. Однажды он даже принес волшебный фонарь и стал демонстри-

ровать на белой стене изображение почек и желудка алкоголика. Свою демонстрацию он сопровождал лекцией о влиянии алкоголизма на мозг и на человеческое общество в целом.

— Представьте себе,— говорил он,— что большинство негодяев, лжецов, воров, отцеубийц, сластолюбцев, поджигателей, международных мошенников, шпионов и т. д. ежедневно выпивает больше трех кружек пива. Кроме того, все эти люди, подонки общества, пили водку, коньяк или ликер и кончали свою жизнь виселицей или тюрьмой. Иоанн Златоуст сказал: «Кому, ах, кому горе на этом свете?— Тому, кто сидит у вина и с пьяными ведет дружбу». Вот почему я пью только содовую воду.

Эту свою последнюю лекцию он прочел нам в пятницу, а когда в субботу он, как обычно, пришел в ресторан и заказал себе содовую воду, то Махен встал и сказал официанту:

— Перглер, возьмите эту воду и дайте ему пива!

— Никогда!— воскликнул инспектор Караус.

— Ну, тогда через три месяца мы вас будем хоронить,— холодно сказал доктор Шкарда.

— Позвольте!

— Никакого «позвольте»,— сказал доктор Шкарда.— Разве вы не читали газет?

— Я газет не читаю.

— Ну, тогда поставьте над собой крест, дружище,— заметил Махен.

— Как долго вы пьете содовую воду?— спросил Шкарда.

— Пятнадцать лет,— гордо ответил Караус.

— Тогда еще не все потеряно. Несколько дней тому назад наука открыла, что содовая вода содержит мышьяк, который выделяется водородом, содержащимся в содовой воде. Вы, наверно, знаете, что такое мышьяк?

— Ах, боже мой!— воскликнул инспектор.

— Не говори «гоп», пока не перескочишь! Конечно, этого мышьяка в содовой воде не так уж много. Но если пить ее регулярно в течение нескольких лет, то впоследствии внезапно может случиться отравление организма, при котором сердечная деятельность останавливается. И уже после операции выясняется, что человек умер или от отравления мышьяком, или от паралича. Такая же смерть постигает, например, животных, которые подвергаются укусу змеи. Единственным спасением в таком случае служит большая доза алкоголя. Обычно бывает достаточно выпить пол-литра коньяку

— Давайте сюда пол-литра коньяку! — закричал инспектор.

Но доктор Шкарда взял его за руку.

— Нет, так сразу нельзя!— сказал он.— В самом начале вы не должны пить коньяк, но сперва вам необходимо пить небольшие порции пива, да и то в таком порядке: первую кружку сразу, другую через десять минут, а третью через четверть часа...

Через два часа вокруг Карауса можно было насчитать около пятнадцати кружек пива.

Так Караус перестал быть трезвенником и с тех пор стал верным сторонником партии умеренного прогресса в рамках закона.

ТРЕЗВЕННИКИ

Не знаю, как случилось, что председатель общества трезвости Ворачек, его заместитель Бек и секретарь Машек постановили также праздновать новый год, но, конечно, способом, соответствующим интересам и задачам общества трезвости. Впоследствии говорили, что правление вынуждено было выйти на улицу и активно проповедывать идею борьбы с алкоголиками под прямым давлением членов общества.

В данное время члены общества это отрицают, но в протоколе, составленном полицией на указанных трех трезвенников, значится, что, преследуя единственную цель — проповедывать чистые антиалкогольные идеи, они вышли вечером, чтобы провести всю новогоднюю ночь, как апостолы, в борьбе с величайшим в мире злом — пьянством. Когда они вышли на улицу, председатель Ворачек спросил стоявшего на углу постового, не может ли он сообщить, где они могут найти сейчас больше всего пьяных. Это было в шесть часов вечера. Полицейский посмотрел на него и сказал:

— Неужели вам не стыдно глотать водку с раннего утра?!

— Но позвольте...

— Ничего я вам не позволю. Еще одно слово — и я вас заберу в участок.

— Ну, тогда спасибо.

— Глядите, говорю вам!— предупредил полицейский.

Трезвенники печально отправились дальше и на углу Житной улицы заметили двух мужчин, которые, бормоча что-то себе под нос, шли по направлению к городу. Секре-

тарю пришла мысль, что эти два человека наверняка идут куда-нибудь в притон, и он предложил отправиться за ними.

Долго преследовать их не пришлось. Те заметили их и бросились бежать, бросив какой-то сверток.

Покачивая головой, заместитель председателя Бек развернул сверток и увидел в нем две пары ботинок. Тем временем вокруг них собралось много народа, и какой-то коренастый человек взял одной рукой Бека за рукав, а другой махал перед его лицом и кричал, что он его знает, что у него так много ботинок, что он их выбрасывает, а другим беднякам приходится ходить босыми в зимнее время...

Затем секретарь Машек услышал выкрик: «Дай ему хорошенько!», послуживший сигналом к всеобщей атаке на трех апостолов, вынужденных отступить к одному большому дому и спастись в каком-то магазине, собственник которого, впустив их, плотно закрыл за ними дверь. На всякий случай торговец спросил, что им угодно и не желают ли они обождать, пока полицейский не разгонит толпу, кричавшую у дверей магазина. Они осмотрелись вокруг и, к своему ужасу, увидели, что на маленьких бочонках красуются надписи: «Житная с ромом», «Водка — первый сорт», «Водка — второй сорт», «Ямайский ром». Такие надписи окружали их со всех сторон.

— Дайте нам что-нибудь без алкоголя,— сказал Машек.

— За пять или за десять?— хитро улыбаясь, спросил содержатель винной лавки.

— За десять.

Он налил всем по стакану. Они выпили сразу, и Ворачек первый усомнился в том, что в напитке не было алкоголя.

— Ну, какой там алкоголь, настоящая старая польская «контушевка»!

— Но позвольте, ведь мы вас просили без алкоголя.

— Полно болтать! Сами целый день шляются по кабакам и напились до того, что за ними ходит толпа народа. Да и сейчас вы, должно быть, хотите учинить какой-нибудь скандал. Хорошо же вы начинаете новый год! Пошли вон отсюда!

И торговец грубо вытолкнул их на улицу, где к тому времени толпа уже разошлась.

Председатель общества трезвости, осматривая один кабачок, услышал, как проходившие мимо него господин с дамой разговаривали:

— Посмотри, Анна, вот этот пьяный — Ворачек, из первого отделения нашего банка. Раньше он был порядочным человеком, а теперь, ты видишь, совсем спился...

— Простите, господин директор,— подойдя к ним, испуганно заговорил Ворачек,— простите, вы ошибаетесь: мы, наоборот, проповедуем идеи трезвости, особенно сегодня, когда человечество совершенно неправильно встречает новый год, полагая...:

Полицейский, ранее разгонявший толпу людей перед винной лавкой, подошел к Ворачеку и строго сказал ему:

— Я уже долго наблюдаю за вами и последний раз прошу вас ни к кому не приставать, иначе я вас за пьянство отправлю в участок.

Как мокрые курицы, не говоря ни слова, три приятеля отошли от полицейского. Ворачек возбужденно рассказывал им, что произошла большая ошибка. Директор сказал о нем полицейскому: «Да, он здорово нализался».

Так шли они по улице, и, очевидно, польская «контушевка» сильно ударила им в голову. Перебивая друг друга, они рассказывали о юридических ошибках и убийствах, пока не услышали за углом, в ресторане, игру на гармонике.

— Ага, вот где гнездо разврата, которое мы ищем,— сказал секретарь.— Пойдемте и расскажем им, как они постепенно превращаются в диких животных!

Они вошли в помещение, попросили бутылку содовой и стали осматриваться. Две подозрительного вида женщины сидели на коленях у двух парней, о которых вся пивная орала хором: «Ходят там фрайеры чесаные...»

Когда публика кончила петь, Машек влез на стул и твердым голосом, подкрепленным польской «контушевкой», сказал:

— Будьте любезны, разрешите сказать вам, что вы, собственно говоря, звери.

В сущности говоря, это была правда, так как, если бы эти трезвенники оказались брошенными на съедение льва в римском цирке, то и тогда они чувствовали бы себя лучше, чем здесь.

Через минуту они уже бежали по улице в самом жалком виде: без шляп, оборванные, словно после борьбы с медведем, и с опухшими лицами.

Чтобы передохнуть и привести себя в порядок, они забежали в одну пивную. В этой пивной они встретились с такой же публикой и, боясь расправы, на вопрос, что им угодно, скромно ответили: «Хотя бы пива».

Половой, крепкий мускулистый парень, долго советовался с содержателем пивной. Затем подошел к их столу и сказал, что он им ничего не может подать, так как лицам в пьяном виде ничего не подается.

— Это большая ошибка,— вежливо сказал Машек,— мы как раз всюду проповедуем воздержание от пьянства, особенно сегодня, когда человечество...

Однако договорить ему не удалось. Содержатель пивной взял его за шиворот и потащил к дверям.

— Берите свои ноги на плечи и убирайтесь подобру-поздорову. Подрывать мне торговлю я не позволю.

Когда Машек вернулся за Бекон и Ворачеком, то последних уже не было в пивной. Он нашел их в кухне, где Ворачек, подымая руки вверх, кричал: «Это юридическая ошибка!»

Но, безусловно, им не следовало в таком состоянии идти в префектуру и там, перебивая друг друга, с опухшими лицами, без воротничков и галстуков, в разорванных костюмах и пальто, доказывать инспектору, что их целью является проповедь идеи трезвости, что они — апостолы новой культуры и прочее, и прочее.

Инспектор сказал дежурившему полицейскому:

— Посади их всех в карцер, пусть проспятся.

Двери одиночки открылись и опять закрылись.

Так была окончена великая трагедия проповедников. Утром на другой день было весьма забавно наблюдать, как проснувшийся Ворачек гонялся по стене за клопами. Затем он достал карандаш и написал на стене изречение: «Нет пророка в своем отечестве».

Он оказался прав. В довершение всего все трое получили через неделю письма от общества трезвости, в которых им кратко сообщалось, что все они за нарушение устава исключаются навсегда из состава членов общества, так как в уставе ничего не упоминается о польской «контушевке», драках и нарах в участке.

ИСПОВЕДЬ СТАРОГО ХОЛОСТЯКА

I

Как я пришивал пуговицы к брюкам

Человек испытывает одно из самых мучительных чувств, когда замечает, что костюм его не в порядке. В таком костюме он не может появиться в обществе, так как общество не делает различия между пожилым холостяком и женатым человеком и требует от обоих определенной степени приличия. Отсутствие пуговиц на ваших брюках возбуждает у многих предвзятых людей определенный отпор Об-

щество не относится к этому обстоятельству достаточно вдумчиво и не принимает во внимание никаких смягчающих вину обстоятельств. Оно забывает, что старый холостяк из стыдливости не осмелится принести брюки с оторванной пуговицей к жене своего приятеля с просьбой, чтобы она подвергла их всестороннему осмотру и привела в надлежащий порядок. Если же он обратится с подобной просьбой к дочери своей квартирной хозяйки, то, вероятно, возбудит и в ее нежной девичьей душе вполне заслуженное презрение.

Таким образом, если старый холостяк хочет сохранить в обществе хорошую репутацию, ему не остается ничего другого, как самому пришивать пуговицы к своим брюкам. Если же кто возражает против этого и утверждает, что холостяк может обратиться к мужскому портному, который пришивает пуговицы, то осмелюсь заметить, что такое утверждение — увы! — совершенно неправильно. Предположим, что он придет и скажет портному: «Вот вам брюки, здесь оторваны пуговицы; будьте любезны их пришить», — этим он только выставит себя в смешном виде: кто бы не ужаснулся, услышав, что к портному обращаются, чтобы пришить пуговицы к брюкам?

Поэтому я решил пришивать пуговицы к брюкам сам.

Первое время оторванную пуговицу я заменял английской булавкой. Но однажды в трамвае булавка впилась мне в тело, и я решил, что пуговицы необходимо пришивать, а не ограничиваться простым закалыванием булавкой.

Признаюсь цинически, что сначала я не обратил внимания на оторванную пуговицу, и только ночью, вспомнив, как на меня смотрели в течение целого вечера в кафе даже тогда, когда я застегнул пальто, я решил, что приколю булавкой новую пуговицу, которую я отрезал от жилета. Отсутствие на жилете одной пуговицы не считается особенно неприличным, — во всяком случае, вы менее ощущаете последствия потери пуговицы от жилета, чем от брюк. Если у вас нет пуговицы на жилете, то кажется, что вы его небрежно застегнули, что частенько случается со старыми холостяками, как я знаю по собственному опыту. Во всяком случае, это не шокирует окружающую публику. Но совершенно другое впечатление производит, как я уже упомянул, отсутствие пуговицы у брюк.

После долгих раздумий я решил, что пуговицу я пришью сам. В течение целого дня я чувствовал себя беспокойно. Спросить, как пришивают пуговицы, я боялся, так как не хотел, чтобы меня сочли за глупца; поэтому я отправился в читальный зал библиотеки, взял там «Энциклопедию» и в томе на букву «П» стал отыскивать статью «пришиванье».

Теперь я могу решительно опровергнуть ложный взгляд, будто наша «Энциклопедия» является полной. О пришивании пуговиц там не сказано решительно ничего. Там даже нет такого слова. В томе на букву «П» я нашел только объяснение слова «пуговица», но что это было за объяснение! «Пуговица является принадлежностью одежды. Прикрепление пуговиц происходит при помощи пришивания. Пуговицы уже были известны древним египтянам, но греки и римляне пуговиц не употребляли. Пуговицы в Чехии появились вместе с христианством.

Тогда я стал искать статью «христианство», надеясь найти там упоминание о пуговицах, но ничего не нашел. Я подумал, что смогу найти сообщение о том, как древние египтяне пришивали пуговицы. Разыскал статью «Египет» и прочел: «В Египте старых первосвященников хоронили с золотой пуговицей в руке». Но как пришивали египтяне пуговицы, об этом не сообщалось.

Поэтому я должен был положиться исключительно на собственную изобретательность. После долгих размышлений я пришел к выводу, что необходимо держаться так называемой системы постепенного изучения. К делу нужно подходить систематически. Я осмотрел пуговицу и обнаружил в ней четыре дырки.

Первое время назначение этих дырок было для меня загадкой, но, осмотрев их внимательно, я понял, что через них проходит нитка при помощи того инструмента, который называется иглой. Игла же, как я вычитал из «Энциклопедии», является определенным видом стального рычага и отличается от поросенка тем, что имеет только одно ушко. В это ушко, как я обнаружил, просовывается нитка, пуговица насаживается на нитку, а иголка прокалывает брюки.

Моя фантазия работала весьма буйно. Так как я слышал, что сталь очень хрупка, то купил целый gross иглол; кроме того — дюжину катушек, большею частью черных. На тот случай, если черные нитки окажутся негодными, я купил белые, а также коричневые — на всякий случай, если окажутся негодными и черные и белые нитки.

В магазине, где я покупал, меня спросили, не желаю ли я купить также и наперсток. Я понял, что наперсток, очевидно, является весьма важным инструментом, и купил их двадцать штук. Судя по названию, я понял, что «наперсток» надевается «на перст», то-есть на палец. Но я не знал, на какой именно, а поэтому, чтобы не ошибиться, купил двадцать наперстков, так как известно, что на руках у нас десять пальцев и на ногах тоже десять.

Когда я со всеми покупками возвращался домой, то был похож на волшебника. Дома я приказал хорошенько натопить, принести три бутылки вина и, подкрепившись основательно ужином и вином, разыскал несчастные брюки и усердно принялся за работу. Я помню до сих пор, какая это была жестокая, упорная борьба.

Утром меня нашли лежащим в одном белье на полу, окруженного четырнадцатью тысячами метров разноцветных ниток. Я спал на двухстах иголках, а мои брюки оказались пришитыми к дивану; на пальцах ног и рук у меня было насажено двадцать наперстков, а икра моя была пришита к коврику.

Что делать? Пришлось купить новые брюки.

II

Как я варил яйца всмятку

У меня есть добрая старая тетья, которая время от времени подвергается приливам любви к родственникам. Лет пятнадцать она ничем не дает о себе знать, а потом внезапно почтальон приносит какую-нибудь посылку от нее, которую она посылает в порыве такого припадка. Последний раз, четырнадцать лет тому назад, она послала мне большой пирог, а теперь, на пятнадцатом году после этого события, почтальон вручил мне большую корзину, в которой я обнаружил яйца и следующее трогательное письмо:

«Милый племянник!

Как я рада, что могу послать тебе корзину яиц из моего хозяйства. Я тебя, милый мальчик, очень люблю и так как думаю, что жить мне осталось недолго, то посылаю тебе последнее доказательство моего внимания к тебе. Свари их сам всмятку, ешь и вспоминай свою старую добрую тетю Анну. Пусть эти шестьдесят яиц напомнят тебе о маленьком домике на севере, где весело кудахтают куры и вспоминают тебя вместе с твоей горячо любящей тебя

тетей- Анной»

Из чувства благодарности к своей тете я решил сварить сразу все шестьдесят яиц всмятку.

Ночью я видел по этому поводу сон. Собственно, я никогда не задавался вопросом, как варят яйца всмятку. После продолжительного размышления я пришел к выводу, что яйца необходимо варить так, чтобы они сварились. Это является единственно возможным выходом из такого сложного положения, как необходимость во что бы то ни стало сварить сразу шестьдесят яиц всмятку.

Я очень люблю яйца всмятку. И так как шестьдесят яиц, сваренных всмятку, я все же съесть в один присест не могу, то я решил сделать из яиц консервы.

Я очень долго раздумывал о том, как мне это сделать. Неожиданно я оказался в весьма неприятном положении. Я знаю, что в газетах очень часто смеялись над женами-хозяйками, которые не умеют сварить всмятку яйца. Но никогда нигде еще не писалось о том, как варят яйца старые холостяки. А поэтому я хочу правдиво описать все, что случилось со мной. Это послужит руководством к варке яиц.

Прежде всего я купил несколько книг по птицеводству, предполагая найти в них на первых страницах нужные мне указания.

К сожалению, во всех специальных сочинениях о птицеводстве я не нашел ни одной строки о варке яиц, хотя вообще о яйцах там писалось много: например, что яйца несут куры, и тому подобные пустяки, о том, что яйца должны храниться в сухом месте, как яйца должны высиживаться. Но так как тетя послала мне эти яйца не для того, чтобы я их высиживал, а чтобы их сварил всмятку, то я нервно закрыл книгу.

Я не хотел об этом спрашивать у своих семейных знакомых, а поэтому опять решил отправиться в библиотеку и прибегнуть к помощи энциклопедического словаря.

В томе на букву «Я» я нашел статейку, сообщающую, что каждый род и вид птиц несет яйца. Хотя это и не было для меня новостью, тем не менее я с интересом прочел, как наука доказывает эту общеизвестную истину.

К моему удивлению, оказалось, что наука совсем не интересуется такими важными вопросами, как варка яиц. Ни в одной книге я ничего об этом не нашел.

Правда, в «Энциклопедии» упоминалось, что яйца приготавливаются различными способами, но какими именно способами — это для меня осталось загадкой даже и после трехдневного тщательного просмотра энциклопедического словаря.

Правда, мимоходом в этой почтенной книге упоминалось о варке яиц: «В Англии яйца служат в большинстве случаев предметом питания и употребляются в сыром или вареном виде. Варят их вкрутую или всмятку. Почти в каждой английской семье яйца к завтраку подаются всмятку»

Но как именно привести яйца в полужидкое состояние, то есть всмятку, об этом не говорилось ни слова.

Мне не оставалось ничего другого, как попытаться попробовать самому сварить яйца всмятку и добиться благо-

приятного результата хотя бы ценою порчи нескольких штук. Для этого я купил спиртовку, пять литров спирта и котел Папина, пользоваться которым я научился во время изучения физики в гимназии. Затем я приступил к делу. Я налил в котел Папина воды, в воду положил десять яиц и зажег спиртовку. Через четверть часа я вынул первое яйцо, разбил его — оно было крутое. Разбил другое — тоже крутое. Все яйца были еще крутыми. Тогда я очистил их от скорлупы, снова положил в котел Папина и варил целый час. Яйца продолжали оставаться твердыми. Я их варил до самого утра, и они все время были крутыми и твердыми.

Утром меня нашли лежащим в корзине с яйцами, куда я упал в раздражении оттого, что мне не удалось ни одного яйца доварить до полужидкого состояния.

Яйца так и остались крутыми.

III

Как выглядят женщины

Признаюсь, что в дамском обществе я всегда чувствовал себя неловко. Эта неловкость происходила оттого, что я очень боялся женщин. Я был уверен, что женщины являются существами, которые своей миловидностью и привлекательной внешностью стремятся одурачить мужчину с целью выйти за него замуж.

Миллионы историй, которые мужчины всех времен и народов имели с женщинами, по моему мнению, ясно свидетельствовали, что брак — это нечто ужасное... Жена проглатывает мужа, как крокодил кролика, а если это не удастся, то коварное существо добывает мужа горшками, испорченным жарким и тому подобными маленькими орудиями инквизиции. Необычайная ласковость женщины до свадьбы превращается после нее в подлинное неистовство из-за малейшего разногласия, в кошмарное преследование мужа, терпящего муки первых христиан...

Первое время они притворяются очень нежными, разумными и полными любви. Их голос, отражающий внутреннее волнение, чарует вас и как бы ласкает всюду, где только возможно; они всячески окружают вас вниманием, и вы доверчиво отвечаете на эту любовь, на эти поцелуи и нежные пожатия рук; вы смотрите в их нежные глаза, полные доверия, и прилипаете, как муха к клейкому листу. Ну, а потом вам приходит конец. Прилипшего, вас отвезут в костел, нежные взгляды превращаются в злобные, вместо поцелуев вас изгоняют из кухни, где, оказывается, запрещено

курить. Любимое существо незаметно начинает приказывать вам, как вы должны одеваться, топает ножкой, скрежетает зубами, делает такое лицо, словно хочет вас проглотить, трясется от бешенства при взгляде на вас, бьет вас чем попало. Это нежное создание начинает грубо ругать вас и при этом думает, что делает вам одолжение, не растоптав вас на месте своей маленькой ножкой. Она клянется и обещает, что рано или поздно, но она вас убьет, хотя бы только потому, что у нее пригорела мука с маслом, а вы просите эту муку не класть в суп.

Когда на улице грязь, то начинается скандал; она плачет и бранится, глядя на ваши грязные ботинки. Она заставляет вас полчаса стоять на улице чистить их об рогожу, чтобы не запачкать ей пол в кухне, а когда откроет вам дверь, то вы на полу увидите слой глины и сажи; оказывается, час тому назад здесь был печник, который исправлял печь. Наконец, это варварское издевательство вам надоедает, но вы не знаете, что ей на это сказать. Тогда она неожиданно обрушивается на вас за то, что вы не рассказываете ей новостей, слышанных вами на службе, на улице,— вообще о том, что делается на белом свете.

Несмотря на то, что она вас только что ругала, вы все-таки ей говорите: «Милая, да ведь я же ничего не знаю». Тогда она снова начинает топтать, скакать, фыркать, как кошка, скрежетать и скрипеть зубами, биться головой об стол, но так, чтобы себя не ушибить; откроет дверь, чтобы ее голос был слышен по всему дому, в котором, благодаря вашей супруге, вас все считают черствым, бесчувственным человеком.

Затем она вам скажет, что вы ее совершенно не любите, и ждет, что в ответ на это вы у нее будете просить прощения и уверять в обратном. С плачем и ревом вдруг она начинает рвать на себе волосы, разорвет свою блузку и, проклиная свою цыганскую жизнь и грозя выброситься из окна, попросит у вас денег на три новых блузки.

Она идет к окну, а вы стоите, как вкопанный. Она возвращается к вам и кричит, что вы хотите ее смерти, чтобы жениться на «той твари». «На какой твари, милочка?» Конечно, она не скажет имени той, о которой она ничего не знает, которая существует только в ее фантазии, и неожиданно начинает изображать из себя брошенную супругу; кричит, что все мужчины лентяи и бездельники, которые только придумывают мучения для своих жен.

После этого она начинает одеваться и говорит, что уходит к родным, что мебель она продаст, что эта мебель принадлежит ей; начнет вас бить, лягать, плевать вам в лицо и,

наконец, бросит в вас горшок с сажей и, подымая дикий крик, скажет: «Ах, почему я не умерла раньше!» Она сожалеет, что вообще родилась на свет, а вы этому тигру говорите: «Милочка!».

А после скандала она в течение трех дней мучает вас помидорным соусом или другим блюдом, которого вы не любите; обращается с вами, как с собакой, которая перед нею провинилась; угрожает своей ежеминутной готовностью разрыдаться. Когда же вы возвращаетесь домой со службы, то она притворяется печальной, ходит, как в воду опущенная.

Она с восторгом начинает говорить о кладбище, об умирающих надеждах; говорит об одном господине, который поздоровался с ней, когда она шла за покупками, и ее глаза загораются при словах о том, что он был блондин или брюнет. При этом она всегда говорит о противоположном вашему цвету бороды и волос и, наконец, посмотрев на вас, восклицает: «Фу, ты лысеешь, ты мне противен!» — и ударяет вас тарелкой.

Вот мой взгляд на женщин.

IV

Прогулка в женском обществе

Я знаю много различных способов, которыми люди подвергают пытке друг друга. В Венеции, во время правления совета десяти, осужденных ставили под медленно капящую воду. Я знаю, что когда-то пользовались большим вниманием «испанские ботинки»; кроме того, существует другой, довольно популярный способ пытки — вырезывание ремней из кожи на спине, но все это, собственно говоря, пустяки. Ужасы заточения Монтихо, страдания политических узников в Петропавловской крепости, древнеримские арены с тиграми — все это ничто в сравнении с той прогулкой, которую организовала моя квартирная хозяйка со своей дочерью и с одной дамой, имевшей печального супруга и трех взрослых дочерей. У последних, в свою очередь, было по три штуки приятельниц, кандидаток в мегеры.

Меня заманили в среду этих молодых разбойниц и тащали, как котенка, по каким-то четырем холмам, где ничего не было, кроме деревьев и цветов. А вместо этого я мог спокойно лежать в табачном дыму в своей комнате на диване и наслаждаться воскресным отдыхом.

Это грубейшее издевательство над человеком, и я публикую в отместку полную фамилию той, которая меня ув-

лекла на эту Голгофу. Ее имя и фамилия — Иозефина Энгельмюллер; она была женой инспектора железных дорог, а теперь вдова; живет на Виноградах, на Шумавской улице, № 21. Я публикую ее фамилию, потому что с этой женщиной, как вы узнаете позже, у меня были основания почитаться. Ее дочь зовут Анной, и на первый взгляд она производит приятное впечатление. Но когда вы посмотрите на нее более внимательно, она сильно теряет свою привлекательность, потому что она ни о чем не думает, кроме замужества, и ищет способов, как бы обернуть вас вокруг пальца.

Это глупое поведение свойственно, однако, не только ей. На этой прогулке я узнал, что таких девиц очень много. Вот их имена: Иозефа Еншикова, Виктория Свобода, Ружена Духачек, Мирослава Сухомель. Остальные тоже от них не отличались, но, к счастью, у них имелись женихи, и они победоносно смотрели на своих молодых подруг, которые до сих пор не сумели еще никого поймать.

Оказывается, подобные прогулки устраиваются ими для того, чтобы расставлять сети для ловли женихов.

Такая совместная прогулка является каким-то комбинированным преступлением, источником которого являются женские причуды и прихоти.

Такая прогулка — это прегрешение против здравого смысла. Когда все это хорошенько обдумаешь, то нельзя не посмеяться над человеческой глупостью. Вместо того, чтобы спокойно сидеть дома, вы в самую жару тащитесь по пыльной дороге и, в конце концов, оказываетесь среди нескольких тощих деревцев и слышите возгласы: «Ах, как красиво!» После этого все ложатся, как стадо свиней, в мох, откуда на вас лезут муравьи, забираются вам в ухо; все устремляют взоры на дурацкие ветки, потом разбегаются в поисках цветов и рвут то гвоздику, то ромашку, то шиповник, причем название всех цветов имеет какое-то таинственное значение. Один цветок обозначает верность, другой — любовь, третий — ревность. Ах, как хотелось мне отхлестать этими цветками по физиономии всех этих бесстыдниц, чтобы они не насмеялись над порядочными людьми!

Да, бедная Анна Энгельмюллер, обладательница черной души в зеленом лесе! Когда ты будешь читать эти строки, вспомни обо всем и исправься, пока не поздно!

Больше всего меня раздражало то, что я, человек принципиальный, великолепно себе представляющий, как выглядит женщина в своей наготе (конечно, не телесной, а духовной), позволил увлечь себя такой глупой прогулкой.

Анна Энгельмюллер впилась в меня, как клещ,— впрочем, даже клещ ничто в сравнении с этим существом. Клеща можно смочить спиртом, и он отстанет, но такую женщину можно поливать спиртом с утра до вечера,— она все будет висеть на вас и еще кокетничать.

Ах, сколько болтала эта женщина, как старалась она говорить красиво и ласково! И неужели это она (я слышал это сам) сказала как-то утром своей матери: «Эти помои давай выльем в нужник». Теперь только и слышалось: «жучок», «пташечка», «божья коровка», «цветочек»,— так что я только отплевывался. Одну такую коровку она поймала с ловкостью, с какой мы ловим блох, посадила ее на «пальчик» — как она сказала,— и «божья коровочка раскрыла крылышки и полетела к божьему солнышку». Я думал про себя: «Ты — притворщица! Меня такой болтовней не заманишь! Делай что хочешь, бесстыдница!»

Затем мы пришли в какую-то рощу. Она весело прыгала, нагибалась и рвала какие-то цветы, которые называла «ромашками». Потом неожиданно подскочила ко мне и засунула мне эту мерзость в петлицу пиджака, улыбнулась мне и начала петь: «Любовь, любовь, ты всемогуща».

Я не мог удержаться от смеха. Я говорил сам себе: «Сейчас она станет серьезной, будет вздыхать и предложит мне сесть на траву; будет смотреть мне в глаза и скажет тихонько: «Я сегодня что-то уж очень весела,— вы на меня не сердитесь?» — и возьмет меня за руку».

Так и случилось. Она неожиданно стала серьезной, пошла рядом со мной, как лошадь возле дышла, и все говорила: «Да, да». Затем вздохнула, опять попрыгала и сказала: «А теперь сядем на травку, я очень люблю травку». Я хотел было сказать, что траву любят все травоядные животные, но благоразумно промолчал.

Мы сели, и она начала: «Вы сегодня какой-то скучный». Подперлась локтем и кокетливо посмотрела на меня. Видно было, что она думала: «Эх ты, глупец». Потом взяла меня за руку и сказала: «Ах, какая у вас прекрасная, белая ручка» — и начала смотреть мне прямо в глаза. Потом сказала: «Я сегодня какая-то странная» — и начала плакать.

Это уже было слишком. Я вскочил и начал смеяться. Она вскочила и тоже стала уже совершенно естественно кричать:

— Вы, сумасшедший, почему вы смеетесь? Что за странные шутки!

— Никаких шуток, сударыня,— сказал я серьезно.— Не думайте, что я не понял ваши маневры. Забирайте ваш

зонтик и отправляйтесь к вашим. Можете похвалиться вашим «успехом» перед барышнями Еншиковой, Свободой, Духачек и Сухомель.

И я спокойно вернулся к остальной компании.

V

Интриги Анны Энгельмюллер

Не успел я перескочить через какой-то мизерный ручей, как мимо меня пробежала Анна, направляясь к пестрой группе нашей компании, расположившейся на траве и пожиравшей холодные жирные свиные котлеты.

Я хорошо видел, как эта обманщица подбежала к компании, как с ужасными жестикуляциями начала что-то быстро рассказывать, показывая на лес, как упала на землю, на постланную грязную скатерть, как ее мать заломила руки, как компания вскочила и склонилась над телом Анны, лежавшей на остатках жареной свинины.

Я тоже направился туда, чувствуя, что готовится какая-то интрига. Я был уверен, что она не будет рассказывать, будто я ударил ее палкой, но постарается иным способом добиться того, что ей не удалось при помощи своего кокетства. И я не ошибся. Меня забросали вопросами о том, что случилось, и подвели к Анне, все еще лежавшей на жареной свинине.

Женщины плакали, а мужчины смотрели на все это с каким-то отупением. Они, очевидно, привыкли к тому, что женщины падают в обморок при каждом незначительном случае. Я заметил, что только один пан Духачек, отец троих дочерей, с большим интересом смотрел на скатерть, на которой лежали два таких различных предмета, как жареная свинина и барышня Анна. Вместо того, чтобы поднять Анну, он нагнулся за куском жареной свинины и с криком: «Какое несчастье!» — отбежал в сторону.

Я сел спокойно на межу и спросил: «В чем дело?» «Помогите нам ее воскресить!» — воскликнула пани Энгельмюллер, ломая руки и приговаривая: «Аничка, Аничка, посмотри на нас!» Анна открыла глаза, привстала, показала на меня рукой и воскликнула: «О, этот несчастный!» — и опять свалилась, — теперь уже на масло.

Тогда все женщины оставили Анну и накинулись на меня. Нежные дамы сразу превратились в яростных зверей; они скакали вокруг меня, как толпа людоедов, кричали, как хлысты, когда они совершают свои религиозные радения, и фыркали от гнева, как сопки на Филиппинских островах.

Пани Энгельмюллер свирепствовала, как вулкан Гекла на острове Исландия, извергая на меня оскорбления. Она взяла меня за жилет и крикнула мне в ухо: «Вы хотели ее обесчестить!»

При этих словах пять окружающих меня девиц отлетели, как куропатки, в которых выстрелили, а затем, вновь собравшись в кучу, бросились на меня, как фаланга спартанцев на персов, и, вооружившись зонтиками, со страшным криком начали наступление. Я защищался яростно, но сзади на меня напали женихи этих молодых девиц. В это время раздался голос Анны:

«Маменька, маменька, помогите, я умираю!» — и это меня спасло.

Все устремились к ней, подняли на руки, начали утешать ее, а она расплакалась.

— Он меня заманил в лес и держал себя так странно. Но оставьте его, пускай он сам расскажет. О, я несчастная...

Оставшись, наконец, один, я направился по полевой тропинке к деревне, где из-за ржи выглядывала башня высокого костела, и, добежав туда, ворвался в первую попавшую пивную.

Там уже сидел пан Духачек за стаканом пива и как раз доедал жареную свинину, которую он похитил во время описанного происшествия.

Увидев меня, он сказал, что пришел в деревню искать доктора, но такового здесь не оказалось, а потому он с отчаяния завернул сюда, чтобы выпить стакан пива, и между прочим заявил мне, что считает все это комедией, что речь шла лишь о том, что я расстегнул Анне блузку. Он высказал опасение, чтобы эта девица не наговорила чего-либо его дочерям, так как она уже давно хвастала, будто я ее люблю, и говорила, что я забавный человек. Они так смеялись, когда она им рассказывала, как я пришивал пуговицы к брюкам и как варил яйца всмятку.

Я поклялся, что не имел к ней ровно никакого отношения, но он, все время улыбаясь говорил:

— Я вам не верю, ха,ха,ха! Вы мне этого не говорите. Я кое-что понимаю, я не из нынешних! Когда я вот также, будучи холостяком, квартировал в одном семействе, то тоже приударял за дочерью хозяйки. Утром, когда я приходил в кухню, в полдень, во время обеда и вечером. Ах, боже, что это были за вечера! Ну, как вам нравится пиво? Да, это было так красиво. Ну, и целовались же мы!

— Ну, а чем все это кончилось? — спросил я серьезно.

— Я женился на ней, потому что меня заставили.

— Ну, вот видите,— сказал я,— вот к чему приводят женщины!

И я оставил этого человека, не сказав ему даже, куда я иду.

Я решил, что больше уже не вернусь на квартиру к пани Энгельмюллер, раз дочь ее Анна такая интриганка.

Так я и сделал.

VI

Пани Энгельмюллер ищет меня с полицией

Поэтому я не вернулся на квартиру пани Энгельмюллер и, так как убедился, что жить на частных квартирах не безопасно, решил, что до двенадцати часов ночи я буду проводить время в пивных, а потом приходиться спать в какую-нибудь гостиницу.

Я избрал пивную «Солнце», где не было женской прислуги, потому что все женщины, как я пришел к заключению, липнут к старым холостякам, как мухи к меду.

Для жительства я избрал гостиницу «Почта», которая мне понравилась как своим местоположением, так и простым видом. Первую ночь я провел следующим образом: в блаженном сознании, что я, наконец, избавился от дочери своей хозяйки и всей неприятной компании, которая, несомненно, стремилась к тому, чтобы я женился на Анне Энгельмюллер, я выпил в «Солнце» пять кружек пильзенского пива и произнес в течение вечера несколько речей об ограниченности женщин, несколько не скрывая того, что впредь буду жить в гостинице.

Надо мной смеялись, и я спросил, что тут смешного. Мне ответили: ходить спать в гостиницу очень хорошо, но весь вопрос в том, буду ли я там один? Возмущенный этим смехом, я заплатил и пошел в гостиницу, решив завтра послать за своим чемоданом в ту проклятую квартиру, где меня чуть не женили.

Когда я пришел в гостиницу, коридорный спросил, буду ли я выставлять для чистки свои ботинки и не надо ли завтра утром постучать мне в дверь?

Я сказал, что я подумаю. Будучи пьяным, парень опять спросил, придется ли ему чистить две пары ботинок, то есть мои и дамские, или только одну?

— Какие дамские?— спросил я удивленно.

— Ну, да те, дамские, что стоят перед вашей комнатой.

— Что вы говорите?

— Ну да. Вечером пришла какая-то дама с полицейским агентом и сказала, что она искала вас во всех гостиницах. Дама эта пожилая. Мы ей сказали, что вы у нас сняли комнату на целый месяц. Она заявила, что она очень близкая вам родственница, попросила, чтобы мы поставили в вашу комнату еще одну кровать, и сказала, что она вас подождет. Полицейский агент ушел, мы поставили в вашу комнату постель; эта дама легла и теперь спит.

«Это, наверное, моя тетья,— подумал я,— у нее бывали такие странности, и раз она меня не нашла на моей старой квартире, то, очевидно, решила искать меня с полицией».

Я попросил зажечь свечку и открыл свою комнату.

— Тетенька,— сказал я, подходя к кровати,— что это вы чудите?

В этот момент свечка у меня выпала из рук, и настала совершенная тьма. На постели сидела пани Энгельмюллер, и, как только потухла свеча, она схватила меня за горло и потащила в коридор, крича: «Помогите, я поймала соблазнителя моей дочери!»

Сбежалось все население гостиницы. Пани Энгельмюллер начала кричать:

— Вы, выронок, возвращайтесь сейчас же к моей несчастной дочери; там сидит сейчас пани Мазухова.

У меня задрожали ноги. Пани Мазухова жила в соседнем доме, на котором красовалась вывеска с изображением девы Марии и с многозначительной надписью: «Опытная повивальная бабка».

— Вы видите, как этот выронок трясется? Он знает, в каком она положении, и тащит ее на прогулку. А вот, когда дело доходит до расплаты, он словно сквозь землю проваливается. А моя дочь, так ему верившая, несмотря на отчаянные боли, говорит: «Вы его только приведите ко мне, пусть он вернет мое честное имя, я ему все прощу!» Я бегу в полицию, и ваш друг, которого вы посетили сегодня утром, заявил, что вы ему признались, что будете ночевать в гостинице. Даже полиция, когда я рассказывала, плакала вместе со мной.

Она принялась всхлипывать.

— Я обежала все гостиницы и вот здесь, наконец, нашла его. Прошу вас, господа, помогите мне отвести его домой к моей несчастной дочери. Он обещал ей жениться и довел до такого ужасного положения. Таков удел всех молодых невинных девушек, доверяющих прохвостам.

Затем она обратилась ко мне:

— Мы вас кормили, ухаживали за вами, а вы так отплатили за наше гостеприимство!

Коридорный схватил меня и вынес из гостиницы. Пани Энгельмюллер, держа меня одной рукой за пальто, другой всунула ему в ладонь две кроны. Я воспользовался этим моментом, выскользнул из пальто, оставив его в руках своей хозяйки, и убежал прочь. В голове у меня мутилось, и я в сильнейшем возбуждении перескочил через решетку набережной. Надо мной сомкнулась вода, я слышал бульканье и затем потерял сознание, в то время как кто-то тащил меня из воды.

На лодке с полицейским стояла, как фурия, пани Энгельмюллер и тащила меня за брюки из воды.

VII

Приятный сон

Когда меня втащили в лодку, то, заметив пани Энгельмюллер, я попытался вновь броситься в воду. «Держите его, не пускайте!» — кричала пани Энгельмюллер и крепко схватила меня, мокрого, в объятия. Силы меня оставили, и я снова упал в лодку. Что было потом, я не помню, так как потерял сознание.

Когда я очнулся, то по запаху лизола и карболки догадался, что я в больнице.

Под мышкой у меня торчал градусник, голова была тяжелой, а в груди я чувствовал покалывание. Постепенно я припомнил все, что случилось, и радовался, что меня оставили в покое.

Сиделки в белых халатах ходили от одной постели к другой и справлялись о самочувствии больных. Затем пришел доктор с ассистентом и нашел мое состояние хорошим. Я ужасно хотел есть, и все надо мной посмеивались, говоря, что это хороший признак, но что я в течение недели ничего не получу, кроме супа и молока. Завтра придет ко мне пан Краус, который очень часто справляется о моем здоровье.

Никогда никакого Крауса я не знал, никогда в жизни ни с каким Краусом не говорил. Что такое? Я находился в полном недоумении.

Я спросил, когда я начну ходить.

Доктор опять улыбнулся и сказал:

— Тогда, когда заживут переломанные ноги.

И действительно, только теперь я заметил, что ноги у меня забинтованы, и к ним привешен какой-то груз, который тянул их вверх через блок.

— Что я наделал? Как же это случилось? Что делает пани Энгельмюллер?— спрашивал я.

Все опять улыбнулись и сказали, что она лежит на Ольшанском кладбище, в седьмом отделении.

Я почувствовал прилив блаженства: но как я ни старался, никак не мог вспомнить, почему она оказалась на кладбище, когда я ее видел живой в лодке, и почему у меня переломаны ноги.

Затем я впал в апатию и, выпив бульон, спокойно уснул и проспал до другого дня.

В десять часов открылись двери зала, и сиделка привела к моей постели несколько солидных людей.

— Это судебная комиссия,— сказал лежащий возле меня молодой человек.

— Какая комиссия?— спросил я с удивлением.— Зачем здесь судебная комиссия, и почему она идет прямо ко мне?

Их было пять человек. Сиделки расставили стулья вокруг моей постели, они уселись и вытащили из карманов какие-то записки. Самый старший из них, с прекрасной белой бородой и приятной улыбкой на красном от пьянства лице, сказал:

— Я старший следователь Краус. А теперь, господа, я думаю, мы можем начать. Находитесь ли вы в полном сознании?

Я думал, что он спрашивает своих соседей, и молчал.

— Послушайте, пан Гонзличек,— обратился ко мне следователь,— я вас спрашиваю, находитесь ли вы в полном сознании?

— Пока что — да.

— Так скажите нам, что вас побудило так поступить?

— Как поступить? Я ничего не знаю.

— Но, пан Гонзличек, не скрывайте, пожалуйста. Коллега, прочтите обвинительный акт.

Молодой человек в пенсне улыбнулся и начал читать:

— «В ночь на вторник сорокалетний чиновник земского комитета Иосиф Гонзличек пытался из-за семейных неурядиц, прыгнув в Влтаву, покончить жизнь самоубийством. После того, как он был вытасчен матерью своей любовницы, Иозефиной Энгельмюллер, вдовой инспектора железных дорог, проживающей на Шумавской улице, № 21, у которой он квартировал в течение пятнадцати лет и в течение которых поддерживал интимную связь с тридцатилетней Анной Энгельмюллер,— его отвезли на извозчике в бесчувственном состоянии на квартиру, где он очнулся и где его уложили в постель. Около часа ночи между ним, его

любовницей и квартирной хозяйкой произошла ссора, во время которой Иосиф Гонзличек выбросил после жестокой борьбы в открытое окно со второго этажа на улицу сперва госпожу Энгельмюллер, а затем свою любовницу Анну Энгельмюллер, и наконец выпрыгнул сам с криком: «Они еще шевелятся!» Обе женщины умерли при перевозке в больницу, а Иосиф Гонзличек сломал себе обе ноги и был отправлен в тяжелом состоянии в городскую больницу».

— Это неправда!— вскричал я и вдруг неожиданно увидел зеленый свет висящей лампы.

«Езус-Мария, да ведь я лежу на постели у Энгельмюллер»,— подумал я, а пани Энгельмюллер кричит:

— Ну как, Ося, вам уже лучше?

Я осматриваюсь. Ноги у меня здоровы,— значит, мне приснилось все это. Ноги у меня целы, и никого я не убил. И от сожаления я расплакался.

— Ну, так видите, Осик,— услышал я скрип ее голоса,— вы, наверное, раскаиваетесь, что обманули наше доверие?

— Оставь меня в покое, старая карга,— воскликнул я со слезами на глазах,— а то я выброшу тебя из окна!

Она мне закатила такой подзатыльник, что я съезжился под периной, а потом грозно сказала:

— Утром я вам покажу плод вашей грешной любви, и мы увидим, за кем останется победа. У меня есть ваши письма.

В самом деле, у нее есть мои письма,— я посылал их во время своих разъездов и писал, что мне надоели до тошноты венские котлеты, что я соскучился по гуляшу, который так хорошо умеет приготовить Анна, а в конце посылал низкий поклон.

VIII

Я окончательно становлюсь отцом

На другой день я лежал в постели, как загнанный олень в траве. На ночном столике у меня стояла чашка кофе, но я его даже не попробовал. Я не боялся отравления, потому что был уверен, что они будут стремиться сохранить мне жизнь до тех пор, пока я не возьму замуж эту лгунью, эту мошенницу.

Я решил не признаваться. Три раза у меня уже была повивальная бабка с каким-то маленьким существом и говорила ему:

— Посмотри, вот твой папа.

Я делал вид, что сплю, и во время таких визитов я походил на невинного агнца.

Затем открылись двери, и я услышал голос:

— Где этот негодяй? В комнате? Хорошо!

Ко мне в комнату ворвался человек со шляпой на голове и без всякого приглашения подставил стул к моей постели. Я притворился, что сплю, но он потряс мою голову и сказал:

— Не спите, я опекун бедняжки Анны, директор школы Вилим. Хотя для вас ничего нет святого, но я все же не ожидал такого позора. Что теперь делать с бедной матерью, моей сестрой, панной Энгельмюллер?..

— Я клянусь вам...

— Не клянитесь,— перебил он меня,— девушка сама поклянется, когда пойдет в суд. Она поклянется, а вы должны будете взять ее замуж после такого позора. Ваше положение на службе, ваша репутация будут поколеблены. Вы сделаете лучше всего, если вернете ей честь, которую вы отняли у нее таким способом, на который способны только шарлатаны. А мы вас считали порядочным человеком. Это неслыханно, это гнусно, это безобразно, это по-хулигански, это позорно! Это подлость, безобразие, жестокость, преступление, и это сделали вы, вы — несчастный, ничтожество, выродок, преступник, чудовище!

Он набрал духу и продолжал дальше:

— А она, доброе, честное дитя, поверила вашим словам, обещанию, что ее возьмут замуж, и села, как неопытная невинная мушка, на яд, который казался ей сладким и заманчивым, не подумала, что через девять месяцев у нее родится ребенок, у которого не будет отца, потому что он убежал в гостиницу, чтобы там переждать бурю. Но мы вас поймали, вы в наших руках. Вот что, голубчик, другого выхода нет. У нас в руках доказательство. Во-первых, этот новорожденный — самое лучшее доказательство. Затем у нас в руках несколько писем, самое главное, случай на прогулке в лесу, когда она напомнила вам ваше обещание взять ее замуж, а вы ее ударили палкой. Да, у вас хватило духу сделать это. Невинность для вас ничто, вы втерлись в доверие честной семьи. Вспомните, во время какой ужасной дороговизны мы считали вам обеды по семьдесят геллеров, а в воскресенье вы платили восемьдесят геллеров, и вы объедались досыта, а наевшись, бесстыдник, еще срывали цветы невинности. Кофе к обеду вы получали даром, за него вы ничего не платили. Обеими руками вы хватали не только сдобные булки, но и честь невинной девушки. Вы съедали до двадцати восьми вареников со сливками и после

этого шли еще воровать честь девушки. Три отбивных котлеты вы получали к обеду и, съев их, шли ее соблазнять. Вы клали себе по четыре котлеты величиной с кулак, а потом шли позорить невинную девушку. А огромные куски жареной свинины, копченого мяса и кнедликов? Вы всегда к гуляшу брали их шесть штук, а потом шли добиваться льстивыми словами того, чтобы она вам поверила и отдала вам все, что может предоставить невинная девушка любимому человеку. Мы делали вам бифштексы такие большие, что они едва помещались на тарелке, и за это вы нас хорошо отблагодарили. Когда подавался гусь, обе ножки вы ломали для себя, накладывали капусту, наедались до отказа, а затем говорили невинной девушке о преданной и жгучей любви. Что вы, несчастный, на это ответите?

Я молчал.

В это время вошла повивальная бабка с моим предполагаемым сыном.

— Вы видите, он похож на вас, как две капли воды!— воскликнул пан Вилим.— Те же глаза; волос, как и у вас, на голове нет, и, кроме того, он, как и вы, мужского пола. Значит ребенок ваш.

— А то чей же?— раздалось в дверях, и пани Энгельмюллер встала передо мной с засученными рукавами.— Моя дочь не лжет. Я знала уже давно, что у вас с ней связь; разве однажды я не поймала вас в темной комнате? Вы были один? Анны не было дома? Это не важно; вы ждали, пока она придет с прогулки, а девушек не ждут в темных комнатах. Не был налит керосин? Ну, вот видите, теперь вы признались, что ее ждали. Подпишите, вот чернила и перо. Я вам прочту: «Настоящим подтверждаю, что с Анной, дочерью пани Иозефины Энгельмюллер, я имел интимную связь, которая не осталась без последствий, и что я обязуюсь в течение трех месяцев взять Анну Энгельмюллер замуж».

И они так закричали на меня, что я взял перо и подписался: «Иосиф Гонзличек».

Что подумает обо мне тот, кто прочтет эту исповедь? Какая непоследовательность в моем поведении! Но лучше всего во всей этой истории то, что я сумел притвориться. Все случилось не так, как я здесь описал. Я действительно имел связь с Анной Энгельмюллер и хотел выставить себя перед общественным мнением невинным мучеником, как все старые холостяки, лгуны и преступники.

КАК Я ТОРГОВАЛ СОБАКАМИ

I

Я всегда страшно любил животных. Ребенком таскал домой мышей, а однажды даже в школу не пошел: целый день играл мертвой кошкой.

Интересовался я змеями. Как-то раз, поймав на лесистом горном склоне змею, я решил взять ее с собой и выпустить живьем в постель к тете Анне, которую терпеть не мог. По счастью, тут как раз случился лесничий: он определил, что это гадюка, убил ее и понес сдавать, чтобы получить положенную награду.

В возрасте восемнадцати — двадцати четырех лет у меня проснулся интерес к крупным животным: верблюдам и слонам всех разновидностей.

В период от двадцати четырех до двадцати восьми лет эта страсть пошла на убыль; внимание мое стали привлекать коровы и лошади. Мне захотелось иметь конский завод либо ферму симментальского скота. Эта мечта осталась неосуществленной; мне пришлось ограничить свою страсть объектами меньших размеров. Я предпочел собак кошкам. А на пороге четвертого десятилетия моей жизни у меня возникли кое-какие трения с родными. Они стали корить меня за то, что я не живу, как все люди, и до сих пор ничего не сделал, чтобы стать самостоятельным.

Быстро приняв решение, я объявил им, что ввиду своего интереса и любви к животным намерен открыть торговлю собаками. Должен признаться, родным это не понравилось.

II

Открывая торговое заведение, необходимо, разумеется, подумать о вывеске, ярко выражающей самый характер предприятия. Для данного случая подошел бы термин «псарня», но я не мог им воспользоваться, так как один мой дальний родственник служит в министерстве и стал бы протестовать.

Простое название: «Торговля собаками» — тоже меня не устраивало, так как я имел в виду поставить дело на научных началах. В научном словаре мне попалось слово «кинология», что значит — наука о собаках. Это случилось в тот момент, когда я проходил мимо агрономического института, и судьба моего заведения была решена: я дал ему название — «Кинологический институт». Название ученое, солидное, которое расширявается — как я и делал в

своих подробных объявлениях — следующим образом. «Разведение, покупка, продажа и обмен собак на кинологической основе».

Этими пространными объявлениями, в которых так часто повторялась формула «кинологический институт», я молча упивался наедине с собой. Кто не переживал подобного, тот не представляет себе, какое это гордое, захватывающее чувство. В своих объявлениях я давал специальные советы по всем вопросам, связанным с собаками. Обещал каждому, купившему дюжину собак, щенка в виде бесплатного приложения. Напоминал, что собака — самый подходящий подарок ко дню именин, конфирмации, помолвки, свадьбы, юбилея. Для детей это игрушка, которую не так легко сломать или разорвать. Собака — надежный проводник, который не нападет на вас в лесу. В питомнике представлены все породы собак. Поддерживается непосредственная связь с границей.

При институте имеется воспитательное учреждение для злонравных собак. Самый свирепый пес, пробыв в моем институте две недели, отучится рычать и кусаться. Как быть с собакой на каникулы? Сдать ее в кинологический институт. Где собака научится в три дня стоять на задних лапах? В кинологическом институте.

Мой дядя, ознакомившись с этими объявлениями, озабоченно покачал головой и промолвил:

— Нет, милый, ты, видно, нездоров. У тебя никогда не бывает болей в затылке?

Но я глядел в будущее с надеждой и, не имея пока ни одной собаки, с нетерпением ждал заказа, разыскивая в то же время при помощи объявлений честного, старательного слугу — невоеннообязанного, которому не пришлось бы, едва привыкнув к собачкам, идти в армию.

III

Мое объявление о том, что «торговому заведению нужен слуга для ухода за собаками», вызвало массу предложений, часть которых отличалась большой убедительностью. Один отставной сельский стражник писал, что, если я возьму его к себе на службу, он научит собак прыгать через палку и стоять на голове.

Другой корреспондент уверял, что умеет обращаться с собаками, так как работал помощником Будейовицкого живодера и был уволен с этой должности за слишком мягкое обращение с убиваемыми.

Третий претендент, спутав «кинологический институт» с «гинекологическим» (то есть по женским болезням), сообщил, что служил в родильном доме и в женских клиниках.

Среди кандидатов было пятнадцать окончивших юридический факультет; двенадцать кончили учительский институт. Кроме того, пришло отношение «Общества покровительства освобожденным уголовникам» о том, чтобы я по поводу замещения вакансии слуги обратился к ним, так как у них есть для меня один очень хороший работник, специалист по ограблению касс. Иные предложения были полны печали и безнадежности. Некоторые писали, например, в таком тоне: «Хотя я заранее уверен, что не получу этого места...»

Нашелся в этой толпе претендентов человек, владевший испанским, английским, французским, турецким, русским, польским, хорватским, немецким, мадьярским и датским языками. Одно письмо было написано по-латыни.

Наконец, я получил следующее простое, но искреннее заявление: «Милостивый государь! Когда должен я приступить к своим обязанностям? С совершенным почтением Ладислав Чижек, Кошире, Медршицкой области».

Вопрос был поставлен ребром, и мне ничего не оставалось, как ответить, чтобы писавший пришел в среду, в восемь часов утра. Я почувствовал к нему глубокую благодарность за то, что он избавил меня от продолжительных тягостных колебаний, связанных с необходимостью делать выбор.

В среду, в восемь утра, мой новый слуга вступил в должность. Он был маленького роста, с лицом, изъеденным оспой, очень подвижный. Впервые увидев меня, он подал мне руку и весело промолвил:

— Погода-тэ, видно, до завтра не разгуляется. А я слышал, будто на Пльзенской в семь утра трамваи столкнулись.

Потом, вынув из кармана коротенькую трубочку, сказал, что получил ее от шофера фирмы «Стибрал» и курит венгерский табак. Потом сообщил, что у Банжетов в Нуслях¹ есть официантка по имени Пепина, и осведомился, не учились ли мы с ним вместе в школе. Потом завел речь об одной таксе, которую, ежели покупать, так надо обязательно выкрасить и еще немножко выгнуть ей лапы.

— Вы знаете толк в собаках? — обрадовался я.

— Ну, конечно. Я сам торговал собаками и даже имел из-за этого судебные неприятности. Как-то раз веду домой боксера; вдруг останавливает меня на улице какой-то гос-

подин: будто это его собака. Он, мол, потерял ее два часа тому назад на Овочной улице. «Почем вы знаете, что это ваша собака?» — «Потому, что ее зовут Мупо. Пойди сюда, Мупо!» И вы не можете себе представить, как радостно стал на него прыгать этот пес. «Боско!— крикнул я.— Боско, фу!» Он — давай так же радостно кидаться на меня. Тупое животное! Хуже всего то, что в суде я забыл, что тот раз назвал его «Боско». Но он отозвался и на «Буберле» и опять мне обрадовался... Мне теперь что? Собачку какую-нибудь поискать?

— Нет, Чижек, у меня торговля солидно поставлена. Будем ждать покупателя, а пока давайте посмотрим, какие объявления в разделе «Животные»: кто что продает, каких пород собаки... Представьте себе: одна дама хочет продать годовалого белого шпица; ей держать негде, слишком тесно. Неужели шпицы такие большие, что могут мешать? Так ступайте на Школьскую и купите его. Вот вам тридцать крон.

Он удалился, уверяя, что минуты не задержится лишней, а вернулся через три часа. Но в каком состоянии! Котелок нахлобучен на уши, сам качается из стороны в сторону, словно шагая в бурю по палубе, и крепко зажал в руке один конец волочащейся по земле веревки. Я поглядел на другой конец: там ничего не было.

— Ну... как?.. Нравится вам? Славная штучка, правда? Разве я не быстро...— Он стал икать, стараясь шагнуть прямо в дверь комнаты.— Взгляните на уши... Идем, дурашка... Ишь упирается... Ну чего ты?.. А ведь она продавать не хотела...

Тут он оглянулся, посмотрел на конец веревки. Выпучив глаза, взял его в руки, ощупал и продолжал, икая:

— Час на... назад еще там... там бы... был...

Он сел на стул, тотчас же свалился с него, потом, цепляясь за меня, с трудом принял вертикальное положение и произнес торжественно, словно объявляя о каком-то чуде:

— Видно, сбежал от нас.

Опять сел на стул и захрапел.

Так прошел первый день его службы.

Я стал смотреть в окно. По улице то и дело пробегали разные собаки. Мне казалось,— все они продаются, а между тем сидевший рядом продолжает дико храпеть. Я пробовал разбудить его, так как мне не давали покоя мысль, что вот-вот явится покупатель и скупит сразу всех собак.

Но никто не приходил, так что будить было незачем. Да и добился я только того, что он вместе со мной сполз

со стула. В конце концов через три часа он сам проснулся и, протирая глаза, хриплым голосом промолвил:

— Кажется, я сделал что-то не то.

Он стал припоминать отдельные подробности, распространяться о шпиге, о его красоте, о том, как дешево его уступила хозяйка. Он заплатил всего десять крон, уверив ее, что собака попадает в очень хорошие руки. Потом рассказал, как шпиц не хотел с ним идти, как он его за это исхлестал. И сейчас же заговорил о том, что зашел к одному знакомому, который держит гостиницу внизу, на Смихове, и встретил там еще десять человек знакомых. Пили какое-то вино, ликеры. Человек — существо слабое.

— Ладно,— прервал я его.— Но я ведь дал вам тридцать крон. Верните мне двадцать.

Это нисколько его не смутило.

— У меня действительно оставалось двадцать крон. Но, чтобы сделать вам приятное, я зашел еще на Швиханец и дал там одному, Кроткому по фамилии, в задаток за щенят десять крон. У них замечательно интересная сучка и скоро должна ощениться. Любопытно, какой породы щенят принесет? Самое главное, мимо нас они не пройдут: я договорился. Потом шел мимо Палиарки: у них отличная крольчиха продается...

— Что вы говорите, Чижек? Опомнитесь! Разве я торгую кроликами?

— А я сказал — крольчиха? — переспросил слуга.— Значит, оговорился. Я хотел сказать: шотландская сука-овчарка. Тоже беременная. Там я оставил задаток в десять крон — только не за щенят, а за суку: щенята владельцу останутся, а за сукой мы пошлем, как ощенится. Потом шел я по Кроциновой...

— Уже без денег?

— Да, да, правильно, денег у меня больше не было. А будь деньги, так там у господина Новака огромный кудлатый пес продается. Я бы за него тоже задаток дал, чтоб он за нами остался... А сейчас пойду опять на Школьскую. Шпиц-то от меня прямо домой побежал. Так я через час с ним здесь буду.

На этот раз Чижек сдержал слово: он вернулся даже еще раньше, совершенно трезвый, еле переводя дух. К моему изумлению, на поводу у него был черный шпиц.

- Черт знает что! — воскликнул я.— Ведь в объявлении этой дамы говорилось о белом шпице.

Мгновенье он ошарашено глядел на собаку; потом, ни слова не говоря, выбежал вон. А через два часа опять вер-

нулся, волоча грязного, испачканного и производившего самое дикое впечатление белого шпица.

— С тем шпицем ошибка вышла,— объяснил он.— У этой дамы, что на Школьской живет, два шпица: черный и белый. Она так обрадовалась, когда я ей черного обратно привел.

Я посмотрел на привешенную к ошейнику бляху: она была из Жижкова. Я чуть не заплакал от досады, но сдержался. (А Чижек снял бляху, заметив, что оставлять ее на ошейнике опасно).

Ночью я проснулся, услышав царапанье в дверь. Открываю и узнаю черного шпица, с которым познакомился днем. Он с радостным лаем ворвался в переднюю. Видно, соскучился по нас; или ему было слишком далеко до дому. Так или иначе, но у меня имелось теперь две собаки; недоставало только покупателя.

IV

В десять часов утра явился и покупатель.

— Где же ваши собаки?— спросил он, озираясь по сторонам.

— Я держу их не здесь...— ответил я.— Кроме вот этих двух шпицев— черного и белого, которых сам вырастил и уже запродам в Брандыс, господину эрцгерцогу... Я держу своих собак в деревне, на свежем воздухе, подалее от блох и чумы, от которых в городе их ни один торговец не уберезет. Основной принцип нашего кинологического института состоит в том, чтобы предоставлять собакам возможность свободно бегать. В деревне, где находится наш питомник, слуга каждое утро выпускает их на волю, и они возвращаются только вечером. Этот способ выгоден в том отношении, что собаки приучаются к самостоятельности, так как весь день сами отыскивают себе пищу. Мы арендуем для них обширные лесные участки, где они могут питаться разнообразной дичью; и если бы вы видели, до чего комичное зрелище, когда какой-нибудь малыш-крысолов гонится за зайцем!

Покупателю это очень понравилось. Он кивнул.

— Значит, у вас найдутся и очень злые собаки, хорошие сторожа?

— Конечно. У меня имеются такие страшные псы, что я не имею даже возможности показать их снимки, так как они чуть не разорвали фотографа. Есть собаки, растерзавшие вора.

— Вот такую мне и нужно!— воскликнул покупатель.— У меня дровяной склад, и на зиму мне очень нужна хорошая сторожевая собака. Не могли бы вы доставить ее сюда из питомника завтра после обеда, а я пришел бы посмотреть?

— Разумеется. Я сейчас же пошлю за ней слугу. Чижек!

Тот явился с любезной улыбкой и тотчас высказал предположение, что где-то уже видел посетителя.

— Чижек,— сказал я, делая ему знак.— Поезжайте сейчас же за тем свирепым псом,— как бишь его?

— Фабиан,— невозмутимо ответил Чижек.— Сын Гексы. Страшный пес. Растерзал и сожрал двух ребят: по ошибке его отдали детям играть, и они захотели на него влезть. А насчет задатка...

— Да, да,— перебил покупатель.— Вот четырнадцать крон в задаток. А сколько всего стоит?

— Сто,— ответил Чижек.— И еще златку. Есть дешевле: на восемьдесят крон. Но она откусила господину, который хотел ее погладить, только три пальца.

— Нет, мне ту, злющую.

И Чижек, получив четырнадцать крон задатку, отправился за сторожевой собакой. К вечеру он доставил огромного меланхолического пса самой жалкой наружности, еле волочившего ноги.

— Да это какая-то дохлятина!— с ужасом воскликнул я.

— Зато дешевая,— возразил Чижек.— Попался мне навстречу с этой собакой мясник,— к живодеру ведет. «Она, мол, возить не хочет». Я подумал: «Из нее славный сторожевой пес выйдет». И потом, ежели на склад заберется дельный вор, так он ее отравит, и хозяин к нам же другую покупать придет...

Несколько минут мы толковали об этом; затем Чижек вычесал собаку, и мы отварили ей рису с костями. Она сожрала два горшка этого варева, но осталась такой же вялой и жалкой на вид. Лизала нам ботинки, совершенно безучастно бродила по квартире и, видимо, была огорчена, что хозяин не довел ее до живодера.

Чижек попробовал придать ей более страшный вид. Так как она была светло-рыжая, с белыми или даже седыми пятнами, он провел ей тушью по всему телу большие черные полосы, благодаря чему она стала похожа на гиену. На другой день покупатель, придя за ней, в страхе отпрянул.

— Какое страшилище!— воскликнул он.

— Своих она не трогает. Зовут ее Фоксом. Погладьте, не бойтесь.

Покупатель стал упираться, так что нам пришлось в буквальном смысле слова подтащить его к чудовищу и заставить поглядеть. Сторожевой пес стал лизать ему руку и пошел за ним, как овечка.

Ночью этого господина обокрали дочиста.

V

Подходили святки. За это время мы при помощи перекиси водорода перекрасили черного шпица в желтого, а белого сделали черным, натерев его раствором азотного серебра. Обе собаки во время этих операций так страшно выли, что получилось впечатление, будто в распоряжении кинологического института не две, а по крайней мере шестьдесят собак.

Зато у нас было множество щенят. Вдобавок Чижек страдал навязчивой идеей о том, что щенята — основа материального благополучия. Перед святками он стал приносить в карманах шубы сплошь одних щенков. Посылаю его за догом, а он приносит щенят таксы. Посылаю за пинчером, приносит щенка фокстерьера. У нас скопилось тридцать щенят, и, кроме того, было роздано около ста двадцати крон задатка.

Мне пришла в голову мысль, учитывая предпраздничный период, снять на Фердинандовой улице в Праге магазин, поставить там елку и открыть продажу украшенных лентами щенят под лозунгом: «Покупайте щенят! Лучший праздничный подарок детям — хорошенький щеночек».

Я наявляю помещение. Это было, примерно, недели за две до рождества.

— Чижек, — сказал я, — отнесите щенят в наш магазин на Фердинандовой, поставьте елку побольше, разместите поэффектнее щенят на витрине, купите моху... Словом, полагаюсь на вас: устройте все хорошенько, со вкусом. Понятно?

— Будьте покойны. Все устрою к вашему удовольствию.

Он увез щенят в ящиках на ручной тележке, и я после обеда пошел посмотреть, какое удовольствие он мне там приготовил и как выглядит витрина.

Завидев издали возле магазина толпу, я сразу понял, что щенята вызвали огромный интерес. Но, подойдя ближе, услышал возмущенный ропот:

— Какое зверство! Надо вызвать полицию! Как можно это допускать?!

Протолкавшись к витрине, я почувствовал, что у меня ноги подкашиваются.

Чижек для вящего эффекта развесил на ветвях высокой рождественской елки, словно конфетки, две дюжины щенят. Бедняжки висели, высунув языки, как повешенные на дереве средневековые разбойники. А под елкой было написано:

«Покупайте щенят. Лучший праздничный подарок детям — хорошенький щеночек».

На этом кинологический институт окончил свое существование.

«СЧАСТЛИВЫЙ ОЧАГ»

I

Вот уже шесть лет, как издаваемый Шимачком журнал «Счастливый очаг» старается облагодетельствовать каждую семью и осчастливить каждую супружескую пару в Чехии. Я убедился в этом сам.

Необходимые всякому домашнему хозяйству советы и наставления каждые две недели изливаются из конторы на Иерусалимской улице, разнося повсюду счастье. Что касается меня, я бы скорее плакал.

Через неделю после свадьбы жена открыла мне сладостную тайну: она получает «Счастливый очаг».

— Сегодня как раз пришел новый номер, там много важных наставлений. Увидишь, сколько мы выгадаем, если последуем этим наставлениям!

Когда я вернулся домой, на кухне господствовала сплошная суета.

Жена вышла ко мне навстречу с сияющими от счастья глазами и воскликнула.

— Какая удача!

Взяв меня за руку, она повела меня на кухню:

— Я поступила буквально так, как было сказано в «Счастливом очаге»: обварила бразильские орехи кипятком и оставила их в нем на пятнадцать минут, — теперь их можно будет легко очистить.

Жена была несказанно рада.

— Но, дорогая, с чего ты вздумала покупать бразильские орехи, кто их станет есть, на что они нам?

— Ты глупенький, — возразила жена, — здесь же написано черным по белому: «Полить бразильские орехи ки-

пятком; можно также мочить холодной водой пять-шесть дней». Пойдем, ты увидишь, что твоя жена не лентяйка.

В спальне пахло камфорой.

— По совету «Счастливого очага» я отполировала кровати камфорным маслом,— сказала жена.

— Да, ведь они почернели!— воскликнул я.

— Это неважно,— ласково ответила она,— в «Счастливом очаге» есть отдел «Беседы с подписчицами журнала», где каждая может получить ответ по любой отрасли труда и науки. Я спрошу, как можно исправить почерневшую мебель. Мне сегодня уже ответили в этом отделе на мой вопрос о происхождении колец. Я тебе прочту: «А. Т. Кольца служили для прикрытия человеческого тела гораздо раньше, чем одежда»...

Мне сделалось дурно, и я лег на диван. Тем временем моя дорогая жена не ленилась. По указанию последнего номера «Счастливого очага» она старалась удалить воском и солью с утюга ржавчину, которой на нем не было. Затем окунула для мягкости мои ботинки в керосин и облила себе руки чернилами, чтобы свести чернильные пятна виноградным соком, после чего пустилась на поиски красного вина, так как ей хотелось проверить, действительно ли исчезают винные пятна с белья, если его замочить на день в кислом молоке, а потом выстирать в воде. В результате прислуга принесла красное вино, и моя милая, не знающая устали женушка облила им мою рубашку и стала мочить ее в кислом молоке.

После этого она выварила зубные щетки, найдя в числе наставлений, между прочим, такое: «Бывари новую зубную щетку,— сохранишь ее дольше». К сожалению, от щеток остались у нее одни ручки: от кипятка щетина выпала. Само собой, жена обвинила меня, что я покупаю плохие щетки.

Далее она принялась орудовать с будильником, точно следуя предписаниям «Счастливого очага», где разъяснялось, что, варя яйца, надо завести будильник на определенную минуту; когда завод выйдет, яйца уже сварятся. Этим она развлекалась добрый час.

Затем она начала ругать меня за то, что я не принес домой деревянных ручек, которые дают в магазине, чтобы удобнее было нести покупки,— из них она могла бы приготовить подставки для ножей и вилок, солонки и тому подобные прекрасные вещи, как их делали многие подписчицы «Счастливого очага», чем безусловно достигли совершенного хозяйственного благополучия.

— Это я тоже заведу,— сказала жена и дала мне подчеркнутую статейку в последнем номере: «Как я учу

курильщика экономии. Мой муж покупает сигары коробками по сто штук. Каждый раз, когда он покупает такую коробку, я незаметно беру и прячу из каждого ряда по три-четыре сигары. А когда коробка пустеет, я кладу в нее назад одну-две сигары из прежде спрятанных. Таким образом, коробки сигар хватает на гораздо больший срок».

Понятно, весь вечер целиком был посвящен «Счастли- вому очагу».

Жена сделала доску для резки колбасы, рамку для суши- ки шерстяных чулок и вешалку для придворного платья. Так как у ней, однако, придворного платья не было, она потребовала, чтобы я купил ей его.

Потом она выкрасила бельевую корзину белой масляной краской и пронесла ее мимо моего черного костюма, который прислуга только что вычистила. Через минуту она верну- лась, сияя от радости, и сообщила, что сейчас напишет письмо в редакцию «Счастливого очага» с вопросом, как выводить белую масляную краску с черных костюмов.

— Мы, подписчицы,— говорила она,— трудимся друг для друга. Ответ на каждый такой вопрос — незаменимое средство для всех читательниц осчастливить свое хозяйство. И мы должны быть счастливы. Завтра ты мне поможешь разукрасить уборную, как советует журнал. Мы оклеим стены черными и белыми квадратами из картона.

Наконец, на ночь я вынужден был надеть жилет, так как в статье «Верное средство закалить здоровье» было написано, что великий английский гигиенист Герберт Спенсер спал в жилете.

В три часа утра меня разбудил будильник.

— Пора вставать,— провозгласила жена,— я читала, что лучшее время для умственной деятельности от трех до семи утра. «Счастливый очаг» назначил триста крон в пре- мию той подписчице, которая представит лучший рецепт использования отбросов от куриц и каплунов. Помогите мне придумать.

В шесть жена заявила, что я идиот, потому что в тече- ние трех часов бессмысленно смотрю в пространство и ничего не придумал.

От шести до половины восьмого она поучала меня, что моральному упадку и ужасным преступлениям мужчин по- священы целые фолианты уголовных кодексов. Интели- гентная, нравственно сильная женщина никогда не бывает так беспутна, как мужчины, и тем не менее мужчины вечно присваивают себе право неограниченного владыки, воле ко- торого, пусть и несправедливой, женщина должна покорять- ся, и несчастные женщины...

Полчаса она распространялась на тему о том, что все человеческое общество грешит перед женщиной, заставляя ее терпеть и молчать. Она сама предпочла бы смерть такой жизни, но мысль о детях не позволяет ей разом прекратить свое мученичество.

— Но ведь у тебя нет детей...

— Безразлично,— решительно ответила она,— и тебя это совершенно не касается. Вы, мужчины, только на то и способны, чтобы угнетать женщин. У женщин нет защиты, никакой закон за них не заступится, они выданы на произвол своим тиранам. Ах, как я буду рада, когда от тебя избавлюсь! Не мешай мне, я должна выбрать по «Счастливому очагу» какое-нибудь особенное меню для сегодняшнего обеда.

— Но, дорогая,— робко заметил я,— зачем обязательно особенное, может быть, лучше взять что-нибудь совершенно обычное?

Жена даже не ответила.

Все утро передо мной витали призраки чудовищных, комбинированных блюд. С ужасом переступил я порог нашей квартиры.

Жена встретила меня поцелуем и победоносным заявлением:

— Сегодня у нас бараний шницель из вегетарианской говядины, фаршированный компотом из искусственной итальянской капусты, соус пикан¹. Согласно новому рецепту из прошлого номера.

Написано это было прекрасно, но есть невозможно. Свою порцию я выбросил собаке; она понюхала, поджала хвост, залезла под стол и зарычала.

Моей дорогой женошке тоже стало плохо, и она попросила меня уйти, сказав, что хочет лечь. Когда я вечером вернулся, то нашел в столовой три, а в гостиной два ящика. В кухне стояла на ящике жена, отпиливая доски от другого ящика.

— Я тебя жду,— промолвила она спокойно.— В «Счастливом очаге» я узнала, что каждая бережливая хозяйка может сама приготовить из старых ящиков кровать для прислуги. Когда ты ушел, я продала кровать нашей прислуги и накупила ящиков и столярных инструментов.

...Ах, боже мой, боже! Я пишу это в Солуни, в Турции, куда сбежал от «Счастливого очага», который хочет осчастливить и облагодетельствовать каждое семейство.

---

¹ Острый соус с уксусом и обычно с каперсами.

Сбежав в этот город от «Счастливого очага», который приносит семьям счастье, я чувствовал себя совершенно счастливым, хотя в это время там и убивали христиан. Шесть раз я с трудом избег верной смерти, но это мне казалось пустяком по сравнению с необходимостью быть непосредственным свидетелем тлетворной деятельности «Счастливого очага».

Шесть недель я наслаждался блаженством, пока не получил письма от своей жены.

Оно было полно радости и любви. Жена писала, что после моего отъезда в Турцию она поняла, что не может жить без «Счастливого очага». Знаю ли я, что такое «Нурсо»? «Нурсо» — незаменимый в семейном кругу прибор для автоматической варки, который получит совершенно бесплатно одна из подписчиц. Кухня при этом не нужна, и поэтому она распорядилась убрать из кухни плиту, на место которой она поставит «Нурсо», когда его выиграет. «Нурсо» — это больше, чем плита; «Нурсо» означает счастье: она живо представляет себе, как я буду варить на «Нурсо» и как мы будем счастливы, имея его у себя. О моем внезапном отъезде она немедленно написала редакции «Счастливого очага», и редакция прислала ей в знак участия двадцать сортов семян капусты и двадцать цветочных, а в почтовом ящике ей посоветовали подписаться на издаваемый Шимачком журнал «Четверолистник».

Письмо было очень нежно, и во второй половине письма жена просила, чтобы я разузнал и прислал ей рецепт приготовления настоящего турецкого пилева, который она опубликует в «Счастливом очаге», чтобы осчастливить и других читательниц. Это было первое желание, а второе поручение было раздобыть ей меню для скромной турецкой семьи на триста шестьдесят пять дней. Была еще третья просьба, чтобы я послал ей разные остатки турецких материй, из которых она, согласно наставлению в последнем номере «Счастливого очага», сделает тряпки для протирки зеркал.

Четвертое и последнее ее поручение дышало той искренностью, которая загнала меня в Турцию. Она писала, чтобы я при посредничестве австро-венгерского консула в Солуни попытался достать от турецкого правительства разрешение турецким женщинам издавать для себя журнал вроде «Счастливого очага». Сама же она изложит эти мысли письменно местному турецкому консулу и надеется на полный успех. Письмо заканчивалось сообщением, что, следуя совету, данному ей в почтовом ящике, она чрезвы-

чайно практично использовала мой летний костюм, который я надевал два раза: распорол его и выкроила и сшила из него три пары детских штанишек, которые отослала в редакцию «Счастливого очага» с просьбой передать примерному мальчику, какой сумеет повлиять на своего отца, чтобы он выписал для мамочки «Счастливый очаг».

В конце письма стояли стихи:

О, «Счастливый очаг»,
Над нами, как над ребенком бди,
Будь счастливым очагом любви...

Прочтя это письмо, я проплакал всю ночь. Спустя две недели я был вызван в австрийское консульство. Консул, очень любезный человек, прежде всего показал мне присланную в консульство за ста пятьюдесятью подписями подписчиц «Счастливого очага» петицию о том, чтобы турецкое правительство не препятствовало турецким женщинам читать «Счастливый очаг».

— После этого прислали для образца,— грустно продолжал консул,— годовой комплект журнала. Моя кухарка-чешка взяла его на ночь почитать, а сегодня уже совсем рехнулась. Пойдемте, посмотрите, что она вытворяет.

Мы пошли. Вход в кухню был украшен гирляндами роз, среди которых неумелой рукой на куске картона была выведена надпись:

«Счастливый очаг» приносит консульствам счастье».

Среди массы ящиков сидела моя землячка и строгала какую-то скамейку.

— Пст...— произнесла она, приложив палец ко рту,— потише, пожалуйста, чтобы «Счастливый очаг» не рассердился, что мешаете работать. Я делаю из этих ящиков, как советует «Счастливый очаг», современное и красивое кухонное оборудование. Хотите взглянуть на мою глину?— В углу возвышалась большая куча глины.— Я приготовлю из нее для этого дома, по указаниям «Счастливого очага», горшки и другую кухонную посуду.— Она схватила меня за руку и, сверкая глазами, воскликнула:— Увидите, мы будем счастливы, очень счастливы!

Держа меня за руку, эта добрая, сбитая с толку душа продекламировала:

— «Хотите, чтоб ваше счастье было обеспечено, чтобы никогда ничем не омрачалось, чтобы и в будущем,— чем дальше, тем больше,— на вас изливалось сияние счастья и душевного спокойствия? Подписывайтесь на «Счастливый очаг!»

Я сбежал, а утром следующего дня, едва проснувшись, встретил свою землячку у дверей.

Она тащила за собой здоровое бревно.

— Приношу вам этот кусок дерева,— сказала она.— Вы можете сделать себе из него вешалку, как рекомендуются в номере шестнадцатом «Счастливого очага». Купите себе в магазине вешалку и сделайте сами по ее образцу другую, а первую продайте или сделайте из нее изящную подставку для сундука...

В этот момент во мне созрел твердый умысел отравить всю редакцию «Счастливого очага», и в тот же день восточным экспрессом я вернулся в Прагу.

III

Когда я вернулся домой из Солуни, меня ожидал большой сюрприз. Гостиная была пуста, совершенно пуста: нашу стильную черную мебель моя милая жена продала во время моего отсутствия.

С сияющим лицом показала она мне различные картины на голых стенах, которыми она,— по ее словам, с большим вкусом,— заменила мебелировку. Особое внимание она приложила к тому, чтобы реально нарисовать большое трюмо и пианино, так что, ухватившись за нарисованный стул, я очутился на полу.

— «Счастливый очаг» предлагает украшать свое жилище,— певуче говорила жена.— Ну, скажи мне, неужели этот нарисованный стул не выглядит лучше, чем настоящий?

Свалиться было решительно не с чего, поэтому я просто растянулся на полу.

— А почему, собственно, дорогая, ты продала нашу мебель? Может быть, в «Счастливом очаге» было также написано, что гостиная не нуждается в мебели?

— Глупенький,— возразила жена,— мебель я продала лишь затем, чтобы мы были счастливы и имели собственные зубочистки, то есть зубочистки собственного производства. Я прочла в «Счастливом очаге», что экономная хозяйка, чтобы сберечь деньги, должна сама делать зубочистки. Зубочистки, приготовленные ее собственной ручкой, делают ее мужа счастливым и довольным после каждой еды, и от таких зубочисток дышит тем истинным семейным счастьем, которого добивается «Счастливый очаг». Приготовленные дома зубочистки разливают свет счастья и удовлетворения, квартира молодоженов озаряется веселым облагораживающим покоем. Тогда я обратилась к редакции «Счастливого очага» с вопросом, как готовить дома зубочистки. Мне ответили, чтобы я купила «Домашнюю мастерскую», издан-

ную «Счастливым очагом». Я купила сразу два комплекта, потому что, по словам «Счастливого очага», не следует покупать книги в одном экземпляре, так как это неуважение к умственному труду. Ведь даже обычные спички, глупенький, мы покупаем несколько коробок сразу. В «Домашней мастерской» была ссылка, что о производстве зубочисток следует читать в другом издании «Счастливого очага»: «Домашний всезнайка», которое стоит тридцать крон. В «Домашнем всезнайке» я нашла заметку, что зубочистки обычно делаются из дерева и что подробнее об их изготовлении можно прочесть в старых комплектах издаваемого Шимачком «Четверолистника». Тогда я купила «Четверолистник» и прочла там, что зубочистки можно изготовить дома с помощью патентованного аппарата, который продается у фирмы «Братья Кудрин» в Люцерне (Швейцария), но можно также обойтись и обыкновенным ножом. Из «Счастливого очага» я знаю, что машинное производство гораздо дешевле, и поэтому выписала машину. Она влетела в четыреста восемьдесят франков. Где мне было взять деньги? Тогда я продала мебель из гостиной и твою библиотеку, потому что мне понадобилось много денег на липовое дерево и на водяной мотор для машины. Зная из «Счастливого очага», что покупать надо оптом, я постаралась и купила на Шумахере две столетние липы, велела их срубить, распилить и привезти в Прагу. А теперь слушай. До сегодняшнего дня я сделала восемь миллионов зубочисток, которые сложила в подвал и сарай соседнего дома, нанятый по случаю, очень дешево. Два миллиона зубочисток я пожертвовала «Счастливому очагу» для подписчицы, которая даст лучший рецепт картофельных оладий. А теперь у нас есть шесть миллионов зубочисток, и ты увидишь, мы будем счастливы, ужасно счастливы, тебе понравится дома, и ты никогда больше не уедешь в Турцию.

Я был так счастлив, что упал в обморок. Очнулся я в бочке из-под кислой капусты. Когда я вылез из нее, моя заботливая жена объяснила мне, что в «Счастливом очаге» когда-то было напечатано, что испарения кислой капусты предохраняют от обмороков. Она сошла вниз и купила пустую бочку из-под капусты.

— Что же теперь будет с бочкой? — спросил я.

— Оставляю ее в домашней аптечке или, еще лучше, посмотрю в комплекте «Счастливого очага», — подожди я сейчас вернусь.

Она вернулась с прошлогодним комплектом и прочла: — «Прилежная домохозяйка и из капустной бочки сде-

лает истинное чудо. Немного прилежания — и капуста бочка вмиг превратится в детскую коляску...»

Я должен был снова сунуть на минуту голову в бочку.

— «...Еще лучше подойдет для детской коляски бочка из-под керосина, — читала жена, — потому что в ней не заводятся клопы.»

— Ты видишь, теперь мы должны иметь детей.

За выполнением советов «Счастливого очага» мы провели время до ужина, когда жена отвела меня в столовую и дала мне полсардельки и граммов десять хлеба.

— В «Счастливом очаге» написано, что перед сном надо есть очень мало и после еды побегать, а еще лучше совершить горную прогулку. Если же нет возможности после скромного ужина подняться на гору, то можно ограничиться восхождением по обычной лестнице.

Жена повела меня на кухню, где к потолку была прикреплена лестница.

— Эту лестницу я приготовила сама по наставлению «Счастливого очага». Купила на аукционе четыре старых шкафа, и из них получилось это. — Ее глаза излучали блаженство. — Кроме того, у меня есть штанга; однако, чтобы не покупать ее, — ибо бережливая хозяйка неохотно тратит деньги на вещи, которые может сделать сама, — я выплавил ее сама из старых оловянных кружек, которые ты получил в наследство от бабушки.

От этого у меня разболелся желудок, и я должен был поспешить в уборную, пышное убранство которой поразило меня. Рука моей жены оборудовала эту уборную по лозунгу «Укрась свое жилище» действительно крайне стильно и удачно.

Заднюю стену заполняло нижеследующее восхитительное стихотворение:

Тихим счастьем любви полнится душа,
Молитву творит человек, чуть дыша:
О, дорогой очаг,
Любви хранитель благ,
Ты укрываешь нас от беды!
Благослови сей порог, о любовь,
Чтобы зло не могло преступить его вновь!
Наши земные благослови дни,
Счастливый очаг наш здесь сохрани!

Жена вошла следом за мной в уборную, или, вернее, в храм искусств, украшенный персидским ковром из распроданной гостины.

Нет, это была не уборная, это был счастливый очаг в собственном смысле слова, это было идеальное убежище

счастливец, который мог здесь восторгаться и воспитывать свой эстетический вкус.

— «Украсим свои уборные!» — написано в прошлом номере «Счастливого очага», — произнесла жена, — потому что человек проводит в уборной одну шестнадцатую своей жизни, что значит, по подсчетам «Счастливого очага», если человек проживет до восьмидесяти лет, то в уборной он просидит пять лет. И эти пять лет ему приходится провести в какой-то дыре, о которой никто не позаботится и проведенное в которой время портит его вкус. Уборная должна быть заботливо отделанным уголком и дышать тем истинным семейным счастьем, которого добывается «Счастливый очаг».

Не следует удивляться, что я просидел в этом уютном уголке всю ночь напролет.

IV

Раннее солнышко застало меня еще в этом идиллическом уголке, куда оно проникало через окно, оклеенное разноцветными квадратами бумаги, пестрыми, как в готическом соборе, лучами. Лучи падали на стену, где висело «Десять заповедей супружеского счастья» из «Счастливого очага».

Для меня наставал новый день с новыми страданиями, день, полный отчаяния.

Был понедельник, и я мог столь же безнадежно воскликнуть: «Недурно начинается неделя», как бедняк, которого в понедельник вели вешать.

Так я и воскликнул, когда, покинув в седьмом часу свое убежище, нашел на столе в столовой вместо завтрака большой кусок льда, а свою жену не менее энергичной, чем вчера. Перед ней, само собой понятно, лежал развернутый «Счастливый очаг».

— Мы будем теперь, — начала она вместо приветствия, — лизать лед натошак, — единственное средство сохранить на целый день веселое настроение Читай!

На открытой странице журнала была статья «Почему эскимоски никогда не плачут?»

— Потому, — мой дурачок, — что они каждое утро сосут кусочек льда. Если бы ты прочел эту статью, ты бы знал, насколько эскимоска живет спокойнее, чем мы. Она знает, что вышла замуж за мужчину, а не за сверхчеловека, и сразу после брака она выбрасывает из головы всякую мысль, что с другим она была бы счастливее. Из любви к мужу эскимоска старается избегать ошибок и аргументами, а не

слезами убеждает мужа. Они никогда не делают из мужа излишней уступчивостью своего повелителя. Золотые слова! Ах, если бы и у нас, в Чехии, женщины наконец поняли, что также имеют право работать рука об руку с мужем, который никогда не станет их владыкой. К сожалению, мы, женщины, до сих пор остаемся слишком податливыми, мы являемся бедными страдальцами, наша судьба — печальная участь рабыни, и в этом виновны мы сами, из-за своей уступчивости. Но отныне я не отступлю ни на шаг от своих убеждений и не позволю тебе в чем бы то ни было подавлять или ограничивать меня.

Бедная страдальца запихнула мне в рот кусок льда, как набивают гуся тестом: удивляюсь, как я не задохнулся.

Затем она принесла из кухни миску разрезанного кружочками сырого картофеля, посыпанного солью с тертым чесноком, и чайник с какой-то жидкостью.

Она налила мне чашку этого странного дымящегося отвара и пояснила:

— Будешь пить чай «Счастливого очага», за изобретение которого я получила первую премию — элегантные кухонные весы, так что у нас их теперь двое. Этот чай явился большой сенсацией, и его пьют повсюду, где экономят деньги на завтраках. Чай этот готовится из сушеных листьев фуксии, которую держат на окне почти в каждом хозяйстве, и обычного сена, кусок которого каждый может вытащить на улице из проезжающего мимо воза, чтобы получить счастье и завтрак. Для вкуса в чай добавляют тымьян или лавровый лист, корицу, гвоздику, а для экономии в сахаре кладут патоку. Получается весьма питательный и помогающий кровообращению напиток. Чай будет еще вкуснее, если к нему добавить листьев плюща, или, еще лучше — цветов магнолии. Для цвета его настаивают на зеленом луке, а если не нравится запах, то на тмине. Для больных желудком этот чай варится с вишневыми стеблями. Чай — универсальный, тебе безусловно понравится.

Чай произвел на меня примерно такое же впечатление, как если бы в рот попала навозная жижа.

— А что делают с этими кружочками сырого картофеля, — спросил я, опомнившись. — Кладут на живот вместо компресса?

Жена рассмеялась.

— Это едят, глупенький! В прошлогоднем комплекте я прочитала, что это едят на завтрак негры на острове Гаити.

— В пьяном виде?

— Да нет! Боже, как ты глуп! Чтобы не заболеть лихорадкой и лучше выносить климат.

Чтобы легче выносить муки климата, я съел один кружочек, от чего меня бросило в жар и холод; я дрожал, как собака, провалившаяся под лед.

— Я принесу тебе ликер «Счастливого очага»,— утешила жена, заметив при этом, что я выгляжу глупее любого кретина в мире.

Прежде чем я выпил, жена объяснила мне, что ликер «Счастливого очага» каждая заботливая хозяйка готовит дома сама. «Берется золототысячник, отваривается в черном кофе и пропускается через листья лаванды и сушеные грибы. Кипятят около часа, прибавляют на каждый литр по грамму очищенной соды и выжимают в смесь восемь лимонов. Литр напитка смешивают с литром рома и густо солят».

Она налила мне рюмку. Проглотив ее с закрытыми глазами, я почувствовал, как у меня желудок поднимается к потолку. Оставить своего верного друга в беде было бы непростительной изменой; поэтому я подскочил вместе с ним и застрял в фанерной стенке, отделяющей столовую от кухни.

Моя добрая энергичная жена не потеряла присутствия духа. Она побежала в кухню, чтобы лучше говорить со мной, так как половина тела с головой, пробив стенку, очутилась в кухне, и лишь задняя часть моей персоны насмешливо глядела на бутылку ликера «Счастливый очаг» в столовой.

Добрая женщина еще раз проявила себя превосходной и заботливой хозяйкой. Прежде всего она спросила, не лопнули ли у меня подтяжки. Я ответил, что не знаю. Тогда она сказала, что если подтяжки лопнут, она мне сошьет новые из моего цветного жилета или, лучше, из ковра: такие будут крепче.

Затем она стала перелистывать «Домашнего всезнайку», пока не нашла рубрики «Фанерные стенки». Оба мы были страшно рады узнать, что ремонт фанерных стен не требует больших затрат, но о ситуации, аналогичной той, в которой находился я, ни в «Домашнем всезнайке», ни в «Счастливом очаге» не было ни звука. Было лишь написано, что в тонкие фанерные стены не следует забивать больших гвоздей.

Прочтя это, жена начала меня всячески ругать. Однако моего положения это не изменило, и она задумалась, наконец, как бы меня освободить. Она заявила, что понимает громадное значение совместной жизни, но что бы это была

за совместная жизнь, если б я продолжал торчать в фанерной стене, вместо того, чтобы идти рука об руку с ней! Она хочет жить жизнью счастливой и довольной, чтобы поддерживать и меня в дни уныния и несчастий.

Ни с того, ни с сего она пустилась декламировать:

— «Отдай себе отчет в своих правах и обязанностях по отношению к себе, к семье и миру. Строго придержи-вайся в жизни своих убеждений. Как следует подготовься к материнству. (Во мне все горело. Только этого нехватало!) Подготовься к материнству как физически, так и духовно. Величайшее счастье в жизни учись находить в своих детях и воспитай их так, чтобы они были лучше и счастливее, чем их родители.

После этого она заявила, что идет переодеваться, а затем поищет домохозяина и поговорит со своим отцом, не купит ли он этот дом; потом она постарается убедить его, чтобы он отдал дом на снос и таким образом выручил меня. Тут же ей пришел в голову другой план: взять в полиции разрешение на приобретение динамита и взорвать стену. Вообще у ней один план был лучше другого. В конце концов, она решила пойти спросить совета в редакции «Счастливого очага».

Оделась и ушла. Эта была тягостная минута, которая становилась тем тягостнее, что возвращение жены растягивалось с минуты на часы. К счастью, в моих внутренностях начали сказываться результаты чая «Счастливого очага», сырого картофеля с чесноком, а может быть, и ликера. Следовало бы постыдиться рассказывать, но я до сих пор так рад, что не могу не написать об этом. В свое оправдание скажу, что в квартире я был совершенно один и, таким образом, не погрешил против светского этикета, а если я и вел себя не совсем прилично, то меня все же надо извинить, ибо это вызволило меня из более чем неудобного положения. Никто не поверит, какой незначительной детонации достаточно, чтобы свалить фанерную стенку. Конечно, с моей стороны это было неприличием, но после этого стена упала, и я вместе с ней. Таким образом я был освобожден и первым делом побежал открыть окно. Из окна я увидел свою дорогую жену, которая, заметив меня, кисло улыбулась.

Взойдя наверх, она нашла, что с моей стороны это очень некрасиво: для чего же она заставила редакцию «Счастливого очага» выпустить специальную анкету на тему «Как удалять застрявшие в фанерной стене предметы?» Ей ответили, что случай представляет большой интерес и анкета будет многообещающей. Правда, она сказала, что в стене

застрял не я, а пришедшая с визитом свекровь. На это ей в редакции разъяснили, что она должна любой ценой поддерживать мир и согласие с родными мужа. Главное, она должна относиться с уважением и любовью к свекрови, которая воспитывала и ласкала ее мужа раньше, чем она сама. Если свекровь застряла в фанерной стене, то ей надлежит с величайшей осторожностью вытащить ее с помощью пожарных.

Обо мне она не хотела рассказывать, потому что могли подумают, будто я сделал это спяна.

Жена присела к столу и начала плакаться, какая она несчастная женщина: муж у ней пьяница, проламывает стены. Будь я в здравом уме, я бы этого не сделал, стало быть я — помешанный, полоумный, сумасшедший... Ей надо бы до свадьбы испытать мой характер, чтобы полюбить его, а не внешность. Ей надо было бы тогда еще спросить свою совесть, так ли глубоко она меня любит, чтобы вынести со мною даже тяжкие минуты жизни; и лучше ей было бы отказаться вовремя, ибо теперь она видит, что я — бродяга и бездельник. Ей ясно, что она потеряла всякое уважение ко мне, так как я имел смешной вид. Любовь без уважения непродолжительна: теперь она это поняла, увидев, как я из чистого сумасбродства держу голову на кухне, а ноги в столовой. Она рассмеялась и снова разразилась упреками. Безусловно, ей не следовало вступать в брак, питая столь идеальные надежды; тогда она не испытала бы горького разочарования. Хотя бы этот бездельник (то есть я) догадался попросить прощения. Нет, стоит, как пень, да и пень выглядит-де лучше, чем я. Я выгляжу, как полено. Она-то мечтала, что мы будем счастливы, что дух «Счастливого очага» своим очарованием удержит нас в любвеобильных объятиях. Многим и многим создал «Счастливый очаг» счастье, многим и многим помог на тернистом пути повседневной жизни, но это не были такие сумасброды, как я. «Счастливый очаг» спешит на помощь добрым советом каждому разумному супругу. Она надеялась, что этот журнал станет моим другом и советником, утешителем и веселым собеседником, а я стою здесь, как болван. Неужели я не слышал, что именно по ее инициативе «Счастливый очаг» проводит анкету «Как удалять застрявшие в фанерной стене предметы?» Почему же я не беру в руки перо и не пишу, как я освободился из фанерной стены, чтобы тысячи и тысячи читателей знали, как себя вести в подобных обстоятельствах?

Я написал в «Счастливый очаг», как я этого добился,

и подписался именем и фамилией своей жены. Надеюсь, редакция осталась довольной...

V

После пережитого я отказался от своего турецкого плана отравить пилюлями всю редакцию «Счастливого очага». Я хотел послать им отравленные пилюли с припиской, что я изобрел ароматические пилюли «Счастливого очага» и прошу редакцию испробовать их действие, — я готов послать каждой подписчице по коробке даром, чтобы ввести пилюлю в обиход. Этот способ отправить на тот свет своего врага хотя и хорош, но ему не хватило именно того, надеждой на что тешит себя всякий порядочный человек, задумавший отомстить. Не знаю, поймете ли вы, какое наслаждение отправить своего врага на тот свет. Конечно, вас так не преследовали, но меня одна мысль, как я их там буду убивать, приводила в неопишное блаженство. Поэтому я признал за лучшее перестрелять всю редакцию.

На завтрак была каша «Счастливого очага» из пареных ржаных отрубей, что навело меня на мысль: не отравить ли мне пули?

Руководимый этим почтенным намерением, я вышел из дому и купил обычный револьвер и сто патронов. Я решил сделать из этих ученых людей настоящее решето.

Дом, где мне предстояло учинить массовое убийство, я нашел сразу и с удовольствием узнал, что главная редакторша принимает. Я говорю: с удовольствием, потому что с момента, когда револьвер очутился у меня в кармане, настроение мое сразу поднялось. Если все убийцы чувствуют себя так же хорошо, как я, то жизнь их прекрасна.

Помню, что дорогой я весело насвистывал и забрел в ресторанчик «У Иисуса» съесть гуляш и выпить пива. Мне в голову не пришло, что, может быть, всю остальную жизнь я буду хлебать лишь тюремную баланду. Я был убежден, что суд присяжных меня оправдает, если среди присяжных найдется хоть один, чья жена выписывает «Счастливый очаг». Он подтвердил бы своим коллегам те муки, о которых я порасскажу.

Помню, вечер был ясный и веселый, для того и созданный, чтобы убивать с улыбкой. По пути я встречал воз с сеном и увидел в этом счастливое предзнаменование, что перебью всех по порядку и мне за это ничего не будет.

С улыбающимся лицом вошел я в кабинет редакторши. Моя будущая первая жертва была пожилой дамой, ин-

теллигентной на вид. Взглянув на нее, я сразу понял, что именно эта женщина додумалась превращать вмиг бочку из-под керосина в детскую коляску.

Приняла она меня чрезвычайно важно, с таким видом, будто она, по меньшей мере, произвела на свет всех великих людей, которых когда-либо носила земля.

Голос ее напоминал разъяренного проповедника, обличающего преступников.

Я представился как муж Адели Томас.

— В таком случае вы один из счастливейших мужей,— сказала она, встав и крепко пожав мне руку,— так как ваша жена, наша Адель, или, как мы ее называем, Вера Подградешинская-Баштова-Крумгольцева, — вы, понятно знаете, что она выбрала себе этот звучный псевдоним! — наш лучший друг. В каждом номере читатели «Счастливого очага» получают от нее массу наставлений, по преимуществу касающихся кухни и семейной жизни. Кроме того, она учредила стипендию для неимущей подписчицы «Счастливого очага», и на днях в ее пользу будет продана, как вам известно, ваша столовая. Ваша жена трудится для «Счастливого очага». «Счастливый очаг» в свою очередь поучает ее, как поступать в тяжелую минуту жизни, когда на человека обрушивается карающая длань судьбы.

«Подожду стрелять в нее,— подумал я,— пока она не кончит».

— Присядьте, счастливый муж,— предложила она, и я придвинул стул к ней поближе, чтобы без промаха угодить в ее окаянную пасть.

— Вы, безусловно, ужасно счастливы вдвоем с ней? Она каждый раз рассказывает, как мало-помалу создает по советам «Счастливого очага» уютное гнездышко, украшенное трудами ее рук. О, у ней золотые руки! Да и вообще она страшно мила и интеллигентна, она поняла, что должна быть для своего мужа энергичной и внимательной подругой жизни, веселым товарищем, а вы, со своей стороны, как она говорит и как я сама вижу, стараетесь сравняться с нею в воспитанности и посвящаете все свои интересы ее труду и забавам. Ваша семейная жизнь создает основу вашего довольства. Визиты, театры, концерты, развлечения,— пусть они лишь время от времени освежают вашу душу. Заботьтесь и о своей внешности, и о своей душе. Все лучшее отдавайте жене, которая так о вас заботится. Скрывайте от нее все низменное и помните, что ваша жена не любит празднословия. Оставайтесь ей верны на всю жизнь и старайтесь, чтобы и она нашла в вас своего лучшего друга.

— Больше вам нечего мне сказать, сударыня?— спросил я, сжимая револьвер в кармане.

— О, у меня еще много на сердце. Вы, счастливые мужа, тоже должны помогать «Счастливому очагу». Пропагандируйте его везде и всегда! Вспоминайте в обществе о нашем журнале, который сделал из вас счастливого, выглядящего таким довольным! Будьте нашим передовым бойцом и требуйте во всех кафе и ресторанах наш «Счастливый очаг», чтобы ореол счастья, которым вы столь полно наслаждаетесь, распространился на каждого чеха!

Я вынул револьвер и сказал:

— Сударыня, видите этот револьвер?

Она кинулась на револьвер, как будто это была подписанная плата, и, прежде чем я мог опомниться, револьвер очутился в ее руках.

— Ах, значит, это и есть тот ценный предмет,— сказала она,— который ваша дорогая жена хотела в прошлый раз прислать нам для второй премии, которую мы выдадим за нашу анкету «Как приготовить за восемь копеек обед для семьи из пяти человек?»

Она положила револьвер в ящик, взяла меня за руку и привела в соседнюю комнату, где представила остальным сотрудницам редакции.

Что они там со мной делали,— не знаю; помню только, что я трижды падал в обморок, когда они меня учили завязывать галстук и убеждали делать галстуки,— для полного счастья,— самому из рваных кальсон. Подействовало, вероятно, и то, что они посвятили меня в те сюрпризы, которые приготовили для читательниц своего журнала.

Среди них был, например, совет готовить из стружек питательный кисловатый напиток, который, будучи сварен со сливками и выпит горячим, прекрасно помогает от насморка или оспы; впрочем, его можно пить и без насморка или оспы.

Из остатков промокательной бумаги, если ее разжевать, можно сделать чудесные запонки для манжет.

Зайца можно законсервировать в денатурированном спирте на целые годы, а потом пользоваться им, отрезая по кусочку, для разжигания. Сушеные майские жуки, если их растолочь или размолоть в муку, служат очень вкусной приправой при варке сытной каши для взрослых и детей; если же к толченым жукам прибавить немного золы, получится замечательное средство для чистки ножей и вилок.

Затем меня приставили к прибору для автоматической варки «Нурсо» и сфотографировали.

— Появится в следующем номере,— сказали мне,— за

подписью: «Счастливым очаг» и «Нурсо» сделали меня счастливым и довольным».

Потом меня отпустили, и я припоминаю только, что у меня еще долго в ушах звучало: покупка... домохозяйство... кухня... домашняя мастерская... рождество... уютная квартира... фамильный домик... семейный садик... нашей детворе...

Вместо револьвера в кармане у меня оказалась булавка для заколки юбок с надписью «Счастливым очаг» и наперсток, на котором было написано: «Счастливым очаг» и наперсток делают счастливыми».

Вот видите. Никого я не убил, но волосы мои побелели, как снег.

Мною овладела глубокая меланхолия, и я вернулся домой уже не молодым и веселым, а фактически и духовно опустошенным человеком.

VI

Первые два дня после визита в редакцию «Счастливого очага» я был совершенно безучастен к окружающему миру. Часто ловил себя на том, что машинально, надев на палец наперсток, часа три постукивал себя по лбу, бессмысленно глядя в пространство.

На третий день я попросил жену, чтобы она сделала из моего черного пиджака практичную дорожку для буфета, и ушел из дома.

В голове у меня вертелись странные мысли, и что-то меня толкало, чтобы я делился ими с проходящими мимо людьми.

Напрасно старался я сдержаться; дойдя до Вацлавской площади, я уже не мог больше выдержать и обратился к какой-то даме, рассматривавшей искусственные цветы в витрине:

— Сударыня, возьмите доску и четыре сигарных коробки, истолките их вместе, и у вас получится диван.

Раскланявшись с ней, я пошел дальше. На углу Овощной улицы я остановил прохожего:

— Вы хорошо сделаете, если сами будете готовить себе спички. Наколите щепок из ящика, купите серы, разведите ее, окуните в нее палочки, а когда просохнут, намочите их фосфором. Фосфор достанете в любой лавочке, предъявив удостоверение на право покупки ядов для истребления полевых мышей. Засим до свиданья!

Повернулся и пошел. Меня провожала уже небольшая кучка людей, значительно увеличившаяся пока мы дошли

до Гавиржской улицы. Здесь я обратился к ним со следующими словами:

— Если хотите быть счастливыми, не выбрасывайте потрохов от куриц, будьте экономны. Купите к ним трюфеля и сделайте паштет. На сбереженные деньги купите зонтик и сделайте из него дешевые и изящные галстуки. Проволоку употребите на корзинки для печенья. Ручку украсьте пугиными перьями, получится метелка для мебели, и вы будете счастливы. Всего хорошего!

Толпа возрастала и шла за мной вплоть до Староместской площади, где меня остановил полицейский.

— Папаша,— обратился я к нему,— выдергивайте ежегодно из плюмажа¹ три-четыре пера, и через пять лет у вашей супруги будет чудесное украшение для зимней шляпы. Из сабли сделайте дома сечку для капусты, а из кобуры — элегантный портсигар.

— Ладно,— ответил он,— все это я сделаю, только пойдемте со мной, мне надо спросить разрешения в участке.

В участке меня осенила масса новых практических идей.

— Господин полицмейстер, купите себе «Счастливый очаг» и превратите участок в уютное гнездышко. Нары полицейские сделают сами. Письменные столы расколите на доски, а когда кого-нибудь арестуете, дайте ему пилку,— пусть выпиливает жене сахарницу к рождеству. Разукрасьте свои уборные, и вы увидите, как снизойдет очарование семейного счастья и освятит самый загаженный полицейский участок.

Полицейский врач констатировал тяжелую меланхолию. Послали за моей женой.

Жена пришла со связкой писем, так как ее в этот день избрали в комиссию по проведению анкеты: «Как удалять застрявшие в фанерной стене предметы?»

— Не беспокойтесь, сударыня,— обратился к ней врач,— ваш муж скоро выздоровеет. Лучше всего отправьте его в лечебницу. У него просто меланхолия, а вообще психически он здоров. Это явствует из того, что он признает, что солнце всходит и заходит, знает четыре части света и знает, что мы находимся в центральной Европе.

Мы с женой пошли домой.

Я ничего не имел против отправки в лечебницу, ибо сам чувствовал, что атмосфера, в которой я нахожусь, как-то странно влияет на меня.

Пока что мне пришлось вместе с ней разбирать получен-

---

¹ Австрийские полицейские носили в то время на фуражке плюмаж из перьев.

ные в ответ на анкету письма. Первое письмо было аршинным и содержало «Десять заповедей «Счастливого очага», касающиеся застрявших в фанерной стене предметов: 1. Выбирай квартиру, где нет фанерных стен! 2. Помни, что фанерные стены тонки! 3. Не требуй, чтобы тебе на фанерную стену вешали зеркало или картины! 4. Ничего не забивай в фанерную стену! 5. Не застревай! 6. Легко не вытащишь! 7. Ни за что не порть фанерных стен! 8. Не ругайся с женой, если за фанерной стеной чужие люди! 9. Гвозди вытягивай клещами! 10. Помни, что слишком длинными гвоздями можешь пригвоздить соседа к стенке!».

Я стал буйствовать и разворотил печь.

Тогда меня отвезли в лечебницу доктора Шимсы в Крч¹, где я яростно требовал «прибить вся и всех к стенам».

В лечебнице я встретил двух человек, чья судьба как две капли воды походила на мою собственную.

Первый из них имел несчастье жить с сестрой, которая выписывала «Счастливый очаг», у другого жена страдала той же неизлечимой болезнью, то есть стремлением создать по советам журнала уютное и улыбающееся гнездышко.

У меня была возможность наблюдать за ними. Они сторонились людей и целый день шептались между собой, а когда им казалось, что за ними никто не смотрит, садились на корточки в саду под деревом, и один поучал другого:

— Возьми побольше яиц, насыпь немного муки, размешай и намажь на хлеб; хлеб запеки и подавай горячим на стол.

— Ощипай курицу, разруби ее так, чтобы она была похожа на объедки, свари с пряностями, уксусом и желатином, — будет студень.

Потом они брались за руки, подпрыгивали и кричали:

— Мы хозяйничаем, хозяйничаем!

Помню, что однажды я также очутился в их компании, и с тех пор мы втроем сидели на корточках и делились опытом, как работать дома на благо семьи, как, например, сделать из чернослива красивую рамку для картины, приклеив чернослив к рамке и позолотив его.

Позже все это появилось в «Счастливом очаге»: нас подслушала потихоньку племянница доктора Шимсы и переслала наши рецепты и наставления в «Счастливый очаг», где весь этот бред напечатали с благодарностью.

Мои два товарища были неизлечимы, вероятно, и я бы остался таким же сумасшедшим, если бы не разыгралось

---

¹ Крч — окраина Праги.

событие, настолько потрясшее мои нервы, что я разом пришел в себя.

Я не видел своей жены уже полтора года, когда доктор Шимса неожиданно сообщил мне, что со вчерашнего дня я являюсь счастливым отцом.

Сначала я рассмеялся, а потом стал считать месяцы: понимаете, сумасшедший, он быстро сообразить не может. Только через неделю я подсчитал, что ребенок не мой.

Тут ко мне внезапно снова вернулся рассудок.

VII

Когда человек ни с того, ни с сего становится отцом без малейшего к тому содействия со своей стороны, неудивительно, что его это озадачит. Но столь загадочная на первый взгляд вещь быстро разъясняется, если вы не принадлежите к числу простаков, как тот словак, который прожил десять лет в Америке и до самой своей смерти не смог понять, как его жена сумела тем временем произвести дома восьмерых ребят.

Вместо того чтобы благодарить бога, я стал размышлять, кому, собственно, я обязан этим сюрпризом. Мысли мои приняли другое направление, и через неделю я был отпущен из лечебницы, как вполне выздоровевший.

Вернувшись домой, я застал жену спящей, а возле нее моего чужого сына. С вашего позволения, я бы так назвал это маленькое пухленькое существо с невыразительной внешностью.

Я сунул ему в руку удостоверение о выходе из лечебницы и прошел в женину спальню на поиски следов того, с кем забылась моя добрая супруга. Вся мебель была сбита из дощечек и ящиков; свой будуар она отделала в столь потрясающем стиле, что при взгляде на плоды ее прилежания волосы у меня стали дыбом, я затрясся, как осина, и опустился на первое попавшееся чудовищное подобие кресла, составленное из старых чугунов. Моя золотая жена полагала, что будет тем счастливее, чем больше ящиков будет содержать ее мебель. В одном лишь письменном столе, который она старательно приготовила из дюжины курительных столиков и умывальника, я насчитал сто пятьдесят выдвижных ящиков и отделений.

Мои розыски были этим существенно затруднены. Всюду я натыкался на рецепты и наставления, пока наконец, не набрел на папку с надписью «Дело моего мужа». Внутри нее лежали вырезки из почтового ящика и письма «Счаст-

ливого очага» с ответами на вопросы моей жене. Первое из них гласило:

«Госпожа Адель Томас! Судя по присланному вами письму, болезнь вашего мужа излечима. Надеемся, вы найдете душевную силу, чтобы не впасть в отчаяние; вы молоды, вся жизнь у вас впереди, стоит ли сокрушаться из-за того, что он вас не понял? Даже лучше, что ваш муж сошел с ума теперь, а не после нескольких лет счастливой супружеской жизни. Когда вы успокоитесь, напишите нам снова; ваши письма полны благоразумия, поэтому мы уверены, что вы послушаетесь нашего совета и не будете вешать головку».

Почитаем другое:

«Госпожа Адель Томас! Советуем вам серьезно подготовиться к наивысшей задаче, которая ждет женщину. Подумайте, что вы когда-нибудь будете матерью, что вы должны ею быть, и вас сразу покинут горестные мысли об одиночестве, которые приходят во время долгих печальных часов ожидания далекого мужа.— (Я утер слезу: все-таки она меня любила).— Утешайтесь надеждой, что и вы вступите в почетные ряды матерей, что и вы воспитаете достойного члена чешского общества».

В третьем письме было сказано:

«Госпожа Адель Томас! Не понимаем, почему вы жалуетесь? Вы же знаете, что «Счастливый очаг» — ваш искренний друг и советчик. Вы пишете, что становитесь жертвой меланхолии. У молодой, красивой замужней женщины, как вы, меланхолия быстро пройдет, как только вы станете матерью, ибо в материнстве найдете дополнение того счастья, которое вам доставляет «Счастливый очаг». С младенцем на коленях будете вы перелистывать наш журнал, и к вам снова вернется покой, и материнская любовь осыпет вас своими лучшими цветами. Да, ваше спасение в материнстве,— вот ваш лозунг».

Тут я все понял. «Счастливый очаг» захотел, чтобы она стала матерью, и она, как послушная подписчица, повиновалась, разумеется, без моего ведома.

Мне бы только узнать, кто меня заменил.

Я взял четвертое письмо.

«Госпожа Адель Томас! Согласно вашей просьбе посылаем вам своего агента по сбору подписки и объявлений».

Свой к своему! Агент «Счастливого очага» — к подписчице «Счастливого очага», — никаких любовников. Милая моя жена, до чего ты последовательна! Нет, любовника не было, — был лишь агент.

Я прослезился от счастья и пошел взглянуть на жену. Она как раз кормила это дитя «Счастливого очага» и, заметив меня, в полной невинности воскликнула:

— Дорогой мой, золотой муженек. Посмотри, какой у нас малыш! Ему всего несколько дней, а как умно смотрит!

Я этого не заметил: напротив, я нашел, что он выглядит очень глупо.

Акушерка, сидевшая у постели, сказала:

— Весь в вас, сударь, и выражение глаз ваше.

Вполне возможно, что в этот момент я выглядел не умнее.

— Я не забываю о ребенке и уже попросила редакцию о совете. Вот читай! — снова начала жена.

У ней уже опять была куча этой дребедени.

«А. Т. Вы спрашиваете, как одевать маленького ребенка мужского пола. Вашему малютке очень пошел бы костюмчик из блузки, украшенной цветным воротничком, и коротких или длинных штанишек. Очень хорош также был бы практический костюмчик, так называемый спортивный, из шерстяной материи в рисунок. Особенно незаменим для школы. Для прогулок сшейте ему пальто, лучше всего из голубой гладкой материи».

Когда я прочел, жена спросила:

— Ну, забочусь я или не забочусь о нашей крошке? Ты читай дальше!

«Госпожа А. Т. Чтобы предохранить от появления зубного камня, надо аккуратно чистить зубы. Лучше всего, если вы сейчас же обратитесь с ребенком к зубному врачу».

— Помилуй, у него же еще нет зубов!

— Разве нет, я даже не заметила.

Она заплакала.

— Что ж ты плачешь, дорогая?

— Сейчас ты узнаешь самое ужасное. Читай!

«Госпожа А. Т. Вы пишете, что ваш ребенок не говорит и изъясняется лишь жестами, причем непрерывно сучит ногами. Это может происходить от разных причин, сводящихся к параличу речевых центров, возможно также,

причиной является немота или падучая болезнь. Обязательно отведите ребенка к врачу, лучше специалисту, который вам посоветует, отдавать ли его в заведение для глухонемых. Вещь это очень серьезная, и всякое промедление может иметь тяжелые последствия».

— Но ведь он кричит,— пытался я успокоить жену.

— Я знаю, что кричит,— всхлинула она,— но глухонемые тоже кричат.

С тех пор на меня начали периодически находить припадки судорожного смеха.

VIII

Ребенка назвали Феликс, что означает «счастливый». Святой Феликс был мучеником: не знаю, выписывала ли его жена «Счастливый очаг»...

За три дня до крестин жена послала меня в редакцию «Счастливого очага» спросить, как крестят детей и нет ли на этот счет каких-нибудь советов от читательниц, чтобы она могла первой их практически применить. Она угадала. Там было не больше не меньше, как сорок семь писем; большинство из них придерживалось прогрессивного направления. Там были советы молодым матерям, как одеваться на крестины, кого звать в гости и как обставить гостиную для крестин. Некоторые бережливые хозяйки требовали, чтобы вообще крестины праздновались без особой пышности. В марте, например, надо подавать к столу только гуся и зайца. Другие писали, что если крестины приходится на зиму, то новорожденному надо посыпать на язык вместо кухонной соли нашатыря, который предохраняет от простуды. Мне дали все эти сорок семь наставлений и в придачу большую книжку с картинками, под заглавием «Счастливый очаг» — своим маленьким доброжелателям». Моему чужому сыну, трехнедельному Феликсу, предоставлялось перелистывать ее. Из редакции я ушел вполне утешенным, потому что редакторша сказала мне, что убедилась в моем полном выздоровлении. В благодарность я оставил редакции рецепт, как из поджаренной чечевицы и спаленных хлебных корочек готовить настоящий цикорий.

Когда я вернулся домой, жена, затаив дыхание, кинулась на письма, особо тщательно выбирая те, где говорилось, чем надо кормить ее трехнедельного Феликса. В конце концов, она нашла письмо, где было сказано:

«Уважаемая редакция!

В течение сорока лет я тружусь как учительница в го-

родской школе в П. Иметь детей было издавна моим желанием, но судьба, к сожалению, направила меня по учительской стезе, что, как известно, сопряжено с безбрачием. В течение долгого времени я подвигаюсь в литературе, на поприще воспитания грудных детей, потому что бываю в семьях, изобилующих этими чудесными куколками. Я знаю, как болезненно переживает мать, когда у ней не хватает молока, и достопочтенная редакция извинит меня, если я без застенчивости предложу уважаемой редакции ввести в журнал новый отдел: «Счастливый очаг» — грудным младенцам». Я знаю, как тяжела участь этих крошек, и поэтому сделала открытие, что материнское молоко можно с успехом заменить жареными жёлудями. Мне пришлось недавно наблюдать, как отнятый от груди поросенок жадно набросился на предложенные ему жёлуди. Выпив на ночь четыре чашки сгущенного отвара этих жёлудей, я констатировала, что желудевый отвар не вредит и человеку. Поутру я чувствовала себя посвежевшей и полагаю поэтому, что слабый отвар молотых жареных жёлудей должен был бы благоприятно подействовать на укрепление скелета младенца, ибо жёлуди содержат, как известно, дубильную кислоту, которая излечивает пагубную болезнь, именуемую поносом. Если бы младенцам давали пить желудевый отвар, матери могли бы посвящать свое время вместо стирки пеленок вопросам литературы и общественной жизни. Поэтому прошу уважаемую редакцию использовать предлагаемый рецепт в очередном номере «Счастливого очага». Я убеждена, что после этого для чешского народа будет разрешен вопрос о намаренных пеленках.

Каролина Гусова

Лучшая пропорция: полкило жареных жёлудей на пятьдесят литров воды».

Как только жена прочла это, она велела мне дать прислуге денег на покупку двух килограммов жареных жёлудей, а самому поискать двухсотлитровую бочку.

Потом нас заинтересовало письмо о том, как купать грудных детей. Это письмо написал, видимо, под давлением своей жены некий таможенный чиновник. Вначале он сообщал о себе, что ему шестьдесят лет, что он бездетен, что его жена выписывает «Счастливый очаг» и большая специалистка по части купания грудных детей. По ее мнению, новорожденных следует купать не просто в теплой воде, а в отваре из целебных кореньев, в изобилии растущих на Шумава, в Крконошах и в Татрах¹. Дитя, выкупанное в подобном

¹ Шумава, Крконоши и Татры — расположенные в Чехословакии горные хребты.

отваре, быстро растет и становится настолько понятливым, что уже на втором году может ходить, отличать отца от матери и т. п. Если кто-либо из подписчиц проявит интерес, он готов прислать пакет, содержащий полкило этих корней, за четыре с половиной кроны. Письмо заканчивалось советом курить липовый цвет, являющийся непогрешимым средством против бешенства. Пакет липового цвета он посылает за пятьдесят геллеров. Мне пришлось тут же выписать четыре пакета для купания новорожденных и два — липового цвета, потому что мы проходим мимо дворничихи, у которой есть щенок. Из дальнейших советов мы позаимствовали указание, что заботливая мать уже при крещении должна выбрать будущую профессию своего дитяти. Моя жена заметила, что, когда она перед родами была в редакции «Счастливого очага», ей посоветовали воспитывать из ребенка композитора. Поэтому она заявила, что к крещению необходимо купить пианино, но прежде я должен зайти в редакцию «Счастливого очага» — узнать, не могу ли я сделать сам этот важный для воспитания нашего сына предмет. В подвале у нас как будто валяется большой ящик с чудесным резонансом; достаточно ударить в него ногой, чтобы услышать всю гамму. Кроме того, она поручила мне купить в какой-нибудь гостинице поломанные бильярдные шары, так как на клавиши нужна слоновая кость, а черное дерево доставит нам мебель из нашей приемной. Жена так восхитилась, что заснула и проспала два часа, в то время как я в недоумении сидел в подвале перед резонирующим ящиком. Этот ящик был остовом пианино. Сколько мне известно, пианино у нас никогда не было. Когда жена проснулась, я спросил ее, как, собственно, попал в подвал этот остаток от пианино.

Она попросила меня в ответ принести из кухни поднос для конфет.

— Как тебе нравится?— спросила она с победоносным видом.

— Очень красиво.

— Как я рада! А знаешь, что он сделан из пианино? Я прочла в нашем милом и поучительном журнале, что из старой фисгармонии, которая при переезде все равно разобьется, можно сделать прекрасный поднос из черного дерева для сластей — они чрезвычайно эффектно отражаются на черном фоне. Я хотела взять в рассрочку старую фисгармонию, но так как на складе ее не было, то пришлось купить за полцены старое пианино. Я дала его переделать в фисгармонию и попросила рабочих, чтобы они при переноске уронили ее на тротуар, что они за хорошие чаевые

и сделали. Верхняя доска отлетела так удачно, что за две недели поднос был уже готов и на организованной «Счастливым очагом» выставке рукоделия получил первую премию — комплект журнала «Любуша» за восемь лет.

Я с удивлением взглянул на эту энергичную женщину. Она добавила:

— Мы же должны прилично воспитать нашего Феликса, не правда ли?

Она выразилась «нашего», хотя я постоянно избегал этого слова в разговорах. Она думала, что я сумасшедший, но я ей показал, я сам посадил ее в сумасшедший дом. Ах, зачем я это сделал!

IX

Почему я отправил ее в дом умалишенных?— Очень просто. Едва прошло шесть недель, которые она провела в постели, размышляя над воспитанием Феликса, жена решила осуществить свой старый замысел и приготовить Феликсу коляску из керосиновой бочки.

Для этого она купила бочку керосина, но, будучи бережливой хозяйкой, не захотела выливать керосин и потому купила керосиновую печь, так что мы с тех пор стали готовить на керосине. Так как это обходилось дороже, чем уголь, жена стала экономить на еде и с улыбкой говорила, что вводит месяц бережливости, месяц воздержания. При этом она утешалась тем, что вынимала у меня из кармана кроны, которые жертвовала затем в фонд борьбы за избирательные права для женщин. Она заявила, что должна руководствоваться примером датских женщин, обходящихся без помощниц в хозяйстве. А так как она считала, что датский союз женщин пронагандирует лозунг бережливости: «Ешьте как можно чаще у знакомых!»,—то водила меня по ее и моим знакомым с таким расчетом, чтобы появляться именно тогда, когда они садятся за стол. Мне было очень неприятно, когда она вынуждала хозяйку отдавать нам половину их обеда, который мы быстро проглатывали, но еще более стыдно было мне, когда она в довершение всего просила одолжить ей мелочь на трамвай. Разумеется, назад мы шли пешком, а выклянченные в буквальном смысле слова деньги она отсылала «Счастливому очагу».

Так продолжалось месяц. Однажды ее застigli у знакомых, когда она утащила котлету из чулана; тут ей пришлось самой признать, что ее поведение перешло все границы и что, по крайней мере, готовить надо дома, чтобы хоть

избавиться от керосина. Настал день рождения моей матери, и она, счастливая, что может сделать подарок, который не надо покупать, послала матери пятьдесят литров керосина с письмом, в котором благодарила ее за мое воспитание и между прочим писала, что в вопросах брака родители играют чрезвычайно важную роль, которую можно сравнить с задачей верхней палаты, в то время как на детей падает задача палаты депутатов.

Мать моя написала мне по секрету, чтобы я показал жену психиатру.

Наконец вышло так, что одна из ее подруг справляла свадьбу, и жена отправила ей в качестве свадебного подарка маленького Феликса. В это время я подписыва договор на продажу нашего дома и не подозревал о случившемся, а вернувшись, даже не обратил внимания, что не слышно, как верещит маленький Феликс. Но тут она меня порадовала, что разрешила проблему с керосином. Керосина хватит на год, и до этого она не сможет сделать из керосиновой бочки коляски для Феликса, а купить коляску — большой расход, мы и так чуть не на грани нищеты. Чтобы выйти из кризиса, она купила большую разукрашенную коробку для подарков, снабдила ее отверстием, положила в нее Феликса и послала сына дворника, чтобы он отнес ее в квартиру новобрачных Крамских, которые сегодня венчались. Молодая была ее лучшей приятельницей и прислала ей к свадьбе серебряное туалетное зеркало. Теперь она должна чем-нибудь ей отплатить и полагает, что Феликс является поистине роскошным свадебным подарком.

Схватив шляпу, я помчался к Крамским. Попал я как раз вовремя. Они только что приехали из церкви и развертывали подарки: в эту минуту распечатывали разукрашенную коробку с моим чужим сыночком Феликсом.

Все же я чуточку опоздал, потому что Крамский только что признался, что это его сын от одной кассирши с Карлина¹, а теще гонялся за ним по комнате с ножницами в одной руке и цилиндром в другой.

Молодую приводили в чувство, теща молотила Крамского палкой по спине, а распакованный Феликс лежал на столе и молча ходил под себя.

Прошло полчаса, прежде чем мне удалось разъяснить мадам Крамской, что речь идет, видимо, о другом ребенке, а это создание принадлежит моей жене, которая сошла с ума.

Тогда стали искать в куче свадебных подарков второго

---

¹ Кармин — район Праги.

ребенка, но не нашли, и господин Крамский снова отрекся от всего, заявляя, что он все это наговорил со страха и сам не может объяснить, что такое он говорил.

Мадам Выханова, теща Крамского, вместе со мной отнесла Феликса домой, а присутствующие выразили мне свое глубочайшее сочувствие.

Тем временем жена, сидя дома, не ленилась: перед ней лежали исписанные четвертушки бумаги, из названия которых было очевидно, что они предназначались для «Счастливого очага».

Статья называлась: «Большая и маленькая физическая нужда до и после театра». В начале статьи писалось, что в театр и на концерт мы идем, чтобы получить наслаждение, воспринимаемое главным образом органами слуха. Для этого требуется прежде всего спокойствие. Если, однако, мы чувствуем нужду, то о покое не может быть и речи: нам не до сцены, и поэтому подписчица «Счастливого очага» не должна выходить из дома прежде, чем удовлетворит свою нужду. После концерта или театра можно распорядиться со своей нуждой как угодно...

Вызванный психиатр сам увез ее в дом умалишенных.

Х

Психиатру удалось так легко отвезти ее в дом умалишенных потому, что он сказал ей, будто одна из его пациенток в минуту просветления изобрела и записала ряд практических рецептов для домашнего хозяйства, в том числе исключительно практическую мазь для мозолей и обмороженных ног, а кроме того, написала капитальное наставление по чистке кухонных кастрюль.

Когда она очутилась в доме умалишенных, ей сказали: «Сударыня, вам надо немного у нас отдохнуть».

Она возражала, что находится в здравом уме и что, видимо, я сошел с ума, и потребовала немедленно перо и чернила, чтобы написать полную разумных советов статью, из которой каждый сразу бы увидел, что ее распадок не помрачен.

Ее желание было удовлетворено, и она написала статью для «Домашней мастерской» «Счастливого очага»:

ТОЧИЛКА ДЛЯ КАРАНДАШЕЙ

При очинке карандашей в порядочной семье обычно много карандашей ломается, чего бережливая хозяйка, при

нынешней дороговизне, конечно, не может вынести. При этом образуется также много стружек, которые никак нельзя использовать. То и другое доставляет хозяйке одни огорчения, поэтому практическая хозяйка нуждается в практической точилке для карандашей, которая необходима во всяком хозяйстве. Чтобы запастись материалом для приготовления точилки, надо купить у торговца фотопринадлежностями несколько пленок. Пленки можно выбросить, а катушки от них укрепить на дощечке, обтянутой наждачной бумагой. Тем самым приготовление точилки закончено, и мир и покой воцарятся в счастливом семействе.

К большому моему удовольствию, жену после этого оставили в доме умалишенных, а я пошел поделиться отрадной новостью с редакцией «Счастливого очага».

Им я сказал просто:

— Позволю себе довести до вашего сведения, что ваша лучшая сотрудница, моя жена, изобретательница универсального чая и универсального завтрака «Счастливого очага», только что водворена в сумасшедший дом.

Сообщил я им это с милой, приятной улыбкой.

Они страшно удивились, а когда я добавил, что ее оставили там после того, как она написала статью «Точилка для карандашей», то сотрудницы редакции, узнав подробности, воскликнули:

— Какая блестящая и оригинальная идея! Будьте любезны, продиктуйте машинистке эту статью. Налицо несомненно недоразумение, — ваша жена вполне здорова. Мы ее навестим и спросим, как это вышло. Ее необходимо еще сегодня увести.

Однако их старания не увенчались успехом. В доме умалишенных им сказали, что моя жена страдает манией сделать каждого счастливым. Как раз в данный момент ею овладела идея изобрести аппарат для варки яиц, и она все время говорит о каком-то семейном погребе с окном, устроенном на верхнем этаже.

Присутствовавшая при этом делопроизводительница какого-то женского кружка пришла в большое возбуждение и стала кричать, что для сдвигания гардин достаточно обычной резиновой тесемки, какая употребляется, чтобы не падала шляпа. К концу тесемки надо только пришить крючки и петельки... Ее оставили в доме умалишенных, но, когда она успокоилась, выпустили. Остальным позволили навещать мою жену, что причинило мне массу неприятностей. Моя добрая жена поняла, — настолько ума у ней хватило, — кому была обязана своим пребыванием здесь, и заявила им, что она стремилась лишь осчастливить меня, но

я не хотел этого понять и, будучи душевно неменяемым, противился наставлениям ее и «Счастливого очага»: не хотел глотать петрушку в молоке, что помогает от выпадения волос, и не хотел мазать патоку на хлеб. Отказывал ей в деньгах на старые ящики, из которых она делала дома прекрасную мебель. Когда же она в заключение провозгласила, что я, как и все мужья, идиот, у них рассеялись всякие сомнения в здравости ее рассудка, несмотря на то, что в медицинском заключении было написано, что она, как подписчица «Счастливого очага», может представлять опасность для окружающих.

Через три дня повсюду были расклеены следующие плакаты:

**ПУБЛИЧНЫЙ МИТИНГ
ПРОТЕСТА ЖЕНЩИН**

**и
ПОДПИСЧИЦ «СЧАСТЛИВОГО ОЧАГА»**

На повестке дня: «Заключение одной подписчицы в дом умалишенных».

Митинг состоится в среду, в 3 часа дня, в здании хлебной биржи.

Одновременно будет демонстрироваться автоматический аппарат «Нурсо», который получит бесплатно одна из подписчиц.

Участницы собрания во главе с «Нурсо» будут сфотографированы.

Редакция «Счастливого очага»

На это собрание я пришел, переодевшись старухой, не слишком внимательно следящей за волосками на подбородке. До сих пор живо представляю себе хаос и стихийное возмущение, ужаснувшие меня. Убежден, что если бы я был случайно обнаружен, то меня при общем ликовании сварили бы всмятку в автоматическом приборе.

Автоматический прибор «Нурсо» возвышался на ораторской трибуне, и его появление было встречено бурными аплодисментами.

Докладчица произнесла блестящую речь, из которой теперь только я узнал, какой я подлец. Я-де и неменяем, и не читал «Счастливого очага», и алкоголик, и отказывался жевать конские каштаны, чтобы протрезвиться.

— Супружество,— заявила она,— тягчайшее испытание в жизни. Если невменяемый супруг отваживается запереть свою жену в дом умалишенных лишь за то, что она старается создать счастливое хозяйство по всем правилам нашего журнала, то мы должны заявить, что этот брак был несчастьем для благородного существа, не думавшего ни о чем, кроме общего блага, и сотнями своих советов сослужившего службу всем вам, наверно, читавшим поучительные статьи нашей великой мученицы Адели Томас, которая, будучи вполне здоровой, сидит все же в доме умалишенных.

Так продолжалось без конца.

Выступило еще несколько ораторш, которые напали на меня, как на величайшего босняка, затем была послана телеграмма протеста министерству внутренних дел. После этого, сфотографированные во главе с «Нурсо», участницы митинга с криками: «К дому умалишенных!» — ринулись на улицу.

Но на улице они были рассеяны полицией. Демонстрация все же не обошлась без жертв. Один полицейский был легко и четверо тяжело искусаны. На двух подписчиц «Счастливого очага» пришлось надеть смирительные рубашки, причем они кричали: «Счастливый очаг» приносит семьям счастье! Да здравствует «Нурсо», прибор для автоматической варки!»

На другой день я получил множество анонимных писем, написанных нежными женскими ручками; в одном письме мне даже угрожали воткнуть при первой встрече зонтик в горло.

XI

Нельзя представить, что я вытерпел, когда жена села в дом умалишенных. Я стал объектом необузданных нападков ряда журналов, которые восприняли всю историю с ее гуманитарной стороны. Падкие до сенсаций листки изобразили меня, как извращенного индивидуума, поступающего так в угоду своим любовницам.

Я получал одну анонимку за другой.

Большинство из них были написаны, как сказано, подписчицами «Счастливого очага». Их выступления против меня учащались, речь шла уже не о том, чтобы всадить мне зонтик в горло, как писала упомянутая корреспондентка, а о наших супружеских отношениях вообще.

Затем я получил новый номер «Счастливого очага» с приятной статьей о себе. Собственно, это был доклад на

памятном митинге, старательно обработанный для печати. Нападки на меня держались в пределах приличия, что я высоко оценил. Вместо слово «упырь», как выразилась писательница на митинге, было написано «вампир»; меня называли уже не «сводником», а «торговцем живым товаром». Статья была написана весьма спокойным тоном и трактовала вопрос о супружестве, а именно о серебряной, золотой и бриллиантовой свадьбах. Статья упоминала о борьбе против дороговизны и заканчивалась призывом к женщинам не позволять мужьям курить.

Я вернул номер в редакцию, но с очередной почтой получил следующее письмо от администрации «Счастливого очага».

«Милостивый государь!

Среди возвращенных нам номеров мы нашли также и посланный в свое время вам. Мы полагаем, что налицо недоразумение, ибо не видим никаких причин, почему бы вам возвращать наш журнал. Мы не сомневаемся, что вы увидите свою ошибку и останетесь и впредь верным своему журналу. Ожидаем подтверждения и остаемся с совершенным почтением.

Администрация «Счастливого очага»

Вместе с письмом пришел снова и возвращенный мне номер.

Я опять отослал его назад и получил новое письмо:

«Милостивый государь!

Мы заметили, что вы вторично вернули наш замечательный журнал «Счастливый очаг», который безусловно не раз был вашим советником во всех вопросах вашей личной и общественной жизни. Посылаем вам одновременно номер нашего журнала, который и впредь останется вашим другом. Надеемся, вы не обманете нашего доверия».

Администрация «С. О.»

Я отослал журнал в третий раз.

В ответ пришло новое письмо:

«Милостивый государь!

Доводим до вашего сведения, что между вновь возвращенными номерами мы обнаружили в третий раз посланный вам журнал. Тем не менее позволим себе послать его вам четвертый раз, полагая, что одного возврата журнала для прекращения подписки недостаточно. Мы не сомневаемся, что, внимательно прочтя богатое содержание журнала, столь

важное для каждого хозяйства, вы снова станете нашим другом. Просим вас сообщить свое решение письменно.

С совершенным почтением администрация «С. О.»

Я снова вернул проклятый номер и написал открытку, в которой заявил, что не хочу иметь с ними ничего общего и возвращаю журнал.

Однако номер прислали обратно с письмом:

«Милостивый государь!

В только что полученной почте мы нашли вашу открытку, в которой вы заявляете, что не хотите иметь с нами ничего общего, и возвращаете нам журнал. Мы надеемся, что вы просмотрите номер, который мы вам опять посылаем, и убеждены, что наш журнал становится незаменимым другом всюду, где его получают, и что вы также не закроете ему доступ в ваше хозяйство. Кроме того, позволяем себе обратить ваше внимание на то, что простой открытки с указанием, что вы не желаете иметь с нами ничего общего, решительно недостаточно, чтобы прекратить подписку на журнал. Просим вас известить о своем решении, которое, надеемся, будет в нашу пользу, особым письмом. Одновременно обращаем ваше внимание, что если вы внесете подписную плату до 6 часов вечера 29 декабря т. г., то получите в виде премии справочник подписчиков, между которыми будут разыграны дальнейшие премии. В качестве такого вы могли бы получить, если жребий упадет на вас, прибор для автоматической варки «Нурсо», который устраняет необходимость в кухне и обеспечивает ежедневно обед из трех блюд без всякого запаха. Льстим себя надеждой, что вы учтете эти преимущества, и останемся в совершенном почтении.

Администрация «С. О.»

Я написал администрации дерзкое и категорическое письмо о том, что в последний раз возвращаю им присланный номер.

На следующий день я получил следующий ответ:

«Милостивый государь!

Мы были крайне удивлены, найдя в сегодняшней почте ваше письмо, в котором вы запрещаете дальнейшую высылку нашего журнала. Мы убеждены, что вы, вероятно, не успели ознакомиться с теми выгодами, которые вам предоставляет «Счастливый очаг», и позволяем себе снова послать вам номер в уверенности, что вы и впредь останетесь сторонником нашего журнала, ибо простое заявление, что вы не желаете получать журнал, никак не достаточно для

прекращения подписки. Не сомневаемся, что и вы пожелаете стать участником выгод, предоставляемых «Счастливым очагом».

С совершенным почтением «С. О.»

— Браунинг!— вскричал я.

ХII

Браунинг — прекрасное смертоносное оружие, но вспышка духа самообороны еще прекраснее. В прошлый раз, когда я был обуреваем этим желанием, я был, признаюсь, невменяем. Но теперь я поступил в полном сознании. Допускаю, что администратора я уложил в припадке вспыльчивости, но остальных, кого я застал в редакции, я перестрелял без гнева, как-то механически, извиняясь перед каждой жертвой за мое предвзятое к ней отношение. Знаю определенно, что при стольких убитых у меня нет шансов на монаршьё помилование, и я буду по закону повешен.

Последние дни моей жизни здесь, в тюрьме, отвращает лишь то, что из тюремной библиотеки мне дали читать старый комплект «Счастливого очага».

Вчера пришел мой адвокат и сообщил, что мой чужой сын, маленький Феликс, объявлен премией «Счастливого очага» для бездетных подписчиц, так как журнал продолжает выходить: ответственная редакторша, оказывается, спаслась, залезши в автоматический прибор «Нурсо».

Теперь я сижу спокойно на тюфяке и вспоминаю минувшие дни и свою жену, сидящую в доме умалишенных. Чувствую я себя хорошо и пойду на виселицу без раскаяния; напротив, я доволен своим поступком. Единственное на свете, что занимает меня: кто из подписчиц получит в премию несчастного Феликса?

В дополнение к этой трагедии мы даем краткий отрывок из заметки одной пражской газеты о казни Томаса.

«...Осужденный, когда его подвели к виселице и помощник палача начал ему связывать ноги, цинически улыбнулся и крикнул: «Счастливый очаг» приносит счастье!» — причем насмешливо указал на горло».

Таковы были последние слова этого преследуемого мужа, когда-то игравшего столь выдающуюся роль в чешской жизни.

НАД ОЗЕРОМ БАЛАТОН

В этот полдень Болл Янош сидел перед своим домом на веранде, сооруженной, по местному обычаю, наподобие портика, который примыкает прямо к дому и представляет убежище от палящих лучей солнца.

Вид на окрестности был отсюда прекрасный. Зеленели и отливали голубизной склоны, покрытые виноградниками. Среди этой необозримой зелени, сползавшей вниз, в долину, там и сям выступали синеватые пятна: в этих местах виноградники были обрызганы слабым раствором сулемы, предохранявшей виноград от вредителей.

Все можно было отсюда обозреть: виноградники, полосы кукурузных полей и совсем далеко — луга, откуда доносился приглушенный звон колокольчиков и слышалось мычание коров.

А за лугами простиралась гладь озера Балатон, или, как гордо его называют здесь, «*Magyár tenger*», — «Венгерское море». У этого моря зеленые беспокойные воды, сливающиеся на горизонте с небом, в синеве которого появлялись круги дыма, когда где-то у Веспрема, в ста двадцати километрах отсюда, пароход бороздил водную гладь. Да, это был край «*Magyár tenger*» — со своим вином, бурями и легендами о русалках, которые вечерами увлекают рыбаков в глубины озера, со старыми сказками о речных волшебницах, которые похищают в ночи мальчиков, убивают их и оставляют на пороге дома.

Это то самое озеро Балатон, откуда в тишине ночи слышатся удивительные звуки, крики и плач детей водяных, которым в водных пучинах, должно быть, нет числа, потому что в Бодафале, Медесфале, Олвашфале, в Олме и во многих других деревнях, разбросанных по берегу озера, вдруг объявляются древние старики с длинными бородами и седыми волосами. Им, наверное, сотни и сотни лет, потому что о них рассказывали уже деды дедов, прапрадеды теперешних жителей.

Болл Янош вовсе не любовался красотой пейзажа. Он сидел на стуле, завернувшись в полушубок, хотя день был необычно жаркий. На столике перед ним лежали часы. Лицо его было хмурым.

— Что-то долго нет приступа, — проворчал он, наблюдая за часовой стрелкой, — обычно в пять лихорадка уже трясет меня, а сегодня, окаянная, опоздала. В шесть часов зайвится окружной судья, а меня еще будет трясти.

Болл Янош начал стучать зубами. Стук был такой громкий, что прибежал батрак спросить, чего желает хозяин.

— Те vagy szárnak, — ты осел, — выдавил из себя Болл, — принеси подушку и закутай мне ноги.

Ноги были закутаны, и Болл, которого продолжало лихорадить, принялся разглядывать окрестности.

В голове шумело, его бил озноб, и все вокруг, как ему казалось, было окрашено в желтый цвет: виноградники, кукуруза, будки сторожей, луга, озеро, горизонт... Это были самые страшные минуты приступа.

Он хотел сказать батраку, что ему очень плохо, и не смог вымолвить ни слова. Но вот желтая краска постепенно исчезла, и все сделалось фиолетовым.

Теперь Болл уже мог, стуча зубами, произнести: «Вот это номер!»

Когда он объявил: «Ну слава богу, кажется скоро конец», — все предстало перед ним в своем естественном свете — голубой небосвод, зеленые и синеватые виноградники, желтеющие луга и изумрудное озеро.

Когда же он приказал батраку: «Возьми подушку, сними полшубок и принеси трубку», — то почувствовал, как греет солнце и как пот выступает у него на лбу. Приступ прошел.

— Теперь черед другой лихорадки, — бросил он, разжигая черную трубку, — сейчас явится окружной судья.

Внизу, на дороге, которая вилась среди виноградников, затарахтел экипаж и послышался голос судьи.

— Я т-тебе, мой расчудесный кучер! Только выйдем, я тебе всыплю пяток горячих! Разве приказывал я тебе напиваться?

— Да, в плохом настроении, — вздохнул Болл Янош, — строго будет допрашивать.

Экипаж уже остановился около дома, и из него степенно и с достоинством вылезал окружной судья со связкой бумаг под мышкой. Он направился на веранду к Боллу, который шел ему навстречу, попыхивая трубкой.

После обычных приветствий судья представился:

— Я — Омеш Бела. Приступим к допросу.

Он положил бумаги на стол, сел, закинув ногу на ногу, постучал пальцем по столу и произнес:

— Плохи ваши дела, милый друг.

Болл Янош тоже присел и пожал плечами.

— Да, это печально, — продолжал судья. — Когда же вы, мой дорогой, застрелили этого цыгана Бургу?

— Сегодня ровно неделя, — отвечал Болл. — Это случилось в пять часов дня. Не желаете ли сигару? — спросил он, вынимая из кармана портсигар. — Очень хорошие. Банатский табак¹

¹ Б а н а т — историческая область в Юго-Восточной Европе.

Окружной судья взял одну и, обмякая ее кончик, небрежно бросил:

— Так говорите, что это случилось в пять часов дня двадцать первого июня?

— Да, — ответил помещик, — точно в пять часов дня двадцать первого июня. Двадцать третьего его уже похоронили. Позвольте, я вам зажгу? — И он дал судье прикурить.

— Благодарю, — сказал Омеш Бела. — И так, при вскрытии было обнаружено, что Бурга убит выстрелом в спину!

— Да, — подтвердил Болл, — ланкастерка, номер одиннадцать.

— Все это очень прискорбно. Откуда, вы говорите, этот табак?

— Из Баната. Вы позволите мне приказать работнику, чтобы он принес немного вина?

— Хорошо, — разрешил окружной судья. — Немножко выпьем и продолжим допрос.

На столе мигом появились бутылки вина. Помещик наполнил бокалы.

— За ваше здоровье!

— Благодарю... Собачья должность!

Окружной судья приподнял бокал и с видом знатока разглядывал вино на солнце.

Солнечные лучи играли в бокале, и красное прозрачное вино окрасило лицо окружного судьи в кровавый цвет. Сначала он пил маленькими глотками, а потом все разом — и облинулся.

Прекрасное вино! — похвалил он, блаженно улыбаясь. — И что вам пришло в голову застрелить цыгана?

Болл Янош спокойно покурил трубку.

— Это двухлетнее вино с моих виноградников западного склона, — объяснил он.

Они еще раз осушили свои бокалы.

— У меня есть и лучше, трехлетнее вино с виноградников другого склона.

Он взял еще одну бутылку, отбил горлышко и налил.

— Великолепное вино! — хвалил окружной судья. — Вы, вообще говоря, — превосходный человек!

— Если бы не лихорадка, — пожаловался Болл, — уж четыре дня мучает меня, все не перестает. Вам нравятся?

— Очень! Превосходно! — восхищался судья.

— Ну, у меня есть и получше! — отозвался хозяин, вынимая из корзинки большую бутылку. — Это вино пятилетней выдержки.

— Вы великолепный человек! — заявил Омеш Бля после первого бокала пятилетнего вина. — Ничего подобного я до сих пор не встречал. Этот вкус, этот цвет — восхитительная гармония!

— У меня есть и еще лучше! — сообщил Болл Янош, когда пятилетнее вино было выпито. — Вот такого вы действительно не пили... Смотрите, — сказал он, наливая вино из узкой бутылки, — это вино двадцатилетней выдержки.

Окружной судья был в восторге.

— Это как токайское, лучше токайского! — шумно расхваливал он, выпивая один бокал за другим. — Вы же чудесный человек, я преклоняюсь перед вами, но, ответьте мне, почему вы застрелили этого цыгана?

— Потому, — вполне серьезно ответил Болл Янош, — что этот негодяй украл из моего погреба двадцать бутылей такого вина.

— А я, — облизываясь, произнес окружной судья, — на вашем месте поступил бы иначе... Потому что это вино... Напишем: «Цыган Бурга был убит в результате случайного выстрела». Налейте мне, дорогой...

И оба пили вино, рожденное на склонах Балотонских гор, красное вино, такое красное, как кровь цыгана Бурги, вора...

СЛУЖЕБНОЕ РВЕНИЕ ШТЕПАНА БРЬХА, СБОРЩИКА НАЛОГОВ НА ПРАЖСКОМ МОСТУ

Каждый, кому когда-либо приходилось вступать на пражский мост, наверняка осознавал всю значительность этого момента.

Строго официальные лица чиновников в будке и перед ней; осанистая, полная достоинства фигура дежурного полицейского у проезжей дороги; наконец, таблица, бесстрастно перечисляющая пошлины, взимаемые как с людей, так и со скотины, все это уже приводит вас в священный трепет.

А стоит чуть-чуть повнимательнее взглянуться в неподкупных блюстителей порядка, перед которыми бессильно даже женское очарование, и у вас возникает непреодолимое желание поцеловать руку, протянутую за крейцером.

Самоотверженная любовь, преданность магистрату и служебное рвение сначала умиляют вас. Но когда вы вспомните, что этих людей в плоских фуражках охраняет закон, строго карающий за всякое оскорбление должностного лица, вы не выдержите и, сняв шляпу перед неутомимыми Брутами города Праги, сунете им в руку крейцер.

Одно время среди этих Брутов выделялся Штепан Брых, сборщик налогов на мосту Франца-Иосифа. Как ястреб, оглядывал он неусыпным оком трепетных горожан, возымевших дерзкое намерение пройти по мосту. Он не признавал долгих проволочек и не ведал шуток. Стоило кому-нибудь из горожан, из этих болванов штатских (с военных не брали пошлины), высунуть хотя бы кончик носа за простертую вперед руку Штепана Брыха — к нему не было никакого снисхождения, и никакие оправдания не могли помочь. Или он платил крейцер, или его попросту можно было считать погибшим.

Штепан Брых делал знак рукой, и дежурному полицейскому уже все было ясно.

Он приближался, положив руку на кобуру револьвера, а Штепан Брых, указывая на смельчака, не пожелавшего заплатить пошлину, произносил всего лишь два слова: «Взять его!» Полицейский хватал ослушника за шиворот и деловито осведомлялся: «По-хорошему пойдешь или сс-скандалом?»

Обычно провинившийся избирал первый способ.

В полицейском участке его просили раздеться, а потом долго обыскивали, обмеривали, фотографировали, допрашивали и наконец отводили в камеру. После этого день, самое большее — неделю, устанавливали, проживает ли такой там-то, нет ли за ним каких-нибудь грешков.

В конце концов задержанного отпускали или, если он выражал недовольство этой законной процедурой, отправляли в уголовное отделение на Карловой площади.

Оттуда злоумышленника по этапу пересылали на место жительства. Это считалось сравнительно легким наказанием за преступление, которое несчастный попытался совершить против финансового отдела пражского магистрата.

И на все это удовлетворенно взирал Марат пражских мостов, сборщик налогов Штепан Брых.

Однажды к будке сборщика подошел советник магистрата, член финансового отдела Пойзл и попросил:

— Приятель, пропустите меня бесплатно! Я спешу на Смихов и забыл пропуск дома.

Что же, разве Штепан Брых не знал своего начальства? Знал, любил и почитал, и вот любовь к начальству пришла в столкновение со служебным долгом.

Как только советник магистрата переступил границу, обозначенную протянутой вперед рукой Брыха, последний поймал господина Пойзла за полы пиджака.

Чувство долга одержало победу.

— Вернитесь или заплатите крейцер, — сухо, официальным тоном сказал Штепан Брых.

— И не подумаю! — обозлился советник.

Тогда Штепан Брых кивнул полицейскому, поджидавшему жертву, как паук муху, и произнес только два слова: «Взять его!»

Когда после обычного своего присловия: «По-хорошему или со скандалом?» — полицейский повел советника в тюрьму, на глазах нашего Брута показались слезы, и Штепан Брых впервые за всю свою жизнь заплакал.

Спустя две недели в помещении финансового отдела магистрата отмечалось скромное, но славное торжество.

По требованию самого советника господина Пойзла — его все же не стали отправлять домой по этапу — магистрат за верную службу наградил Штепана Брыха бронзовой медалью.

Получив награду, Штепан Брых стал еще бдительнее.

В ночь на 3 мая сего года он спокойно стоял у Национального театра. Вдруг какой-то человек мелькнул в окне будки и быстро побежал через мост.

Полицейский куда-то ушел с поста — вероятно, он опять сопровождал какого-нибудь правонарушителя в участок. Не растерявшись, Штепан Брых бросился вслед за негодяем, крича:

— Стой! Плати крейцер!

Неизвестный, словно не слыша, продолжал мчаться вперед, Штепан Брых — за ним, нарушая ночную тишину криком: «Патруль, держи его! Пусть отдает крейцер!» Они добежали до Малой Страны, миновали Уезд, площадь Радецкого, Вальдштейнскую улицу, обогнули Хотковские сады, — впереди трусил выбившийся из сил незнакомец, и только немного позади Штепан Брых, не переставший вопить: «Уплатите крейцер, или я буду стрелять!»

Они были уже за Дейвицкими воротами, на пути к Подбабе.

Когда взошла луна, убежавший оглянулся и вдруг увидел плоскую форменную фуражку, перекошенный рот и выпученные глаза чиновника магистрата.

В смертельном страхе свернул он к реке и прыгнул в воду: он хотел жить. Еще один всплеск — и Штепан Брых уже плыл за беглецом.

С криком: «Уплатите крейцер!» — он настиг незнакомца на середине реки и мертвой хваткой вцепился в его одежду. Большой вал накрыл обоих...

Спустя три дня из Влтавы около Клещан выловили

двух утопленников, сжимавших друг друга в страстных объятиях.

В судорожно сведенном кулаке одного из них был зажат крейцер. Это был Штепан Брых, который успел-таки за секунду перед смертью вытащить крейцер из кармана своей жертвы.

С этого времени жутко ночью на берегах Влтавы между Подбабой и Подгорьем. В полночь из воды то и дело доносится:

— Уплатите крейцер!

Это и на дне реки не успокаивается дух Штепана Брыха.

АМСТЕРДАМСКИЙ ТОРГОВЕЦ ЧЕЛОВЕЧИНОЙ

Не имея иной возможности быть полезным чешскому народу, я решил заняться его умственным развитием. С этой целью я отыскал замечательного человека, три раза сидевшего в тюрьме Панкрац за грабеж и обладавшего изумительной фантазией.

Кроме того, этот человек ловко владел пером и умел придавать своим мыслям нужную форму, — задача, непосильная для другого моего сотрудника, совершенно лишённого способности мыслить оригинально, но в то же время умевшего развить заданную тему и связать отдельные эпизоды гибкой, изобретательной, захватывающей интригой.

Потолковав с обоими уважаемыми сотрудниками, я объявил им, что намерен основать книгоиздательство, имеющее целью снабжать чешскую публику занимательным чтением.

Я заключил с обоими договор, по которому они обязались приступить через пять месяцев к сдаче мне частями, за обычную полистную оплату, увлекательного романа.

Ровно через пять месяцев в моем издательстве вышел первый выпуск романа «Амстердамский торговец человечинной», или «Таинственное убийство в Черной пещере», или «Корчма «Кровавый епископ». Роман выходил четыре года подряд двухнедельными выпусками, по 80 геллеров за выпуск; всего вышло 208 выпусков общим весом 18 кг. Об успехе, которым пользовалось это произведение, ярче всего свидетельствует случай с владелицей продуктовой лавки Возабовой, о котором я расскажу.

У поденщика Франтишека Голлана было двенадцать человек детей, и он ждал тринадцатого, когда агент по распространению книг и журналов принес ему первый выпуск «Амстердамского торговца человечинной», или «Таинствен-

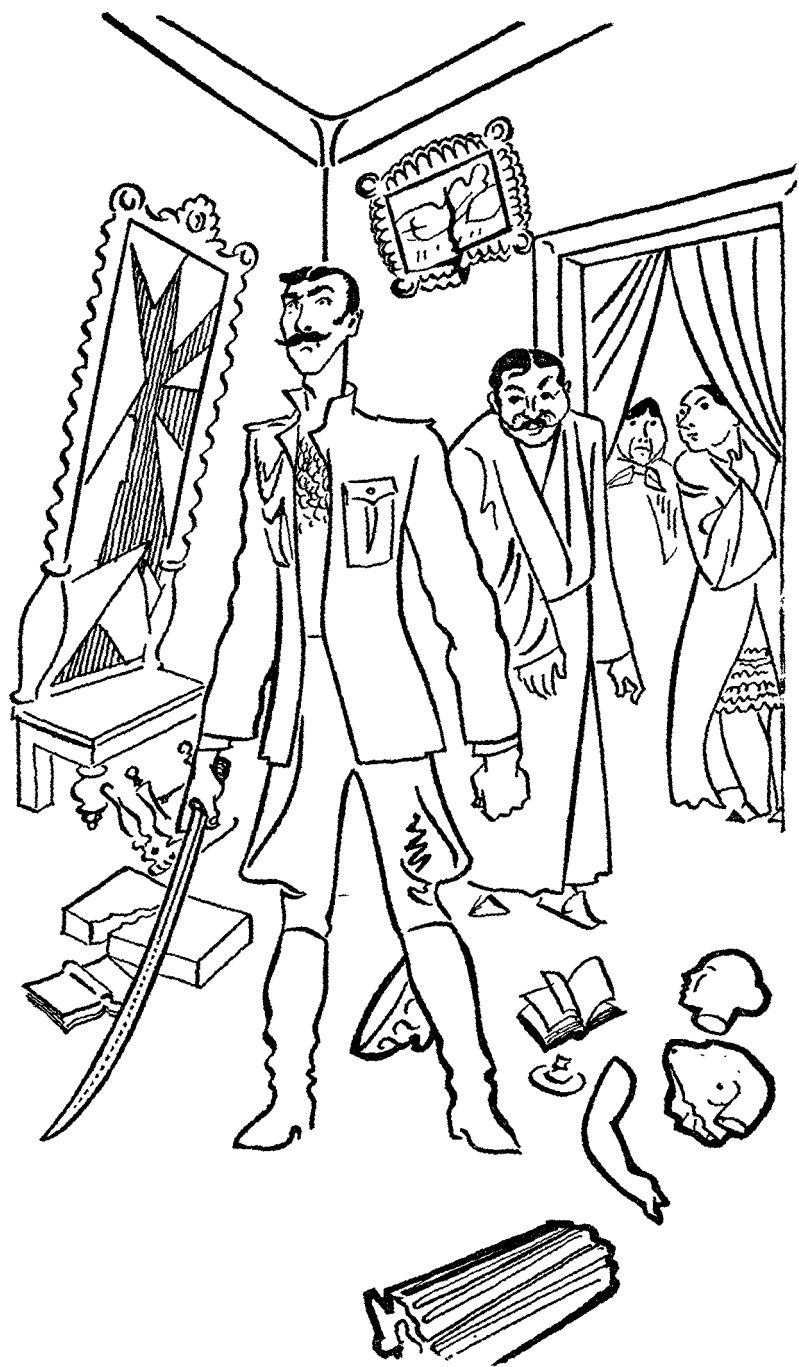
ного убийства в Черной пещере», или «Корчмы «Кровавый епископ».

Напряженно ожидая появления на свет нового гражданина, Голан с избытком располагал свободным временем и, чтобы скоротать его, принялся жадно читать первый выпуск романа. По мере чтения интерес его возрастал. Начало было великолепное: «В одной из отдаленных улиц Амстердама, у пристани, над водой канала, в которой за год бесследно исчезали сотни чужеземцев, находился небольшой трактир с номерами. К напиткам, подаваемым новому постояльцу, подмешивали здесь снотворного порошку, а потом... потом постель с постояльцем проваливалась в подвал. Удар, страшный сдавленный крик... Рядом с трактиром была мясная лавка. Мясо отпускалось здесь по такой дешевой цене, что в лавке всегда было полно покупателей. Это мясо имело особый привкус: тут торговали человечинной! Знаете, как это делалось? В подвале спящих постояльцев убивали ударом топора, выкидывали трупы наверх, разрубали на части и ночью доставляли человечину в мясную лавку. Одному только Роберту Клегу удалось вырваться оттуда — сверхъестественным путем...»

На этом текст первого выпуска обрывался.

С тех пор поденщик Голан стал регулярно покупать стердамского торговца человечинной». Но, имея тринадцать человек детей, тратить два раза в месяц восемнадцать геллеров на книгу — тяжеленько. И он посылал по субботам младших ребят по-очереди просить милостыню, а на выпрошенные деньги покупал «Амстердамского торговца человечинной» выпуск за выпуском и наслаждался подробным перечнем убийств, так искусно составленным, что каждый выпуск обрывался в самом начале убийства, а приканчивали жертву только в начале следующего выпуска, в конце которого происходила поимка главаря банды, причем в последней фразе сообщалось, что он бежал из тюрьмы, спустившись по громоотводу, потом перелез через стену, но упал, настигнутый пулей охраны, — для того, чтобы в начале следующего выпуска, собравшись с силами, возобновить побег и, плывя в лодке по бурному морю в тот момент, когда ветер вырывал у него весла из рук, встретиться в последней фразе выпуска с шайкой контрабандистов, в начальнике которой он узнает бывшую свою возлюбленную, соблазненную графом де Галуа... И так далее в том же духе.

Через полгода после того, как в очередных выпусках появилась тень «кровавого епископа» и воинские части, вместе с читателями, стали безуспешно гоняться за ней.

наступила очередь событий, описанных в «Корчме «Крозавый епископ».

Четыре года провел в упоительном чтении «Амстердамского торговца человечинной» поденщик Голан, рыдая по ночам над судьбой беглянки — принцессы де Галуа, единственной сестры начальника шайки контрабандистов, — он же — переодетая и соблазненная возлюбленная главаря банды убийц, — который был окружен войсками в Черной пещере, но, бросившись в водопад, спасся вплавь от врага.

Прочтя последний, 208-й выпуск и уплатив за «Амстердамского торговца человечинной» в общей сложности 166 крон 40 геллеров, Голан проплакал всю ночь напролет. При мысли о печальном конце главаря банды, которого в последнем выпуске повесили, у бедняги разорвалось сердце от жалости, и он покинул этот мир, оставив вдову с тринадцатью детьми без всяких средств к существованию. Похоронив мужа, бедная женщина продала все 208 выпусков владелице продуктовой лавки напротив — г-же Возабовой — за 1 крону 40 геллеров; иными словами, 18 кг бумаги для завертывания сосисок и т. п. по 8 геллеров за килограмм.

У почтенной г-жи Возабовой было два сорта покупателей: одни брали за наличные, другие на книжку. Она обращалась со всеми одинаково любезно; только дамочкам, бравшим за наличные, говорила: «Сударыня» и «целую ручку», а представительницам второй группы просто: «Что прикажете?» и «Мое почтение». Никаких других различий не делалось.

Приобретя 208 выпусков «Амстердамского торговца человечинной», эта уважаемая особа велела отнести бумагу к ней на дом, а после того, как закрыла свое заведение, начала было разрезать ее в четвертку, на фунтики. Взяла первый выпуск и принялась за дело. Вдруг в глаза ей бросилось напечатанное жирным шрифтом: «А! Они продают в мясной лавке мясо убитых людей!» Покачав головой, она отложила нож в сторону и стала знакомиться с новым видом мясоторговли. Познакомившись, задумалась. На другой день прочла второй выпуск, третий, четвертый. И так, читая в среднем по три выпуска в день, за три месяца проглотила все 208. Начиная со 108-го, она перестала следить за своей наружностью и менять белье.

На девяностый день чтения она разослала лучшим своим покупательницам — тем, которые брали за наличные, — записки такого содержания:

«Милостивая государыня!

Не откажите в любезности зайти ко мне сегодня вечером на дом. Я должна сообщить вам важную новость!»

Когда они пришли, она порубила их всех топором. Как только весть об этом разнеслась по городу, мне пришлось пустить «Амстердамского торговца человечиною» вторым изданием.

ДЕЛА НЕБЕСНЫЕ

Один австрийский министр юстиции попал на небо и был определен в помощники св. Петру, то есть сторожем у ворот рая.

Он покуривал трубку, поплеывал вниз, в ад, и наблюдал за душами, стремившимися попасть на небо.

Одни из этих душ приходили и разговаривали с сознанием собственного достоинства, другие приниженно и заискивающе умоляли пропустить их в ворота, а третьи из всех сил колотили кулаками и дерзко требовали впустить их, так как они-де невинны и чисты, как лилии.

Бывший австрийский министр юстиции осматривал каждую душу, выпытывая, кто она такая и что ей тут нужно, а затем помогал св. Петру открывать ворота, замок которых не смазывался несколько столетий, заржавел и туго поддавался отмычке.

— Дорогой Петр!—сказал однажды министр юстиции,—так дальше нельзя! Замок надо смазать, а то он скрипит на весь околоток.

— Я уже думаю об этом шестьсот лет,—сказал св. Петр,—но, как видите, я неотлучно нахожусь у ворот, и у меня, из-за отсутствия помощника, не было времени заняться этим делом. Один раз у меня был помощник, но он слишком пристально засматривался на угодниц, что летают по небу: знаете, ведь они без рубашек, хе-хе-хе-хе... Он, бывало, не может удержаться, чтобы не пощекотать и не пощупать их... Ведь знаете, ваше превосходительство, иная угодница такая упругая... хе-хе-хе-хе! Особенно молодые мученицы. Тело у них, как алебастр! Некоторые из них, бывало, так красиво несут свою головку на ручках, что прямо заглядишься! Раз вот этот мой помощник пощекотал одну такую, она рассмеялась и выронила из рук свою голову. Так ее пришлось впустить в рай без головы. Это вот та безголовая святая, что теперь сидит без рубашки у фонтана и купается каждый вечер. Из-за этого у меня возникли крупные неприятности, а моего помощ-

ника сняли с работы. Вместо него мне прислали другого. Он честно прослужил у меня двести лет, как вдруг однажды заявилися два здоровенных ангела и сбросили его в ад. Оказывается, под одним и тем же именем существовало два человека: из них один был негодяй, а другой праведный, и вот негодяй попал в рай, а праведный в ад, так как праведный, оказывается, опоздал и пришел тогда, когда его место было уже занято. Ну, все это обнаружилось уже после того, как праведного двести лет окунали в навозную жижу. Его потом, конечно, направили ко мне. Так поверите ли: несмотря на то, что его варили в этой самой жиже, он испускал такое благоухание, что несколько чертей исправились и стали верить в господа-бога. Как видите, ваше превосходительство, забот у меня много. Уж бог знает сколько столетий я не отлучаюсь от райских ворот. На земле надо мной даже посмеиваются и говорят, что я, как римский папа, лишен способности передвигаться. Вы уж извините, я все же схожу по своим делам. Пойду поищу вазелину, а то, действительно, ворота у нас скрипят и заглушают райскую музыку. Я знаю, ваше превосходительство, на вас можно положиться. На ночь будьте любезны хорошенько запереть замок и закрыть двери на засовы, а то проберутся черти. Один раз они, с помощью отмычки, проникли в рай, как раз в том месте, где неподалеку находилось отделение для поднадзорных душ. Ну, так вот, в этом отделении находилась молодая дама, у которой от самого парижского архиепископа имелось удостоверение о том, что она невинна. Однако дело это оказалось настолько запутанным, что сам верховный небесный суд не мог в нем разобраться и производил дознание. А в это время один из чертей перелез через стену этого отделения, увидел даму, ну и, конечно, произошло несчастье. Через девять месяцев родился чертенок. Я из-за этого перенес столько неприятностей, что и передать не могу, а чертенка пришлось по всем церковным правилам утопить. Так вот, ваше превосходительство, главное — не поддавайтесь уговорам и мольбам. Лучше какого-нибудь праведника заставить ждать целые столетия, чем грешника впустить в рай.

— Понимаю, — ответил на это экс-министр юстиции.

— Да, вот еще что, ваше превосходительство. Когда будете кого-нибудь впускать в рай, будьте любезны обыскать его, чтобы не пронесли чего-нибудь против церкви или существующего порядка. Главное, чтобы не было никаких брошюр и газетных вырезок. Теперь даже и святым нельзя доверять. Ну, всего хорошего, я иду за вазелином!

Экс-министр юстиции остался один и стал в бинокль осматривать окрестности.

Далеко внизу плыли миры, а когда показался земной шар, экс-министр впился в него взглядом, но не увидел Австрии, ибо она от него отвернулась. Он с досадой бросил обозревать окрестности и стал ожидать прихода новых душ. Наконец в ворота кто-то смело постучался.

— Кто еще опять?

— Вождь социал-демократов

Экс-министр юстиции улыбнулся.

— Ну да, вы никогда не принимали этого всерьез. Войдите!

Душа, глубоко раскланиваясь, вошла. Когда она увидела заместителя св. Петра, то сейчас же узнала в нем бывшего австрийского министра юстиции.

— Ну, раз уж мы на земле поддерживали друг друга, то будем держаться этой тактики и на небе, — сказал экс-министр. — Не хотите ли табачку? Вы, кажется, курите трубку?

Новый житель небес закурил трубку и стал осматриваться. В это время появились две новых души. Министр юстиции уже хотел было их впустить, но в это время старый знакомый схватил его за руку и сказал:

— Дружище, этих не впускать! Ведь они голосовали против правительства!

Через некоторое время черти уже тащили обоих новопредставленных в ад, где они и были брошены в серную кислоту.

Так ничто не уходит от суда вечной справедливости, и когда с революционерами ничего не случается здесь, на земле, то по премудрости всевышнего на небе они попадут не в рай, а в кипящую серу.

МАРАФОНСКИЙ БЕГ

Незадолго перед войной, шатаюсь в качестве туриста по Венгрии, я пришел однажды в маленький городок Большой Каниж, где обнаружил пивоваренный завод, варивший пиво из чешского солода, сто двадцать метров старой стены и могилу какого-то турецкого визиря из той эпохи, когда Большой Каниж, осажденный наемниками принца Евгения Савойского, был резиденцией визиря. Маленький аббат, как называли этого мясника, так метко бил по городу, что одна из гранат оторвала голову турецкому визирю, тюрбан с которой до сих пор хранится в го-

родском музее. Я опасуюсь, что с этим тюрбаном происходят такие же мошенничества, какие делаются на моей родине с языком святого Яна Непомука: уж больно свежим показывают этот язык! В том же музее я видел кости верблюда, на котором совершал свои путешествия великий визирь. Тут уже никак нельзя скрыть мошенничества. Это были просто покрашенные ребра молодого барашка. Больше ничего достойного внимания туриста я там не нашел. На улицах полно пыли, на окраинах, где тянутся огороды и сады, тучами летают комары. За неделю до моего приезда как раз окончилась судебная сессия окружного суда, которая рассмотрела восемь уголовных дел, связанных с убийствами, и тридцать два больших мошенничества. Это показывало, что и этот город захлестнула волна культуры.

В городском саду кусались комары. В загородном ресторане пьяные офицеры непрерывно заказывали цыганам одну и ту же песню: «Урам, урам, биро, урам (господин, господин, господин судья!)». Глупая и противная песня!

В таком городе вы долго не задержитесь. Мне удалось найти гостиницу, где, видимо, собрались на съезд клопы всего города Большой Каниж и его окрестностей. Комната не отличалась особо элегантной обстановкой. В ней было все, вплоть до корыта для стирки белья, бочки для отбросов и раковины, заменявшей умывальник.

На другой день, гуляя по парку, я познакомился с одной девушкой из чиновничьей семьи. Я представился ей как миллионер, который от нечего делать путешествует пешком по Европе. Мое имя она, наверно, уже слышала раньше: Гордон Беннет.

Она обрадовалась, что я немного говорю по-венгерски. Я разрешил позвать себя на ужин, а какую-то женщину из их дома я послал в свою гостиницу, чтобы она принесла мой альпийский мешок с грязным бельем.

Отец барышни оказался большим добряком, мать — очень доверчивым созданием. У них были около деревни Ваши свои виноградники, а дядя ее был владельцем винных погребов; очевидно, благодаря такому родству, у них в доме оказалось достаточно хорошего вина.

Прежде чем я опьянел, я обещал им, что возьму их дочь Этельку замуж, как только обойду вокруг земного шара.

Позже, когда меня охватило восторженное настроение, я поклялся перед изображением ее дедушки и бабушки, что ни один из венгерских королей не имел такой прекрасной виллы, какую я построю для своей Этельки возле Блатенского озера. Затем ее отец обещал своей семье, что

завтра он возьмет отпуск со службы и пойдет со мной пешком через Венгрию до Турции, чтобы не потерять меня из вида.

В этот вечер они прекрасно меня угостили и уложили в постель.

Я проснулся незадолго до полудня и услышал в соседних комнатах необычайный шум. Там что-то перебрасывали, открывали и закрывали какие-то ящики.

Я провалился в постели до тех пор, пока ко мне не постучались. В комнату вошел отец моей невесты Этельки.

— Господин Гордон Беннет, — сказал он, — все уже приготовлено, все в порядке. Доктор долго меня осматривал и, в конце концов, вынужден был подписать мне двухмесячный отпуск. Бумаги уже у меня. Женщины приготовили нам белье, спортивные костюмы, теперь они жарят нам на дорогу цыплят, завтра утром мы тронемся в дорогу через Венгрию в Турцию. Каким путем, вы думаете, мы отправимся в Турцию?

Я размышлял некоторое время.

— Мы переедем через Босфор в Малую Азию, пройдем ее всю и через Месопотамию отправимся в Персию. Переберемся через Гималаи и окажемся в Индии. А потом через Китай, Корею, Камчатку, Берингов залив до Северной Америки, оттуда в Южную Америку и Патагонию. Из Патагонии мы переедем в Австралию, пересечем ее насквозь и из Австралии переедем в Южную Африку. Высадимся на мысе Доброй Надежды и пойдем на север, пересечем всю Африку, до самого Марокко. Затем переедем во Францию. Ну, а из Франции через Швейцарию и Тиролю, Штирию мы придем опять в Большой Каниж. Ну, а если вам понравится, мы можем три дня отдохнуть и снова идти по направлению к Исландии, северному полюсу и через Сибирь вернуться домой. Вы хотели бы видеть Мадагаскар?

Он почесал за ухом и сказал неуверенным голосом:

— Это, кажется, одно из самых больших озер в Австралии?

Я кивнул головой и ответил:

— Одно из самых больших и самых глубоких, но высыхает регулярно через каждые пять лет.

В обществе Этельки я также провел несколько счастливых часов в саду. В перерыве между поцелуями я размышлял о том, как бы незаметно скрыться из этого дома. В худшем случае завтра, как только мы выйдем из города, я сниму свой мешок и брошусь в Балатон.

Географические познания Этельки были еще более смутными, чем познания ее отца. Тот, по крайней мере, не забыл, что Африка — это часть света, а не озеро.

Когда я поделился с этим нежным ребенком своими планами путешествия, то убедился, что она совершенно не имеет представления об Австралии, Индии, Корее и Камчатке. Да, она действительно не имела представления о мире. Она вообще знала меньше старика Геродота, который если и не знал всего, что знаем мы, то все же догадывался, что, кроме Греции есть еще и другие земли.

Время между обедом и ужином прошло весьма быстро, заполненное сплошными обещаниями. Я обещал ей привезти чучело индийского слона, кожи всех змей, географический атлас Андрэ, черепа обитателей Полинезии, индейские скальпы, бриллианты с мыса Доброй Надежды, рубины с горы Килиманджаро, золотые цепи из Перу и Чили, крышу с дворца далай-ламы в Тибете, стеклянный глаз японского микадо, пару живых китайцев и эскимосов и целое семейство людоедов с Замбези и т. д.

Она, бедняжка, была счастлива и задавала мне самые наивные вопросы. Между прочим, спросила, в порядке ли городской водопровод на Новой Зеландии (дело в том, что неделю тому назад в Большом Каниже случилась большая неприятность с водопроводом).

— Вы думаете, я не знаю, куда впадает Камчатка? — по-детски спросила она.

Подробный мой разговор с ней уже вылетел у меня из головы, но я могу поклясться, что, будь на моем месте самый хладнокровный учитель географии, он задушил бы ее немедленно.

Ужин прошел торжественно. Это был прощальный ужин господина Чендеш с семейством. Могу вас уверить, что много о своих богатствах я не распространялся и только случайно заметил:

— Если бы я был в сто раз более богат, то и тогда я не мог бы купить это встретившееся мне случайно счастье.

Их весьма удивили мои рваные ботинки. Я уверил их, что они сделаны из крокодиловой кожи, которую я снял с убитого мной крокодила на реке Ниле. Это является лучшим доказательством того, что и крокодилова кожа рвется. Как смешно утверждение ученых, что крокодилову кожу нельзя износить!

— Забавно, — продолжал я, показывая на заплаты своего пальто, — аристократические дамы туристского клуба Англии не умеют чинить пальто, которое случайно разорвалось: ведь я десять раз обошел пешком всю Англию.

Хотя бы меня выгнали отсюда, — думал я со страхом, наблюдая, как все семейство ловит каждое слово с моих губ и верит всему, что я ни говорю, — или хоть бы послали за полицией».

Тем не менее они продолжали задавать мне самые различные вопросы.

— Живы ли ваши родители?

— Отец, — ответил я, — прочитав роман Жюль Верна «Путешествие на луну», решил осуществить этот ужасный план умалишенного. Он изготовил ракету, закупорил себя в нее и затем заставил выстрелить ею из пушки по направлению к луне. С тех пор прошло восемь лет, и он до сих пор не вернулся. Мы не имеем о нем никаких сведений. Мать объехала на своей яхте, разыскивая его, все моря и до сих пор не нашла.

«Ну, теперь уже меня наверняка отправят в полицию», — подумал я. Но вместо этого Этелька меня спросила:

— Нет ли у вас сестрички?

— Сестра моя вышла замуж за американского президента, но, увы, она с ним несчастна, так как влюбилась в знаменитого певца Карузо, которому купила виллу на Суматре и ферму для разведения тигров и ягуаров.

«Ну, теперь наверняка меня выбросят», — подумал я.

— У каждого свои заботы, — сказала госпожа Чендеш, смотря на меня теплым материнским взглядом. — В каждом семействе что-нибудь да есть.

— Есть ли у вас брат?

— Брат у меня удивительный человек. Он роздал все свое огромное имущество и теперь служит простым конторщиком в банке.

«Ну, теперь держись, Гордон Беннет!» — сказал я уверенно сам себе.

— А куда вы поедете с Этелькой, когда мы вернемся из путешествия и когда вы на ней женитесь? — спросил меня Чендеш.

— В Занзибар и в Аравию, — ответил я. — В Италии слишком жарко, кроме того арабы весьма гостеприимный народ. — Затем я уверил их, что в Сахаре давно выросли леса, полагая, что после этого господин Чендеш встанет, ударит меня по голове и меня сразу отвезут в больницу. Вместо этого я уснул на стуле, и меня осторожно уложили в постель.

Утром рано меня разбудил господин Чендеш. Он был совершенно готов, и его обрюзгая низенькая фигура

казалась смешной в костюме туриста. После кофе, во время которого госпожа Чендеш и Этелька не плакали, а ревели благим матом, мы вышли из дома на шоссе по направлению к городу Балатон.

Непрестанно приговаривая и плача, они провожали нас.

— Ты смотри за господином Гордоном Беннет, — напутствовала его при расставании госпожа Чендеш.

Наконец мы остались одни.

Перед нами простиралась долина Блатенского озера; белая, покрытая пылью дорога тянулась без конца вдаль. На шелковичных деревьях, росших по обе стороны шоссе, налет пыли, а сожженная солнцем трава навевала тоску. Я обдумывал план побега.

— Вы хороший ходок? — спросил я господина Чендеша.

— Великолепный, — ответил он. — Когда-то я участвовал в состязаниях в клубе легкой атлетики.

Я прикусил себе губу. Мы вышли на небольшую возвышенность, за которой дорога шла вниз. Не раздумывая, я бросился бежать. Господин Чендеш за мной.

— Я вас понимаю, господин Гордон Беннет. Кто из нас будет скорее в Балатоне? Бег на сорок километров! — крикнул он мне.

Он ковылял за мной. Я пробежал приблизительно десять километров, прыжками по десяти метров сразу. На двенадцатом километре, за Мезолягом, он меня почти догнал и бежал возле меня. На пятнадцатом километре я был впереди него всего на пятьдесят метров, и это расстояние у Будофала сократилось на пять. Так мы бежали друг возле друга двадцать два километра, а в Капотфальве, на тридцатом километре, я потерял его из виду. Мои силы были совершенно исчерпаны. Я немного отдохнул и побежал дальше. Но на повороте дороги я увидел вновь Чендеша, а за ним приблизительно в ста метрах бежал какой-то человек. Вдалеке виднелось еще несколько бегущих. Я ничего не мог понять и начал беспокоиться.

Тем не менее я несея вперед. Возле меня проехал мотоцикл, в котором сидел человек и держал в руке флаг. Он махнул мне дружески рукой и спросил:

— Вы какого цвета?

Я не отвечал и понесся дальше.

На тридцать восьмом километре я увидел, что человек, который бежал за Чендешем, перегнал его и догоняет меня.

Я напряг последние силы и, пыхтя как локомотив, ворвался в передние улицы Балатона.

Огромная толпа приветствовала меня у сорокового километра радостным ревом, оркестр заиграл походный марш.

Я налетел на натянутую через улицу веревку и чуть было не разбил себе нос. Меня подхватили, сфотографировали, восторженная толпа подняла на воздух и отнесла в гостиницу.

Я не мог говорить. Меня стащили и отнесли в ванну. Затем за мной принесли того человека, который догонял меня на тридцать восьмом километре. Через пять минут принесли господина Чендеша с высунутым языком, ласково улыбающегося. Он был третьим.

По несчастной случайности, клуб легкой атлетики Большого Канижа устроил в этот день марафонский бег «Каниж — Балатон».

Это выяснилось вскоре же. Сперва нас хотели линчевать.. Но, в конце концов, жандармы вывели нас из города и запретили нам туда возвращаться.

От господина Чендеша я избавился только в Албании, где на нас напали разбойники. Я сообщил им, что господин Чендеш — известный миллионер, и они получают за него большой выкуп. Они увели его в горы, а у меня в виде благодарности забрали мешок с грязным бельем.

Вполне естественно, что о судьбе господина Чендеша я ничего не знаю и избегаю вести переписку с его несчастным семейством в Большом Каниже.

МОЙ ДРУГ ВЛАДЫКА

Мой друг Владыка был хорошим парнем, но с четырьмя недостатками.

Во-первых, врал так ужасно, что и сам этому верил.

Во-вторых, подробно рассказывал своей квартирной хозяйке об Америке.

В-третьих, пел постоянно американскую, негритянскую и ирландскую песни.

И, наконец, в-четвертых, считал себя самым лучшим боксером в Европе, вступая, к моему большому огорчению, в драку с окружающими, чтобы применить свое искусство на практике. Но так как весьма часто мы оказывались в обществе, которое не соблюдало правил бокса, то нередко нас непочтительно выводили на улицу.

Кроме того, Владыка обладал неподражаемой способностью приводить в ярость даже самых спокойных посетителей пивной.

Однажды мы пришли в пивную и сели против стола, за которым несколько пожилых людей спокойно играли в карты.

Этот день был памятен тем, что Владыка дал мне честное слово, что не будет больше врать. Я видел, что это было ему не под силу. Он хмурился и молча курил.

Потом он подозвал к себе кельнера и тихо спросил его:

— Кто этот человек в очках, который только что загреб себе выигрыш?

— Это учитель чешского языка.

— Благодарю вас.

Владыка кашлянул, а потом неожиданно заговорил громко, чтобы было слышно за противоположным столиком; при этом он размахивал руками, словно рассказывал что-то очень важное:

— Это глупо. Сколько раз я говорил вам, что надо ставить дату. Сколько раз говорил вам, что вы должны писать ваши упражнения без ошибок. А вы ничего не слушаете. Это ужасно, вы не имеете об этом никакого представления. Садитесь, я ставлю вам двойку.

Сидевшие напротив проявили беспокойство.

Владыка продолжал еще громче:

— Я вам ставлю неудовлетворительную отметку. Посмотрите на него: и это — чешский ученик! Такой ученик позорит всех остальных своим невежеством. Посмотрите только на него! Где классный журнал? Давайте, я его запишу. Стыдитесь, вы уже в таком возрасте, когда это должно вас оскорблять. Обратите на него внимание! Учитель чешского языка задает ему урок, а он даже не знает, как к нему приступить. Он даже не краснеет. А ну-ка, покажите мне его тетрадь! Это вы сделали за полчаса? Кто бы мог подумать, что это отняло столько времени? Несчастный, посмотрите только на свою работу!

Владыка замолчал. Господин в очках уже больше не играл в карты и грозно смотрел на Владыку. Наконец он поднялся, подошел к нему и сказал:

— Это дерзость, уважаемый!

Владыка ответил:

— Виноват, я не знал, что случайно оказался среди мясников. Мой коллега мне говорил: «Не ходи туда, там играют в карты барышники, торгующие скотом, и они сейчас же начнут тебя ругать, хотя ты их и не затрагивал...»

После этого заявления господин в очках вернулся на свое место, пробормотав что-то о сумасшедших...

Америка. Величайшую ошибку, по моему мнению, совершил Колумб, открыв, специально для Владыки, Новый Свет. Америка играла в жизни моего друга очень большую роль.

Америка была для него всем. Он ел все американское, прошел все американские испытания, прожил всю американскую жизнь, — от линчевания негров до железнодорожной катастрофы.

Правда, бывал он только в Нью-Йорке, у Ниагары и на ферме своего дяди; но если находились слушатели, то он сообщал, что продавал водку среди индейцев в «Национальном парке», был в Калифорнии, видел реку Миссисипи, и свои рассказы сопровождал такими подробностями, что незнакомые люди только удивлялись, как это Владыка счастливо выбрался из всех приключений.

Когда я слышал его рассказы, я сомневался, был ли он действительно в Америке, но он мне это однажды доказал во время нашей прогулки по Праге. Мы шли по Скоржепке. Владыка остановился у магазина Чадила перед витриной.

— Морская рыба, — сказал брезгливо Владыка, — если бы Чадил за всю свою жизнь продал столько рыбы, сколько я ее съел за эти два года, он стал бы миллионером... Не веришь?

Я пожал плечами.

— Морская рыба, друг мой, в Нью-Йорке баснословно дешева. Даже прислуга соглашается есть морскую рыбу только один раз в неделю, за завтраком — «ленч». Там и крабы очень дешевы, не дороже трех крейцеров. Заключение в тюрьмах наказывают тем, что им дают три раза в неделю салат из рыбы к ужину.

— Ты сидел сам в тюрьме?

— Ну, конечно, в Нью-Йорке. Меня забрали полицейские в китайском квартале за курение опиума. А в Нью-Йорке наказывают за все. Там даже попытка к самоубийству карается пятилетним заключением. Иначе кончало бы жизнь самоубийством до трехсот человек в день. Вот, например, какой случай был на Бруклинском мосту. Этот мост, между прочим, высотой в двести метров и длиной в девять километров. С этого моста однажды бросился вниз, в воду, один ирландец. Очевидцы заразились манией самоубийства и начали прыгать один за другим с моста. Началась такая давка у перил, что полицейские едва спасли двенадцать человек. Остальные бросились с моста или погибли в давке. Двенадцати, спасенным от самоубийства, было предъявлено обвинение в попытке покончить жизнь

самоубийством, и они были присуждены судом к шести, восьми, девяти и двенадцати месяцам тюремного заключения. Если бы они убежали через реку в Джерсей-Сити, то избавились бы от тюрьмы.

— Что это за Джерсей-Сити?

— Видишь ли, каждый американский штат имеет свои собственные законы. В Нью-Йорке самоубийство преследуется, а в Джерсей-Сити нет. В Джерсей-Сити ты можешь безнаказанно стреляться, топиться, вешаться; в Джерсей-Сити никто тебя не вытащит из воды, не вынет из петли. «У нас самоубийство дозволено, пожалуйста вешайся!». В Нью-Йорке тебя спасают, но за это ты сидишь в тюрьме. Нью-Йорк — это вообще удивительный город: каждый третий человек, которого ты встретишь, — миллионер, каждый десятый — миллиардер. В Америке есть миллиардер, который так богат, что когда оценивали его имущество, то специалисты сказали ему, что оно стоит столько-то и столько-то, но что возможна ошибочка в несколько миллиардов. Вокруг Нью-Йорка расположено двадцать шесть деревень, насчитывающих свыше двух миллионов населения...

Мне это показалось уже слишком.

— Владыка, — сказал я, — знаешь что: я сейчас посмотрю в энциклопедическом словаре...

С тех пор Владыка стал сдерживать себя, рассказывая в моем присутствии об Америке, например, о том, что там есть бары, в которых человек покупает за пять центов кружку пива и имеет право целый день наедаться в буфете даром.

— А что ты ел там, Владыка?

— Жареные устрицы, — важно ответил Владыка.

Мой друг Владыка однажды потерял 1760 крон.

Потеря такого количества денег была необычайно загадочна и очень сложна. С этим событием связаны его взаимоотношения с дядей-опекуном, с тетей, кузиной, пани Микой и паном Миком.

Эта потеря произошла не сразу, а происходила в течение целого месяца, — сначала он потерял шестьдесят крон, потом пятьдесят, двадцать пять, тридцать и т. д.

Когда я переселился к Владыке, то я полагал, что он ходит обедать к своему опекуну; но каково же было мое удивление, когда Владыка заявил, что я должен буду заплатить за него в ресторане за обед.

— Почему же ты не ходишь к опекуну?

— Я с ним вчера вечером поругался, — ответил неопре-

деленно Владыка. — Я сказал ему: «Милорд, еще слово — я дам вам пощечину». Не успел я это сказать, как уже получил пощечину. Впрочем, я, недолго думая, вернул ему ее обратно, и в результате мне, очевидно, придется предстать перед опекунским судом. Конечно, я поклялся больше к нему никогда не ходить обедать. Да ты вообще не бойся: у меня есть шестьдесят крон.

Вечером я спросил Владыку:

— Есть у тебя деньги?

— Нет. Пан Мика истратил все.

— Кто такой пан Мика? Не говори так загадочно.

— С пани Микой у меня любовная связь, она мне и говорит: «Господин Владыка, я тебя люблю, как собаку». Ну, а по моим предположениям, пан Мика напал на след. Я не могу получить тех шестьдесят крон, которые она мне обещала достать. Да это неважно; завтра я непременно достану пятьдесят.

Он опять отправился со мной обедать, потом пошел доставать пятьдесят крон. Возвратился он в скверном настроении.

— Вот и надейся на друзей: каждый хочет занять деньги, а вернуть не хочет. Я одолжил ему когда-то шестьсот крон, я их получил в награду за увечье при железнодорожной катастрофе в Нью-Йорке, где мне раздробило пальцы на руках.

— Я удивляюсь ловкости американских врачей, — сказал я, смотря ему на руки, — ни одного рубчика не видно.

— Разве я сказал на руках? — удивился Владыка. — Да нет же, я говорил — на ногах. Гм, завтра я должен пойти справиться в банке, не получил ли я перевод в триста крон из Америки — собственно, купоны моих акций. Если мне удастся одно дело, то я стану богачом. Сегодня я бы эти акции не продал даже за двадцать тысяч...

— Какое дело?

— Я этого тебе не смогу сказать.

На другой день я спросил Владыку, почему он не идет в банк за получением трехсот крон.

Владыка вопросительно посмотрел на меня.

— В какой банк? Ты с ума сошел! Неужели я тебе говорил о банке? Что мне там делать? Это я, наверное, тебе говорил, что мне надо идти на почту получить деньги от брата. Хорошо, что напомнил. Эти деньги нам с тобой пригодятся. Ну, а пока пойдем в столовую, ты заплатишь за обед.

Так повторялось изо дня в день. Каждый день он должен был идти за получкой пятидесяти, шестидесяти крон.

Он говорил о том, что на дне саквояжа у него лежит перстень, стоящий триста крон, доставшийся ему от отца, но что этот перстень он ни за что на свете не заложит. При этом он продолжал ходить со мной обедать и брал в долг в соседней лавочке селедку, ром, хлеб, сахар.

Однажды Владыка куда-то исчез и не вернулся. Я так привык к его вранью, что и сам стал врать.

Через неделю я встретил своего друга Козину, который с таинственным видом нес какой-то сверток.

— Куда ты, Козина?

— Домой. У меня теперь живет Владыка, он ожидает денег из дома. Я купил ему костюм... Насчет долгов он очень шепетильный человек.

Поверьте, я страшно обрадовался тому, что мой друг Владыка живет у Козины и что, значит, не меня одного он оставил в дураках...

ХУЛИГАНСТВО БИБЛИОТЕКАРЯ ЧАБУНА

Я уверен, что и вас, читатель, иногда ругали и поносили ни с того, ни с сего. Утром вы выходите из дома в твердой уверенности, что вы — самый порядочный человек на свете, и вдруг вас встречает нищий, бросает под ноги поданный вами геллер и кричит вслед: «Шаромыжник!» Таким образом, вы с утра узнаете, что являетесь шаромыжником, а к обеду еще и свиней. Об этом вам сообщит пожилая дама в трамвае, которой вы наступили на ногу. После этих двух инцидентов вы утрачиваете веселое настроение и, возвращаясь домой, сталкиваетесь в дверях с мужчиной, который несет сверток с чем-то твердым. Со всего размаху он так ударяет вас этим свертком, что вы едва переводите дух, и говорит: «Какая скотина, не посторонится вовремя!..» Вы хотите что-то сказать в свое оправдание, но господин кладет сверток наземь, и вы предпочитаете благоразумно ретироваться, чтобы не делать ваших дорогих соседей свидетелями дальнейших событий.

Таким образом, еще утром вы думали о себе, как о самом идеальном человеке на свете, а к вечеру возвращаетесь домой, став шаромыжником и скотиной.

Однако с Франтишеком Чабуну таких случаев еще не бывало. Его еще никто в жизни никогда не ругал. Он был человек весьма солидный и порядочный, служивший

прежде библиотекарем у одного князя. Он был весь пропитан идеями гуманизма, которые почерпнул, расставляя в библиотеке книги средневековых гуманистов, а звонкие латинские стихи воспитали его таким изысканным и вежливым, что свой разговор он постоянно пересыпал выражениями: «Вы изволите», «Будьте любезны разрешить», «Покорнейше прошу». При этом он очень любил цветы, и фуксии, цветшие на его окне, привлекали внимание прохожих.

В один прекрасный день, когда он поливал свои цветы, по несчастной случайности солнечный луч так защекотал ему в носу, что он чихнул. При этом лейка дрогнула у него в руке, как при землетрясении, и часть ее содержимого вылилась вниз на тротуар. Он испуганно посмотрел за занавески и увидел, как на тротуаре господин с большой черной бородой стряхивал капли воды со своего сюртука и кричал: «Это называется хулиганством!» — «Конечно, это хулиганство!» — ответил другой голос.

Франтишек Чабун весь затрясся и на носках отошел от окна, разделся, запер в сундук свою лейку и лег в постель, хотя на дворе стояла прекрасная погода.

— Так, значит, я хулиган, — корил он сам себя, лежа в постели. — На старости лет стал хулиганом — я, который был всегда таким порядочным, таким интеллигентным человеком. — Он закрывал глаза и снова слышал громкий голос: «Это называется хулиганством».

Первый раз в жизни его выругали. Голова у него кружилась, и, когда настал вечер, он сел за стол и стал писать письмо за письмом. На другой день редакции всех пражских газет получили следующее заявление Франтишека Чабун:

Уважаемая редакция!

В интересах своей чести я прошу, чтобы моему письму было уделено маленькое место на страницах вашей газеты. Я вынужден осветить одно событие, которое произошло вчера, после обеда, около четырех часов, на Кармелитской улице. Я являюсь страстным любителем фуксий, и вчера, поливая их, неожиданно чихнул, выплеснув немного воды на человека с черной бородой, проходившего мимо дома. Это несчастное событие по ошибке было названо «хулиганством». Я уже пожилой человек, бывший княжеский библиотекарь, и общественное мнение, конечно, признает, что я не стану нарочно выливать воду из окна на прохожих. Никогда в своей жизни я не делал глупых шуток и совершенно далек от того, чтобы кого-либо поливать водой. Я надеюсь, что уважаемая редакция поместит мое письмо, и,

заранее принося благодарность, пребываю в совершенном уважении.

Княжеский библиотекарь в отставке
Чабун Франтишек

В редакциях сотрудники, показывая себе на лоб, говорили: «У него не все в порядке».

Когда Чабун убедился в том, что его письмо не напечатала ни одна редакция, он упал духом и думал только о том, как бы объясниться с общественностью по поводу своего поступка.

С этой целью он напечатал во всех газетах следующее объявление:

Господина, которого в четверг 15 октября ошибочно облили водой, почтительно просят с целью ближайшего знакомства прийти на Кармелитскую улицу, дом 27.
Франтишек Чабун, библиотекарь

Однако никто не пришел. Результатом этого объявления было только анонимное письмо следующего содержания:

«Теперь я вижу, какой вы хулиган, если позволяете себе такие шутки».

«Где бы мне встретить этого человека? — огорченно вздыхал Чабун. — Я бы все устроил, я бы все ему искренно рассказал и очистил свою душу».

Время шло, но этот инцидент не выходил из его головы. Наконец он не удержался, пришел к дворничихе и спросил:

— Скажите, правда ли, что я хулиган?

— Что вы, сударь! — воскликнула она. — Вы такой добрый и образованный человек.

Он вернулся домой успокоенным и почувствовал облегчение. Слова дворничихи так на него подействовали, что он после продолжительного перерыва снова пошел поливать из лейки свои фуксии.

Только он собрался приступить к своей работе, как увидел, что внизу, на тротуаре, стоит тот самый человек с черной бородой, который не раз уже ему виделся во сне.

— Будьте любезны! разрешите! — кричал он радостно вниз, надеясь наконец-то объясниться.

Господин с черной бородой продолжал шагать дальше, не обращая на него никакого внимания. Франтишек Чабун, не переодевшись, рванулся к двери и сбежал по лестнице на улицу. В рубашке, в брюках и с лейкой.

Он выбежал из ворот и с криком: «Позвольте, я вас облил!» — бросился догонять господина с черной бородой. Господин приостановился, но, увидев запыхавшегося Чабуну с лейкой в руке, подумал: «О господи! он снова хочет облить меня водой!» — и бросился бежать, а Чабун за ним с криком: «Будьте любезны, разрешите...» На углу стоял полицейский, и господин с черной бородой спрятался за ним, как цыпленок у наседки. Франтишек Чабун с разбегу налетел на полицейского и вылил содержимое лейки на мундир блюстителя порядка. На другой день во всех газетах появилось следующее сообщение:

ХУЛИГАНСТВО Г-НА ЧАБУНА

На Кармелитской улице, № 27, живет библиотекарь Франтишек Чабун, который забавляется тем, что обливает из окна проходящую мимо публику. Так, вчера он намеревался облить городского советника, доктора Вольнера, которого однажды уже облил. Когда вмешался полицейский, он облил также и полицейского. Чабуну удалось задержать и доставить в полицейский комиссариат, откуда он после допроса был отпущен.

С тех пор Франтишек Чабун стал совершенным отшельником и в один прекрасный день начал выбрасывать из окна на тротуар свои фуксии.

Теперь он работает в Богнице¹ на огороде. Поливает грядки.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ БАРОНА КЛЕЙНГАМПЛЯ

Барон Клейнгампл был очень умный человек и, унаследовав от своей тетки замок в Бытюхове, днем и ночью думал о том, какие бы ввести усовершенствования в своем новом имении. Прежде всего он признал необходимым большие старые дубы в парке, росшие перед замком и загораживавшие вид, пересадить куда-нибудь в другое место. Барон позвал управляющего и дал ему соответствующие распоряжения.

Управляющий после этого приказания целую неделю ходил как в воду опущенный и при воспоминании о приказе

¹ В Богнице находится дом умалишенных.

барона чувствовал себя очень плохо. Как, собственно, барон представляет себе пересадку этих огромных деревьев?

Управляющий попросил барона принять его. Барон сидел в библиотеке, погруженный в чтение какой-то специальной книги. Когда управляющий объяснил ему после продолжительного вступления, что столетние дубы пересадить нельзя и что он не знает, как это осуществить, барон только улыбнулся и попросил управляющего подать из библиотеки большую зеленую книгу.

— Учебник садоводства,— ласково сказал барон, открывая книгу в том месте, где лежала закладка.— Вы увидите, как это просто. Здесь есть даже рисунок, прочтите.

Управляющий прочел: «Как пересаживать фуксии. Фуксия вынимается из горшка и со всеми корнями перекладывается в другой горшок. При этом нужно обратить особое внимание на корни и стараться их не повредить».

— Вот видите, дорогой мой, как это легко делается. Прикажете дубы вырвать из земли и перенести их туда, куда я вам укажу. На указанных местах будут выкопаны большие ямы, вы перенесете дубы,— только и всего. У меня вообще большие планы: я хочу реформировать свое поместье. Эти планы вы должны будете проводить систематически и неуклонно. Конечно, сначала многое вам будет казаться трудно выполнимым, как, например, пересадка дубов, но у меня есть специальная литература по всем вопросам и, кроме того, энциклопедический словарь. Вы начнете с пересадки этого старого дуба, что стоит возле самого замка. Обратите внимание на корни, каждый корень должен быть осторожно вынут из земли. При пересадке дуба вы должны поступать так же, как при пересадке фуксии. Вы ведь читали, что корни фуксии не должны быть повреждены. А дуб и фуксия почти одно и то же...

Барон был в ударе, и управляющий слушал почти нетельно.

— Я хочу, чтобы все дубы росли позади замка у озера, или еще лучше: я высушу озеро и вместо рыб посажу туда дубы. Вокруг озера я поставлю кресла и буду там отдыхать. Теперь скажите, когда цветут дубы? Это весьма важно, потому что, если на них появятся бутоны, то мы не сможем их пересаживать; в этой книжке говорится, что даже фуксию нельзя пересаживать, раз она начала цвести. Но теперь осень, и мои опасения излишни. Только одно меня смущает: фуксии должны пересаживаться в теплом помещении, а при пересадке дубов это невозможно. Теперь уже довольно холодно, а потому я решил во время пере-

садки разогреть почву вокруг дубов. Мы построим кирпичные печи для осушки озера и будем в них нагревать землю, а потом засыпать ею ямы. Работу с пересадкой мы будем производить днем, потому что даже фуксии нельзя пересаживать ночью, иначе может пострадать зелень. Я думаю, что во время пересадки дубам очень вреден дождь, поэтому придется, если будет дождь, рабочим залезать на дуб с зонтиками, раскрывать их и сидеть на вершине, пока дождь не перестанет и работа не будет окончена.

— Я хочу поговорить с вами еще об одной вещи. Вместо дубов мы посадим в пустые ямы финиковые пальмы. Это будет очень красиво и выгодно. Мы будем собирать финики, так как наше хозяйство нуждается в улучшениях. Почему у нас никто не сажает фиников? Потому что ленивы. А финики могли бы вывозиться во все страны света. Почва у нас очень хорошая. Я вчера был в поле и очень удивился. Я думал, что у меня очень хорошая свекловица, а сторож говорит: «Господин барон, простите, это не свекловица, а картошка». Раз человек путает картошку со свекловицей, значит почва здесь хорошая. Но ботва картофельная была очень сухая и поломанная, поэтому на будущий год необходимо у каждого картофельного куста воткнуть палочки и привязать стебли, как на виноградниках и на хмелевых полях. Картошка будет расти вверх, а не в землю. Ее не надо будет выкапывать, а только рвать, как хмель, что будет гораздо быстрее, а работа приятнее и чище. Я думаю, что такая реформа убедит всякого в необходимости рационализации хозяйства. Мы должны обратить внимание на наши посевы. Почему одну часть мы засеваем пшеницей, другую рожью, третью овсом, четвертую ячменем? Отдайте распоряжение приказчикам, чтобы они перемешали все сорта семян и засеяли. Таким образом, у нас получится одно поле, засеянное сразу пшеницей, рожью, овсом и ячменем. Этим самым мы сэкономим место и не должны будем один день косить овес, другой рожь, третий ячмень, четвертый пшеницу. Мы сэкономим время, а зимою, когда людям нечего делать в поле, они будут обмолоченные зерна перебирать и сортировать в четыре кучи. Позднее мы примем и другие меры предосторожности, например, против града. Хлеб мы будем засевать под большими крышами или под полотняными навесами. Мы поседем какао и кофе, а также пшено и крупу. Хозяйство очень запущено, но я надеюсь, что мои попытки увенчаются успехом. Потом относительно домашней птицы: цыплят нужно разводить больших, а поэтому мы скрестим гусей с курами; нужно только, чтобы петухи не пожирали цыплят, как это делают боровы

с поросятами. Свиньи очень часто валяются в грязи, и это отражается на вкусе их мяса. Поэтому вы должны всех поросят покрыть черным лаком и затем просушить у печей. Поросята только потому и валяются в грязи, что им не нравится их белая окраска. Выкрашенные, они перестанут валяться в грязи. Для коров мы выстроим бани, чтобы они нам давали больше молока. Чем корова здоровее, тем молоко вкуснее. Итак, милый мэй, мы должны всегда поступать сознательно. А теперь до свиданья, идите и подумайте на досуге над тем, что я вам сказал.

Управляющий сейчас же побежал топиться.

КАК МИЛАН ШПАТИНА СТАЛ АТЕИСТОМ

Когда Милан Шпatina приехал из Моравии в Прагу изучать право, он еще верил в бога, отчасти потому, что у него дядя был священником возле Радгоштя. Этот дядя, прощаясь с ним на вокзале, сунул ему в руку сто крон и попросил его сказать: «Я — христианин-католик». Шпatina от радости, вызванной кронами, воскликнул:

— Я — христианин-католик, — и в виде бесплатного приложения добавил: — и с еретиками не хочу знаться.

Дядя обнял его и к ста кронам прибавил еще двадцать, а Шпatina крикнул еще раз:

— Я христианин-католик! — Но новой прибавки уже не получил.

Дядюшка заботливо повел его в вагон, так как заметил, что выпитое вино начинает катастрофически влиять на религиозные убеждения его племянника.

После недельного пребывания в Праге Милан Шпatina остался твердым в своих христианских убеждениях. Он частенько проходил мимо костела, убеждая себя в том, что таким образом он выполняет все предписанные верующему обряды.

— Телом я на улице, но ведь душой-то я в костеле, — оправдывал он свои прогулки и с сожалением посматривал на своих земляков, которых считал язычниками.

Он вел с ними страстные споры о религии и часто в пивной пересаживался от них со словами:

— Я с нехристями не сижу, я — христианин-католик.

Однако, чтобы спорить с ними о религии, он очень часто ходил в пивную, и дядюшкин подарок быстро улетучивался.

Числа двадцать четвертого он к своему ужасу обнаружил, что после вчерашнего посещения пивной «У Флека» в его кармане осталось всего-навсего пять геллеров.

«Займу»,— решил он и пошел к своим землякам.

— Ну, ладно, Шпatina,— сказали ему земляки,— мы зайдем тебе пару крон до первого, но ты должен при нас выругаться. Ругайся, Шпatina!

Бедный Шпatina просил избавить его от этого, так как он христианин-католик и ругаться не должен.

— Ну, тогда ничего не получишь. А стоит тебе только хорошенько выругаться, как мы пойдем и осушим парочку кружек пива.

Не находя другого выхода, он попросил, чтобы ему разрешили перед этим заявить, что он ругается условно.

Однако «нехристи» не согласились и объявили, что только в том случае дадут ему взаймы, если он будет ругаться без всяких условий.

Тогда Шпatina заявил, что он согласен ругаться с условием, что прежде ему разрешат произнести: «Я христианин-католик».

После кратких прений «нехристи» пошли на эту уступку, и Шпatina, сев на стул и обливаясь потом, начал трехэтажно ругаться.

«Нехристи» заставили его ругаться ровно полчаса, а затем дали ему нужную сумму и отправились в пивную.

На другой день утром на него нашло раскаяние, и он побежал в костел исповедываться в своих грехах.

— Ведь ты видел, боже,— плакал он у входа:— я уже забыл «Отче наш, иже еси», ругался непристойными словами и не переломал рук нечестивцам. Господи, сжался над моей душой, я возвращаюсь в лоно церкви.

После этой молитвы он вышел из церкви, радуясь тому, что хорошо покаялся, а для того, чтобы грешные деньги не обременяли его карман и не напоминали ему об его позоре, он сейчас же пошел в пивную и пропил эти сребреники Иуды.

Затем на три дня, до первого, он отрекся от мира и принялся готовиться к коллоквиуму.

Первого он получил деньги от дяди вместе с письмом, в котором дядя просил его, чтобы он каждый вечер громко произносил перед сном: «Я христианин-католик».

Шпatina немедленно ответил, что благодарит за деньги и что в необходимых случаях всегда заявляет, что он христианин-католик. Христианином он остался и до сих пор, несмотря на то, что многие из его земляков, слепо подражая другим, стали «нехристями».

Он уплатил долг «нехристям» и снова в пивной страстно защищал религию, рисовал чудовищные картины загробной жизни и адские мучения грешников. Он клялся именем своего патрона, что больше ругаться не будет. Но неизменно подходило первое... и он ругался.

Он снова шел к землякам, которые уже меньше с ним разговаривали, и только один медик бросал при этом меланхолично: «Шпatina, ругайся».

И Шпatina ругался без всяких условий и предварительных заявлений. Но когда он получал деньги от дяди, он снова говорил:

— А все-таки я христианин-католик.

— Ты уже и сам знаешь, — говорили ему «нехристи», — что ты Иуда.

Шпатине предстояло сдать коллоквиум по римскому праву, и он вынужден был посвятить науке не менее пятнадцати дней. По несчастной случайности эти пятнадцать дней пришлось перед первым. Шпatina опасался, что, если он перед экзаменом не выпьет флековского пива, то экзамена не выдержит. Но у Шпатины вновь не было денег, поэтому он в день перед коллоквиумом отправился по тернистому пути к «нехристям» просить денег на пиво.

— Шпatina, шпaрь, ругайся! — всеобщим ревом приветствовали его студенты.

— Я ругаться не буду, — замотал он головой: — я больше не Иуда и не продам за гроши святой крест; но, ребята, землячки дорогие, помогите мне, дайте мне на пиво, ведь завтра иду держать коллоквиум.

Ему коротко объяснили, что без ругани ему ничего не дадут. На этот раз, между прочим, потребовали, чтобы он заявил, что он не верит ксендзам.

Это Шпatina отказался сделать. Тогда перед ним положили пять крон, два студента взяли его за руки, а другие стали уговаривать выругаться, обещая за это приготовленные кроны.

Он опять отказался.

— Понимаете, — говорил он, — если я буду ругаться, то завтра провалюсь на экзамене. Я, как христианин-католик, не должен этого делать и не буду.

Тогда перед ним положили еще пять крон и сказали, что если он будет ругать ксендзов и хвалить пьяницу Дисмаса, то получит эти деньги.

Он выдержал и это испытание и сказал:

— Ну так, нехристи, лучше я пойду в костел.

Земляки предложили ему проводить его. Он с радостью

согласился, полагая, что по дороге они над ним сжалятся и дадут ему деньги без ругани.

Однако «нехристи» остались непреклонными. Они проводили его до самого костела и стали дожидаться, пока он не закончит своей молитвы.

Ждать им пришлось долго. Шпatina молился усердно, чтобы господь помог ему выдержать завтрашний экзамен и направил на истинный путь спасения сердца грешных земляков.

Когда он вышел из костела, студенты ему сказали, что идут к «Флеку» и берут его с собой, что он может ругаться условно и что перед руганью может сделать предварительное заявление о том, что он христианин-католик.

Однако Шпatina остался непоколебимым католиком. Он выругал их и пошел домой, где весь день и ночь усердно готовился к экзамену, а перед сном громко произнес три раза: «Я верный христианин-католик».

На другой день после обеда, весь красный, ворвался Милан Шпatina в ресторан, где обычно обедали студенты.

— Ребята,— кричал он «нехристям»,— я ругаюсь, экзамена я не сдал, я теперь атеист!

После этих слов он стал ругать на чем свет стоит Орлеанскую деву, ксендзов и хвалить пьяницу Дисмаса. А после первого подписался из присланных дядюшкой-священником денег на антирелигиозный журнал «Заря».

ВОСХОЖДЕНИЕ НА МОЗЕРШПИЦ

Должен предупредить: я совершенно не собирался лезть куда-то на вышку и отважился подняться на Мозершпиц единственно под давлением обстоятельств. Обстоятельства были следующие: три бутылки вина и дочь швейцарца-ресторатора в Берне, где я это самое вино уничтожил.

А теперь к делу. Что такое Мозершпиц?— Поскольку я на него лез, читатель может без труда смекнуть, что это гора и в частности гора остроконечная¹. Это, опять же, можно заключить из ее названия. Не стоит говорить, что Мозершпиц находится в Альпах, ибо, надеюсь, никто не подумает, что Швейцария лежит в Гималаях.

Мозершпиц возвышается в шести часах ходьбы от Бер-

---

¹ «Шпиц» — по-немецки — «острие».

на и замечателен лишь тем, что оттуда еще никто не свалился, потому что никто туда и не лазил.

Около Берна такое множество гор, что Мозершпиц в них совсем затерялся, и если бы не предприимчивый Графергерн, бернский ресторатор, никто бы доселе не имел понятия, как отлично эта гора подходит для захватывающих развлечений альпинизма: переломов рук, ног и позвоночников.

Предприимчивый Графергерн прекрасно учел все достоинства горы: опасные ущелья, крутые склоны, осыпающиеся скалы и прочие прелести. Он решил соорудить под горой хижину и заманивать туда английских туристов и других безумцев, которым все равно откуда свалиться — с Монблана или с Мозершпица. Так и было сделано. Под горой построили хижину, а выше, в четырех часах ходьбы, другую. Обе хижины были снабжены съестными припасами, вином, ликерами и пойлом для ослов. После этого Графергерн стал поджидать первую жертву, которая сделает ему рекламу.

Волею судеб это оказался я. Как раз в конце июня я поселился в Берне, в гостинице Графергерна, и усиленно занялся его вином и дочерью Маргаритой. Вино и Маргарита спровоцировали меня на это отчаянное предприятие. Вину не удивляюсь, удивляюсь тому, что у женского пола совести нет и в помине...

Сейчас вот думаю: «Пусть ее черти возьмут, эту Маргариту из Берна». Но тогда, разогретый вином, я готов был поклясться, что влзу на Эверест, в Индии. А о Мозершпице, в котором каких-то три с половиной тысячи метров, и говорить нечего.

Однажды вечером, сидя за столиком, я попивал вино и вел разговор с Маргаритой. Болтал бог весть что. Хвастал своими подвигами до невозможности.

— Подъем на Монблан — это пустыки, барышня. Детские игрушки. Даже голова у человека не закружится.

Подошел Графергерн.

— Милорд, — сказал он (титуловал меня по привычке и думал, что я англичанин, потому что я так бесстрашно отзываюсь о подъемах). — Милорд, имею для вас дельце. Опаснейший подъем.

— Не интересуюсь, — разглагольствовал я Маргарите, — другими подъемами, кроме тех, которые на семьдесят процентов кончаются смертью. Не знаете ли, хозяин, где лежит гора Штопор?

— Не знаю, милорд. А это что, опасная штука?

— Человек пять из сотни останутся живы,— отвечал я безмятежно.

Это поколебало спокойствие Графергерна.

— Милорд,— сказал он,— гарантирую вам возможность смертельных увечий и на Мозершпице. Там есть пропасти и ущелья в две тысячи метров глубиной.

— Это все пустяки, Графергерн! Принесите-ка мне еще бутылку вина и по дороге обдумайте такой вопрос: можете ли вы поручиться, что в случае гибели я буду найден совершенно истерзанным?

Этот почтенный человек возвратился с вином и ответил:

— Могу вам дать честное слово, милорд, что из вас получится каша. При падении вы раз двести треснетесь об острые выступы скал.

И принялся соблазнять меня дальше:

— Учтите еще и другие преимущества. На Мозершпице бушуют бураны и ливни. Могу вам поручиться, что вода унесет вас или ветер сдует в пропасть.

— Это все для новичков, Графергерн. Для туриста, как я, это ничего не значит.

— Бесспорно, милорд, но не забывайте, пожалуйста, что придется идти через ледниковые площадки, а это коварная штука. В ста случаях, минимально в восьмидесяти, лед трескается и человек проваливается в пропасть. Короче, милорд, подъем на Мозершпиц — эта забава как раз для вас. Учтите, наконец, что это единственная гора в округе, где вас может внезапно захватить туман. Упасть в пропасть ничего не стоит, ибо скалы осыпаются как раз в самых опасных местах. Все для вас, милорд, как по заказу.

— Подъем в вашем вкусе,— вставила Маргарита.

— Сударыня,— воскликнул я,— а буду ли я целовать ваши губки, если вернусь с Мозершпица?

— Да, милорд,— ответила Маргарита.

«Черт тебя дери, цветок Швейцарии!» — подумал я, но сказал, протягивая ей руку:

— Мадмуазель Маргарита, я лезу на Мозершпиц! И полез.

Моего проводника звали Георгий. Он случайно оказался католиком и многозначительно предупредил меня, что перед отправлением не мешает исповедаться. Когда я это отверг, он попросил на водку. Это желание я удовлетворил.

Георгий основательно напился и счел необходимым еще в городе привязать меня к себе предохранительным поясом. Я отказался от этого, и мы, непривязанные, тронулись по

направлению к хижине Графергерна. Он сам еще раньше отправился туда на осле.

— Если я вас больше не увижу,— простилась со мной Маргарита,— обязательно зайду помолиться на вашу могилу.

Как добросердечны швейцарские девушки!

После шести часов спокойного пути мы прибыли к хижине Графергерна. Там переночевали со всеми удобствами, созданными предприимчивым ресторатором. Утром отправились дальше. Графергерн потирал руки.

— Милорд,— сказал он, расставаясь,— в случае возможного несчастья, должен ли я передать что-нибудь вашей семье?

— Передайте, что я рекомендую вас и Мозершпиц всем своим знакомым.

— Передам!— сказал он уверенно.

Дорога все поднималась и становилась прямо жуткой. Георгий привязал меня к себе. Могу сказать, что он был добрым католиком, ибо все время бормотал молитвы.

— Что вы сделаете,— спросил я,— если я где-нибудь поскользнусь и повисну на веревке, а вы сможете только с трудом удерживать меня над пропастью? Подождете ли вы помощи?

— Хвачу ножом по веревке,— невозмутимо ответил Георгий,— да потороплюсь в Берн сообщить о несчастье. Еще до полудня это будет в газетах, и вы увидите, какой поднимется переполох и как на этом деле заработает Графергерн. Англичане тучами полезут сюда, они ведь любят опасности. Графергерн — умная голова, не правда ли?

— О, да!

Откровенность Георгия мне понравилась. После приятной беседы о заблудившихся туристах мы полезли выше и выше. Наконец, мы достигли второй хижины. Рядом с ней зияла пропасть. Вошли в хижину, и, пока Георгий сооружал завтрак, я принялся обозревать окрестность.

Сзади, за хижинной, как фантастический небоскреб, высилась тысячеметровая стена Мозершпица. Кругом утесы, кое-где блестит снег и лед. Жуткое местечко!

«Тысяча дьяволов! И я должен туда лезть!?»

Мне стало все ясно. Добрый Графергерн хочет с помощью моей смерти создать рекламу своим хижинам и этому распроклятому Мозершпицу. Нет, этот номер не пройдет.

— Георгий,— заявил я проводнику,— я не полезу.

Георгий испугался:

— Это не годится, милорд, я останусь без денег.

Как? Я же вам за все уплатил вперед.

— Знаю, милорд, знаю, но Графергерн мне не даст ни полушки.

— А за что он должен вам заплатить?

— За то, что заведу вас на Мозершпиц.

— А если я погибну по дороге, Георгий?

— Все равно, деньги те же. Это привлечет английских туристов, и от них мне тоже перепадет что-нибудь, а потом опять от Графергерна.

— А если и английские туристы угробятся, Георгий?

— Тогда еще кто-нибудь сунется на Мозершпиц, и я опять заработаю уйму франков. Так что с богом, в дорогу, милорд! Если вы свалитесь, так, может, еще повиснете на скале, так чего же бояться?..

— Знаете что, Георгий,— сказал я,— давайте останемся здесь на пару дней. Угостимся припасами из хижины, и я вам дам двадцать франков. А потом вернемся, как будто были на Мозершпице.

Так мы и договорились.

«Старого Графергерна, наверное, хватит удар, когда он увидит нас невредимыми»,— размышлял я, предвкушая расплату.

Мы провели в хижине два дня, ели, пили, а на третий день спустились вниз.

Перед хижинной Графергена нас ждал сюрприз. Около хижины собралось человек шестьдесят английских туристов. Они удивленно воззрились на наше появление. Среди них виднелся остолбенелый Графергерн.

— Вы не погибли?— пробормотал он с ужасом.

— Как видите, нет,— ответил я небрежно.

— Сэр!— воскликнул один англичанин, махая перед моим носом «Бернским вестником». — Сэр, объяснитесь! Это вы тот самый джентльмен? — Он сунул мне газету Синим карандашом было отчеркнуто:

НОВЫЙ ГОРНЫЙ МАРШРУТ

Нашему неутомимому Графергерну удалось открыть новый горный маршрут. Это — неприступный Мозершпиц, находящийся в нашей местности. С подлинной швейцарской заботливостью Графергерн поставил там две хижины.

К сожалению, приходится констатировать, что первая попытка подъема на эту, доселе неприступную, гору окончилась трагически. Турист, отважившийся быть первым, вчера погиб, ибо не был достаточно внимателен к указаниям проводника. Новый маршрут является крайне трудным и опасным. Учитывая его новизну и занимательность, он несомненно привлечет массу туристов. Тела погибших разыскиваются...

— Господа,— обратился я к англичанам,— все это выдумки Графергерна. Восхождение ни на иоту не опасно, я бы даже сказал — приятно. Это попросту увеселительная прогулка!

Среди туристов произошло движение.

— Графергерн,— заявил один из англичан,— мы отправляемся обратно в город. Господин, как видите, невредим, дорога безопасна. Нам здесь нечего делать. Вы соврали. Пойдемте, господа. Всего хорошего!

— Милостивые государи!— отчаянным голосом зывал Графергерн,— подождите, останьтесь! Вас еще может засыпать лавина...

Дальше я ничего не слышал, так как мы удалились от этой гостеприимной хижины. Нам вслед загремел большой камень. Я так и не узнал, сорвался ли он сам, или это было делом рук взбешенного Графергерна.

А барышню Маргариту я не утруждал хождением к моей могилке, где она собиралась помянуть меня молитвой. Не надо: я человек добрый...

БАРОН И ЕГО ПЕС

На пятом этаже многоквартирного дома, затерянного на городской окраине, была порыжелая от времени дверь против входа на чердак, украшенная визитной карточкой:

Барон Деккер из Пршегоржова

Служанки, то и дело ходившие на чердак вешать белье, часто останавливались перед этой дверью послушать разговоры знатных жильцов.

— Как ваше здоровье, граф?— слышалось из-за дверей.

— Благодарю вас, барон,— отвечал тот же голос.— Я вижу, ваша светлость в отличном настроении. Уж не выиграли ли вы вчера в макао, милый князь?

— Как вы полагаете, граф?

— Пари держу, причиной здесь — прекрасная графиня,— возражал все тот же голос.— Не поехать ли нам кататься, господа?

— Лошади поданы. Allons!¹ Где моя свора гончих? Зебор, auf!²

Тут служанки, заслышав щелканье замка, торопились проскользнуть в чердачную дверь, а на пороге появлялся барон Деккер в сопровождении своего престарелого пса Зе-

¹ Едем! (франц.)

² Вставай! (немецк.)

бора. Если поношенный сюртук барона производил впечатление почти нового, то шуба лягавого казалась купленной у старьевщика.

Будь это не пес, а кобыла, перед нами была бы точная копия Донкихотова Россинанта. Во всяком случае у него была примерно та же участь: тащиться за своим хозяином в этой юдоли слез, еле передвигая ноги, но в то же время помня о том, как должна вести себя собака, получившая аристократическое воспитание.

В этом он брал пример с хозяина.

На людях барон преображался до неузнаваемости: всем давал почувствовать, что значит баронский титул. Но вечером, вернувшись домой, старик в своей одинокой квартире долго кряхтел и охал, а потом садился за стол писать прошения представителям всей родовой и титулованной знати.

Пес сидит рядом и то приподнимет одно ухо, то с аристократическим изяществом примется ловить блох.

Ах, эти блохи! В минуту дружеской откровенности, когда забываешь разницу в общественном положении, лягавый Зебор сказал таксе, жившей у соседней лавочницы:

— Поверите ли, эти блохи отняли у меня десять лет жизни!

Заслышав скрип пера, Зебор перестает грызть свою ляжку, поднимает одно ухо и смотрит на барона слезящимися глазами, словно человек, у которого насморк.

Между тем старика, составляющего прошение некоему графу, ротмистру, осеняет блестящая мысль: будто он проиграл восемьдесят тысяч крон на честное слово, с обязательством заплатить не позже, как через неделю. Отложив перо, он начинает быстро ходить по комнате, громко восклицая:

— Как же я нарушу честное слово, дорогой граф? Ведь об этом между джентльменами не может быть речи!

Пес, фыркая, ходит за ним, как тень; а когда барон опять садится за стол продолжать письмо, он тоже садится рядом и принимается искать у себя в шерсти свое скромное скудное лакомство. Отправив письмо, оба ложатся. Зебор, взобравшись на кровать, устраивается в ногах у хозяина. В холодной, неудобной комнате слышен дрожащий голос барона:

— Зебор, Зебор! До чего мы с тобой дожили!

Зебор садится на постели и чихает.

В такие минуты сердечного доверия они всё, всё говорили друг другу.

Не думайте, что пес только слушал: он тоже разговаривал. Поворчит-поворчит и промолвит с укоризной:

— Эх, сударь, не надо было так сорить деньгами!

— Видишь ли, Зебор, между нами говоря, мы были порядочными идиотами. Ну, к чему было, скажи ради бога, содержать сразу столько танцовщиц?

— С вашего разрешения, сударь,— ворчал в ответ лягавый,— я не содержал ни одной. А вы, сударь, помимо всего прочего, еще и в карты играли. Вспомните: разве я играл в *trente et quarante*?¹ Нет, сударь. Я только за зайцами гонялся. Помните, как я искушал лесничего?

— Ах, Зебор, Зебор!— вздыхает барон, стараясь по-теплей укрыться старой периной.— Если б ты знал, какое наслажденье — устрицы! Хорошенько покапаешь на нее лимонном... Просто хоть плачь! А после, после запьешь хорошим вином... *ragbleu*², я сейчас зареву!

— Поплачем вместе, сударь!— ворчит Зебор, и оба скулят, уткнувшись в перину.

— Хоть бы нам когда-нибудь в лотерею выиграть, Зебор!— говорит барон засыпая.

У Зебора слипаются глаза, но он приподнимается на голос хозяина. «Так точно!» — мелькает у него в мозгу, и он, улегшись опять, засыпает.

Так лежат они, не евши, двое суток, пока почтальон не приносит двадцать крон, посланных ротмистром.

Тогда оба совершают свой туалет — то есть Зебор вылизывает себя всюду, где достанет, а барон напяливает свой выцветший сюртук,— и с важным видом выходят на улицу.

Обоих согревает мысль о двадцати кронах. Зебору понятно: раз они обогнули этот угол и зашагали по переулку — значит, путь их лежит на другой конец города, к одной лавке, где на выставке изображена лошадиная голова и написано: «Продажа конины». Шествуя, оба видят перед собой копченую конину — и какую!

На этот раз Зебора не остановит никакая встреча с собакой. О чем говорить с этим нищим сбродом! Сегодня они с хозяином — господа; они держат путь в ту лавочку с нарисованной лошадиной головой!

В лавке барон, как обычно, приходит в смущение. Он долго объясняет, что ему нужно три кило конины для одной бедной многодетной вдовы. Он охотно купил бы ей говядины, но считает, что лучше, сэкономив на мясе, употребить остальное на покупку чулок для нее самой и детей.

Пока барон плетет свои небылицы, его лягавый рассказывает собаке мясника:

---

¹ «Тридцать и сорок» азартная карточная игра (франц.)

² Черт возьми (франц.)

— Знаешь, голубчик, у нас вчера подавали за обедом поросенка. А я один убрал полгуса.

И гордо удаляется вслед за своим хозяином, который несет три кило конины.

В этот день, после сытного обеда, обоим снятся скачки.

АВСТРИЙСКАЯ ТАМОЖНЯ

И надо же было случиться такому несчастью! Во время прогулки в окрестностях Дрездена я попал под поезд. Меня так основательно помяло, что прошло полтора года, прежде чем я вышел из больницы. Я предполагал, что вернусь в Прагу из Дрездена через четыре дня, а между тем моя прогулка затянулась на полтора года.

Впрочем, все мы в руке божией, а я, кроме того, побывал еще и в руках медиков.

Вид у меня был ужасный. Я так до сих пор и не знаю, что от меня осталось моего собственного. Мне известно только, что восемнадцать врачей с пятьюдесятью двумя ассистентами искусно собрали меня по частям. И как хорошо собрали! Я получил свидетельство, в котором было указано, из чего именно меня склеили, чтобы дать мне возможность дожить свой век хотя бы инвалидом,— свидетельство на четырнадцати страницах.

Собственного у меня сохранился только кусок мозга, какая-то часть желудка, килограммов пятнадцать мяса да пол-литра крови, все же прочее — чужое, кроме сердца, да и то сшито из моего и бычьего. Это настоящий триумф медицины.

Снаружи у меня все искусственное. Об этом упоминается в вышеуказанном свидетельстве. Словом, я прекрасный пример того, как медицина может сотворить чудо, составив из различных частей нового человека.

Выписавшись из клиники, я отправился сначала на центральное кладбище в отделение, где больницы погребают части человеческого тела, и посмотрел на могилу, где покоились мои останки. Затем я отправился на вокзал и поехал в Прагу с сознанием, что моя прогулка в Дрезден по своей продолжительности превзошла экскурсии всех туристов, когда-либо посетивших этот прекрасный город.

В Дечине мы прошли тщательный таможенный осмотр. Когда австрийские таможенники раскрыли наши чемоданы и уже успели в них порыться, взгляд одного чиновника упал на меня. Пораженный моим видом, он, очевидно, принял меня за человека, который проносит тайком по мень-

шей мере сахарин. Я выглядел, как контрабандист, которому намяли бока.

— Возьмите чемодан, — предложил мне чиновник, — и ступайте с ним в канцелярию.

В канцелярии чемодан открыли, перерыли вещи и не нашли ничего подозрительного, но увидели среди других бумаг свидетельство, выданное мне в дрезденской больнице и подписанное восемнадцатью профессорами и пятьюдесятью двумя ассистентами.

— Дружище, — сказал мне, просмотрев свидетельство, чиновник, — зайдите наверх к начальнику. Иначе мы не сможем пропустить вас в Австрию.

Начальник таможни, важный служащий, прекрасно знал свое дело. Посмотрев свидетельство, он сказал:

— Во-первых, как обозначено в этом документе, заднюю часть черепа у вас заменяет серебряная пластинка. Это серебро не имеет пробы, а посему вы заплатите штраф — двенадцать крон за сто двадцать граммов серебра, согласно тарифу шесть и тарифу восемь в параграфе девятьсот сорок шесть таможенной инструкции; вы хотели гайком провезти неклеяменое серебро, следовательно заплатите штраф в тройном размере, то есть трижды двенадцать крон, итого тридцать шесть крон.

Затем левое бедро заменено у вас лошадиной костью. Будем считать это тайным провозом костей крупного скота. Следовательно, мой друг, вы причиняете ущерб австрийской торговле костью.

С какой целью вы носите в себе заграничную лошадиную кость? Чтобы вы могли ходить? Запишем в таком случае в протоколе, что вы используете лошадиные кости с промышленной целью. Не советую вам запираяться, сударь!

Промышленность — прекрасное дело, но невыгодное для вас, потому что при обнаружении тайного провоза кости в Австрию мы взимаем высокую пошлину. Заплатите двадцать четыре кроны.

За сим здесь имеются сведения, что вместо трех ребер у вас вставлены платиновые проволочки. Вы хотите провезти в Австрию платину? Знаете ли вы, что вас за это ожидает? Штраф в трехсоткратном размере. Если эти проволочки весят двадцать граммов, штраф составит тысячу шестьсот пять крон. Вот до чего доводит преступное легкомыслие!

Но что я вижу! Здесь сказано, что одна из ваших почек, а именно левая, заменена свиной.

Сударь, ввоз свиней в Австрию из-за границы запре-

шен. Это запрещение распространяется и на отдельные части свиней, а посему, если вам угодно попасть в Чехию, извольте оставить почку в Германии.

Я на это не согласился и потому уже десять лет сижу в Саксонии и жду, когда аграрии, ибо я и сам аграрий, разрешат ввозить свинину в Австрию. Тогда я вернусь на родину.

ШКОЛА ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ

В начале войны в пражское полицейское управление пришло из Вены распоряжение о необходимости самым подробным образом информировать в политических делах агентов пражской полиции, чтобы им было легче вовлекать граждан в неосторожные разговоры.

Пражские сыщики по части осведомленности в политических делах были не на высоте. Сыщик Браун не отличал национал-социалиста* от социал-демократа и по сей день полагает, что национал-социалист Триобранский — социал-демократ, и когда арестовал его, грозил ему по дороге, что полиция покажет-де социал-демократам, где раки зимуют. Сыщик Фабер путал анархистов с аграриями. Арестовав добродушного анархиста Каху из Жижкова, он заявил ему: «Мы вас, аграриев, проучим!». Сыщику Шточесу не было ясно, что такое рескрипт. Он знал только, что в полиции об этом говорят, как о чем-то очень опасном, и, будучи послан однажды к такому «рескриптовому» энтузиасту, принес белую бумажку с загадочным шрифтом:

Resorcini 0,5 gr.

Aqua destillata 300 gr.

Д-р Самоед.

Бедняга сыщик слово «рескрипт» забыл и настойчиво требовал в квартире неблагонадежного гражданина:

— Именем закона, дай сюда рецепт.

При покойном Кришкове* не обращалось внимания на то, чтобы как следует объяснить сыщикам значение битвы при Белой горе. А это было чрезвычайно важно, так как из-за нее время от времени отдавалось под суд много людей. Начнется с Белой горы, а кончится областным судом в Праге. Это уж как водится.

Однажды сыщик Когоут был послан в Бржевнов, в дни ноябрьских сходов, чтобы там после собрания в «Гражданской беседе»¹, истратив две кроны на пиво и пу-

¹ Название ресторана

стив в ход тему о Белой горе, привести кого-нибудь в тюрьму. За это он получал две кроны на пиво. Вернулся он не солоно хлебавши и в рапорте заявил, что показавшийся ему подозрительным посетитель гостиницы на вопрос, каково его мнение о Белой горе, ответил, что от Бржевнова до нее ходьбы три четверти часа, а с Мотола ближе.

Сыщики в то время не могли похвастаться политическим образованием, и несколько раз случалось, что они доносили о важных преступлениях без всякого на то основания. Например, Браун донес на нашего швейцара, что тот в день пятидесятилетнего юбилея царствования Франца-Иосифа нагло рассуждал в кафе «Палата на Морани» об Эдисоне и о битве при Ватерлоо, чем производил впечатление человека политически весьма подозрительного. Позднее, когда, по дороге в полицейское управление, он, Браун, обратил его внимание на выдающийся день, швейцар ему ответил: «Но позвольте, уж не думаете ли вы, что фонограф изобрел Франц-Иосиф? Его изобрел Эдисон. Об этом вы могли бы вчера прочесть в «Политике».

Сыщик Фабер как-то донес на меня, что в одном винном погребке я произнес речь о влиянии углекислого газа на пиво, подаваемое в буфете Венского парламента, и, между прочим, сказал, что в Вене должны понять — пока, мол, всюду в Австрии не войдут в обиход баллоны с углекислым газом, пиво не будет достаточно вкусным.

Как видно из этих мелочей, у пражской полиции в голове все перемешалось: социал-демократы, углекислый газ, бомбы, рецепты, рескрипты, Белая гора, Франц-Иосиф и Эдисон, анархисты, битва при Ватерлоо* и аграрии, и вследствие этого результаты их сыска были жалкими.

Все же благодаря политическим доносам можно было натянуть месяц тюрьмы с несколькими постами, но это было очень трудно. Конечно, в полиции старались вымотать у подследственного все нервы, чтобы он запутался и сказал что-нибудь, но, повторяю, это был тяжкий труд.

В начале войны произошла и здесь полная реорганизация. Необходимо было агентов полиции как следует посвятить в вопросы чешской политики, дабы они могли предложить населению вполне обработанный материал, то есть представить тому или иному гражданину на одобрение готовую резолюцию, подрывающую устои австрийской монархии, и вслед за тем с восторгом провозгласить, как это делал старший комиссар Хум: «Попался голубчик!»

Такова история возникновения полицейской школы в Праге. Это отнюдь не было какое-то высшее учебное заведение, где преподавались политические науки. Там лишь

разрабатывали вопрос о том, как свалить Австрию, и тому подобные идеи, уже давно созревшие в сердцах чешских граждан.

Одна из комнат департамента полиции была отведена для занятий.

Составлено было следующее расписание:

9—10 час. Почему неизбежен развал Австрии?

10—11 час. Какие доводы за то, чтобы чешские солдаты не воевали против сербов и русских?

11—12 час. Организация подпольных обществ.

12—13 час. Излюбленные оскорбления государя и членов императорской фамилии и другие неосторожные выражения.

14—16 час. Наука об общей провокации и практические занятия по определению на глаз наказания сроком от 2 до 15 лет за словесные оскорбления.

Эта блестящая программа занятий стала еще заманчивее, когда слушателям было отпущено на письменные принадлежности по пятидесяти крон на брата.

Для самых глупых сыщиков были организованы дополнительные вечерние занятия. Все было обдуманно и систематизировано.

Агенты полиции с лекциями в руках готовили уроки в свободные часы.

В доме сыщика Брауна это вызвало целую панику. Госпожа Браун, заплаканная, ходила по своим знакомым и горько жаловалась:

— Я уж, право, не знаю, не сошел ли мой муж с ума. Весь вечер зубрит по какой-то бумажке, а потом вслух произносит целые речи: «Итак, господа, теперь, по истечении трехсот лет, наступил момент, когда мы должны отважиться. Австрия насквозь прогнила, и нам стоит только ее пихнуть, как она развалится». Я ему говорю: «Послушай, муженек, что ты там болтаешь? Ведь ты лишишься куска хлеба». Он посмотрит, посмотрит на меня. «Ты дура, говорит, ничего не понимаешь и в нашу политику не вмешивайся». И опять начнет ходить по комнате, читать вслух бумажки да как крикнет: «От Белой горы до нынешнего дня мы молчали. Но теперь заговорим! Я, господа, ни в сербов, ни в русских стрелять не буду. Вы того же мнения? Позвольте вам представиться». Я только хожу да плачу. А он ругается, что я ему порчу речь. Недавно я ему прямо сказала: «Ради бога, Браун, смотри, тебя посадят!» А он опять, что я ничего не понимаю, и велел, чтоб я представила себе, будто нахожусь в трактире, где ведется политический

разговор. И тут он мне выложил, что наш всемиростивейший Франц-Иосиф изволил сделаться не то дегенератом, не то денатуратом — уж не помню, как он там сказал. И при этом шепнул мне на ухо: «Создадим какую-нибудь подпольную организацию. Нас много. Сойдемся завтра здесь, и я вам объясню, как следует взрывать на воздух поезда. Согласны прийти? Разрешите представиться». Вот так мучаюсь я со своим муженьком уже целую неделю, а вы, миленькая, пожалуйста, никому не говорите об этом денатурированном государе-императоре. Больше всего мне жаль моего мальчика Эмиля. Совсем забыл про учение: сидит только и смотрит на папашу, как тот ходит по комнате и объясняет комоду о казнях на площади в Старом городе.

Эмиль действительно не спускал глаз со своего отца. Чем больше он за ним наблюдал, тем больше ему нравилось содержание речей папаши. Это был хороший мальчик, ученик первого класса гимназии.

Так как он был сыном сыщика, то принадлежал в гимназии к сливкам общества и сидел на парте с краю. Он никогда не участвовал в беседах и спорах своих одноклассников, которые его презирали, кололи булавками, бранили.

Война, естественно, обострила дискуссию на партах. Эмиль по-прежнему молчал, когда сыновья призванных на войну рассказывали друг другу, что папаша перед отъездом обещал семейству при первой же возможности перебежать на другую сторону.

Как-то австрийцы взяли у Дравы в плен около тридцати сербов. Официальное австрийское телеграфное агентство раздуло это в великую победу на сербском театре военных действий и озаглавило сообщение: «Австрийские войска взяли Драву». Директор гимназии, презренный австрийский прихлебатель Кох, бегал из класса в класс и произносил перед учениками патриотическую речь, которую заканчивал возгласом: «Да здравствует государь император!»

Все были страшно довольны, так как благодаря этому прошел целый день.

Войдя в первый класс, Кох повторил все, что уже торжественно заявлял в других классах. А именно: Австрия сильна, все мы должны быть счастливы оттого, что государь император объявил войну и что у нас такой доблестный монарх. Речь свою он закончил призывом прокричать три раза «ура!» габсбургскому роду, отечеству, императору.

Первоклассники заорали. Только стоящий возле самой кафедры Эмиль Браун не открыл своих детских невинных уст и не присоединил своего голоса к всеобщему восторженному реву. Директор приблизился к нему.

— Ты что молчишь?

Эмиль, невинно глядя в глаза директору, ответил:

— Потому что мы не считаем государя-императора своим властелином. Мы, чехи, ничего доброго не видим под скипетром Габсбургов. Это говорит и читает каждый вечер папаша. А он должен знать, потому что служит в полиции. Недавно у нас была госпожа Фаберова, и она рассказывала маме, что пану Фаберу дали в полиции клочок бумаги с какой-то речью, а там сказано, что мы должны наступить на горло австрийской змее. И папаша тоже так говорил, а я должен был представлять публику в трактире и повторять за ним, что австрийская династия — банда жуликов.

Когда школьный сторож с грозным письмом директора привел Эмиля домой и сыщик Браун услышал весть о предательском отроке, он неестественно засмеялся и закричал:

— Наша система себя оправдывает! Эмиль Браун, именем закона я вас арестую!

И, не внимая плачу и причитаниям жены, потащил на смерть перепуганного сына в полицейское управление, колотя его по дороге и приговаривая:

— Мы вам, социалистам, покажем!

Вот какими были агенты государственной полиции в старой Австрии. Те, кто выходил из школы тайной полиции, ничуть не были похожи на Брутов.

Посадив сына, он вернулся домой и, дико вращая глазами, обратился к жене:

— Признайся, что ты веришь в дегенерацию австрийской династии!

Несчастливая кивнула головой в знак согласия.

— Именем закона я арестую вас, госпожа Браун,— произнес он торжественно. Однако ввиду того, что это была все же его жена, Браун отвез ее в полицейское управление на извозчике.

Вечером он отправил в полицию свою старую глухую тетку, принудив ее подписать, что она состоит в подпольной организации, подстроившей убийство Фердинанда д'Эсте в Сараеве*.

На другой день Браун отлично выдержал у Клабички экзамен в полицейской школе.

Эмиля, принимая во внимание его возраст, осудили на три года; госпожа Браун ввиду разных смягчающих обстоятельств была осуждена на пять лет, а глухая тетка — на восемь. Но все это пустяки по сравнению с тем количеством лет, которые благодаря профессиональному политическому образованию Брауна были присуждены многим людям из

самых разных частей Праги за три года войны. Он в общей сложности нагнал своим жертвам 1200 лет тюрьмы.

ПОВЕЗЛО

I

Таков уже обычай человеческий — найденные вещи обратно не возвращаются. Человек очень нежно относится к найденной вещи. Она становится близкой его сердцу, и он никак не может расстаться с ней.

С другой стороны, надо отметить, что стало обычным терять вещи; в противном случае первое положение потеряло бы свое значение.

Когда еще не было никаких газет и человечество жило полуживотной жизнью, человек терял свои вещи точно так же, как и в настоящее время. Первобытный охотник терял свой каменный топор и другие предметы, которые удалось отыскать только спустя тысячелетия; на это указывают многочисленные находки, хранящиеся в музеях и в частных коллекциях.

С ростом культуры, само собой разумеется, стало необходимым урегулировать взаимоотношения между гражданином, потерявшим какую-либо вещь, и гражданином — нашедшим ее. И таким-то образом явился на свет закон о так называемом «сокрытии находок».

Для того, чтобы эта мера не была слишком жестокой, позднее появилось распоряжение относительно вознаграждения честного находчика. Честность стала оплачиваться десятью процентами найденной суммы или стоимости найденной вещи, честно возвращенной ее владельцу.

Я, лично, однако, перед войной пережил случай, когда представители власти, может быть, по неведению, неправильно выполнили распоряжение относительно вознаграждения честных находчиков.

Однажды ночью, фланируя по Праге, я нашел на земле монету в десять геллеров¹ и направился в управление полиции, где передал всю сумму дежурному инспектору и потребовал, чтобы мое имя было опубликовано в печати и мне выплатили вознаграждение в один геллер.

Полицейский чиновник стал кричать на меня, как будто мы с ним были в близких отношениях, и к этому добавил несколько ругательств. Утром меня отвели к какому-то чи-

---

¹ Геллер - мелкая австрийская монета

новнику в первом этаже, который составил протокол и, на основании какого-то закона, я оказался приговоренным к штрафу в пять крон, а в случае неуплаты — к заключению на двое суток. Чтобы заработать на казне, я предпочел принять второе условие, и вот меня кормили в течение двух дней в камере № 4. После я поклялся, что в случае, если я еще когда-нибудь найду что-нибудь, никому об этом ни слова не скажу. К сожалению, я с тех пор ничего больше не находил, кроме новорожденного ребенка, в каком-то коридоре, где очутился, чтобы завязать шнурок от ботинка. Я не воспользовался этой находкой и оставил ее для другого счастливица.

II

Анна Буклова, служанка из Стршэшовиц, в пять часов утра шла на стирку белья в одну семью, которую она постоянно обслуживала. Возле монастыря Спасителя, переходя железнодорожный путь, она споткнулась о какой-то предмет. Невольно взглянув на этот предмет, она, благодаря своему врожденному чутью, сразу определила, что это кожаный кошелек. Раскрыв его, она увидела там различные бумаги, значения которых не понимала. По натуре добродушная и честная до мозга костей, она тотчас же направилась в управление полиции и там передала находку дежурному чиновнику.

Когда чиновник просмотрел содержимое кошелька, он побледнел, встал и дрожащим голосом проговорил, обращаясь к Анне Букловой:

— Я поздравляю вас. Вы нашли семь миллионов восемьсот девяносто шесть тысяч крон, в виде чека на имя богемского банка.

Анна Буклова растерянно посмотрела на полицейского чиновника и повторила вслед за ним:

— Семь миллионов восемьсот девяносто шесть тысяч крон?

— Да,— сказал серьезно полицейский чиновник,— семь миллионов восемьсот девяносто тысяч крон. Сядьте, я составлю протокол.

— Ваше благородие, умоляю вас, ради бога, отпустите меня,— начала плакать Анна Буклова.— Я ничего не знаю, мне надо идти стирать белье. Я только споткнулась об этот предмет.

— Но поймите, уважаемая, это ничем вам не грозит, это одна только формальность. Такое дело должно быть

передано широкой огласке, о нем узнают журналисты, и ваше имя появится в газете. Итак, как вас зовут?

— Святая Мария,— разразилась рыданиями Анна Буклова,— такой позор! Я честная женщина, встаю на рассвете, весь день работаю и вот вечером я должна увидеть свое имя в газете. Боже мой, этого позора я не переживу! Всю жизнь я маюсь, как собака. Из Стршэшовиц хожу на Вайнберге, из Вайнберге в Либен, всюду стираю белье, из Либена иду в Глубочев убирать комнаты, муж все пропивает, дети ходят ободранными, на мне вот это единственное платье...

— Но поймите, моя дорогая,— уговаривал ее полицейский,— ведь это моя обязанность — составить протокол. Не плачьте, вы ведь видите, что здесь дело идет о нескольких миллионах.

— Боже мой,— продолжала рыдать Анна Буклова,— дело идет о миллионах. Но я ведь ничего не сделала. И вдруг такое несчастье на старости лет! Я рада, когда могу заработать на цикорий для моих детишек. Все дорожает с каждым днем. Если бы я осмелилась попросить у хозяев с Вайнберге одну крону на мыло, они выгнали бы меня на улицу, а найти другую работу не так-то легко. У меня не было за всю свою жизнь ни одного хорошего дня, но я ни разу в жизни не украдала, несмотря на то, что мне давали белье без счета.

— Успокойтесь, милая женщина. Ведь дело идет о десяти процентах.

— Я не хочу иметь дела ни с какими процентами, отпустите меня,— продолжала Анна Буклова.— Я этого не переживу. Я должна быть к семи часам на Вайнберге. У меня там парится белье.

Полицейский чиновник яростно взглянул на нее, ударил кулаком по столу и закричал:

— Ну, довольно разговаривать! Как вас зовут?

— Анна Буклова,— пробормотала честная женщина.

— Где вы живете?

— В Стршэшовице.

— Номер дома?

— 67.

— Родилась?

- Да, ваше благородие, моя покойная мать...

— Я спрашиваю вас, когда вы родились?

— В семьдесят втором...

— Где?

— Дома.

— Но где дома: в Праге или в деревне?

— В деревне.

— В какой деревне?

— В Сброславе, возле Праги.

— В каком районе? Ваше гражданство? Но что с вами?.. Вы так упадете на меня.

Когда ее привели снова в сознание, допрос возобновился и закончился следующим образом:

— Итак, хотите ли вы получить десять процентов? Говорите точно и ясно.

— Упаси боже, ваше благородие. Отпустите меня домой. Моя покойная мать всегда говорила: честность отнимает время.

— Подпишите протокол.

— Во имя отца и сына,— простонала Анна Буклова и покорно подписала протокол.

III

Часа четыре спустя в управление полиции явился молодой человек, своим гладко выбритым лицом напоминавший американца.

— Я потерял,— проговорил он на ломаном немецком языке,— кожаный бумажник, который, очевидно, ночью на улице выпал у меня из кармана.

Он назвал сумму, чековый пароль и прибавил:

— Меня не столько интересуют деньги, сколько важные деловые записки относительно закупок гусиных кишек.

Был составлен протокол, и, когда ему сообщили, что честный находчик отказался от причитающегося ему по закону десятипроцентного вознаграждения, американец, король гусиных кишек, сказал «хорошо». Затем он ушел, отказавшись, впрочем, записать адрес Анны Букловой.

Вечером газеты посвятили целые столбцы честной женщине, отказавшейся от такого богатства.

IV

Анну Буклову отвезли в больницу, так как в ту же ночь муж избил ее до полусмерти, после того как прочел в кабаке вечернюю газету. Из больницы ее перевели в психиатрическую клинику, а оттуда — в дом для умалишенных.

ТРАУР ДВОРНИКА ЯКУБЕКА

Дворник Якубек служил своему хозяину верой и правдой. Раз как-то он даже разбил голову одному художнику,

который ничего не платил и не хотел освободить квартиру. Якубек просидел три недели под арестом, но зато получил одобрение от своего хозяина и награду за пережитые страдания в виде пачки простого табаку ценою восемь геллеров.

Это событие доставило Якубеку большую радость, так как он с почтением относился к своему хозяину Флайшику, который ему рассказывал о своей военной службе и о денщике, похожем на Якубека.

Якубека радовали самые незначительные признаки хорошего отношения к нему хозяина. Когда хозяин заболел, то Якубек утром, подметая лестницу, плакал, как старая баба: из его глаз лились самые настоящие слезы.

— Ох, и чувствительный же человек,— говорил о нем лавочник, к которому Якубек ходил покупать ром,— расплачется у меня тут в лавке, чуть глаза свои не выплачет.

То же самое говорил и доктор, который ежедневно встречался с Якубеком. Дворник всегда приходил к нему с заплаканными глазами и скромно спрашивал его, как долго еще будет хворать хозяин.

Однажды Якубек пришел к доктору и настаивал, чтобы тот сказал ему всю правду, что он, мол, подготовлен ко всему. В квартире же на верхнем этаже, у хозяина, он со вздохами, свидетельствовавшими о его большом горе, говорил, что, наверное, господь-бог скоро возьмет к себе такого хорошего человека, как хозяин, а вот разные негодяи, как, например, он сам, дворник Якубек, еще долго будут коптеть на этом свете. Особенно большое впечатление произвел на окружающих его обморок. После обморока он получил чашку кофе, и когда выпил его, то сказал:

— Сударыня, не пугайтесь, но если господь-бог допустит и вы останетесь вдовой, то я, сударыня, не переживу этого.

При этих словах он свалился, словно сразу выпил два литра водки. Его привели в чувство пятью рюмками коньяку. Сперва он облизнулся, затем снова потерял сознание, облизнулся опять и сделал вид, что не шевелится; после третьей рюмки еще раз облизнулся и снова сделал вид, будто находится в обмороке; затем чуть-чуть приоткрыл глаза, чтобы посмотреть, осталось ли что-нибудь в бутылке и, увидев на дне остаток с рюмку, попытался привстать, а когда его посадили, то попросил дрожащим голосом немного коньяку. Выпив последнюю, пятую рюмку, Якубек принялся плакать и говорил, что никто так не любит хозяина, как он. Затем он хотел еще раз упасть в обморок, но, посмотрев на пустую бутылку коньяку, решил отложить это на завтра.

На другой день Якубек снова пришел к больному хозяину и сказал:

— Сударь, вы не поверите, как я вас люблю!

— Знай, Якубек,— сказал хозяин слабым голосом,— я тебя тоже не забыл в своем завещании. Я тебе за верную службу завещал кое-что на траур.

Голос хозяина слабел, он положил руку под голову и уснул. Когда его стали будить, то обнаружили, что он уже остыл. Якубек хотел было упасть в обморок, но вспомнил, что бутылка пуста, и ушел с печальным заплаканным лицом. На душе у него было весело, потому что он все время думал о последних словах хозяина: «Я о тебе тоже не забыл в своем завещании. Я тебе за верную службу завещал кое-что на траур».

Итак, он получит «на траур». Он хотел уже было выразить громко свой восторг, свое веселое настроение, но, вспомнив, что это делать нельзя во время траура, успокоился и пошел в пивную на углу.

Здесь он всем рассказал, что хозяин завещал ему кое-что «на траур». Он долго рассказывал про свою службу и выпил двадцать пол-литровых кружек пива, за которые остался должен.

Затем пошел домой и на лестнице принялся плакать, причитая:

— О, мой хозяин, какой это был хороший человек!

Завещание вскрыли через три дня после похорон, во время которых Якубек пытался прыгнуть в могилу вслед за гробом своего хозяина и кричал:

— Пустите меня, я хочу умереть вместе с ним!

Между прочим, в завещании стояло:

«А своему верному дворнику Антонину Якубеку я завещаю на траур 10 крон¹ за его верную службу».

— Проклятый грабитель!— воскликнул Якубек, когда получил десять крон,— это все, что ты мне завещал на траур? Ну, так пусть будет траур!

И он направился в ближайший кабак пропить эти деньги, а вернувшись ночью домой, оставил ворота открытыми, надеясь, что кто-нибудь заберется в дом и обкрадет семью того, который за все его страдания, за все его слезы завещал ему всего лишь десять крон! Якубек чувствовал себя обиженным.

Скоро пришел адвокат, друг дома, Камилл Штейн и велел Якубеку послать в суд расписку в том, что он действительно получил указанные десять крон.

---

¹ Около пяти рублей

Якубек написал расписку:

«В окружной суд Нового города в Праге.

Настоящим подтверждаю, что я получил десять крон, завещанные мне Францишком Флайшиком, домовладельцем дома № 1012, Прага, 11, где я служу дворником. Десять крон за пятнадцать лет верной службы».

Через неделю Якубек получил отношение из финансовой части прокуратуры — ему предлагалось явиться для допроса об оставленном ему наследстве домовладельца Флайшика.

— Я так и знал, — говорил Якубек, — что я что-нибудь получу на траур.

Когда он явился в прокуратуру, ему заявили, что расписка не оплачена гербовым сбором и написана не по установленной форме, и, кроме того, Якубек должен уплатить налог восемь процентов с завещанной суммы.

— Ничего я вам не заплачу, продажные души! — воскликнул в ярости Якубек.

В результате в дополнение к завещанным десяти кронам он получил две недели ареста за оскорбление властей во время исполнения служебных обязанностей, а податной инспектор наложил арест на его вещи, чтобы получить с него штраф в шестнадцатикратном размере за гербовый сбор и восьмипроцентный налог за полученное от хозяина наследство.

Вот какое вознаграждение получил от своего хозяина дворник Якубек.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

Посыльный банкирского дома «Проходка и К^о», старик Шима, после пятнадцати лет службы набрался наконец смелости и постучался в дверь кабинета банкира Проходки, чтобы попросить его о повышении с нового года своего жалованья на двадцать крон.

Пан Проходка, выслушав его просьбу, предлагает ему сесть, а сам ходит по конторе, разводит руками и говорит:

— Я мог бы вытолкать вас за дверь с вашей бесстыдной просьбой. Но раз у меня есть полчаса свободного времени, то я хочу поговорить с вами по-дружески. Вы просите, чтобы я вам прибавил двадцать крон в месяц, то-есть двести сорок крон в год. И это в то время, когда Дамоклов меч — подорожание денег — висит над денежным рынком.

Знаете ли вы, что акции «Альпины» упали с семисот семидесяти двух до семисот пятидесяти девяти шестьдесят? Что акции Фредерикских фабрик упали с девятисот сорока до девятисот тридцати восьми? Курс оружейных заводов тоже падает, дорогой пан Шима. С семисот двадцати восьми до семисот шестнадцати сорок! Это действительно ужасно, а вы хотите двадцать крон прибавки!

Банкир в отчаянии всплеснул руками:

— Да, все банковские ценности зашатались. Даже акции Австрийского кредитного банка за последние дни упали на пять крон, а вы хотите двадцать крон прибавки! Спрос на транспортные акции в последнее время очень незначительный, железнодорожные акции упали на целых двенадцать крон. Итальянское правительство не могло занять во Франции сто миллионов крон, а вы хотите от меня двадцать крон прибавки!

«Франция хочет продать свои сталелитейные заводы, а вы приходите ко мне и говорите так, как будто бы ничего не случилось: «Я вам служил, пан шеф, пятнадцать лет, поэтому осмеливаюсь, ввиду тяжелого финансового положения, десяти детей, дырявых ботинок и болезни, просить прибавку жалованья в двадцать крон...» Вы правы, несчастный: финансовое положение очень тяжелое. Акции Южных дорог упали на пять крон за штуку, а у меня их... Да зачем мне это вам говорить? Вы только подумайте, даже акции Буштеградских дорог не имеют перспектив, и курс литер А Буштеградские упал с двух тысяч пятисот пятнадцати до двух тысяч четырехсот двадцати шести, а литер Б — с тысячи четырех до девятисот семидесяти шести. Да вы с ума сошли со своей просьбой о прибавке! Голубчик, ведь это же сумасшествие! Вы только подите посмотрите, что делается на Пражской бирже! На рынке столько бумаг! Курс всех акций понизился. Что вы на это скажете? А вы требуете прибавки! Как вы можете настаивать на своей просьбе, когда даже швейцарское правительство не может занять два миллиона, которые ему необходимы для обращения. Да, старина, баланс этого года ужасен. Румыния, Турция, Болгария, Греция не могут занять нигде, а вы хотите, чтобы я вам прибавил жалованье!

«Испания, Португалия, Италия нигде не могут разместить свой заем. Банк Франсэ-Гегес в Лионе потерпел убыток в сто пятьдесят миллионов франков в связи с Марокканской экспедицией, а вы как ни в чем не бывало приходите и требуете: «Прошу, пан шеф, прибавку в двадцать крон!» Голубчик, да вы знаете, что говорят о слиянии копей с Фредерикскими фабриками? Знаете, что покупка

ренты рудников «Марин-Анны» будет иметь последствием, что годовой оборот понизится на двадцать тысяч крон? Положение скверное. Попробуйте, купите акции Подольских цементных заводов, и вы увидите, что потом на бирже у вас их никто не возьмет. Что? Вы не купите? Вы качаете головой? Держатся еще акции Колинской фабрики искусственных удобрений, за которые вы дадите триста семьдесят девять крон, но я-то их купил за триста восемьдесят две, то есть потерял три кроны. Что вы сидите, как пень? Чтобы вас черт забрал вместе с акциями сахарных заводов! Даже они понизились, и за них теперь не получишь двухсот шестидесяти одного пятьдесят; их никто даже не предлагает, точно так же, как и акции фабрики доктора Кольбена. Я это знаю наверняка. Я бы такого человека погнал в шею. Вы знаете, что Винебергское строительное общество теперь на краю краха? Вы знаете, что американский миллиардер Броун застрелился? Вы знаете, что покончили жизнь самоубийством финансисты: Мюллер, Скабат, Ковнер, Гибнер, что повесились Рехе, Кинэ, Мен, Вулехард? Знаете ли вы, что бросились в реку, в проливы, в море финансисты: Карел, Морисон и Комо, и банкир Гамерлэ со своим компаньоном? Везде банкротства, угольные шахты на Аляске горят, и в них бросился американский угольный король. Вы знаете, что залежи серы на Урале уничтожены землетрясением, что Ольденбургские пятидесятидолларовые акции упали в цене на пятьдесят процентов, что Зальцбургские железнодорожное и трамвайное общества потерпели банкротство? Нет, вы этого не знаете, иначе бы вы не пришли просить у меня двадцать крон прибавки в месяц...

Банкир Прохазка потряс за плечи неподвижно сидевшего Шимку, и тот упал со стула на пол с холодными, как лед, конечностями.

От бедствия, обрушившегося на финансовый мир, у него случился разрыв сердца.

ХОМЯК

В утренней газете появилось следующее объявление:

Немедленно продам или выменяю на что угодно живого хомяка. Прага III, Пласская, 2-й этаж, 4-я дверь налево.

Маленькое объявление, но в нем чувствовалось безысходное отчаяние.

Читатели не обращали на него внимания, и только Богуслав Гонзатко, гимназист второго класса, которому сегодня идти в школу только к девяти часам, проявил к нему интерес. В квартире он остался один. Отец на службе, мать ушла с сестрой Эммой, которую собираются послезавтра выдавать замуж, за покупкой каких-то вещей к свадьбе. Прислуга также, воспользовавшись случаем, побежала на свидание со своим любовником куда-то в механическую мастерскую и просила его не забыть хорошенько закрыть за собой дверь, а ключ отдать дворнику. При этом она назвала его «Болушек» и погладила по голове. Они дружили друг с другом, так как оба были в семье самыми преследуемыми и гонимыми существами. Если какой-нибудь день проходил без скандала с Анной, то обязательно попадал в какую-нибудь историю Богуслав и наоборот. Поэтому они поддерживали друг друга.

А что мне говорить, Анна, в случае, если придет мать?

— Скажи, что ко мне приехала тетя.

— Хорошо, — важно сказал Богуслав и принял на себя управление квартирой. Он сел в качалку и стал читать газету, пока не напал на объявление о хомяке.

Прочитав объявление, Богуслав взволновался. Он обладал, как и все второклассники, очень романтическим характером, и его заинтересовал настоящий, живой хомяк. Его всегдашней, заветной мечтой было поймать какого-нибудь дикого зверя и держать его в доме. Он грезил об экспедиции в Индию за молодыми тиграми, об огромном берберийском льве, который слушался бы только его, спал бы на кровати его сестры (иначе кровать будет свободной, когда эту женщину выдадут замуж!) и по его знаку съел бы классного наставника вместе с его штрафной книгой. Иногда ему казалось, что в корыте вместо белья лежит его ручной морж, который ест за него ненавистную ему пшеничную кашу; что у него есть молодой дрессированный слон, который выполняет за него различные домашние поручения, как то: ходит для отца за газетой или табаком, покупает сестре ноты и бумагу для писем (она все писала письма жениху).

И вот теперь его мечты могут осуществиться. Правда, вместо тигра придется довольствоваться хомяком, но зато хомяк будет у него наверняка.

Неужто в доме не найдется ничего, на что можно было бы выменять хомяка? Разве у его сестры не лежит в сундуке довольно приличное приданое, только вчера сосчитанное и перевязанное голубыми лентами? Если из этих сверт-

ков вытащить по одной рубашке, разве об этом догадаются? Разве эта шлюха (Эмма) напаялит на себя все? Конечно, нет! А разве у отца не спрятана в столе коллекция старинных денег? Да, вообще, мало ли в этой квартире добра, на которое при желании можно выменять хоть триста хомяков!

Молодой Гонзатко приступил к действиям. Прежде всего необходимо добраться до приданого. Это не так-то легко. Но Гонзатко хорошо знал, где спрятан ключ. Он начал с того, что в кухне, в плоском ящике для хлеба, нашел маленький ключик от шкатулки, облицованной карлсбадским камнем. Эта шкатулка находилась в комнате на гардеробе, стоявшем у двери. Когда Гонзатко открыл шкатулку, то внутри нашел другой ключ от стоявшего в спальне шкапа. И только в этом шкапу, в левом углу, под белыми перчатками находился ключ от сундука с приданым.

Из одного свертка Гонзатко вынул пару роскошных дамских панталон, а из другого — ночной халат и привел все снова в порядок. Ключ положил на свое место и с необычайной уверенностью, благодаря продолжительной практике (перед пасхой он уже лазил в сундук за конфетами), закончил свою экспедицию тем, что уложил последний ключ в хлебный ящик.

Затем вторгся в письменный стол отца. Это было куда легче. Отец, по мнению Гонзатко, весьма легкомысленно прятал ключ от стола тут же, под старыми часами с алебастровыми колонками. Из роскошной коллекции старых монет он взял только один большой старинный талер, затем закрыл стол, а ключ положил на старое место. Потом начал выбирать из пачки лежавших книг такую, которую можно было бы ассигновать на хомяка. Он хотел и сам в некоторой доле участвовать в расходах, связанных с этим романтическим предприятием. Его выбор пал на книгу «Храбрый капитан Коркоран». Это была одна из самых сохранившихся его книг: в ней нехватало всего-навсего двадцати четырех страниц.

Затем он сел к письменному столу и на четвертушке бумаги написал:

«Объяснительная записка. Настоящим подтверждаю, что мой сын Богуслав Гонзатко сегодня не мог явиться в школу по болезни живота.

Вацлав Гонзатко

В течение двух лет, благодаря долгой практике, ему удалось в совершенстве копировать почерк отца. Записку

он спрятал в карман, белье Эммы аккуратно завернул в газету, связал, взял учебники под мышку и вышел из дому, оставив ключ у дворника.

Учебники он занес к одному знакомому торговцу, которому сказал, что возьмет их по возвращении из школы. С собой он захватил только «Природоведение», которое он по дороге продал букинисту, чтобы иметь в кармане мелочь на всякий случай.

Гонзатко легко отыскал Пласскую улицу и был принят парой пожилых супругов, выглядевших крайне утомленно.

Когда он объяснил им цель своего прихода и предложил обменять хомяка на следующие практические вещи: пару дамских панталон, ночной халат, старинный талер и книгу «Храбрый капитан Коркоран», лица супругов прояснились. Они провели его в гостиную и стали рассказывать странную историю, из которой Гонзатко понял только то, что четырнадцать дней тому назад к ним перебрался странный господин с хомяком, заявивший, что изобрел специальное средство для животных, предохраняющее их от зимней спячки.

— Я решил,— говорил этот господин,— испытать свое средство на этом хомяке. Если мне удастся во время начала спячки животного продержать его в состоянии бодрствования, то мое изобретение разрешит великую проблему и будет иметь огромное значение. Если хомяки не будут спать, то, естественно, они не будут так долго жить, а значит, и уничтожать столько хлеба. Они, по моему расчету, не будут доживать до третьего урожая...

— Наш квартирант,— рассказывал хозяин молодому Гонзатко,— хотел написать о своих опытах книгу и все время изучал хомяка, которого держал в большой бочке. Он подливал снадобье в воду, которой он поил хомяка, и, действительно, хомяк находился в весьма возбужденном состоянии. Так как это средство он держал в бутылке от коньяка, то один раз я по ошибке выпил рюмку, после чего не мог спать пять ночей. Затем из провинции приехали его родственники и по предписанию врачей увезли его куда-то в горы, а хомяка оставили у нас...

— Этот хомяк — очень милое существо, очень уютное,— говорили они так, словно заучили наизусть. — Мы дадим вам для него старый мешок из-под картошки.

Когда на очень уютное и милое существо набросили мешок и шинель, то он так угрожающе фыркнул, что романтический Гонзатко сразу почувствовал себя в окружении хищников. А когда он шагал по улице с мешком за спиной, в котором прыгал и метался рассерженный хомяк,

то воображал себя известным укротителем тигров Рауар Рабуром из Бомбея.

Так как было еще рано возвращаться домой «из школы», то он занялся покупкой припасов для питания хомяка. За все вырученные им от продажи «Природоведения» деньги он мог купить всего-навсего маленький кулечек зерна, которого хватит зверьку не больше, чем на один раз. Только теперь Гонзатко почувствовал, какую ответственность он принял на себя. Кроме того, когда он стал подходить к дому, его охватило беспокойство. А что, если его выгонят из дома вместе с хомяком? Как объяснит он его появление? Что ему выдумать? Ну да, этот хомяк принадлежит гимназии и предназначается для коллекции по природоведению, причем его, Гонзатко, учитель Бернашек попросил подержать зверка у себя до тех пор, пока у него не появится новая шерсть. Затем родители, вероятно, его выдерут.

Все пошло по порядку, ему только не поверили, что его просили взять хомяка,— конечно, он вызвался сам,— все же отец и мать, надеясь, что их сыну удастся стать на хорошем счету у учителя, сперва не обнаружили особого беспокойства.

Для хомяка освободили бочку и поставили ее в передней. В течение нескольких часов хомяк — собственность уважаемого учебного заведения — пользовался известным почтением. А затем обнаружилось, что он распространяет какой-то странный запах. В связи с ожидавшимся приходом жениха Эмма вылила на хомяка целый флакон духов, после чего он забился в угол бочки и начал противно и яростно рвать зубами брошенный туда Гонзатко мешочек с зерном.

После обеда Гонзатко ушел снова в школу, отец — в контору, мать со счастливым женихом и невестой опять пошла за покупками, а прислуга снова ушла на свиданье. К вечеру возвратившееся семейство обнаружило, что хомяк выбрался из бочки и поселился рядом в комнате, в диване. Над ним висела большая картина, изображающая бесконечное поле с созревшей пшеницей, которая, вероятно, пришлась ему по вкусу. Кроме главного входа в свое логовище, на самом сидении, хомяк прогрыз в диване еще две дыры, предназначающиеся для выходов в случае крайней необходимости. При переселении он перенес туда же и все зерна из бочки. Как только кто-нибудь приближался к дивану, из логовища неслось свирепое прысканье: хомяк давал понять, что его не так-то легко выжить из нового жилища.

— Нечего сказать, хорошую штуку навязала нам гимназия! — свирепо сказала госпожа Гонзатко.

Эмма предложила залить логовище водой, и тогда хомяк сам оставит диван, но это предложение было отвергнуто по той причине, что от воды испортилась бы плюшевая обивка, как будто в этой изгрызенной со всех сторон хомяком мебели можно было еще что-то испортить.

Гонзатко, на которого сыпались проклятия всего семейства, словно он сам прогрыз все эти дыры в диване, принес книгу «Жизнь животных» Брэма и стал искать, не сказано ли там, как удалять хомяков из дивана. Однако такого случая не предусмотрел даже Брэм. Он вычитал только, что если на хомяка напасть, то он защищается до последнего издыхания.

Мать и Эмма ушли на кухню и стали совещаться с Анной о дальнейших мероприятиях. Анна советовала выкурить хомяка из дивана, забить все выходы бумагой, полить керосином и зажечь. Это безумное предложение было отвергнуто, и решили дожидаться главы семьи. Господин Гонзатко оказался тоже мало сообразительным. Некоторое время он тупо смотрел на хомяка, временами демонстративно выглядывавшего из норы в диване и дерзко прыскавшего, затем дал затрещину сыну, грубо обругал всех, оделся и поспешно ушел в винный погреб, где после второго литра завел разговор с незнакомым соседом:

— Представьте, мой сын, второклассник, напустил в диван...

— О, это я знаю,— перебил его сосед,— клопов я не люблю. Кто только заносит их в школу...

— Нет, я не об этом,— перебил его Гонзатко,— мой сын пустил в диван хомяка.

— Не валяйте дурака, сударь,— сказал нервно сосед, очевидно, лечивший свою нервозность в тихом погребе. — Чего только люди нынче не выдумают? Что же я, по вашему, похож на идиота?

— Никак нет, сударь,— ответил подбежавший официант, полагая, что вопрос относится к нему.

Нервный господин расплатился и вышел.

«Станный человек,— подумал Гонзатко.— Я хотел искренне рассказать ему о хомяке и попросить у него совета, а он обиделся».

Гонзатко погрузился в свои печальные мысли. После третьего литра он пришел к убеждению, что в диванах приличных семейств изредка водятся хомяки...

Около десяти часов он так путанно рассказывал своим собутыльникам всю историю с хомяком, что получилось, будто хомяк был поселен в его диван согласно приказу земского школьного совета.

Дальнейшее течение событий в его памяти было несколько затуманено.

Он смутно припоминал, как потом шел ночью по улицам с одним господином, который назвался торговцем животными. И действительно, потом они очутились перед каким-то магазином, который этот господин открыл.

Проснувшись рано утром, пан Гонзатко обнаружил на своем ночном столике небольшую корзину, в которой что-то попискивало. Мало-помалу он вспомнил, что эту корзину он принес из того самого магазина, в который заходил ночью с торговцем животными. Открыв ее, он увидел двух белых зверков с красными глазками.

— Черт возьми, что это за звери? — вздохнув, воскликнул Гонзатко и начал усиленно размышлять. «Ну да, так это и было». Он вспомнил, что в возникшем споре в погребеке торговец животными клятвенно уверял, что лучшее средство выжить хомяка — это белые хорьки. Вообще белые хорьки верное средство против всех грызунов. Их надо пустить в нору, и они выгонят хищника; стоит их пустить в диван, и история с хомяком будет исчерпана.

Он поделился своим планом с остальными членами семейства. После завтрака белых хорьков осторожно пустили в диван и стали ждать результатов.

Из нутра дивана сперва раздалось прысканье и шипенье, а затем какое-то приятельское мурлыканье. Через минуту появились головки хорьков, а затем и сам хомяк. Он мрачно осмотрел семейство Гонзатко, пронзительно фыркнул и опять скрылся. Молодой Гонзатко осторожно приблизился и заглянул в отверстие дивана.

— Белые хорьки, — сообщил он результат своего наблюдения, — лизут хомяку голову!

Увы, это было так! Хорькам, очевидно, весьма понравилось новое место! Тем временем Гонзатко принес Брэма и, ко всеобщему огорчению, вычитал, что белые хорьки в неволе быстро размножаются. Очевидно, покойник Брэм в своей жизни имел неприятности с белыми хорьками, ибо он, основываясь на собственном опыте, утверждает, что они не выносят запаха морских свинок.

Гонзатко поспешно оделся.

— Ты куда? — несмело спросила госпожа Гонзатко.

— За морскими свинками, — внушительно ответил он и захлопнул за собою дверь.

Принесенные через полчаса три морские свинки издавали ужасный запах. Это были экземпляры, выбранные специально по просьбе пана Гонзатко.

Тем временем пришел жених, оказавшийся бабой. Он заявил, что боится морских свинок, и не тронулся с места, чтобы впихнуть их в нору к хомяку. Он заявил, что его хотели принести в жертву.

В конце концов его удалось уговорить. В отчаянии со словами: «Они меня ищут» — он схватил одну свинку. Он не ошибся. Свинка вцепилась ему в руку, и он с криком отскочил от корзины. Тогда все надежды сосредоточились на молодом Гонзатко. Он оказался героем. Правда, он трусил сильно, но, в конце концов, ему удалось всех яростно защищавшихся свинок впихнуть в нору. Между тем жених с состраданием смотрел на господина Гонзатко и думал, что едва ли он нормален, если держит в диване такой зверинец.

Не знаю, способны ли морские свинки на чувство сожаления. Если да, то они безусловно сожалели, что так неблагоприятно отнеслись к своим благодетелям. Ведь в их новом жилье было так уютно. Приятная веселая компания, куда ни посмотри, кругом полно морской травы, которой набит диван. Общеизвестно, что морские свинки жрут все. У меня самого была морская свинка, которая за мое двухдневное отсутствие съела альбом с фотографиями и превратила все милые лица моих родственников в кучу черных орешков. Таким образом выяснилось, что Брэм ошибся, так как белые хорьки совершенно не реагировали на запах, исходивший от свинок, и не покидали убежища. В диване царил райский мир и согласие. Хомяк самоотверженно согревал хорьков, а морские свинки уткнули головы в их мех.

Пришлось собрать большой семейный совет.

Жених, искушенный каким-то зоологическим азартом, ни за что не хотел остаться безучастным и заговорил о ежах. Он говорил достаточно логично. Еж, утверждал он, покрыт тысячью колючих иголок. Если бросить в нору ежа, то он наверняка выживет оттуда весь зверинец. Он остроумно уверял, что звери бросятся согревать ежа и страшно разочаруются, наткнувшись на его острую щетину, и сам вызвался пойти купить это животное.

— Купите уж лучше сразу двух, господин ратохвил, — заботливо сказала госпожа Гонзатко.

Господин Кратохвил, уже уходя, в дверях, успел сказать, что еж вообще полезное домашнее животное, так как ест тараканов.

Два ежа, которых он принес и которые, таким образом, увеличили домашнее хозяйство семейства Гонзатко, оказались существами меланхоличными. Когда их положили на пол, они высунули свои длинные носы из-под тучи игл,

печально посмотрели вокруг себя, издали какой-то звук, похожий на «тль... тль...» и свернулись колючими шариками. Господин Кратохвил надел перчатки и всунул ежей в дыру в диване.

Через несколько секунд раздалось яростное фыркание и писк. В отверстие появилась голова рассерженного хомяка, как будто хотевшего крикнуть: «Что это за безобразия!» И опять скрылась в норе, где в это время ежи улеглись на дно дивана, не обращая внимания ни на белых хорьков, ни на хомяка, ни на морских свинок.

Скоро внутри дивана наступило полное спокойствие и тишина. Зоологический сад семейства Гонзатко заснул мертвым сном. Когда, несмотря на все ожидания, из дивана никто не вылезал, было постановлено свадьбу отложить на несколько дней.

Господину Кратохвилу приснилось, что ежей надо удалить из дивана с помощью полосатых гиен, а полосатых гиен с помощью тигров, и весь сон закончился трагической сценой: он обнаружил на кухне обглоданные кости тестя и тещи.

Гонзатко не терял времени и послал письмо педагогическому совету гимназии, в которой учился его сын. Директор напрасно силился понять смысл письма:

«Уважаемому педагогическому совету гимназии. Нижеподписавшийся покорнейше просит гимназию в связи с изменившимся семейными отношениями принять меры к изъятию хомяка, который находится у нижеподписавшегося, и набить из него чучело.

С совершенным почтением

Вацлав Гонзатко, кассир.

Жижков Оребитская улица, № 5»

Директор вызвал к себе молодого Гонзатко и с интересом его выпытывал, часто ли его отец пишет такие письма. Гонзатко ответил, что не знает. Тогда директор спросил, не лечится ли его отец в каких-нибудь лечебницах или санаториях. Гонзатко, чтобы не говорить все время «нет», на этот раз кивнул головой.

«Ну, мы его должны успокоить»,— подумал директор и послал господину Гонзатко следующее письмо:

«В связи с присланным вами письмом совет гимназии с большим сожалением вынужден сообщить вам, что гимназия чучел не набивает.

Совет гимназии»

После получения этого письма расстроенный господин Гонзатко отправился на Вышеграды к одному скорняку, который ответил ему, что без разрешения властей в частных домах убивать животных нельзя, для этого их надо отправить в специальную бойню.

Тем временем молодой Гонзатко продал свой географический атлас и на все деньги купил зерна для зверей, чтобы они не умирали с голода.

Так продолжалось четырнадцать дней. В Праге стал ощущаться недостаток зерна.

Неизвестно, как долго продолжались бы страдания семейства Гонзатко, если бы их не спас мужественный, готовый на все дворник. Он пришел, вооруженный топором. Ему молча указали на диван и закрыли за ним дверь. Раздались удары, визг, прысканье и шипенье. Через полчаса все было кончено.

На другой день состоялась свадьба.

Гостям, приглашенным на свадьбу, подавалось следующее меню:

Суп из дичи. Дичь с уксусом и хреном. Жареный хомяк с картошкой. Морская свинка с зеленью. Ежовый паштет.

Молодой Гонзатко, истинный виновник этого пиршества, скромно сидел за столом и со слезами на глазах уплетал жареную голову своего несчастного хомяка.

УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК

Из моей квартиры исчезли часы, доставшиеся мне в наследство от прабабушки. Часы были старинной работы, возможно, отца моей прабабушки, который сам был часовщиком. По тогдашнему времени они представляли собой вершину мастерства и имели шестнадцать маленьких бриллиантов на толстой золотой крышке.

Кражу я обнаружил, когда захотел заложить часы. За них мне всегда давали около четырехсот крон.

Моя прабабушка была золотая женщина.

Я отправился к директору пражского уголовного-розыскного бюро и после доклада вошел в его кабинет.

Казалось, что он наклонился над бумагами, но, на самом деле, он спал. Перед ним на стене висела картина, изображающая справедливость, держащую за шиворот какого-то негодяя. Над картиной висели искусственные цепи.

Когда я подошел ближе, директор приподнялся, и я увидел в зеркале, висевшем с левой стороны, как он протер глаза, зевнул, сонно посмотрел на меня и пробурчал:

— Войдите!

— Я уже вошел.

Директор повернулся ко мне на своем кресле, и я увидел лицо пожилого мужчины с весьма строгим выражением.

— Что вам угодно?— быстро спросил он.

— Я пришел просить у вас помощи.

Он встал, и его лицо приняло приятное выражение.

— Очень рад,— сказал он, подойдя ко мне,— вот вам моя правая рука!— воскликнул он с еще большим пафосом и крепко пожал мою руку.— Разрешите вам показать часть полученных мною благодарственных отзывов. Пойдемте со мною в кабинет раскрытых преступлений.

«Кабинет раскрытых преступлений» представлял собой чулан, в котором горела красная лампочка на маленьком столике. На столике лежал альбом фотографий. Он взял его в руки и, открыв первый лист, показал мне надпись: «Фотографии пойманных убийц», после чего тут же снова закрыл альбом, положив его на место. Затем он достал из выдвижного ящика обвязанный черно-желтой лентой сверток писем и, вынув несколько, восторженно сказал:

— Вот вам, дорогой мой, незначительная часть благодарственных писем от моих клиентов, которые обратились ко мне, доверив мне все свои тайны. Прочтите, например, вот это письмо; пожалуй, лучше будет, если я прочту его сам. «Я горячо благодарю вас за розыски этого грабителя, моего мужа, которого вы изволили поймать на месте преступления с госпожой Крейчевой, которую я столкнула с лестницы. Я никогда не забуду, как этот мерзавец притворился...»

— Вот видите,— победоносно сказал директор уголовного-розыскного бюро,— такого горячего письма вы еще не читали. Эта женщина до самой смерти останется мне верной. А теперь пожалуйста в зал совещаний.

«Зал совещаний» оказался еще меньшим чуланом, чем «зал раскрытых преступлений»; освещался он синей лампочкой. На стене висели ковры с вытканными трехгранными углами, из которых лучистое колесо торжественно смотрело на посетителя, как глаз божий.

— Здесь, милостивый государь. Эти стены слышали много тайн. В этом салоне бывали принцы, графы, депутаты, священники, а иногда даже бедняки, у которых украли бочку с колесной мазью. Здесь прошли, как в калейдоскопе, многие лица и оставили многие тайны, из которых ни одна не выйдет наружу Ну, а теперь приступим к вашему делу.

Я все ему рассказал, коротко и ясно.

— Вы утверждаете,— сказал он, делая заметки в толстом блокноте,— что часы, которые у вас были украдены,

принадлежали вашей прабабушке. Можете ли вы доказать, что эти часы достались вам действительно от прабабушки? Сыщик должен знать все. Затем, если они вам действительно достались от прабабушки, то есть ли у вас на руках какие-нибудь документы, подтверждающие ваше заявление? На основании их мы должны начать расследование. Когда родилась ваша прабабушка? Что? Вы не знаете? У нас должно быть ее метрическое свидетельство, согласно которому мы допросим всех, кто с нею имел знакомство. Особенно вашу бабушку. Что? Умерла тридцать пять лет тому назад? Не отчаивайтесь! Наверное, будут свидетели, которые знали и разговаривали с вашей прабабушкой. Что? Она умерла в возрасте ста пяти лет? Это немного осложняет дело, но ничего. Есть у вас на кого-нибудь подозрение? Нет? Тем лучше, в таком случае мы не пойдем по ложным следам. Будьте любезны оставить в залог пятьдесят крон на розыски, и я сейчас же отправлю своих агентов.

Я оставил пятьдесят крон и, сопровождаемый поклонами директора, покинул его кабинет.

На другой день я заметил, что на улице, где я живу,— на тихой улице, где все друг друга знают, то там, то тут начинают на меня подозрительно поглядывать.

Сыщики начали розыски моих пропавших часов. Прежде всего они расспросили обо мне у лавочницы. Лавочница ничего обо мне плохого не знала и направила их в пивную, где меня знали лучше.

В пивной сыщики узнали, что я по целым дням не бываю дома. Лавочник, торгующий на другом углу, заявил, что я — большой сплетник и совращаю женщин.

Дворничиха, оказывается, знала обо мне неприятные вещи. Однажды, открывая мне ночью двери, она увидела меня в обществе какого-то безусого молодого человека, который выглядел очень странно, так что она сразу догадалась, что это переодетая женщина. Постепенно дело очень усложнялось.

Теперь я сижу в камере, в предварительном заключении, по обвинению, в том, что я украл часы у своей прабабушки.

УГОЛОВНЫЙ РОМАН

« Джузеппе Боро приехал в Триест. Так как у него не было денег, то он выдал себя содержателю отеля Биттернелю, у которого была красивая дочь Лючия, за графа Олариха из Айзенфельда. Эта дочь влюбляется в само-

званного графа, но за Джузеппе Боро следит матрос Лоренцо, которому известна одна тайна из жизни Боро, а именно, что в Риме он убил соблазнителя своей сестры и трех его помощников.

Джузеппе Боро за стаканом вина рассказывает об этой истории содержателю отеля Биттернелю. Оба решают отравить Лоренцо, что им и удастся после того, как они в это дело посвящают также дочь Лючию. Труп Лоренцо они кладут в мешок и уносят ночью в горы, далеко за город, намереваясь сбросить мешок в пропасть.

Но их замечает жандарм. Лючия вонзает кинжал в сердце жандарма как раз в тот момент, когда тот соскочил с лошади, чтобы посмотреть, что это происходит. Труп Лоренцо и жандарма бросают в пропасть. Лошадь жандарма начинает ржать; слышится конский топот, и появляется новый жандарм. Выстрелом из револьвера его убивает Джузеппе Боро, и все уезжают спокойно домой».

— Продолжения у меня еще нет...

Молодой человек, сидевший против издателя уголовных романов, Томаса, печально посмотрел в глаза этому доброму человеку, и тот сказал:

— Это уже чересчур, пан Крамский. Куда вы денете остальные трупы? Ваши люди должны были остаться там, потому что выстрел мог привлечь другой патруль жандармов. Вы меня понимаете, молодой человек? А вообще вы весьма неосторожны в обращении с огнестрельным оружием: вы стреляете ночью, уносите мертвеца, чтобы сбросить его со скалы, когда уже и так убили одного человека. Это ошибка, большая ошибка, уверяю вас. Если ваша Лючия владеет кинжалом, почему бы ей не заколоть и второго жандарма?

Пан Томас встал и, опираясь о стол, с огорчением начал громко говорить:

— Почему, я вас еще раз спрашиваю, вы не закололи этого второго жандарма кинжалом? Вы могли бы еще раз вонзить кинжал в его сердце — и все было бы кончено. Само собой разумеется, голубчик, что теперь нельзя работать по старым шаблонам. Беда с молодежью! Ведь вы знали покойного Хорвата? Он умел обращаться с кинжалом. Он начал с тысяча девятьсотого года и орудовал им до тысяча девятьсот пятого — и где? В Германии! Вообще он работал только одним кинжалом и ядом. Стрельба ночью производит шум; если вы так будете продолжать дальше, то я не знаю, как вы выпутаетесь. Вы попадете в неприятное положение. Говорю вам, как отец: вы человек способный, и я думаю, что не все еще потеряно. Теперь вы должны

воспользоваться случаем и скрыться. Вы понимаете, что после того, что случилось, оставаться в городе невозможно. Вы должны найти выход. Начните разбойничать: убивать женщин и детей, а Лючию пока оставьте в тюрьме и освободите ее потом. Если понадобится, возвращайтесь в город, где ее арестуют. Я бы вам советовал употреблять каучуковые палки, а не револьвер. С револьвером вы опять попадете в неприятное положение, так как выстрел может переполошить всю окрестность.

— Уверю вас, что я больше стрелять не буду,— ответил молодой человек.— Спасибо вам за совет. А могу ли я пользоваться ядом? Какой яд убивает без следа?

— Ну, вот видно, что вы еще новичок. Каждый яд оставляет следы, что обнаруживается вскрытием. С ядами работать надо очень осторожно. Богатых родственников можно отравлять, но медленно. Кроме того, вы не должны забывать, что наше время требует также ограбления банков. Служащие усыпляются хлороформом, или же им незаметно впрыскивается в кровь кураре. Тяжелые стальные кассы взрываются динамитом; ну, после этого можете воспользоваться револьвером, тут револьвер уместен — браунинг прекрасная вещь. Хорошо было бы также напасть на поезд. Можете вторгаться также и в общественные здания — в театры, в рестораны, кафе, — и всюду, где вам попытаются сопротивляться и не отдадут деньги, стреляйте всякого, как собаку. Да, как собаку, молодой человек, ну, а теперь за работу.

Они встали и, к своему удивлению, заметили, что вокруг них с поднятыми руками стоят на коленях все посетители кафе, официанты, мальчики и сам хозяин и с немым отчаянием умоляют о милости.

СЫЩИК ПАТОЧКА

Сыщик Паточка до сих пор ничем особенно не отличался. В полицию он попал по протекции и там делал одну глупость за другой. Начальство знало, что ничего хорошего он сделать не может, а поэтому ему поручали только легкие дела. Так, однажды он получил приказ разыскать местонахождение Яна Короткого, парикмахера, который раньше жил на Туньей улице, № 16, у вдовы Пешковой. Податное управление запросило департамент полиции о местожительстве указанного парикмахера и сообщило, что за ним уже три года числится военный налог в размере восьми крон. Сыщик Паточка с великим усердием принялся за первое

порученное ему самостоятельное дело. Прежде всего он остриг бороду, затем оделся в простую блузу рабочего-слесаря, взял из полицейского реквизита долото и клещи, вымазал себе руки и лицо сажей и в таком виде постучал в двери квартиры вдовы Пешковой. Когда ему открыла пожилая дама, он спросил, не живет ли здесь некая пани Кромбгольцова, которая не может попасть в свою квартиру, потому что потеряла ключи,— он должен открыть ей двери.

Ему ответили, что никакой пани Кромбгольцовой здесь нет, а живет пани Новотная. Он поблагодарил и радостно вернулся домой, потому что дело становилось более запутанным.

Теперь он должен разыскивать также панну Пешкову, но зато поиски квартиры пана Короткого увенчаются двойным успехом.

В этот день, после трудной работы, он хорошо отдохнул, а на другое утро решил выступить как комиссионер. С этой целью он купил десять пачек цикория, вложил их в ручной саквояжик и приказал парикмахеру сбрить остатки растительности на подбородке. Одетый в светлое пальто, он постучал в двери к сторожихе, жившей в доме, где квартировала раньше панна Пешкова и где теперь квартирует пани Новотная. Когда сторожиха ему открыла, то он вытащил из чемоданчика все десять пачек цикория и попросил ее, чтобы она, как только придет панна Пешкова домой, передала заказанный ею вчера цикорий.

— Дорогой мой,— сказала сторожиха,— это, должно быть, ошибка. Пешкова умерла уже два года тому назад, а ее сын получил место в мастерской где-то в Перемышле в Галиции. Там он женился, а потом открыл свою мастерскую на Высочанах.

— Благодарю вас,— ответил Паточка, записав это сообщение.— Получите от меня десять пачек в подарок за вашу любезность.

Потирая с удовольствием руки, вернулся Паточка домой,— теперь ясно, что он становится великим сыщиком. Рано утром он уехал в Перемышль, чтобы убедиться, соответствуют ли истине показания сторожихи. Приехав в Перемышль, он замаскировался под польского еврея и послал шифрованную телеграмму пражскому полицейскому управлению: «Прошу допросить некоего Пешка, собственника мастерской на Высочанах, чтобы он сообщил, в какой фирме в Перемышле он работал. Адрес телеграфируйте отель «Русский царь». Паточка».

Через три дня он получил телеграмму: «Ян Обульский, Мышленская, 10»,— и немедленно отправился по адресу.

Ян Обульский год тому назад эмигрировал в Америку, и Паточка узнал, что он живет в Чикаго, где на 316 авеню у него большая фабрика сельскохозяйственных машин. Словно предчувствуя это, сыщик Паточка перед своим отъездом из Праги в Перемышль захватил с собой все свои сбережения — восемь тысяч крон. Он сел в экспресс, отходящий на Берлин, и в Гамбурге пересел на почтовый пароход «Император Вильгельм». Через одиннадцать дней он уже был в Чикаго и выяснил, что показания сторожихи, живущей на Туньей улице, № 16, верны. Действительно, у Яна Обульского в Перемышле работал сын вдовы Пешковой, который теперь имеет мастерскую на Высочанах в Праге, и он — сын той вдовы, у которой квартировал Ян Короткий, парикмахер, которого разыскивает податное управление из-за восьми крон.

Когда Паточка все это выяснил, то направился побриться к ближайшему парикмахеру. В парикмахерской сидело несколько чехов, и сам парикмахер говорил по-чешски.

— Вы из Чехии? — спросил сыщик небрежно.

— Разве вы не видите фирму «Ян Короткий»?

Сыщик Паточка радостно вскочил и воскликнул:

— И вы квартировали у вдовы Пешковой, Прага 11, Тунья улица, № 16?

— Да.

Так сыщик Паточка, благодаря своей смекалке, нашел Яна Короткого и, увенчанный славой, вернулся в Европу и послал департаменту полиции телеграмму:

«Прага. Я нашел Яна Короткого, парикмахера, в Чикаго, улица 315.

Паточка»

За это его произвели в дворянское сословие.

ДЕТЕКТИВНОЕ БЮРО

В частном детективном бюро «Х-лучи» дела шли довольно скверно.

Просто-напросто никакой торговли. Прошло два месяца с тех пор, как один солидный отец семейства за пять крон в день поручил следить за своей дочерью. И с тех пор — ничего.

Директор детективного бюро Паточка медленно резал оставшийся кусок солонины и запивал его водкой. Это было последнее воспоминание о добром папаше, который, когда

выяснилось, что его дочь не гуляет с одним подозрительным художником, в добавление к пяти кронам дал три бутылки водки и, очевидно, в приливе радости дал еще кусок солонины из своего колониального магазина. Директор детективного бюро, размышляя о плохих делах, дорезывал последний кусок солонины и с досадой закрыл окно, чтобы не слушать неприятный голос тенора, без перерыва певшего одно и то же:

«Ах, это было счастливое время».

Господин Паточка доел солонину и снова засел за переписку адресов. Увы, дела бюро «Х-лучи» были так плохи, что директор вынужден был содержать себя тем, что переписывал адреса для одной фабрики.

Вдруг кто-то постучал в дверь. Паточка не отвечал, так как имел привычку заставляя посетителя подолгу ожидать у дверей. Затем он собрал конверты, закрыл их газетами, закрутил усы, провел руками по бровям и сухо сказал:

— Войдите.

В кабинет вбежал молодой, элегантно одетый человек и, не ожидая приглашения, сел на стул.

— Простите, я взволнован,— сказал он и неожиданно расплакался.— Вы простите меня великодушно, моя жена мне изменяет. Я прошу у вас совета, я прошу помощи.

— Вот как,— сказал сухо директор, любовно оглядывая молодого человека.

— У меня в Праге две фабрики,— начал молодой человек рассказывать о своем горе.— Одна фабрика на Высочанах, другая в Бревнове. Поэтому я должен ездить с Высочан в Бревнов и из Бревнова в Высочаны.

Молодой человек снова принялся плакать и печально огляделся по сторонам.

Затем он опомнился и продолжал:

— Так как я должен ездить с Высочан в Бревнов и обратно для того, чтобы наблюдать за работой фабрик, я теряю много времени и почти целый день не вижу своей жены. Моя жена... ах, где те времена, когда я мог ее так называть!.. Увы, это случилось тогда, когда я еще ездил с Высочан до Бревнова, а из Бревнова в Высочаны... Затем я построил еще одну фабрику, на этот раз уже в Годковичах. После этого я видел свою жену Офелию еще меньше, так как должен быть ездить каждый день во все эти три места. Затем я собирался построить еще одну фабрику, в Радлицах, но тогда у меня совсем не осталось бы времени, и никогда бы я не узнал об измене жены.

«Я вам расскажу, как это случилось. Я продал фабрику в Бревнове и возвращался домой для того, чтобы по-

ложить в сейф подписанный договор. Когда я подошел к дому и начал стучаться в дверь, то услышал, как прислуга начала шушукаться и долго не открывала мне. Наконец, мне открывают дверь, я вхожу в гостиную и никого там не нахожу, кроме своей жены. Я не подаю вида, прохожу в спальню, засматриваю под постель — и там никого нет. Иду в столовую, просматриваю вешалки и на них не нахожу ничего подозрительного. Никого не нашел я также и в уборной. В гардеробе также никого не оказалось, как и за занавесками, а моя жена — змея, потаскуха! — при всем этом еще так спокойно улыбается... И только после того, как я начал уже кричать: «Где? Где он?» — она расплакалась и спросила, что со мной. Само собой разумеется, что я и вида не подал и сказал, будто я ищу спички. Затем я лег в постель, мне положили компресс на голову, и жена стала меня уговаривать, чтобы я заснул. Конечно, я почувствовал, что делает это она неспроста, что она кого-нибудь ожидает, и всю ночь не спал, непрерывно наблюдая за поведением своей жены. Она вынуждена была находиться возле меня, и я заметил, что она была, как на иголках. Таким образом, на этот раз ей не удалось обмануть меня.

«Спустя некоторое время я арендовал фабрику в Годковичах, и когда, в полдень, я ехал домой с договором для того, чтобы положить его в сейф, я почувствовал себя вдруг таким несчастным, словно в доме что-то случилось. Прислуга опять долго не открывала мне двери, и снова за дверями я слышал таинственный шепот и разговор. Я врываюсь в гостиную и уверяю вас, что на лице моей жены были заметны следы испуга. Я врываюсь в спальню. Заглядываю под постель, но там никого не оказывается. Однако меня охватывает дурное предчувствие, и я снова осматриваю гардероб, занавески, но и там никого не нахожу. Тогда заплаканная жена подает мне коробку спичек и говорит: «Вот они здесь, ведь ты их ищешь?» Я опять не подал вида, что я что-либо знаю, и сказал: «Да, я ищу спички». Но знаете вы, как я это открыл?

И молодой человек снова расплакался.

— Об этом вам скажет мой брат, который меня ожидает на улице. Прощайте. Я его пошлю к вам, чтобы он вам все рассказал, так как меня это сильно волнует.

Молодой человек с плачем обнял директора бюро сыска «Х-лучи» и ушел, полный отчаяния... После того, как брат несчастного молодого человека не приходил в течение четверти часа, затем получаса, директор частного бюро сыска «Х-лучи» задумчиво полез в карман своего жилета и, к своему ужасу, обнаружил, что его золотые часы — един-

ственная оставшаяся у него ценная вещь, которую он хотел сегодня заложить,— исчезли.

Директор сыского бюро, схватив шляпу, побежал в полицию.

РАЗВОД ГОСПОДИНА СОЛИВАРА

Мы все знали, что госпожа Клара Соливар обращается со своим мужем не лучше, чем кровожадный Тамерлан в годы средневековья со своими христианскими рабами.

Но господин Соливар всегда, когда речь заходила о его судьбе, дружелюбно усмехался и возражал против наших утверждений, что он находится под игом бесконечной тирании.

— Женщины,— говорил он,— в течение столетий пребывали в рабстве, и это мы, мужчины, беспощадно обрекали их на такую жизнь. И вот я хочу теперь искупить несправедливость, совершенную нашим полом. Я не отрицаю, что мою полы, но я делаю это добровольно, так же охотно, как мою посуду и убираю квартиру. Ведь отдают же сотни тысяч, даже миллионы женщин свои последние силы на то, чтобы требовательный, жестокий муж, вернувшись домой, застал все в порядке. Тысячи женщин, которые гораздо слабее меня, мучаются, стирая белье и таская из погреба корзины с углем. Неужели и моя жена должна это делать, а я в это время буду лежать и нежиться на диване? Потому-то я работаю по дому, стираю белье, таскаю уголь — расплачиваюсь за нашу тяжелую вину перед женщинами, которых мы все время унижали, перед которыми мы в неоплатном долгу, и по отношению к которым и сейчас еще совершают несправедливости мужчины многих национальностей. У китайцев женщина только рабыня, ее там безнаказанно бьют и убивают (при этом он как-то странно улыбнулся). И неужели я, мужчина, знающий, как много страданий переносили в течение веков бедные женщины, неужели я должен стыдиться того, что хожу на базар, растапливаю печь, готовлю обед, завтрак и ужин? Не думаете ли вы, что я должен поступить подобно индейцам, которые только и делают, что ходят на охоту и возвращаются домой к готовому столу, которые бьют ногами жену-рабыню и которые, когда им не нравится обед, продают жену другому? (Он снова как-то радостно улыбнулся.) Нет, я предпочитаю работать по дому вместо жены. Да, я этой работой расплачиваюсь за старые грехи мужчин. Ах, вы говорите, что она меня бьет? А что делали

старые германцы со своими женами? У них для жен были хлысты, как для собак. А что делали мужики в России? Они секли своих жен так, что дым шел. (Он торжествующе улыбнулся.) Муж приходит домой, жена не успевает сказать ни слова, а он уже изо всех сил бьет ее (Он совсем разгорелся.) Она не смеет сказать ему ни слова, а стоит ей пикнуть, как весь дом оглашается криками: «Вот тебе, вот тебе!» Он не смотрит, куда бьет, он бьет куда попало и приговаривает: «Я покажу тебе, как разговаривать, я научу тебя, как обращаться с мужем, я выгоню тебя вон, как собаку!»

Господин Соливар в это время находился в состоянии такого блаженного экстаза, что он забывал ответить на вопрос, действительно ли бьет его жена. Когда же мы ему напоминали об этом, он продолжал:

— Вы говорите, что жена бьет меня? Это нельзя называть побоями, если принять во внимание те миллиарды ударов, которые мужчины своими толстыми кулаками даже в наш цивилизованный век наносили и наносят женщинам. Нет, она не бьет меня! Она только капризничает, уверяю вас! Это только милая прихоть котенка, который без всяких дурных намерений царапает вам руку. Что? Вы говорите, что она швыряет в меня различные предметы? Поймите же, господа, у нее большой размах, она освободилась от мещанского взгляда, что ее место на кухне, у плиты. Что? Она бросает в меня горшки? Вы это слышите из кухни? А в какой кухне не ломаются горшки?

После этих слов он умолкал и в заключение своей защитительной речи добавлял:

— Впрочем, не будем говорить об этом!

Мы больше не говорили об этом, так как каждый из нас знал, как обстояло дело в действительности, знал заранее, что если мы будем продолжать его спрашивать, он ответит:

— Она душит меня? А турецкие султаны и беи? По их приказу удушены тысячи тысяч одалисок, и если теперь моя жена изредка берет меня за шею, тотчас распространяются слухи, будто она душит меня. Что? Она выгоняет меня в коридор? Неужели, господа, я должен беспрерывно находиться в кухне или в комнатах? Неужели я должен непрерывно торчать в духоте, в дыму и угаре?

Мы знали, что он с той же добродушной улыбкой объяснит нам, почему он не курит. Неужели он должен вонючим дымом трубки или едким запахом сигары заглушать тонкий аромат папирос, которые курит его жена?

Каково же было наше изумление, когда однажды господин Соливар ввалился в кафе и с мрачным видом сообщил

нам, что он разводится с женой, что он решил «положить конец всему этому».

Он говорил, что больше не вернется домой, а до того времени, когда суд, наконец, разведет его с женой, будет жить где-нибудь в другом месте. Он снимет комнату и будет ждать судебного решения в отдыхе и спокойствии.

Напрасно мы приставали к нему с просьбами рассказать нам, что, собственно, побудило его к разводу.

— Этого вы никогда не поймете,— со слезами на глазах ответил он.— Я так любил ее, она была для меня самым любимым, достойным преклонения, созданием. Но домой я больше не вернусь. Когда она возвратится с прогулки, она найдет комнату опустевшей. Моя бедная жена, я должен расстаться с нею, несмотря на то, что сердце мое разрывается на части при одной мысли об этом. И все-таки я должен сделать это!

В первый момент мы заподозрили, что он сошел с ума, но он говорил вполне рассудительно и трезво расспрашивал нас, как следует добиваться развода.

— Раньше всего вы должны отправиться к адвокату и сообщить ему причины, побуждающие вас к разводу с женой; адвокат составит прошение и подаст его в суд.

— Я так и сделаю,— сквозь рыдания проговорил господин Соливар.— Ах, моя бедная жена, кто мог подозревать, что нечто подобное ждет ее на старости лет! Но я никак не могу помочь этому, не могу вернуться домой.

Он сидел, опустив голову на руки, и продолжал причитать:

— Я виноват, на мне лежит вина, это ужасно!

У него был такой отчаянный вид, что он вызывал в нас глубокое сожаление. И оттого, что он говорил об этом так загадочно и путанно, наше сочувствие к нему еще более усиливалось.

— Друзья мои,— сказал он вдруг, подняв голову,— если бы не тот ужасный час, который поверг меня в несчастье, я мог бы еще долгие годы жить со своей женой в спокойствии, довольстве и счастье. Но, видно суждено тебе пережить такое горе, моя бедная, несчастная, любимая жена!

Он горько плакал. Мы приставали к нему, убеждали, что он может вполне довериться нам. Может быть, найдется какой-нибудь иной выход, кроме развода.

— Случилось нечто ужасное, друзья мои, я должен развестись. Ничем нельзя помочь мне. Домой я никогда не вернусь. Бедная Бианка! О, друзья мои, Бианку переехал автомобиль!

Он вытер слезы.

— Моя бедная жена так любила ее! Это, действительно, была прекрасная собака. Соседи, правда, называли ее «бестией», но, по существу, это было ласковое, любящее животное. Сегодня днем жена уходит гулять и говорит мне: «Оттокар, я не запираю тебя, так как после того, как вымоешь посуду, ты должен свести собаку погулять. И вот я вымыл посуду, чтобы искупить хоть частицу нашей вины перед женщинами, и вышел с Бианкой на улицу. Там, как на зло, мною овладела моя проклятая страсть к курению. И вот я перехожу на другую сторону улицы, в киоск, а Бианку оставляю одну. И в то время, как я выбираю сигары, я слышу: «Паф, паф» — и затем крик. Я выбегаю из киоска, и среди толпы людей вижу лежащую в крови раздавленную Бианку, это доброе, ласковое животное. Автомобиль переехал ее, пока я, раб своей отвратительной страсти, выбирал себе сигары. Я отнес Бианку к дворничихе, купил оберточную бумагу, завернул в нее бедное, раздавленное животное и сказал дворничихе: «Когда моя уважаемая жена будет проходить мимо, отдайте ей, пожалуйста, этот пакет...» Нет, я больше не вернусь домой, я должен развестись, я — тиран, я — негодяй! Я сам возбужу против себя обвинение в неисполнении супружеских обязанностей! Ведь подумать только — после этого несчастья я так растерялся, что не вытер в комнатах пыли, друзья мои, и не вынес мусор на помойку...

В этот момент открывается дверь и в кафе появляется госпожа Соливар. Она решительными шагами направляется к господину Соливару, у которого, казалось, глаза на лоб выскочили. Он притаился в уголке, за нашими спинами.

— Я заболталась с приятельницей, — говорит она, — и вот только теперь иду домой. Вдруг меня осенила мысль, не пошел ли ты снова, несмотря на мое запрещение, в кафе. Оказывается, предчувствие не обмануло меня. Одевайся скорее и ступай домой, там мы посчитаемся...

Как болонка, которую ведут на цепи, господин Соливар пошел за своей женой, крепко державшей его за сюртук...

На следующий день мы прочли в газете:

Упрямый самоубийца

Гражданин Оттокар Соливар, проживающий на Герстенгассе, вчера, возвращаясь домой из «Академического кафе», шесть раз покушался на самоубийство. На углу Мисликгассе он прыгнул под автомобиль, но тот вовремя остановился. Тогда он бросился под трамвай № 623 и своим спасением на этот раз он обязан только присутствию

духа госпожи Соливар. Возле технического училища он бросился под экипаж и опять-таки только то, что кучер своевременно остановил экипаж, спасло его от смерти. На Карлсплац он вырвался из рук своей жены и бросился в один из ближайших домов, где хотел прыгнуть вниз со второго этажа. Но его задержали и вернули в руки супруги, которая повела его домой. По дороге он все же снова вырвался и бросился под мчавшийся автомобиль фирмы Новак, но снова был спасен своей женой. В присутствии огромной толпы зевак он был отведен своей энергичной женой домой. Но перед самым домом опять бросился под трамвай. Это происшествие вызвало огромное скопление народа. Говорят, что этот несчастный человек невменяем.

СОЛИДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Я сидел на скамейке в парке на Карловой площади с Местеком.

Местек, владелец блошиного цирка, находился в весьма удрученном состоянии, так как пришел к заключению, что нельзя больше заниматься дрессировкой блох.

Недавно его блошинный цирк постигла катастрофа. Какой-то пьяный господин под влиянием навязчивой идеи, что все это обман, ворвался в палатку и разбил палкой коробку с цирком. Дрессированные блохи очутились на свободе, без микроскопических бумажных колясок, которые они таскали.

Заодно был уничтожен и микроскоп. На дне коробки остался окровавленный труп самца, первоклассного артиста, который был душой цирка. Местек называл его нежно: «Франц». Труп артиста был опознан под микроскопом по той примете, что у него не было одной ноги, но это уже относится к тайнам цирка: таким артистам обычно отрывают ноги, чтобы они не слишком высоко прыгали и не нарушали стройного шествия остальных блох.

Возле трупа осталась одна единственная блоха с перебитыми ногами и с опрокинутой коляской, в которую она была запряжена.

— Я думал,— жаловался Местек,— что мне удастся ее вылечить, но напрасно: «Пепита» не поправилась, и я ее раздавил.

Местек долго рассказывал о любви «Пепиты» к «Францу» и о том, как восторгалась маленькая блоха танцем великого артиста.

— Никогда больше не увижу я таких интеллигентных созданий. Нынешнее поколение блох вырождается. Блохи поглупели. Перестали быть внимательными. А может быть, появилась новая порода блох. Недавно я купил у сторожа из богадельни целый пузырек с блохами, но все они оказались никуда негодными. У меня перебивали блохи из департамента полиции, из нескольких сиротских приютов, блохи из пансиона «Счастливый очаг», блохи из исправительного дома, из казармы, ломбардов, из разных гостиниц, из института благородных девиц, из женского монастыря — и все они оказались никуда не годными. Правда, мне удалось найти среди них две-три, которые имели кое-какие таланты, но они были флегматичны, и их не привлекала артистическая карьера. Они удрали, не понимая, что их ждет великая слава. Новое поколение блох не выдвинет никогда таких артистов, как «Франц» или «Пепита».

Мы опять впали в меланхолию и вспоминали наше триумфальное шествие с блошиным цирком по Чехии, Моравии с короткими заездами в Венгрию, откуда нас прогнали жандармы, заподозрив в нашем блошином цирке возможность тайной пропаганды.

В некоторых местах Моравии духовенство вставляло нам палки в колеса.

Поп в Гельштине сказал мне, когда я пришел пригласить его в цирк:

— Я не могу рекомендовать верующим ваш цирк, ибо дрессировка блох противоречит человеческой природе. В средневековых монастырях, как пишет аббат Ансельмус, блохи, кусавшие монахов, нарочно не давали им спать, чтобы они днем и ночью восхваляли господа бога.

— Следовательно, вы считаете блох священными животными? — спросил я. — В таком случае могу вас уверить, что в нашем цирке находятся потомки тех блох, которые некогда кусали Христа при его рождении в хлеве.

Я чуть не вступил с ним в драку, но, в конце концов, нам пришлось скрыться в горах, так как поп натравил на нас все население. Мои воспоминания прервал Местек:

— Если человек терпелив и предприимчив, то он, в конце концов, должен победить людскую глупость. Все зависит от того, с какого конца взяться за дело. Нарисовать утку нетрудно, но важно убедить людей, что это вовсе не утка, а ягуар. Сорвалось одно предприятие, повезет в другом, в третьем.

— Люди — ослы, — продолжал он философствовать. — Чем больше идиотизма, тем больше людей пойдет на удочку. Нужна только выдумка. Что вы на это скажете?

— Я полагаю,— сказал я,— что на свете очень мало людей, живущих своим умом. Такие люди к нам не пойдут. Наше предприятие поддерживала публика, которая верила, что мы ей покажем обещанное. Вы помните нашу летучую мышь, которую мы поймали в нашем саду и выдавали за летучую ящерицу из Австралии? Всякий охотно платил гривенник, чтобы посмотреть ее. Помните, как публика валом валила в палатку, чтобы увидеть детеныша удава, который раздавил английского вице-короля в Индии? А на самом деле это был молодой уж. А помните, какие были сборы, когда Ванек из Коширж представлял орангутанга с острова Борнео?

— Еще бы не помнить этого прохвоста!— сказал Местек.— Перед последним спектаклем он потребовал от нас двадцать крон. Не захотел за пятнадцать крон с нашими харчами представлять орангутанга. А сколько он, сукин сын, заработал на фруктах и конфетах, которые ему бросали в клетку. Он прятал их в угол, а вечером, когда мы закрывали палатку, продавал сладости торговке за углом. Поэтому я и не хотел прибавить ему жалованья. Он рассердился и во время спектакля начал петь «По дороге-мостовой». Вот была паника! Тогда нас прогнали из Табора. Недурно также шло дело с мумией английского короля Ричарда Третьего из свернутой бараньей кожи. Нас разоблачили только через полгода. Вы тогда над этой бараньей кожей замечательно хорошо ораторствовали:

«Здесь вы видите представителя самых страшных извергов, которые сидели на королевских тронах. Этот король-подлец, утопавший по колена в крови своих подданных, наводил ужас на самого Шекспира своей кровожадностью. Этот королевский изверг теперь высушен и представляется уважаемой публике в форме мумии...»

— Да, а потом Рачарда Третьего у нас конфисковала полиция,— вспомнил я.

— Отсюда вывод, что на свете все возможно. Держу пари, что половина жителей нашей планеты занимается мошенничеством. Надо только придумать что-нибудь новое и показывать публике. Приготовить ей сюрприз. Одурачить их так, чтобы каждый из них делал нам рекламу.

— Почему непременно «показывать что-нибудь»?— сказал я, чертя палкой по песку.— Я иду дальше. Поймите меня: публике можно ничего не показывать.

— Хотя бы какой-нибудь камешек,— жалобно заскулил Местек.— Я всегда что-нибудь показывал.

— Никакого камешка!— сказал я решительно.— Это идиотизм. Старая школа. Говорю вам: мы не будем ничего

показывать публике. В этом-то весь трюк. Вы говорите: «Хотя бы камешек», как это раньше делалось: пусть этот камень упал с Марса, публика уходит под впечатлением, что она что-то видела, и разочарована. Но когда она не увидит совсем ничего, то это действительно будет трюк. Посмотрите.— Я нарисовал палкой на песке план: наша палатка будет круглая и просторная, без окон, без отверстия в крыше. Там должно быть темно. Имеются два выхода, которые закрыты занавесом. Через один, впереди, публика входит, а через другой, сзади, выходит. Огромные плакаты:

«Небывалый сюрприз! Трюк! Незабываемое переживание. Только для взрослых мужчин! Дамы и дети не допускаются. Солдаты платят половину».

Публику мы впускаем постепенно. Я стою перед палаткой, созываю народ и собираю деньги. Вы находитесь внутри палатки в темноте, и, как только кто-нибудь войдет, вы его схватываете одной рукой за шею, а другой за брюки и молча выбрасываете через задний выход. Назначьте только доступную плату, и вы увидите, что всякий пойдет. Ручаюсь вам, что все люди желают своим ближним всяких пакостей и поэтому будут нам делать рекламу, призывая других к посещению. Наше предприятие будет основано на психологической базе.

Местек колебался. Он не отвергал моего плана, а только хотел его усовершенствовать.

— А что,— сказал он после некоторого раздумья,— если каждого, кроме того, еще ударить по спине палкой? Это ведь будет еще больший сюрприз.

Это предложение я решительно отклонил. Этим мы только задержали бы всю процедуру, которая должна идти весьма быстро. Человек только что войдет в темноту, а его тут же выбрасывают вон, не дав ему время опомниться. В этом весь секрет.

Предприятие будет вполне солидное. Мы не обещаем ничего неисполнимого. Обещаем трюк и действительно его даем. Никто не посмеет сказать, что мы занимаемся подлогом.

Наше солидное предприятие пользовалось исключительным вниманием.

Сначала мы остановились в городе Бенешове, где налицо были все подходящие условия: гарнизон и жадная до зрелищ публика. Я заказал плакаты:

ПИКАНТНЫЙ СЮРПРИЗ!

Только для взрослых
мужчин!

ГРАНДИОЗНЫЙ ТРЮК!

Всю жизнь не забудете наше предприятие!
Никакого обмана! За солидность ручаемся!

Доступная плата в двадцать геллеров, плакаты, тайна пикантного сюрприза для взрослых мужчин привлекли к нашей палатке огромную толпу взрослых мужчин, штатских и военных. В толпе можно было видеть шестнадцатилетних подростков, готовых ответить на мой вопрос, сколько им лет: «сорок, пятьдесят», — лишь бы попасть в палатку.

Мы начали в шесть часов вечера. Первым вошел толстый господин, который ждал уже с пяти часов. Он быстро проскочил через палатку и очутился на свежем воздухе с другой стороны.

Я услышал, как он сказал публике: «Великолепно! Непременно пойдите посмотреть».

Я не обманулся в психологии толпы. Выброшенные делали громадную рекламу. Через мускулистые руки Местека в течение каких-нибудь полутора часов прошло несколько сот взрослых мужчин. Некоторые проходили по два, по три раза через руки Местека и вновь входили в палатку. На всех лицах сияла радость и довольство. Я заметил, что многие приводили знакомых, желая им от чистого сердца «пикантного сюрприза».

Все дело испортила полиция. Она явилась в половине восьмого.

— Есть у вас разрешение? — спросил меня полицейский.

— Прошу войти, — сказал я.

В темноте между полицейским и Местеком завязалась короткая борьба. Полицейский, сознавая высокое свое положение, отчаянно сопротивлялся, но, в конце концов, все же вылетел через задний ход в гогочущую толпу.

Потом пришли жандармы, опечатали нашу палатку и повели нас на суд за оскорбление должностного лица и за совершенное публичное насилие.

— Больше никогда не буду основывать солидных предприятий, — сказал Местек, располагаясь на нарах в тюрьме. — С сегодняшнего дня начну заниматься только мошенничествами.

ТРОЕ МУЖЧИН И АКУЛА

Мы провели ночь довольно бурно. И неудивительно: наше общество состояло из редактора журнала «Мир животных», укротителя змей и владельца цирка блох — Местека — и из владельца американских качелей — Швестки. Мы все трое были людьми сомнительной профессии, и если бы у нас водились визитные карточки, то каждый из нас, во избежание обвинения в мошенничестве, напечатал бы перед своим званием слово «бывший». Примерно так: бывший редактор «Мира животных», бывший укротитель змей, бывший владелец качелей.

Если по миру шатаются разные экс-короли и экс-императоры, почему бы не быть и экс-владельцу блошиного цирка?

Под утро, когда мы вышвырнули из одного кафе несколько студентиков, наступило некоторое успокоение, вернее, реакция. Нам перестала нравиться гармошка с цитрой и визг пьяного женского хора, драки в пивных и полиция.

Мы решили пойти прогуляться по Праге. На длинной улице в одном магазине, где продавали морских рыб, приказчики втаскивали в витрину какую-то вещь, которую они хотели повесить во всю высоту витрины. Укротитель змей Местек утверждал, что это тюлень. Владелец американских качелей Швестка высказал предположение, что это наяда. Я же, бывший редактор «Мира животных», вошел в магазин и спросил:

— Какая это рыба?

— Молодая акула, — был ответ. — Это не рыба: она рождает живых детенышей.

— Но она ведь дохлая? — заметил я, чтобы что-нибудь сказать.

— Ошибаетесь, — обиделся приказчик. — Эта молодая акула была убита гарпуном. Она не сдохла, она заморожена.

— Сколько стоит килограмм?

— Мы не продаем акул на развес. Это экземпляр для рекламы. На ночь мы ее кладем в лед. Если вы желаете морскую рыбу для жаркого, то я предложил бы вам морской язык или камбалу, с указанием, как их надо готовить.

Я купил полкило камбалы и вышел к своим товарищам.

— Это шестнадцатимесячная акула, — объяснил я им, — пойманная на острове Гельголанде. Убита выстрелом из канонерки в то время, как она топила подводную лодку, пытавшуюся ее взорвать. Экземпляр для рекламы. На ночь ее кладут в лед.

Бывший укротитель змей и владелец блошиного цирка Местек задумался.

— Пойдем в «Золотой корабль»,— сказал он.— Думаю, что с этой акулой можно кое-что предпринять.

В «Золотой корабль» нас, с моим свертком камбалы, не хотели впустить. Мы распределили камбалу поровну двум собакам; но они, обнюхав, не дотронулись до нее и стали на нас злобно рычать.

В пивной «Золотого корабля» мы заказали коньяку и ждали, что скажет Местек.

— Несколько лет тому назад,— начал Местек после долгого молчания,— у меня был стеклянный ящик. В этом ящике я держал ужа, которого я показывал, как помесь очковой змеи с удавом. Я заказал плакаты и ездил с ящиком по всей Моравии и заработал на этом деле пятьсот златек. Если мы купим настоящую акулу, то через две недели мы будем миллионерами.

Мы тихо совещались, а трактирщик подозрительно поглядывал на нас, слыша отрывки нашего шепота: «Ящик... Знай рекламу... Акула... Лекции... Вот будет дело...»

Мы единогласно решили, что покупкой акулы займется Местек.

Местек тут же собрался и через час возвратился со словами:

— Акула наша. Сейчас ее привезут сюда. Стоит семьдесят златек вместе с ящиком.

Вскоре началось наше путешествие с акулой, о котором у меня остались до сих пор самые хорошие и приятные воспоминания.

Мы решили путешествовать с акулой только по маленьким городам, где люди еще не развращены кино, не видели ничего из ряда вон выходящего и примут нашу акулу достойным образом. Наша акула покажется им чем-то новым, ужасным и кошмарным и, безусловно, произведет сенсацию.

Первой нашей остановкой был город Страконице. Мы привезли акулу в перворазрядный ресторан.

В то время как я заказывал в типографии плакаты, Местек вел переговоры с владельцем ресторана. Заинтересовав его ожидаемым успехом и обещав ему долю сбора, Местек пригласил его посмотреть на акулу, которая лежала на дворе в своем длинном гробу.

Хозяин ресторана, посмотрев диковинного зверя, отложил предполагаемый на следующий день бал и предоставил нам бесплатно помещение.

Я сочинил в типографии следующий плакат:

ГРОЗА СЕВЕРНЫХ МОРЕЙ.

Трагедия морских глубин.

Уважаемой публике города Стракониц мы приготовили редкое зрелище акул, пойманной на острове Гельголанде. Эта акула была убита выстрелом из канонерки после того, как она потопила подводную лодку, пытавшуюся ее взорвать.

В течение двух месяцев акула сеяла ужас в северных морях, будучи грозой рыбацких шхун и пароходов с эмигрантами. В ее желудке найден труп капитана Трестена, боцмана его величества короля датского.

Доводим до всеобщего сведения список жертв, загубленных этим морским чудовищем:

Ян и Мария — дети бедного рыбака из Штральзунда.

Уильямс Борус — студент теологии из Шлезвига.

Владимир Новотный — чешский эмигрант из Бироуна.

Джим Денлоп — старший морской контролер Великобритании, рыцарь ордена св. Юлии, депутат от Лондона.

Прелат Матеус — епископ наварский и палермский, папский нунций.

Только один день, 15 мая, в ресторане «Беседа» с 2 до 7 часов вечера.

Плата 30 крестеров. Дети школьного возраста в сопровождении родителей платят половину.

Мы трое отлично друг друга дополняли. Каждый из нас в этот серьезный момент был на своем месте.

Бывший владелец качелей сумел так ловко наклеить плакаты даже на дверях церкви, что не только не оскорбил чувства верующих, но даже заручился помощью церковного сторожа.

Местек обратился к местному школьному совету и заявил, что для прилежных учеников по рекомендации господ учителей доступ к акуле будет бесплатный.

Я же зашел в городскую управу лично пригласить бургомистра.

Бургомистр был настоящий чешский демократ. Он пожал мне крепко руку и сказал:

— Акула! Прекрасно! Очень люблю акул! Не кусается? Убита? Вот какая бестия! Приду со всей городской управой.

Хуже обстояло дело с глуховатым попом. Долго пришлось ему доказывать, что мы совсем не комедианты, которых он не переносит, и что дело касается акулы. Он стал говорить что-то про кита, который проглотил пророка. Очевидно, у него было размягчение мозга, так как он упрямо держался одной навязчивой идеи. Наконец, он пригласил своего помощника и сказал:

— Франц, подите с этим господином, он вам покажет кита.

Молодой попик пристал ко мне, как банный лист. Пришлось его разубеждать, что дело идет совсем не о ките, а всего только об акуле. Попик стал говорить о тайнах природы, о неверии в PROVIDENCE, но, в конце концов, любезно со мной распрощался.

Я посетил также и жандармское управление. Начальник похлопал меня по плечу и сказал:

— Эх, вы, жулики, комедианты, цыгане. Вам бы только что-нибудь стащить.

Когда я ему сказал, что мы приехали с акулой, он с обычным жандармским хвастовством сказал, что таких акул он уже видел несколько тысяч и что если это будет не настоящая акула, то он всех нас посадит под арест.

Один профессор в отставке, живущий в Страконицах, пригласил меня к обеду и все время твердил, что наука не допускает догматизма, так как она сознает относительность всех наших знаний. В общем я все же не сожалел о том, что встретился с этим старым господином. У него был научный словарь, из которого я сделал выписки, касающиеся акулы, для своей публичной лекции.

К двум часам в зале ресторана набилось столько людей, что яблоку негде было упасть. На сцене стоял ящик с акулой. Люди ходили на сцену, как бы прикладываясь к мощам. Перед лекцией о морских чудовищах мы устроили добровольный сбор на изготовление чучела акулы.

В три часа пришли дети из школы со своими учителями. Городская управа пришла в четыре часа, и бургомистр дал мне пять крон, не потребовав сдачи.

Счастливым было времечко. Денег сколько угодно. Местек у трупа акулы познакомился с одной девушкой, у которой остался ночевать.

Я спал у бургомистра, а Швестка в участке, потому что он подрался в трактире с лесным сторожем, который нанес оскорбление нашей акуле, утверждая, что это вовсе не акула, а дельфин, и что он знает в акулах толк, так как служил на военном судне.

Когда мы утром собрались в ресторане, хозяин, вчера еще столь любезный, встретил нас очень грубо.

— Ваша акула воняет. Жена всю ночь не спала, и утром пришлось послать за врачом. Все мы больны. Приказчик с самого утра пьет ром. Уберите сейчас же эту бес-тию из зала, и чтобы вашего духу здесь больше не было!

Он оказался прав. За ночь наша акула порядком раз-ложилась.

Я предложил ее набальзамировать, и мое предложение было принято. Мы купили пять бутылок одеколона и еще каких-то духов, полили акулу и наполнили этой смесью ее внутренности.

Затем мы погрузили акулу на подводу и поехали в Вод-няны.

В зал «Сокола» нас не пустили, хотя он был очень подходящий. Наконец, нас приняли в Народном доме, но и то после нового вливания четырех бутылок одеколона.

Затем все шло, как обычно. Плакаты, агитация, много публики. Акула так воняла, что в зале начали падать в обморок. Мы трое еле стояли на ногах и то только потому, что с самого утра пили коньяк. Иначе мы бы тоже не выдержали.

Я уже не помню, кто нас арестовал, но ночью я про-снулся в Воднянском участке. Направо спал Местек, на-лево — Швестка.

Утром нас оштрафовали за преступление против охраны здоровья или за что-то в этом роде.

Мы не присутствовали даже на похоронах нашей акулы. Ее похоронили за счет города, закопав, как дохлую кошку. Я не знаю даже места, где лежит гроза северных морей. На ее могиле нет даже креста, хотя в ее желудке был схо-ронен папский нунций — прелат Матеус, епископ палерм-ский.

Покойся с миром, моя акула!

ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ

Между баварскими городами Тиллингенем и Гохш-тадтом на Дунае царит острая вражда. В середине века тиллингенцы, нагрузив доверху горючими веществами челно-ки, отправлялись в Гохштадт, который после таких визитов неоднократно выгорал дотла. Иногда, однако, гохштадтцы прогоняли тиллингенцев, и тем приходилось бежать стрем-глав все сорок километров, отделяющие один город от дру-

гого; тянущаяся на протяжении десяти километров за Гохштадтом по направлению к Тиллингену дубовая аллея до сих пор называется «У повешенных тиллингенцев».

В отличие от гохштадцев, тиллингенцы попадавших к ним в плен соседей топили в Дунае. Когда им однажды попал в руки член гохштадтского городского совета, они разрубили его на четыре части и одну из них послали со специальным посланцем в город Гохштадт. Гохштадтцы немедленно повесили этого посла на крепостной стене, несмотря на его протесты и заявление, что он, как посол, является личностью неприкосновенной.

Так продолжалось до тех пор, пока у городов не было отнято право устраивать подобные игры и забавы и пока современная эпоха не смягчила суровость нравов и ограничила их драками на постоялом дворе «У Ангела-хранителя». Этот постоялый двор лежит в двадцати километрах от Гохштадта и в двадцати километрах от Тиллингена, являясь границей обеих враждующих земель.

Каждое воскресенье и каждый праздник жители обоих городов собирались сюда вести дискуссию. Приходили они сюда пешком, а домой их приходилось развозить в обе стороны на навозных телегах, с пробитыми головами и переломленными ребрами, причем они были очень довольны, что все так хорошо обошлось.

Обе стороны неизменно стремились поддержать первенство своего города в столетней борьбе, поэтому бои между ними «У Ангела-хранителя» носили не менее упорный характер, чем сотни лет назад, когда тиллингенцы карабкались по лестнице на стены Гохштадта с горящими смоляными факелами, а защитники Гохштадта сшибали их вниз в крепостной ров трехпудовыми дубинами. Дрались так же ожесточенно и упорно, как в те времена, когда гохштадтцы тараном разбивали ворота Тиллингена, а тиллингенцы лили на них сверху кипящую смолу.

Ни одна из сторон никогда не могла похвалиться окончательной победой до тех пор, пока областные власти не передали гохштадтцев в руки тиллингенцев. Гохштадтское административное управление было упразднено, и город причислен к тиллингенскому округу. В Гохштадте был мировой судья, а в Тиллингене — окружной суд. Гохштадтцы своих граждан только допрашивали, а судить отправляли в Тиллинген, где над ними творили суд строгий и немилостивый. Гохштадтцы должны были призываться на военную службу в Тиллингене, и во всех должностных делах на первом месте всегда оказывался город Тиллинген, и лишь потом шел Гохштадт. Так, гохштадтцы по всей линии были

побиты, унижены и оскорблены. И когда в одно из воскресений им удалось хорошенько поколотить тиллингенцев у «Ангела-хранителя», то на следующее воскресенье там оказалось столько жандармов из тиллингенского округа, что гохштадтцы не могли рассчитывать с тиллингенцами при всем своем желании.

С тех пор враги встречались лишь случайно, при отбывании воинской повинности. В казармах гохштадтцы, окруженные со всех сторон неприятельской волной, склоняли голову пред превосходящими силами противника и, возвращаясь домой, говорили, что в подобной обстановке сопротивление бесполезно, за что домашние смотрели на них, как на трусов. И уже казалось, что гохштадтцам никогда не смыть пятна позора, как новая эпоха принесла Южной Германии — футбол.

Форварды Гохштадта возбуждали всеобщее удивление; они гнались за мячом так же быстро, как их предки за убежавшими тиллингенцами. Мяч в ворота противника они забивали с такой же непреодолимой силой, как тараны их предков когда-то разбивали ворота города Тиллингена.

Сыгранность и спаянность всей команды гохштадцев, полубеков, полуцентра и крыльев преодолевала живую преграду тел, закрывавшую путь к неприятельским воротам. Однажды даже вышло так, что вместе с мячом они вбили в ворота противника своего собственного бека.

Удары их были чудовищны. Мяч, который они вбили в ворота враждебной команды, свалил голкипера, пробил сетку, оторвал ухо одному зрителю, убил собаку, игравшую недалеко за полем, и сбил с ног шедшего там прохожего. Это — один пример.

Второй пример: при матче «Гохштадт» против «Ингольштадта» гол, забитый первыми, потребовал двух жертв, — голкипер и мяч испустили дух. Игру пришлось прервать на десять минут, пока не пришел новый голкипер и не принесли новый мяч.

Возвращаясь с поля, гохштадтцы могли гордо распевать свой военный гимн:

Кто поцелуй срывает
С девичьих нежных губ,
Кто лучше гол вбивает,
Чем наш гохштадтский клуб?
Гоалиа, гоалиа, урр-ра!

В спортивной хронике их игру называли необычайно упорной, а одна провинциальная газета писала в отчете об их последнем матче, что это был не футбол, а страшный

суд. В другой газете писали, что встреча команд «Гохштадт» — «Рингельсхайм» напоминает борьбу за Верден.

В осеннем сезоне гохштадтцы, зелено-голубые, могли похвастаться следующими успехами: перебили ног — 28 пар; сломали ребер — 49; вывихнутых и сломанных рук — 13 пар; перебитых носов — 52; сломанных лопаток — 16; поврежденных переносиц — 19; ударов в живот, сопряженных с выбытием противников из строя — 32; выбитых зубов — 4 дюжины. Если к этому добавить, что в осеннем сезоне они забили 280 голов, а получили всего 6, то результат их активной игры нельзя не назвать потрясающим.

Все клубы Южной Германии проиграли им, а когда они пригласили на дружеский матч команду «Альтона» — с севера, то изо всей команды домой вернулся один голкипер с перевязанной головой, оставив всех своих соратников совместно с заместителями в больнице Гохштадта на Дунае.

Спрашивается, могли ли на это спокойно взирать тиллингенцы, имевшие свой футбольный клуб бело-желтых? Клуб «Тиллинген» отнюдь не был плохой командой: он играл столь же живо, и его удары в голень или колено были не хуже, чем «Гохштадта». Точность их удара в живот была тоже очень хороша и встречалась обитателями Тиллингена бурей аплодисментов... Тем не менее они проиграли матч за матчем.

Тут их осенила идея, и они пригласили к себе тренера из Мюнхена, англичанина Бернса, который учил их играть элегантно, пассивать и не отходил от них с утра до вечера, пока наконец не сказал:

— Вызывайте команду Лейпцига!

Вызвали, проиграли со счетом 4 : 2.

— Ничего, — сказал тренер Бернс, — еще три таких поражения, и вам некого будет бояться.

И опять потели тиллингенцы, постигая тактику элегантной игры и пассивки, где индивидуальное дарование не играло роли, а все искусство сводилось к сыгранности.

Вызвали затем первоклассную команду «Пруссию» и проиграли 2 : 1. После этого сыграли с превосходной командой «Мюльгаузен 1912» — вничью. Тогда тренер Бернс сказал им, что едва ли найдется соперник, который смог бы с ними тягаться. Ответный матч лейпцигской команде кончился для нее плачевно: «Тиллинген» забил 5 голов, а они имели всего 1, да и тот со штрафного удара.

Когда «Гохштадт» прочел о триумфальной победе «Тиллингена» над лейпцигской командой, весь клуб позеленел от злости.

А когда позже во «Всеобщей спортивной газете» они прочитали, что бело-желтые из «Тиллингена» после своего успеха не имеют больше серьезного соперника в Южной Германии и что их игра привела даже противников в восторг, то они почувствовали примерно то же, что их предки, когда однажды тиллингенцы взяли Гохштадт и основательно его пограбили.

В особенное бешенство проводили их следующие выражения из отчета: «Блестящий успех команды «Тиллинген», «Самоотверженность голкипера «Тиллингена», «Безупречная атака форвардов», «Ураганный огонь по воротам «Лейпцига», «Превосходный дрибблинг правого крыла».

— Я б его дрибблингнул! — мрачно заметил форвард Томас, — больше ему не пришлось бы играть нигде, разве только на небе перед воротами рая.

— А я бы сделал из голкипера тиллингенцев отбивную с капустой, а из беков — салат, — с уверенностью в голосе отозвалось левое крыло «Гохштадта».

Они сидели в клубе, и разговор на минуту прервался. Все ждали, что кто-нибудь скажет слово, которое прояснит положение и облегчит их сердце.

Так и случилось.

— Сыграем с ними дружеский матч, — сказал секретарь клуба. — Заполучим их сюда. Ответного матча играть не придется, потому что команда «Тиллинген» сыграет у нас последний матч. Кто не выведет из строя хотя бы одного игрока, будет исключен из клуба, а на хозяина предприятия, где он служит, будет произведен нажим, чтобы его уволили с места. Кроме того, привяжем его к сетке ворот и будем все по очереди вбивать в него голы.

Местные газеты немедленно предоставили свои столбцы в распоряжение клуба «Гохштадт» и начали заманивать «Тиллинген» на взрывчатую почву своего города.

Особо хитроумно была написана статья «Лучшая команда Южной Германии». В ней отдавалось должное последней победе «Тиллингена», хвалилась его игра и ее итог. Говорилось, что «Гохштадт» тоже может указать на ряд выдающихся побед и что разрешить спорный вопрос, какая команда лучше — «Гохштадт» или «Тиллинген», — может только встреча обоих клубов в дружеском матче, при котором обе стороны должны забыть все, что было между обоими городами и давно уже отошло в область преданий. Футбол, — говорилось в статье, — игра международная, местные интересы не играют здесь никакой роли. В ней побеждает не грубая физическая сила наемного солдата, а чистая идея

спортсмена, вкладывающего в игру свою отвагу и спортивную зрелость. Визит «Тиллингена» в Гохштадт наверняка навсегда устранил все недоразумения между двумя городами старой Швабии.

Приблизительно то же гохштадтцы писали несколько сот лет тому назад тиллингенскому бургграфу, почтительно прося его оказать им честь и навестить их для урегулирования границы между землями гохштадтскими и тиллингенскими, причем, чтобы он не опасался, послали ему охранную грамоту.

Когда господин бургграф из Тиллингена приехал, то они, действительно, ничего ему не сделали и благоразумно обсуждали с ним все большие вопросы, при которых, однако, господин бургграф так разволновался, что гохштадтцы были вынуждены для успокоения его повесить. Так он и болтался на крепостной стене с охранной грамотой в руке.

В другой статье, которой редактор «Моргенблатта» хотел окончательно усыпить подозрения тиллингенцев, писалось: «Выступление «Тиллингена» на поле Гохштадта будет не только апогеем весеннего сезона, но и манифестацией братских отношений между обоими городами. Все старое забыто. Зелено-голубые подают руку бело-желтым и с волнением прижимают их к своему сердцу. По сведениям редакции, на следующей неделе в Тиллинген будет послан представитель нашего клуба, чтобы окончательно договориться о матче обеих команд. Нам поручено заявить, что «Тиллинген» встретит у нас братский прием не только среди наших спортсменов-джентельменов, но и всего нашего любящего спорт населения, с радостью ожидающего встречи двух команд, в уверенности, что они покажут лучшее, на что они способны, игру, достойную их славных традиций. Об окончательной классификации обоих клубов можно будет сказать, разумеется, лишь после матча».

— Гляди-ка, что делает успех в спортивном мире,— сказали в клубе «Тиллинген», прочтя, что о них пишут.— Год тому назад никто о нас ничего не знал, а теперь даже гохштадтцы разливаются в похвалах. Не прошло и четырнадцати месяцев, как о нас писали, что мы — худшая команда на свете, и советовали нам играть в чижики, а не в футбол. Ладно, если им хочется получить урок, они его получают: всыпем же мы им! Они пишут, что «Гохштадт» тоже может указать на ряд превосходных побед. Лгуны несчастные! С ними играли клубы «Ингольштадт», «Рогенбург», «Труттенсдорф» и «Кайхенталь»,— известные драчуны, которые даже понятия не имеют, что такое игра го-

ловой. У них лучшая комбинация — это зажать противника со всех сторон и сбить его. Они бьют игрока, а не мяч.

— Когда-то и мы так делали,— вздохнуло правое крыло,— и, право, это были хорошие времена. Помните, как я сбил форварда из «Ульмербрюдер»? Я сломал ему позвоночник, сломал затылок и перебил левую ногу,— и все с одного удара.

— Пришлось его хоронить за счет клуба,— язвительно заметил секретарь. — Ваш удар обошелся нам в две тысячи марок.

— Зато матч мы доиграли и деньги за билеты возвращать не пришлось,— сказало в оправдание правое крыло.

— Конечно, мы выиграем у «Гохштадта»,— торжественно воскликнул капитан команды,— выиграем тонкостью и техникой своих пассов. Нашей атаки никто не удержит. С края пасуем в центр, из центра — на второй край, центр бежит вперед, дриблинг с беком, маленький трюк с игроками противника и подачей на правое крыло, удар — и гол. Не надо соприкасаться с игроками противника. Пусть они бегают по полю. Мяч должен быть для них недосягаемым, остаться абстракцией, сказкой — и больше ничего. Гип, гип, ура!

На следующей неделе представитель клуба «Гохштадт» приехал лишь докончить то, что было уже решенным делом. Тиллингенская «Моргенпост» писала, что прежде всего речь идет о дружеском матче «Тиллингена» и «Гохштадта», в котором «Тиллинген» будет защищать честь своего города и клуба. Игра пойдет не за кубок, а за победу над «старыми знакомыми», за победу города Тиллингена над Гохштадтом на Дунае. Поезда привезут тучи тиллингенцев в Гохштадт, чтобы достойно проводить на поле брани команду, носящую бело-желтый цвет, цвет города Тиллингена, и обнять победителей тут же на месте.

Кроме нескольких враждебных взглядов, которыми был встречен представитель «Гохштадта», с ним ничего неприятного не случилось, и он благополучно закончил переговоры: дружеский матч между обоими клубами состоится в следующее воскресенье, на поле «Гохштадта»; чистый сбор делится пополам.

После окончания переговоров, по старому клубному обычаю, все пошли в пивную, где до утра пили за клубный счет. К утру договорились еще о том: 1) чтобы нейтрального судью пригласить из клуба «Регенсбург», проезд и расходы которого идут за общий счет; 2) что прадедушка капитана клуба «Гохштадт» был при нападении на город Тиллинген рассечен мечом с головы до пяток прадедушкой капи-

тана клуба «Тиллинген», который потом в свою очередь был пронзен копьем прадедушки секретаря клуба «Гохштадт».

После этого беседа как-то завяла, и представитель «Гохштадта» счел благоразумным незаметно ретироваться, заметив, что капитан тиллингенцев как-то странно на него поглядывает, как будто намереваясь что-то предпринять для реабилитации своих предков.

И вот наступил славный день, когда весь Тиллинген после нескольких столетий снова пошел на Гохштадт, где все уже было готово к обороне.

В Тиллингене и Гохштадте были распроданы все каскеты, дубовые дубинки и револьверы. Ручные чемоданы тиллингенцев были подозрительно тяжелы, так как были набиты камнями, а у гохштадтцев от камней отвисали карманы. Матч должен был начаться ровно в четыре часа, но уже в три часа тридцать три минуты началось...

Первым пал нейтральный судья. Он получил два удара арапником по голове, по одному от каждой стороны. Несмотря на то, что ему в двух местах проломили череп, он перед смертью успел еще крикнуть «Офсайд», — свистнуть ему не удалось, так как новый удар сплющил находившийся у него во рту свисток.

Перевес оказался на стороне тиллингенцев, так как их приехало десять тысяч, а все население Гохштадта составляло девять тысяч.

Гохштадтцы защищались отчаянно, и в общей свалке им удалось повесить капитана тиллингенцев на перекладине ворот гохштадтцев.

Полуцентр тиллингенцев загрыз обоих беков Гохштадта и в свою очередь был убит форвардом противника.

На другой день все газеты Германии привели в спортивном отделе следующую краткую телеграмму:

«Интересное состязание «Тиллинген» — «Гохштадт» не закончено. На поле осталось 1200 гостей и 850 местных болельщиков. Оба клуба ликвидированы. Город горит».

Когда я после этого вспоминаю о матче «Славия» — «Спарта», мне становится ясно, что футбол у нас еще в пеленках.

МОЯ ИСПОВЕДЬ

Журнал «28 октября» в ряде фельетонов старается очернить меня в глазах всей чешской публики. Подтверждаю, что все, там обо мне написанное, — правда. Я не только отпетый прохвост и негодяй, каким изображает меня «28 октября», а ещё гораздо более страшный злодей.

Принеся эту чистосердечную повинную перед всем чешским обществом, передаю редакции «28 октября» дополнительно подробный материал для нападок.

Итак, исповедуюсь господу всемогущему и вам, господа депутаты Модрачек и Гудец*, в том, что я:

Уже своим появлением на свет причинил большую неприятность моей матушке, которая из-за меня не знала покоя ни днем, ни ночью.

В возрасте трех месяцев укусил кормилицу, вследствие чего высшей инстанцией уголовного суда в Праге матушка, ввиду моей неявки, была приговорена к трем месяцам по обвинению в недостаточном надзоре за ребенком.

Уже в то время я был таким извергом, что и не подумал явиться на суд, чтобы сказать хоть слово в защиту бедной матушки.

Напротив, я как ни в чем не бывало продолжал расти, проявляя зверские наклонности.

В возрасте шести месяцев я съел своего старшего брата, украл у него из гроба образки святых и спрятал их в постель к служанке. Служанку выгнали за кражу и приговорили за ограбление покойника к десяти годам тюрьмы. Там она померла насильственной смертью, подравшись с другими арестантками на прогулке.

Жених ее повесился, оставив шесть человек внебрачных детей, из коих несколько единоутробных братьев и

сестер стали впоследствии международными жуликами, промышлявшими по отелям, а один — прелатом у пре-монстратов. Этот последний, самый старший, сотрудничал в «28 октября».

К тому времени, как мне исполнился год, в Праге не было кошки, которой я не выколол бы глаза или не отрубил бы хвост. Когда я гулял со своей бонной, все собаки, завидев меня издали, убегали прочь.

Впрочем, моя бонна недолго гуляла со мной, так как, достигнув возраста полутора лет, я отвел ее в казармы на Карловой площади и отдал ее там за два кисета табаку на потеху солдатам. Не пережив позора, она кинулась возле Велеславина под пассажирский поезд, который, наткнувшись на это препятствие, сошел с рельсов, причем восемнадцать человек было убито и двенадцать тяжело ранено. Среди убитых находился торговец птицами; все его клетки были разнесены в щепы, а из птиц по милости провидения спасся лишь модрачек, *suapescula suesica*, пернатый из породы гудцов, окраска сверху серо-бурая, над хвостом светлее, на груди и зобе оперение синее, с белой или краснорыжей полоской посередине; брюшко белое; родина — Чехия; водится, обычно в небольшом количестве, в местах влажных, поросших кустарником. Питается червями и насекомыми, которых ловит, виляя хвостом. В неволе быстро приручается и без умолку поет (см. Научный словарь Отто*, том 17-й, стр. 491, «модрачек-модржин»).

В три года я превосходил распутством всю пражскую молодежь. В этом нежном возрасте я состоял в любовной связи с женой одного высокопоставленного лица; если бы эта преступная тайна стала достоянием гласности, это был бы скандал на всю страну.

В возрасте четырех лет я убежал из дому, так как проломил швейной машиной голову сестре Мане. При побеге похитил у родителей несколько тысяч золотых, которые прокутил в пражских трущобах, в воровской компании.

После того как деньги вышли, жил попрошайничеством и карманными кражами, выдавая себя за сына князя Туна (тогда еще графа). Был задержан и отдан для исправления в Либненский исправительный дом, который поджег. В огне погибли все преподаватели, так как я запер их в помещении.

Настало опять трудное время. Голодный, бродил я, пяти лет от роду, по улицам Праги, воруя булки в пекарнях и яблоки у торговков. Но положение заметно улучшилось после того, как я совершил кражу со взломом

в церкви св. Томаша, похитив золотую дароносицу. Дароносицу я продал одному перекупщику за один золотой. Пропив эти деньги в знакомом заведении, в Мертвецком переулке, я стал ходить к перекупщику и шантажировать его, грозя выдать. Я вымогал у него один золотой за другим, пока он сам не явился в полицию с повинной, решив, что так выйдет дешевле.

Мне пришлось оставить Прагу, и я переселился в Польну. Желая исповедаться со всей искренностью до конца, довожу до всеобщего сведения: «Ту девушку в Польне убил не Гильснер, а я!»

На этом дельце я заработал три золотых!

Дальше мне, понятное дело, оставаться в Польне было невозможно, и я пошел пешком в Вену, до которой добрался в возрасте шести лет. Не имея средств на переезд в Прагу, был вынужден совершить кражу со взломом в банке на Герренштрассе, предварительно задушив на всякий случай одного за другим четырех сторожей.

Это было действительно одно из самых ужасных моих преступлений, коим нет оправдания; но не забудьте, что я тосковал по дому, хотел увидеть после долгой разлуки своих престарелых родителей... и так далее и тому подобное.

Впрочем, не надо сентиментальности!

До Праги я доехал благополучно. В пути мне удалось выманить одну пожилую даму на площадку, вырвать у нее из рук сумочку, а ее столкнуть на полном ходу с поезда. Когда этой дамы хватились, я сказал, что она вышла на последней станции и просила передать всем привет.

Родителей я уже не застал в живых. Узнав о моих злодействах, отец за два месяца до моего возвращения с горя повесился, а матушка кинулась с Карлова моста в воду и, когда ее пытались спасти, опрокинула лодку, пустив всех спасающих ко дну.

Я зажил припеваючи, так как отравил всю семью бедного моего дяди и присвоил его сберегательную книжку, в которой подделал цифры, чтобы побольше получить...

Многоуважаемая редакция «28 октября»!

Перо вываливается у меня из рук. Я хотел бы продолжать, хотел бы исповедаться до конца. Но поток жарких покаянных слез туманит глаза мои. Я плачу, горько плачу над своей юностью, над прошлым своим, в то же время искренне радуясь успехам вашего журнала. Это является и пребудет дополнением к моей исповеди.

Для того чтобы весь чешский народ убедился в полноте и искренности моего раскаяния, заявляю о своем желании вступить в партию прогрессивных социалистов.

Обещаю примерным поведением оправдать ваше доверие.

Прошу сообщить, где и когда могу я внести членские взносы.

Пока до свидания!

ОБ УДАЧНЫХ НАЗВАНИЯХ

Одно из самых интересных и вместе с тем самых тяжелых занятий — это придумывание названий. Я не говорю о заглавиях литературных и научных работ. Там дело просто. В поэзии нужно уметь только при помощи названия заинтересовать публику, чтобы она покупала стихи. Название «Шиповник» не может иметь такого успеха, как «Здесь бы должен цвести шиповник». В таком заглавии публика находит особое очарование, на чем хорошо сыграл знаменитый поэт Махар.

Наука вообще не стремится повыситься к себе интереса при помощи названий. Если ученый напишет введение в физику, то не придумывает сенсационного заглавия вроде «Решение загадок природы», а просто назовет ее «Введение в физику». Другой ученый напишет учебник географии и также даст краткое и точное название «География», но не «О горах, реках, народах и городах». Только один раз я видел на книжке одного психиатра поэтическое название: «Об идиотах и чудаках».

Я уже сказал, что придумывать название для беллетристических книг легко. Если вы возьмете в библиотеке каталог, то найдете у ста авторов одно и то же название. Чаще всего встречается: «Родные поля», «Летние бури», «Новая песнь», «Поздние цветы», «Прелюдии», «Между жизнью и смертью», «Ее грех» и другие прекрасные вещи.

Авторы не хотят себя затруднять придумыванием более оригинальных названий. Когда автор больше ничего не может выдумать, то пишет: «Горсть новелл» или: «Две дюжины рассказов», хотя бы до двух дюжин там недоставало целых пяти.

Со мной случилась раз такая неприятность с повестью, действие которой происходило в Виноградах и которую в совершенном отчаянии я назвал «Жизнь в Индии».

Однако в беллетристике такие названия сходят с рук, так как даже самое идиотское название может соблазнить

какого-нибудь неискушенного читателя. Заглавие внедряется в его душу и обволакивает ее своим психологическим очарованием.

Вообще же название романов, рассказов и повестей является не чем иным, как голой констатацией содержания. Англичанин Сотертон дал своему двухтомному роману название «Глупость», и читатель не обманется. Француз Ля Бруш издал роман «Ничто», и это действительно ничто.

Я очень люблю эти меткие и практические названия. Вышеуказанные авторы, проникнутые добрыми чувствами к читательской публике, как бы предостерегают: «Эту «Глупость» не покупайте».

Интереснее, но и тяжелее подыскать название журналу. Предполагается, что название должно соответствовать внутреннему содержанию и направлению журнала.

Не будь этого общепринятого условия, журналы росли бы, как грибы после дождя.

Я знал человека, который говорил: «Я с удовольствием издавал бы литературный ежемесячник, но нет названий».

Обычно такой неудачник придумывает наконец название, которое уже существует.

Если это политический журнал, то обязательно он должен носить название «Независимость», «Гвардия» или «Прогресс».

Литературные и художественные журналы должны называться: «Подсолнечник», «Недра», «Земля», «Нива», «Борозда» — будто издатели и писатели все сплошь земледельцы.

С альманахами дело обстоит еще хуже. Один издатель просил меня однажды придумать подходящее название к альманаху, которое было бы «живым и стихийным, пропитанным дыханием жизни». Как мы ни бились, ничего, кроме «альманах такого-то издателя», не могли придумать.

Но все это ничто в сравнении с трудностями, какие встречаешь при подыскании названий для новых торговых и промышленных предприятий и для новинок, долженствующих появиться в торговле и произвести сенсацию среди публики.

В этом случае в названии должно заключаться как можно больше жизненного отображения предмета, чтобы оно врезалось в память публики. Оно должно быть красочно и сногшибательно. Оно должно гипнотизировать.

Когда читатель читает объявление «Пили ли вы уже.. то-то и то-то?», то это «то-то» должно быть таким убедительным, чтобы потребитель напился до зеленых чертиков и родные отправили бы его в лечебницу для алкоголиков

Итак, название должно быть зеркалом и живым отпечатком вещи, предлагаемой вам в объявлениях для продажи. Если вы читаете в газете: «В каждом домашнем хозяйстве должна быть паровая молотилочка (название)», то название этой молотилочки должно быть настолько приятно, чтобы вы купили ее во что бы то ни стало, хотя бы для этого потребовалось ограбить банк и проломить стены дома, чтобы втащить ее к себе на третий этаж, Однажды я прочел такое объявление:

Большую награду выплачу тому, кто найдет подходящее название для вещи, необходимой в каждой семье.
Справиться в отеле «Степан», комн. № 12,
от 10 до 11 часов.

Я направился по указанному адресу. Меня приветливо встретил господин добродушного вида с интеллигентным лицом.

— Очень рад, — сказал он, — что вы пришли... Я боялся, что никто не придет. Пожалуйста, садитесь и берите сигару. Какое вы пьете вино? Что вам больше нравится — мускат или мозельское?

Я ответил, что люблю то и другое и предпочту то, которое он закажет. Из особой деликатности он заказал для себя мускат, а для меня — мозельское. Пока мы пили, каждый свою бутылку, он рассказал, что изобрел коляску для детей, которую можно переносить с места на место и которая при падении в воду моментально превращается в лодку. Коляска очень портативна и одним поворотом ручки превращается в качалку. Кроме того, и это главное, если ее перевернуть, то она может служить письменным столом. Его фабрика уже выпустила восемьсот таких колясок, и теперь нужно только подыскать подходящее название. Он уже сам придумал название «Детовоз», но оно ему не нравится.

Когда я увидел, что нахожусь один с глазу на глаз в комнате с этим человеком, у меня пробежал мороз по коже.

А он продолжал:

— Я всю неделю думал об этом названии, не спал несколько ночей и ничего другого не мог придумать, кроме этого проклятого «Детовоза». Он преследует меня и днем и ночью. Из каждого угла я слышу это слово. Вот и вы мне говорите: «Детовоз», «Детовоз»... Почему вы надо мной смеетесь? Ведь вы же видите меня в первый раз!

Или вы не верите, что моя коляска для детей превращается в лодку? Вот вам чертеж...

Ударом в висок я оглушил его и поспешно вышел из № 12, никому ничего не сказав о происшествии. Пусть с ним там, в отеле, делают, что хотят.

Менее трагически обошлось дело с Вацленой, посетителем кафе «Березки». Играя со мной на бильярде, он вдруг отвел меня в сторону и сообщил, что его зять, мебельщик, изобрел трехместный матрац, который совершенно упраздняет кровать. Но ему, чтобы бросить их на рынок, необходимо название. Матрацы очень прочны и дешевы. Изобретатель обратился к нему с просьбой найти кого-нибудь, кто мог бы придумать подходящее название. И вот он вспомнил, что я пишу рассказы. Если я выдумываю целые рассказы, то выдумать название, одно слово — для меня пустяки. Разумеется, меня вознаградят, и зять пришлет мне свое изобретение.

— Ну, как же его назвать?

Я ответил, что польщен оказанным мне доверием, но такое название не вытащишь из кармана. Название должно быть зеркалом предмета, оно должно огораживать. Чтобы придумать его, необходимо время.

— Так завтра, хорошо? — сказал он.

— Подыскали уже название? — спросил он меня на другой день при входе в кафе, где он меня караулил.

— Ко мне вчера приехал брат, — оправдывался я, — и я должен был пойти с ним в театр, в оперу. Это испортило весь вечер. Завтра обязательно принесу вам название.

— Ну, как он будет называться? — терзал он меня на другой день.

— Еще не знаю. Понимаете ли, придумать название для вещи, которую вы не видели, это заниматься безнадежным делом.

— Хорошо, завтра у вас будет этот матрац.

Выспался я на этом матраце отлично и могу подтвердить, что он действительно удобен и прочен.

Я перестал ходить в кафе «Березки» и послал письмо Вацлене, сообщив, что я предполагаю название, хотя и не крикливое, но вполне подходящее: «трехместный матрац».

С тех пор Вацлена распространяет обо мне слухи, что я вовсе не писатель, а жулик и дурак.

Однако был в моей жизни случай, когда я мог себя реабилитировать. Однажды прибежал ко мне в кафе мой друг Опоченский и сказал:

— Приходи сегодня вечером в «Компанию». Там будет один господин — член правления нового пивоваренного завода в Пильзене, который ищет название для своего пива, чтобы оно могло конкурировать с «Пильзенским». Он только что был в литературном обществе «Май», но там никто не мог придумать ничего подходящего. Во всем Пильзене не нашлось ни одного человека, который мог бы что-нибудь придумать. Прага — единственная его надежда, но «Май» привел его в отчаяние. Похоже, что он помышляет о самоубийстве. Чтобы спасти его, я решил устроить ваше свидание в «Компани».

Член правления действительно выглядел так, будто намеревался кончить жизнь самоубийством. Он рассказал о Пильзене и о «Мае» и прибавил, что он уже два дня в Праге, что приехал сюда специально ради названия и имел уже неприятности с полицией. В одном баре он познакомился с молодым человеком, которому рассказал свое горе. Молодой человек заявил, что у него бывают неожиданные озарения и что он бывает способен найти гениальное название, но для этого требуется вдохновение, что без вдохновения он вообще осел.

— Я поил его, поил, — вздыхая, рассказывал член правления. — Наконец, выпив десяток бутылок вина, он воскликнул: «Есть, готово! Ваш завод находится в Пильзенце у Пильзеня. Если «Пильзенским» называется пиво, варящееся в Пильзене, то назовите ваше пиво «Пильзенецким». Тут уж я не выдержал, схватил его и начал лупить. Ну, а потом позвали полицейского.

Мы засиделись до глубокой ночи. Все мы старались придумать название, но ничего не придумали, и один за другим старались незаметно улизнуть. Наконец нас осталось двое: член правления и я.

Бывают минуты, когда вдруг промелькнет в вашей голове такое название, которое так соответствует, так выражает сущность вещи, что если бы до этого вы думали целых тысячу лет, ничего лучшего вы не могли бы придумать. И вдруг это название само неожиданно приходит вам на ум.

Итак, название отыскано, вернее, оно само, как мотылек, прилетело в мою голову. Мой собеседник в это время дремал. Я его разбудил.

— Название для вашего пива уже готово, — сказал я, впервые выговаривая такое идеальное название, которое забило бы «Пильзенское» и стало бы известным во всем мире.

Лицо члена правления прояснилось.

— Гениальная мысль! Гениальное название! — вскакивая со стула, закричал он. — Оно ударит, как гром. Мы уничтожим, сотрем с лица земли их пиво, а наше прольется, как лавина по всему свету.

Он много говорил, приводя неподражаемые образы и сравнения, но самой лучшей его критикой моего нового произведения было его громовое обращение к содержателю ресторана:

— Нет ли у вас, случайно, расписания поездов?

— Мы едем в шесть двадцать экспрессом в Пильзен, — обратился он ко мне, перелистывая расписание. — Вы действительно гений. Ничего подобного не мог придумать ни Пильзен, ни «Май», ни Прага. Вы один сделали гениальное открытие ровно в два часа ночи. Едем в Пильзен!

Очевидно, он когда-то играл в любительском театре, так как, расплачиваясь в ресторане, с большим пафосом сказал:

— Мое послание окончено, со спокойной совестью я возвращаюсь домой!

— Какое счастье, дружище! — сказал он, помогая мне надеть дождевик. — Я уже отчаивался. Вы, наверное, не знаете, что четверть года тому назад мы объявили премию за лучшее название и за все время получили только одно письмо от какого-то учителя, предложившего название в противовес «Пильзенскому пиву» — «Пильзенское старое пиво». Этот учитель закончил свое письмо предложением немедленно выслать ему премию, иначе грозил передать дело в суд. Но какое же сравнение с вашим названием!

Мы наняли извозчика, на котором до шести часов ездили по разным ночным кабакам. Все это время мой спутник ни о чем другом не говорил, как только о будущих успехах своего пива благодаря моему названию; из каждой его фразы ключом бил восторг, а когда мы сели в экспресс, то он представил меня господину, которого и сам не знал.

— С этим человеком я не побоялся бы начать постройку вавилонской башни, — сказал он.

Я его не разубеждал, и когда мы подъезжали к Пильзену, я внушал ему, что никто как я — автор названий «Градчаны» и «Петржин»¹. Он в это время дремал и сквозь сон проговорил:

— Я это хорошо знаю, я уже слышал об этом.

---

¹ Части Пражского Кремля, построенного в XIII—XIV вв.

Приехав в Пильзен, мы немного перехватили в буфете на вокзале и отправились на такси в контору завода.

Сейчас же мы послали за председателем.

— Название готово. Прекрасное название, которого еще никогда не было. Название, которое отеснит на задний план «Пильзенское», — сказал мой спутник пришедшему председателю.

— Этот господин — известный писатель, господин... господин... пардон, я забыл, как ваша фамилия?.. Ну, да, видите, какая легкая фамилия. Но когда человек всю ночь не спит и в поезде... Господин председатель, это название выдумал господин писатель. «Май» ничего не мог выдумать, вся Прага — ни звука, и только один он. Какое сказочное название!

— Ну, скажите же мне это название! — оборвал председатель моего спутника.

Вместо ответа член правления открыл рот и силится что-то припомнить, смотря на меня.

— Ну, как же вы его назвали? Я... я... забыл...

Я стоял как вкопанный. Со мной случилось то, что может случиться со всяким. Сколько я ни думал, ни вспоминал, ни напрягал память до ломоты в голове — ничего не мог вспомнить. Только тогда я понял состояние человека, который забыл, где он живет, как его имя и где он родился; как и член правления, я стоял с раскрытым ртом перед председателем.

— Постарайтесь вспомнить! — сказал председатель. — Приходите после обеда.

Член правления отвел меня на свою квартиру и уложил на диван, чтобы я хорошенько выспался.

К обеду меня разбудили. Положение не изменилось. В усиленных воспоминаниях прошел вечер и следующее утро. Они полагали, что это случилось под влиянием алкоголя, и усиленно поили меня минеральной водой.

Так я прожил неделю и ничего не мог придумать и вспомнить. На седьмой день утром я через окно убежал в поле и пешком пришел в Прагу, так как член правления спрятал мой кошелек, чтобы я не сбежал.

Да, придумывать название — одно из самых интересных и тяжелых занятий!

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

I

Ровно двадцать лет тому назад в прекрасной статье «К немцам Австрии», помещенной в «Neue Freie Presse»,

профессор Момзен призывал немцев разбить твердые чешские головы. Австрийский парламент был свидетелем кабацких сцен. Пьяный депутат Шенерер дрался, и кто-то вылил на него стакан воды. Самым деликатным ругательством, которым немецкие депутаты пользовались при обсуждении вопроса о равноправии языков, было «скотина». В президиуме произошла настоящая драка. Президенту Абрамовичу чуть было не разбили голову тяжелой металлической чернильницей, что было принято за остроумную шутку. Полиция вывела из парламента двадцать депутатов.

Когда император Франц-Иосиф возвращался во дворец по Мариахильферштрассе от эрцгерцогини Марии-Валерии из Вальзее, среди публики раздался свист. Немецкие газеты писали, что свистели чешские рабочие; и это было совершеннейшей правдой.

Император велел позвать к себе барона Гауче и сказал ему, что граф Бадени должен покинуть политическую арену, так как он славянин и благожелательно расположен к чехам.

Так пал граф Бадени. Немцы тут же устроили торжественные манифестации, зажгли фейерверк и напоследок сожгли дома чешских хмелеводов в Жатце и переломали мебель в чешских домах в Мостецке и Духовце, чем придали особо благородный характер своим проявлениям восторга.

На пражской улице Пришкопы провоцировали бурши, пришедшие сюда из немецкой студенческой столовой через Вацлавскую площадь с пением: «Wacht am Rhein».

В Праге вспыхнули антинемецкие беспорядки. Прага сразу была очищена от немецких надписей.

Первого декабря 1896 г. сгорел забор немца Плешнера, в Нуслех произошли столкновения между народом, войском и полицией, были сорваны орлы и выбиты окна в государственных зданиях.

Второго декабря барон Гауч объявил Прагу на военном положении, жертвой которого стал я. Это был прекрасный день в моей жизни.

II

Мне тогда было пятнадцать лет...

Гимназистом я был очень любознателен, что позже, к счастью, прошло. В гимназии на Житной улице нас было таких двое. Кроме меня, во всей гимназии естественными

науками занимался еще преподаватель Гансгирг. Оба мы заинтересовались минералами. Преподаватель Гансгирг имел на своем попечении коллекции минералов; я ему собирал минералы, а он с необычайной любовью делал из них срезы.

Тридцатого ноября он позвал меня к себе в кабинет и сказал:

— Милый мальчик, во Вршовицах, на улице Палацкого, открылся магазин школьных пособий Гафнера. Я заказал там для нашего кабинета коллекцию кремней, за которые я уже заплатил и получил квитанцию. На тебе квитанцию, зайди туда и принеси эти кремни. Будь осторожен: на улицах беспорядки.

В одиннадцать часов пришел директор и объявил, что ученики распускаются по домам. О возобновлении занятий будет объявлено в газетах, когда кончатся беспорядки.

Теперь настали дни раздолья. Вечером 30 ноября я выбил окна в немецком театре и в других домах. 1 декабря я опять выбил целый ряд окон и помог поджечь забор господина Плешнера, за что должен еще получить от него пятьсот крон, так как он объявил в газетах, что тот, кто укажет на след виновника, будет награжден этой суммой. Я носил туда бутылки с керосином. Господин Плешнер, ваши сырые доски никак не разгорались.

Чувствовал себя я, как в раю. От плешнеровского забора я пристал к толпе, которая собиралась разгромить Нусельский полицейский участок. Еще по сей день слышу, как какой-то пожилой господин в цилиндре, подавая мне кирпич, говорит добродушно: «На-ка, тебе, мальчик, попади в того орла». Потащились мы потом в Михле к немцу-помещику. Поджечь стог мне уже не пришлось: меня опередили более взрослые.

Ночью мы вернулись в Прагу. Толпе, к которой я опять пристал, уже почти не оставалось никакой работы. Не везло мне. Громить было нечего. Все, что имело хоть сколько-нибудь общего с государственными учреждениями и немцами, было разгромлено. Дворец Эренталей тушили, и мы должны были ограничиться разрезыванием пожарных кишок. Здесь я сломал перочинный нож.

На Карловой площади была протянута проволока. Драгуны падали с лошадей; манифестанты кидали в них камнями, я помню, что попал одному поручику в голову. Он, правда, с лошади не упал, но повернул лошадь и убрался восвояси.

На следующий день, 2 декабря, Прага была объявлена на военном положении. Первое известие об этом принес

швейцар, но он несколько перепутал и сказал, что в Праге объявлено государственное право¹.

— Наконец-то, хоть чего-нибудь добились, — сказал он радостно.

Наш швейцар был оптимистом чистейшей воды.

Я вспомнил, что у меня есть и другая обязанность, кроме выбивания стекол и бросания в драгунов камней (до последнего, вероятно, меня довела моя страсть к минералогии).

После обеда я отправился во Вршовицы к торговцу минералами, господину Гафнеру, получить купленную преподавателем Гансгиргом коллекцию камней и одновременно посмотреть, что делается на улице и нельзя ли случайно еще где-нибудь выбить какому-либо немцу окно.

Но я был разочарован. Объявленное швейцаром «государственное право» оказалось, согласно официальным объявлениям, «военным положением». Перед объявлениями стояли только по два человека, ибо, как только собирались трое, полицейские разгоняли их, придерживаясь латинской пословицы: «Tres faciunt collegiam»². У Гафнера я скоро освободился. Он дал мне кремни нескольких сортов для школьной коллекции минералов, которые я насовал по карманам пальто и пошел домой.

На Клицперовой улице на Виноградах стоял конный кордон 73-го полка, недалеко от кордона вызывающе теснилась небольшая толпа.

Как раз в это время проезжал по улице Палацкого конный полицейский патруль. Кто-то из толпы бросил камень в стоявший кордон. Клянусь, это был не я.

Полиция въехала в толпу, произошла суматоха, и не успел я опомниться, как оказался один посреди улицы, окруженный конной полицией.

Ко мне подбежал пеший полицейский и ощупал мои карманы.

Прежде чем я смог ему объяснить, что дело идет о коллекции минералов, кольцо верховых полицейских вокруг меня замкнулось: двадцать, четыре верховых полицейских вели в полицию пятнадцатилетнего гимназиста.

Моя маленькая фигурка терялась на мостовой между лошадьми. Я казался цветочком среди крапивы.

Кругом эскадрон закоренелых бюрократов, а посреди эскадрона юноша благородной наружности с невинными

¹ Здесь по-чешски игра слов: *stápné právo* — военное положение, *státní právo* — государственное право.

² «Трое составляют собрание» — не пословица, а юридический принцип.

детскими глазами, открытым лицом и с карманами, переполненными всевозможными кремнями.

Лица всех двадцати четырех сияли. Было видно, что они нуждаются в успехе для того, чтобы показать себя во всей красе.

Прохожие останавливались, любовались эффектным зрелищем, кое-кто делал замечания. Слышал я, как один немец зашипел:

— Повесить!

И как одна женщина сострадательно заметила другой:

— Этот уже света божьего не увидит, раз военное положение!

От одного почтальона, проходившего по Спальной улице, я узнал интересную подробность о себе:

— Это — тот, что стрелял во Вршовицкую казарму.

III

В полицейском управлении меня допрашивал пожилой господин, который вел себя очень строго и собственно-ручно вытаскивал из моих карманов минералы, причем победоносно спрашивал:

— А это не камень, что это такое?

Я отвечал:

— Это горный хрусталь, это морион, это халцедон, это черный оникс, это зернистый халцедон, а это сердолик.

Строгий господин вытянулся, покрутил усы и грозно произнес:

— А за этот хрусталь, морион, халцедон, оникс, агат и сердолик полагается расстрел и веревка, на то существует военное положение. Жваловский, отвести его!

Меня отвели в одиночку с соломенным тюфяком.

Через несколько часов двери открылись, и в дверях появился полицейский, старик добродушной наружности.

— Послушайте, — сказал он дрожащим голосом, — завтра вы будете расстреляны. Дело пойдет в военный суд. Родные у вас есть?

Я ему ответил, что охотно написал бы им несколько слов, и спросил, нет ли у него карандаша и клочка бумаги.

Он вынул записную книжку, куда я вписал адрес моих родителей и следующее письмо:

«Дорогая мамочка!

Завтра не ждите меня к обеду, так как я буду расстрелян. Господину учителю Гансгиргу скажите, что у Гафнера во Вршовицах продается прекрасный аметист для школь-

ной коллекции, а полученные мною минералы находятся в полицейском управлении. Когда к нам придет мой товарищ Войтишек Горнгоф, то скажите ему, что меня вели двадцать четыре конных полицейских. Когда будут мои похороны, еще неизвестно».

Прочтя эту записку, добродушный, поседевший на государственной службе полицейский прослезился и исчез.

Через полчаса меня повели на допрос к полицейскому чиновнику Оличу¹.

На его столе лежало мое письмо к родителям. Добродушный Олич дрогнувшим голосом спросил меня:

— Так как все это произошло, мальчик?

Когда я ему все подробно рассказал, чиновник Олич, рассматривая минералы, сказал:

— У меня дома тоже есть коллекция минералов. Под Турновым и под Ичиным я собрал в прошлом году во время отпуска большое количество агатов и халцедонов. Суньте эти кремни обратно в карман и можете идти домой.

IV

Недавно я прочел, что один шестнадцатилетний студент приговорен за участие в последней демонстрации в Пильзене к четырнадцати годам тюрьмы.

Двадцать лет тому назад меня, пятнадцатилетнего преступника, хотели расстрелять.

Немецкие газеты правы, когда жалуются, что нынешняя полиция в Чехословакии потворствует преступникам.

ВЫБОРЫ СТРАЖНИКА

Мы все с нетерпением ожидали этого заседания, так как на нем должен был решиться вопрос, кому быть сельским стражником. Всего поступило свыше пятисот прошений, а если говорить на языке ученых, то около пятисот тридцати одного прошения. Из желавших занять это место половина окончила юридический факультет, около ста прошений принадлежало окончившим философский факультет, сорок девять прошений было написано безработными из

---

¹ Олич был чехом, занимавшим крупный пост в австрийской полиции. Олич, пользуясь своим положением, оказывал большие услуги чешскому национально-освободительному движению.

различных учительских институтов. Остаток падал на окончивших коммерческие академии, и, наконец, три прошения поступило от лиц, хорошо знакомых старосте, так как они жили в нашем селе. Это были: Франц Качирек — пастух, Ян Коренарж, живший на краю села, и церковный сторож Подлох. Этот последний поругался с попом, который не поделился с ним гонораром, полученным при погребении старухи Швейцовой, и, кроме того, в тот же день обыграл его в пивной на пять златек.

Из всей массы просителей выбрали трех кандидатов, которые жили в нашем селе; остальные прошения мы продали лавочнику Краусу на обертку. Он дал нам за это пять бутылок вина и с тех пор заворачивает в эти прошения покупки. Случалось, что в прошение, оканчивающееся словами: «я обещаю, что заслужу ваше доверие», заворачивался вонючий сыр, который покупали перед тем, как пойти в пивную, потому что в этом сыре столько перца, что пиво от него кажется вкуснее. Пиво у нас привозят из Глубокого, — очень хорошее пиво, если пить его умеючи. Выпьешь десятую, одиннадцатую кружку и потом так заговоришь о политике, что приятно послушать. И не успеешь оглянуться, как тебя начинают лупить, потому что у нас нет людей с одинаковыми убеждениями. Мы говорим и об общественных делах, потому что у нашего старосты своя пивная. В этой пивной мы и собрались, как обычно, на заседание сельского правления. Вообще здесь у нас происходят все общественные собрания. Каждый из кандидатов выставил бочку пива. Сначала бочку выставил кандидат Качирек, и когда мы об этом узнали, то сейчас же решили, что обязательно выберем его стражником. Но такое же угощение выставил и Коренарж, а за ним и церковный сторож Подлох. У нас головы пошли кругом, и мы не знали, что делать. Каждый из кандидатов купил одинаковое количество пива и обошел всех членов сельского правления, и мы обещали каждому выбрать его стражником. Затем сторож Подлох зарезал для нас свинью. Одновременно с ним зарезали по свинье и другие два кандидата — Качирек и Коренарж. Все трое старались нам угодить, но, к сожалению, у нас было место только для одного.

Мы не знали, как поступить. Ни один из трех кандидатов не имел никаких преимуществ. Поэтому нужно было ожидать, что заседание сельского правления по этому вопросу будет особенно бурным. Целый день мы, члены сельского правления, постились, чтобы с большим аппетитом приступить к уничтожению свиней, тем более, что от жареного шел приятный запах по всему селу. Староста

находился в весьма затруднительном положении. Он ходил от одного члена сельского правления к другому и говорил:

— Честное слово, дальше так продолжаться не может. Я сойду с ума. Если бы один из этих трех кандидатов был негодяем, тогда бы мы его просто исключили из списка, и у нас осталось бы только двое, одному из которых можно было бы легко доказать, что он ни к черту не годится. Ну, а так как они все трое одинаковые негодяи, то наше положение скверное. Мы ни в чем их не можем упрекнуть: они устроили для нас угощение и поставили пиво. Но все равно, они — подлецы, и подкупить нас им не удастся.

Среди нас находился один человек, по имени Махличек. Он почему-то относился с неприязнью к нашему старосте Балеку. Везде, где только было можно, он старался причинить ему неприятность. Один раз, например, он донес на старосту, будто тот ворует его снопы с поля. Еще немного, и дело дошло бы до суда. Только после того, как староста скостил Махличку какой-то долг по пивной, дело кончилось мировой. Староста должен был еще обещать ему перед свидетелями, что будет целую неделю даром поить его пивом. Конечно, Махличек не зевал и пил вовсю, и с тех пор между ним и нашим старостой началась непримиримая вражда. Он открыто угрожал, что на заседании сельского совета поставит старосту в неловкое положение.

Наконец, мы сошлись в зале заседаний, то есть, как уже было сказано, в пивной старосты. Кроме нас там сидело несколько наших соседей, которым было сказано, что и они могут участвовать в пиршестве, но на кухне, так как в пивной будут происходить выборы сельского стражника.

Сначала подали суп из свинины, затем кровяную колбасу и ливерную с капустой и картошкой (картошку и капусту добавил староста). После этого подали заливное из трех свиных голов, потом колбасу с салом и, наконец, жаркое из свинины с кнедликami¹ (кнедлики добавил староста). Наконец, распив первый бочонок пива, мы приступили к дебатам. Первым взял слово староста, заявивший, что он сожалеет, что все три кандидата стоят один другого, что все они одинаковые бездельники и шарлатаны, выразившие желание охранять общественный порядок, но что сельское правление может выбрать из трех только одного. Имена их: Коренарж, Качирек и Подлох, и он просит, чтобы они, по крайней мере, встали, когда о них говорят.

---

¹ Кнедлики — шарики из теста, употребляемые как гарнир к жаркому.

После него взял слово Махличек. В своей речи он весьма удивлялся, почему староста не начал с другого конца. Он не сказал, что сельский стражник в первую очередь должен знать, что такое справедливость и право, и не должен позволять оскорблять себя ни при каких обстоятельствах. Вот какой должен быть настоящий стражник. Затем, обращаясь ко всем трем кандидатам, он демагогически воскликнул:

— Ребята, вы должны знать, что нелегко получить то место, которое вы просите. Вы должны быть решительны и способны на все. Если даже сам староста оскорбит вас на вашем будущем посту, вы должны показать, что вы не боитесь ничего, потому что вы будете связаны присягой. Вот сейчас он о вас говорил, что вы негодяи. Докажите же, что вы достойны занять эту должность. Качирек, дай старосте по морде.

Все молча смотрели на Качирека, который сидел, не двигаясь, и глупо улыбался.

Тогда Махличек снова воскликнул:

— Подлох, дай старосте по морде.

Опять тишина. Подлох сидел возле Качирека и улыбался еще глупее.

Тогда Махличек воскликнул:

— Коренарж! Не бойся, дай старосте по морде!

Коренарж подошел к старосте, недоумевающе смотревшему на все происходящее. Раздалась оплеуха, и староста упал со стула.

Под гром аплодисментов Махличек сказал:

— Соседи! Вот это настоящий человек, его мы должны выбрать сельским стражником. Кто за него?

Все двенадцать членов подняли руки в знак согласия.

— Коренарж, итак, ты выбран сельским стражником, — воскликнул староста. — А теперь я приказываю тебе, как твой начальник, чтобы ты дал Махличку два раза по зубам.

— Слушаю, господин староста! — ответил Коренарж и закатил две таких оплеухи Махличку, что его пришлось потом отливать водой.

Так Коренарж сделался нашим сельским стражником

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЩЕСЛАВИЕ

Будучи репортером, я имел возможность убедиться, насколько люди тщеславны...

Однажды я написал в газете, что некий Вацлав Странский из Смихова напился в кабаке, на улице Кинского до

того, что ему нахлобучили на голову шляпу и выбросили его вон. На другой день Вацлав Странский весьма взволнованно просил меня, чтобы я сделал поправку в своей заметке в том смысле, что на голову ему нахлобучили не какую-то дешевую шляпу, а цилиндр.

Другой случай произошел через несколько дней, и причиной его послужила моя заметка в газетах, где я описывал, как чуть не произошел пожар в колбасной лавке пана Слабого. Я написал, что опасность пожара была действительно очень велика, что уже загорелась мука в сосисках.

Я написал это в шутовском тоне, чтобы позабавить читателей, так как вообще считал, что слог рецензента не должен быть сухим.

На другой день в редакцию пришли три человека: колбасник пан Слабый, его отец и его дедушка. Развязнее всего держал себя самый старший, подстрекавший своего сына и внука, чтобы они разделались со мною без всякого сожаления. Внук приговаривал: «Вы только попробуйте наши сосиски». Отец же его держал себя очень шумно и утверждал, что я ему испортил торговлю.

Положение становилось критическим, но тут пришел главный редактор, и я, по тактическим соображениям, признал необходимым исчезнуть, сказав, что они могут объясняться с ответственным редактором.

Слово «ответственный» так понравилось нашим посетителям, что они начали таскать моего редактора, как щенка, а когда ему удалось вырваться, начали гоняться за ним по всем помещениям редакции, вплоть до типографии, где ему удалось запереться в небольшой комнатке. Они ломились в дверь и хотели ее выломить, причем дедушка яростно бил ногами в дверь и кричал:

— Мы тебе покажем муку в сосисках!

На что главный редактор отвечал тонким голосом:

— Господа, я не виноват, так значилось в полицейском протоколе, и заметка, без моего согласия, попала в газету.

Только после того, как сбежались все сотрудники, семья колбасников была удалена силой из редакции и направлена в полицию.

Когда я пришел в полицейское управление, чтобы получить сведения о переломанных ногах, самоубийствах, столкновениях автомобилей с трамваем, ко мне обратился полицейский комиссар с просьбой не посылать к нему в другой раз колбасников, у которых загорается мука в сосисках. Дело это перешло на страницы газеты, издававшейся враждебной политической партией, куда семья колбасника обратилась за помощью. Противники обвиняли нашу газету в от-

сутствии интереса к ремесленникам. Статья была очень тенденциозная, пересыпанная обвинениями по нашему адресу в том, что мы продались крупному капиталу и плюем на интересы мелких ремесленников. Статья кончалась угрозой: придет день, когда наша партия будет сметена с лица земли.

После этого я решил, что больше не буду писать хронике таким путаным слогом и буду выражаться ясно и просто.

Однажды я написал: «Вчера в пять часов дня столяр Ян Кисела поругался в своей мастерской на Жижкове, № 612, со своею женой Марией, урожденной Фохт, и ударил ее железным прутом по голове, в результате чего ее отправили в больницу в карете скорой помощи. Происшествие собрало много народу».

Когда я на другой день пришел в редакцию, то еще на лестнице меня встретил сторож и с озабоченным лицом сказал, что в редакции меня ждут два человека. Они сидели на стульях, и один из них держал в руке большую толстую деревянную планку.

Без всякого предисловия он взволнованно спросил:

— Господин журналист, разве это называется «железным прутом»?

Я не мог ничего против этого возразить и заявил, что он не ошибается и что это не железный прут.

— Вот видите, — сказал он, — я ударил ее этой досечкой.

И он с чувством начал говорить о том, что никогда бы не позволил себе ударить жену железным прутом.

— Да и где столяр мог найти железный прут? Прежде чем он найдет его, у него пройдет весь гнев.

Во имя справедливости я внес исправление в свою первоначальную заметку и написал:

«Неправда, будто бы столяр Ян Кисела из Жижкова ударил свою жену железным прутом. Пан Ян Кисела вчера пришел в нашу редакцию с большой планкой длиною в 2 метра 40 сантиметров и заявил, что этой планкой, а не железным прутом он разбил голову своей супруги».

Я не ожидал, что этот человек, которого я хотел оправдать в глазах общества, снова придет в редакцию с этой же планкой и трахнет ею меня по голове. Вот до чего доходит людская благодарность!

Однажды нашу редакцию посетил карлик Альфонс, пришедший в сопровождении своего импрессарио Массарини,

который показывал его в Праге за сорок геллеров с носа.

Я написал о карлике целую статью, описывая его как самое безобразное существо на свете, на которое интересно посмотреть. Его импрессарио заставил перевести все, что я написал и, не разобравшись как следует, решил, что это его называют безобразным существом.

Он выстрелил в меня три раза из револьвера, думая таким способом выдать себя за красавца.

Одна пуля застряла у меня в плече, и с тех пор я не могу больше писать статей. Думаю, что читатели об этом не особенно жалеют.

ИЗ ЖИЗНИ РЕПОРТЕРА

I

Недавно я поехал выяснить подробности большой кражи, случившейся у одного торговца. Торговец встретил меня испуганно. В таких случаях я не задумываюсь. Я решительно приступаю к выяснению необходимых подробностей.

— Сколько вам лет? — строго спрашиваю я.

Торговец, трясась от испуга, проговорил:

— Сорок восемь.

— Гм... — сказал я, просматривая полицейский протокол. — Но в протоколе сказано — пятьдесят три года. Чем вы это объясняете?

Репортер должен решительно добиваться правды и не делать никому никакого снисхождения.

— Если хотите, если изволите, — проговорил побледневший человек, — я принесу вам свое метрическое свидетельство.

— Принесите его!

Я закурил сигару, сел поудобнее в кресло, стоявшее возле письменного стола, и стал небрежно просматривать корреспонденцию своего клиента.

Наш брат должен нагнать страх на этих бездельников, которые позволяют обокрасть себя, а другого человека лишают возможности спокойно отдыхать.

— Ваша корреспонденция не расположена по алфавиту, — сказал я, когда торговец вернулся с метрическим свидетельством.

Он начал извиняться: на него произвело впечатление, что я просмотрел его корреспонденцию.

Я пробежал свидетельство.

— На ваше счастье, — сказал я строго, — вы законно-рожденный.

Он стал утверждать, что во всем их роду не было незаконнорожденных детей.

Я стал барабанить пальцами по столу и для того, чтобы что-нибудь сказать, заметил:

— Печать — это шестая держава, сударь!

На это он ответил, что, к сожалению, ничего не читает.

— Это сразу видно по вашему виду! — сказал я. — Ну, дружище, нечего разговаривать. Скажите мне, как имя вашей жены?

Он ответил, что холост, и весь съежился, как побитая собака.

— А почему вы до сих пор не женились?

Он принялся мне рассказывать, что не женился просто потому, что в связи с своими торговыми делами не имел на это времени.

— Вы из хорошей семьи? — спросил я его с целью нагнать на него еще больший страх.

Он ответил, что его род всегда был честным.

— Подвергались ли вы когда-либо судебным взысканиям?

Он поднял к потолку два пальца и поклялся, что — никогда.

— Почему вы не моете рук?

— Потому что не имею времени.

— Вы чистите зубы?

— Да, чищу.

— Нюхаете табак?

— Нет, не нюхаю.

С минуту я молчал, а затем, смотря ему в глаза, многозначительно сказал:

— А теперь скажите мне, как случилось, что вас обокрали? Есть ли у вас какое-либо подозрение? Не напали ли вы на след? В какое время, вы предполагаете, произошло это событие? Были ли вы застрахованы, когда обнаружили кражу? И не обокрали ли вы сами себя?

Он удивленно вытаращил на меня глаза и сказал:

— Помилуйте, обокрали ведь не меня, а моего соседа!

Вы не можете представить, с какими ругательствами обрушился на него. Я пообещал, что посажу его в тюрьму, что напишу об этом в газетах, что обращу на это серьезное внимание вплоть до подачи в суд с требованием возмещения убытков.

Со страшными проклятиями я направился в соседний дом, к человеку, которого действительно обокрали и где мои вопросы нагнали такой же страх, как и полагается представителю шестой державы.

II

Однажды случилось так, что целую неделю никто никого не убивал и не обкрадывал. Я выразил свое большое сожаление редакции и заявил, что жизнь для меня теряет всякий интерес, если люди не стреляют и не убивают друг друга. Хоть бы где-нибудь мать замучила ребенка. Но нет ничего, совершенно ничего!

Свои мысли я высказывал и незнакомым людям. Однажды, к концу недели, я сидел в кафе и барабанил пальцами по столу. Полиция ни о чем не знала, в больницах никто не выбрасывался из окна. Действительно, творились ужасные вещи.

С горя я обратил внимание на какого-то незнакомо-го человека, сидевшего возле меня. Это был пожилой господин, приехавший, как я впоследствии узнал из разговора, в Прагу с целью повеселиться. Услышав это, я сделал такое страдальческое лицо, что он испугался.

— Вы приехали в Прагу повеселиться? — скептически сказал я. — Но ведь в Праге, собственно, ничего нет! В течение целой недели не было ни одного убийства, ни одного ограбления, самоубийства, изнасилования, а вы едете в Прагу повеселиться! Да ведь здесь вас даже не обворуют. Вы помните те времена, когда действительно весело жилось на свете! Тогда, полив керосином, зажигали целые кварталы или вырезывали целые семейства, убивали свою мать или отца. Вот жизнь! А теперь в Праге — ничего. Времена, когда люди с перерезанной шеей бегали около часа по Фердинандовской площади, отошли в область предания. Вот была чудесная жизнь! А теперь вас, к сожалению, даже не укусит бешеная собака и не раздавит паровой котел на заводе. Короче говоря, страшная скука! Вы не можете себе представить, какой бесцветной стала жизнь! Я, например, знаю случай, когда одна мать всадила кол в заднюю часть тела своему ребенку. Вот это было радостное событие!

— Ну, с меня довольно! — воскликнул пожилой господин. — Вы негодяй! — добавил он и плюнул мне в лицо. Теперь придется судиться

III

Однажды я написал в свою газету короткую заметку:

«Украл пальто. Вчера в кафе «Орион», на Гибернской улице, вошел пожилой седоватый господин, который, выпив заказанное кофе, подошел к вешалке, и, выбрав себе на ней новое зимнее пальто торговца Иосифа Поляка с Железной улицы, хотел незаметно уйти. Однако его удалось задержать и отобрать пальто. В пальто находился бумажник с двумястами крон и несколько частных писем. Вором оказался житель города Праги, известный рецидивист Вацлав Новак с Панской улицы, Прага II».

На другой день после появления заметки я сидел дома. Вдруг кто-то стукнул в дверь, и в комнату ворвался пожилой, поседевший господин, который воскликнул: «А, попался!» Он трясся от негодования и ударил палкой по столу так, что сломал ее. Затем сел на другой стул и, впиваясь в меня кровавыми глазами, заорал:

— Вы должны это опровергнуть, о Вацлаве Новак, я не краду пальто!

— Я это вижу, сударь, так как тот Вацлав Новак теперь сидит в тюрьме.

— Я промышленник и домовладелец, и меня зовут тоже Вацлав Новак, живу тоже как раз на Панской улице, у меня тоже седоватые волосы. Я член общества старых солдат, а вы мне подстроили такую штуку! Я, Вацлав Новак с Панской улицы, краду пальто! Посмотрите на это!..

Он вытащил из кармана приблизительно двадцать номеров газеты, в которой была помещена хроника. Заметка была трехкратно подчеркнута карандашом. Господин вытащил из кармана револьвер и какую-то склянку с белым порошком.

— Здесь у меня мышьяк, — сказал он, — а здесь револьвер. Если я не прочту опровержения в газетах о том, что я не вор, то я застрелюсь или отравлюсь.

Он хлопнул дверью и вышел. Тогда я написал следующее опровержение:

«Не крал пальто. В дополнение к нашей заметке «Украл пальто» сообщаем, что Вацлав Новак с Панской улицы в Праге не имеет ничего общего с знаменитым вором Вацлавом Новак с Панской улицы в Праге».

Я успокоился. Тем не менее невинный человек все-таки застрелился, зато настоящий вор прислал мне горячее бла-

государственное письмо за то, что я помог ему снять пятно с его жизни, так как он всюду показывает мое опровержение о том, что он, Вацлав Новак с Панской улицы в Праге, не имеет ничего общего с известным вором Вацлавом Новак с Панской улицы в Праге.

В ПОИСКАХ УБИЙЦЫ

По сведениям официальных газет, в полицейском управлении после вывешенного объявления господствовало оживление. Несколько сот людей, которые хотели заработать тысячу крон, обещанных тому, кто наведет полицию на след убийцы, с утра до ночи обременяли полицейский аппарат.

Из департамента полиции, однако, получился приказ — все заявления тщательно записать и переслать ему, чтобы на основании проверенных полицейских методов можно было установить личность убийцы, комбинировать, собирать нити и связать их в одно целое, как поэтически выражались правительственные газеты.

Огромное здание департамента полиции не могло поглотить всю массу добровольных свидетелей, и хозяйственная часть департамента стала серьезно подумывать о необходимости снять добавочное помещение.

Все показания записывались самым подробным образом, и под вечер шеф департамента получил огромный пакет мелко исписанной бумаги. Из этой массы сведений он тщательно пытался скомбинировать факты, сделать выводы и найти убийцу.

Полицейский комиссар Рейхель решил прочитать своему начальнику наиболее важные показания, какие удалось собрать.

Это была трудная задача, ибо среди них были такие, на рассмотрение которых следовало затратить несколько часов, а некоторые совершенно невозможно было разобрать.

«Карл Выгналек, частный служащий, — читал комиссар, — сообщает, что подштанники такого же цвета, какие были на убийце, он видел за три дня до убийства на незнакомце, попросившем у него прикурить. Из этого он заключает, что убийца принадлежит к бедным слоям населения и что он, вероятно, был знаком с убитой старухой, у которой одолжил подштанники. Возможно, что при передаче подштанников возник спор, который и закончился смертью старухи...

Вацлав Хохлатый в своем письме пишет

«Глубокоуважаемый господин директор департамента полиции!

Убитую знал один военный, мой хороший знакомый. Я служил в одиннадцатом полку, и наш батальон был переведен в Ровицу. Там кругом горы, скалы и возвышенности. В горах пасутся стада, главным образом коровы, господин директор. Мой знакомый, знавший убитую, находился тогда третий год на военной службе и имел очень хорошую память. Он всегда был грубияном, и я думаю, что он в состоянии убить человека из-за одного слова. Поэтому, если бы он поссорился с покойницей, то, наверно, убил бы ее, потому что говорил, что такие женщины ему не нравятся. Он умер два года тому назад естественной смертью во время драки...»

Из допроса добровольно явившегося Гофмайера, бакалейщика с Длоугой улицы, выяснилось следующее: убитую он не знал, в Карлине был за всю жизнь только два раза. Последний раз в то время, когда загорелась автомобильная фабрика. Дело было так: после обеда, как всегда в воскресенье, он пошел играть в карты в свой трактир. Играл он честно, не жульничал. Вдруг он услышал крик: «Пожар!» — и действительно увидел, что автомобильная фабрика охвачена огнем. Очень красивое зрелище! Потом пришли солдаты и оцепили место пожара. С тех пор в Карлине он не был и об убийстве ничего не слышал. За потерянное время он потребовал пять крон...

— Я его арестовал, — сказал комиссар и продолжал читать: — Виктор Безвага заявляет:

«Я видел выставленный в полиции молоток и, как специалист-кузнец, могу подтвердить, что этот молоток не кузнецкий, и этим самым отвожу подозрение, которое могло бы упасть на наш кузнецкий цех. Одновременно прошу поспешить с утверждением устава просветительного кружка кузнецов, переданного на рассмотрение департамента полиции десять лет тому назад и до сих пор, вследствие неотложных дел по расследованию убийств, не утвержденного...»

— У нас записан допрос одного приказчика, который несколько лет работал в Карлине. Он сказал, что «Карлин принадлежит к тем городам, где преступление идет рука об руку с честностью». За эти слова я его арестовал.

Весьма важным является допрос госпожи Крафт, вдовы уездного начальника. Она заявляет:

«Мне кажется, что убийца не мужского пола. Думаю что убийство совершила личность женского пола, женщина состоявшая в несчастном браке и не видевшая другого исхода, кроме виселицы. Я не имею прямого подозрения, но все же мне весьма подозрительна некая Анна Трехова, живущая рядом с нами и постоянно выливающая грязную воду в раковину. Поэтому мне кажется, что она на все способна. Последние дни она ходит задумчивая, и в тот вечер, когда случилось убийство, уплатила мне десять крон, которые была мне должна, хотя днем, когда я просила ее вернуть долг, она ответила очень неприличными словами Сумма в десять крон совпадает с суммой денег, приведенной в полицейском объявлении...»

— Я распорядился арестовать Анну Трехову, — сказал комиссар.

— И хорошо сделали, — ответил директор департамента и схватился за голову. — Читайте дальше!

— Здесь имеется один протокол допроса некоего Гофрихтера, который явился со свидетелями, чтобы доказать свою невинность. Он заявил, что старухи он не убил, и потребовал тысячу крон за то, что направил полицию по верному следу.

Затем следует допрос добровольного свидетеля Матушка. Он находит, что старуха покончила жизнь самоубийством.

— Вполне возможно, — сказал директор департамента возбужденно расхаживая по комнате.

— Дальше следует письмо одного церковного звонаря. Он требует вознаграждения в тысячу крон, потому что у него имеется подозрение на одного члена их организации, который уже два месяца не платит членских взносов.

«Имею честь указать на подозрительную связь убийства с последними отравлениями, — пишет чиновник Мурашного. — Необходимо установить, не приобрел ли убийца молоток в каком-нибудь магазине, где продается цианистый калий. Не находят ли на молотке следов яда, и сделан ли молоток, действительно, из чистого железа без примеси? Считаю нужным обратить ваше внимание на эту деталь, так как это может навести вас на след убийцы...»

Директор департамента спохватился:

— Этот человек прав. Сразу видно, что он чиновник. Наши служащие могли бы взять с него пример. Необходимо сейчас же сделать химическое исследование молотка.

На этом следствие в тот день, ко всеобщему удовлетворению, закончилось. Прежде всего напали на следы нескольких людей, которые убийства не совершали, и затем на следы тех, которые могли бы совершить. Затем допросили несколько людей, о которых говорилось, что они скупают краденые вещи, и расследовали связь между молотком и цианистым калием. Наконец позвонили по телефону в Богнице, местечко возле Праги, где находится дом умалишенных, не пойман ли там убийца. Ответ последовал тотчас же: «Нет, не пойман».

— Мы его тоже еще не поймали, — глубокомысленно заметил директор департамента. А комиссар после долгих поисков нашел еще одно письмо:

«Глубокоуважаемый президиум департамента полиции! Имею честь обратить ваше внимание на чернильные карандаши. Это первое. Арестуйте всех, у кого имеются чернильные карандаши. Второе: арестуйте всех, не причастных к убийству, и таким образом вы вполне изолируете убийцу. Его потом легко можно будет поймать. Этот случай можно сравнить с задачей, как поймать самым быстрым образом шесть львов: поймать их десять и четыре пустить на свободу...»

На основании этого последнего письма департамент полиции построил план своих усиленных розысков.

ПОХОЖДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОСЛА

I

Когда президентом республики Уругвай стал Жозе Иохим Эрразувиза, для синьора Мануэля Нунес наступила полоса замечательных событий. За несколько лет перед тем Мануэль Нунес снимал комнату у некоего Концепсиона, который специализировался на подделке векселей. Мануэль Нунес был тогда корреспондентом журнала, борющегося за права индейских метисов, а заодно стал помощником в предприятии синьора Концепсиона, ибо умел мастерски подделывать подписи.

Когда они, наконец, засыпались, Нунес удрал в Перу и прислал оттуда письмо Верховному суду в Монтевидео, что единственный виновник — это он, а Концепсион —

невинная жертва правосудия. Этого рыцарского поступка оказалось достаточно, чтобы синьор Концепсион получил свободу.

Затем Концепсион принял участие в революции против президента Доминго на стороне партии Жозе Иохима Эрразувизы, который был вскоре провозглашен президентом республики. Концепсион выполнял в революции ответственную роль распространителя анекдотов о старом президенте. После победы Эрразувизы Концепсион получил место привратника в министерстве иностранных дел, где министром стал личный друг нового президента — синьор Диэго Порталес.

К этому времени синьор Мануэль Нунес возвратился из добровольного изгнания в Перу и навестил своего старого приятеля Концепсиона, ныне привратника министерства иностранных дел. Тот встретил его с распростертыми объятиями, а при расставании сказал:

— Послезавтра будьте дома, дружище Нунес, я уж пристрою вас на должность.

Через день Мануэль Нунес был приглашен в министерство иностранных дел к правителю канцелярии синьору Приэто.

— За ваши заслуги перед республикой, — объявил правитель канцелярии, — вы назначаетесь нашим посланником в негритянской республике Либерии. Политический диапазон нашей страны побуждает нас назначать своих представителей в самые отдаленные углы земного шара, — он усмехнулся, — куда, как говорится, Макар телят не гонял. Слыхали вы когда-нибудь о негритянской республике Либерии?

Нунес завертел головой.

— Это неважно, — сказал правитель канцелярии, — сейчас мы позовем заведующего статистикой.

Заведующий статистикой явился в большом смущении.

— Согласно справочнику, — начал он неуверенно, — негритянская республика Либерия должна существовать... В алфавитном порядке: «Калифорния... Канада... Либерия». К сожалению, до сего времени в моем отделе не обнаружено ни малейших намеков на нее. Никаких нот оттуда не поступало. Ввиду этого наш интерес к означенной республике был минимальным. Господин министр в своих речах в Палате общин тоже не упоминал об этой стране... Впрочем, если желаете, господа, можно к завтрашнему дню раздобыть географический атлас.

— Отлично! — произнес правитель канцелярии. — В таком случае завтра перед обедом мы встретимся здесь и про-

смотрим атлас. — Расставаясь с Нунесом в дверях, он добавил отечески: — Не забудьте, что дипломатическим языком является французский.

По дороге домой новоиспеченный посланник купил себе книгу «Разговор испанца с французом».

II

— Должен вам сказать, господин посланник, — торжественно объявил на следующий день сам министр иностранных дел, — что произошла определенная ошибка. Вы назначены не просто посланником в республику Либерию, но чрезвычайным послом. — Мануэль Нунес низко поклонился. — Но, — сказал министр, — надеюсь, вы умеете есть на банкетах левой рукой? Суммы на представительство используйте для ознакомления чужестранцев с нашей республикой. Еще раз предупреждаю вас о банкетах. Кушать надо левой рукой, где вилка. А ножом не едят, ножом только режут. Торт не берите в кулак. И не ковыряйте в носу на приемах. Постоянно помните о том, что представляете в чужой стране республику Уругвай.

И министр вышел, величественно подняв голову. Через минуту явился заведующий статистикой с громадным атласом. Правитель канцелярии и Мануэль Нунес совместно воззрились на его сияющее торжеством лицо. Заведующий статистикой имел такой вид, как будто открыл новую часть света, которую полстолетия не замечали мимо идущие пароходы.

— Не говорил ли я вам, — воскликнул он, — что негритянская республика Либерия существует? Хотите доказательств, синьоры?

Он разложил на столе географический атлас.

— Вот тут Ла-Плата, а здесь Либерия. Сядете на пароход в Буэнос-Айресе, в Аргентине...

— Позволю себе указать, — возразил правитель канцелярии, — что мне еще неизвестно, прекращено ли состояние войны между нашей республикой и Аргентиной. Впрочем, можно справиться по телефону у военного министра.

— Можете ехать через Буэнос-Айрес, — сказал он, возвратясь от телефона, — военное положение снято уже третий месяц.

По дороге из министерства домой Мануэль Нунес опять завернул к букинисту и приобрел карту мира и книгу церемониймейстера республики Уругвай, д-ра Бенуто «Умень держать себя на банкетах».

На протяжении четырех недель, оставшихся чрезвычайному послу до отъезда в республику Либерию, его можно было видеть в салоне синьоры Ричарды, бывшей протитутки, потом известной танцовщицы и впоследствии владелицы «Школы элегантных манер».

Остатки свободного времени он посвятил добросовестной проработке «Разговора испанца с французом» и книги д-ра Бенуто «Уменьше держать себя на банкетах».

К своему удивлению, Нунес прочел, что французский и испанский языки принадлежат к романской группе и имеют между собой большое сходство. Но сколько он ни штудировал «Разговор испанца с французом», ему это сходство обнаружить не удалось. Поэтому посол решил учить все на память.

«Члены семьи суть: отец, мать, дети, сыновья, дочери, внуки и внуки. — Жив ли твой отец? — Сколько детей у твоих родителей? — Будь благодарен своим родным за их заботы о тебе. — Младший брат моего отца был земледельцем. — У моего прадедушки было семь дочерей. — Его прабабушка имела двух сыновей. — Его прадедушка был племянником брата своего отца...»

Мануэль Нунес жарил наизусть страницу за страницей. Кроме того, из книги д-ра Бенуто он усвоил, что на дипломатических обедах нельзя рыгать, икать и сплевывать на пол.

Перед отъездом его навестил редактор правительственного официоза «Республика Уругвай».

— Общественность, — сказал редактор, — с захватывающим интересом следит за вашей деятельностью на служебном поприще, господин посол. Ваши дипломатические способности — лучшая гарантия того, что наша заграничная политика будет блестящей. Мы беспрестанно завоевываем новых союзников, проявляем себя за границей. Буду очень рад, если вы периодически будете присылать в нашу газету статьи о вашей плодотворной деятельности.

Мануэль Нунес выехал в Либерию. На пароходе он не расставался с картой мира и книгой «Разговор испанца с французом». Зубрил отчаянно:

«Время обедать. — Я не голоден. — Подано на стол. — Брат за обедом сживал возле нас. — Здесь нет прибора. — Рис, крупа, манная крупа. — Свинину можно коптить. — Вчера я жарил баранину. — Хрен с уксусом. — Ручей мелок и узок, река широка и глубока, пруд часто глубже и шире, чем ручей. — Ночью я часто скриплю зубами. — Поезжайте с ребенком в детскую больницу. — Корова и вол — суть животные».

III

Через две недели чрезвычайный посол Уругвайской республики Мануэль Нунес снискал широкую популярность в республике Либерии.

Было это в связи с вручением верительных грамот президенту Либерии Занрику, весьма приятному негру, знавшему французский, английский, немецкий, арабский, турецкий, голландский, датский, финский, русский и шведский языки. Его предки в царствование Людовика XV были колесованы при каком-то восстании чернокожих рабов.

Заметка в официальной газете, посвященная приему нового посла президентом республики, была необыкновенно лаконична:

«Вчера президенту нашей республики представил верительные грамоты чрезвычайный посол республики Уругвай господин Мануэль Нунес».

Газета, которую вел лидер оппозиции (его предки при Людовике XV были изжарены на медленном огне), писала по этому поводу:

«До сих пор непонятно, что за прок будет нашей республике от появления чрезвычайного посла какой-то неведомой республики Уругвай. Ясно лишь одно: глава нашей республики уделяет слишком много времени этой особе, которая, судя по всему, скорее нуждается в абсолютном покое... (Дальше изъято цензурой)... Поистине удивительно... (изъято)... что такой... (изъято)... что совсем не в наших целях, ибо весь разговор президента с уругвайским послом, согласно стенограмме министерства внутренних дел, звучал так:

Господин президент. Весьма рад, что благодаря вашей энергии вы уже в молодых годах получили столь ответственный пост.

Мануэль Нунес. Дедушка — старейший член нашей семьи...

После паузы Мануэль Нунес. Мой брат на два года старше меня. Ему скоро восемьдесят. Вы в цветущем возрасте. Вы выглядите моим ровесником. Некоторые грибы съедобны, а другие ядовиты. Бревно есть отесанный ствол. Мне нужны воротничок и манжеты. Жду письма до востребования. Лихорадка усиливается к вечеру. Поднимите левую ногу. Ежедневно кушайте овощи.

При этом разговоре нашему президенту даже не удавалось вставить слово, ибо уругвайский гражданин Мануэль Нунес непрерывно сыпал ломаным французским языком эти странные фразы. Президент был вынужден держаться

невозмутимо, что, конечно... (изъято). Если же какой-нибудь балбес из-заграницы... (изъято). Скотина... (изъято).

Наше министерство иностранных дел форменно оскандалилось. На банкете, устроенном в честь нового чрезвычайного посла Уругвая, господин Нунес произнес следующий спич:

— Эта прическа мне не к лицу. Вымойте мне волосы. Голову побрейте, а усы оставьте как есть. У колбасника к вечеру будет свежая ветчина. Остановитесь на рынке и узнайте, почему цыплята.

Статья оппозиционного органа кончалась словами: «Бесспорно, это финал, ибо...» (изъято).

Однако чрезвычайный посол Уругвайской республики остался на своем посту. Он устраивает банкет за банкетом, именуется его превосходительством, и никому, кроме оппозиции, не мешает, что господин посол и по сей день встречает своих гостей словами:

— Как раз сегодня я вспомнил, что надо купить яиц. Вы младше, чем я. Вы уже выбрали маскарадный костюм?

РОКОВОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

Хромого Томаса Хавкинса, председателя конференции по разоружению, в Сан-Франциско поджидала яхта, на которой он, покачиваясь на соленых волнах Тихого океана, мог бы отдохнуть, пока вновь не соберется распущенная на вынужденный отдых конференция, где он был председателем.

Доктора, пользовавшие некоторых членов конференции, обнаружили у большинства из них запор, признаки меланхолии, головную боль и несварение желудка — как последствия многочисленных банкетов.

Члены конференции по разоружению ходили после таких банкетов, словно привидения; когда они выступали, язык плохо повиновался им, а читая на следующий день отчеты о заседаниях конференции, ораторы несказанно удивлялись, какую ерунду печатают газеты.

Однажды, когда они шли с банкета на конференцию, к ним привязался какой-то профессор, возвращавшийся со съезда по борьбе с алкоголизмом. Они предоставили ему слово на заседании.

Профессор, с трудом держась обеими руками за трибуну и трясясь, как огородное пугало на ветру, в течение трех часов говорил об извержении в 1773 году вулкана Стромболи на Липарских островах.

Когда, наконец, после трехчасового рева, за мраморным столом президиума убедились, что профессор говорит не по существу и что он вообще не имеет ничего общего с конференцией по разоружению, слуги, предварительно оглушив оратора дубинкой во избежание сопротивления, передали его полиции для выяснения личности.

Все участники конференции были удручены этим случаем и почувствовали, что глупеют со дня на день.

Окончательно убедил их в этом напечатанный газетами последний отчет, из которого они узнали, что вчера, на пятнадцатом ночном заседании конференции по разоружению, было принято следующее постановление:

26. Поскольку выяснено, что Китай до сих пор не имеет ни одного дредноута и линейного крейсера первого класса, конференция по разоружению решила:

«Принимающие участие в конференции государства обязуются предоставить китайской республике беспроцентный заем на три года в размере трехсот миллиардов, чтобы она могла построить столько же дредноутов и линейных крейсеров, как и другие участвующие в конференции государства. Китайская республика обязуется в течение трех лет построить сорок дредноутов и тридцать крейсеров первого класса, а также обязуется уничтожить пять имеющихся у нее крейсеров третьего разряда и передать кантонскую гавань под контроль международной комиссии. Представленные на конференции государства заявляют о том, что с их стороны не имеется возражений против присутствия представителей китайского военного флота на строительстве третьего симплонского туннеля...»

«...и на строительстве телефонной станции на горе Ара-рат», — с ужасом прочли дальше члены конференции.

Председатель Том Хавкинс совершенно протрезвел от этого сообщения, но все же усумнился, действительно ли они приняли накануне подобные решения. Однако, когда по его требованию принесли стенографический отчет последнего заседания конференции, его чуть не задушила астма: весь двадцать шестой параграф был его собственным предложением, принятым с дополнением, внесенным членом конференции Вудвортом:

«Одновременно разрешается негритянской республике Либерии постройка пяти подводных лодок при обязательном условии, чтобы они были выкрашены в черный цвет...»

Не удивительно, что на другой день председатель Том Хавкинс произнес на заседании конференции дрожащим голосом, вполне соответствовавшим его осунувшемуся лицу, следующую прекрасную речь:

— Нельзя отрицать, господа, что наши заседания ознаменовались крупными успехами и дали блестящие результаты. Мы проработали двадцать шесть постановлений. Радиотелеграф разнес наши решения по всему земному шару. Мы не щадили своего здоровья и должны быть откровенными: вы отлично знаете, что нас ждет еще гигантская работа. Поэтому нельзя допустить, чтобы мы переутомлялись. От работы и волы дохнут! Наши нервы нуждаются в отдыхе. Я по себе чувствую, что устал. Размышлять днем и ночью, это, господа, не шутки! Если у карманных часов перекрутить завод, то пружина лопнет. Так и с нашим мозгом. Он нуждается в покое. Нам сейчас в первую очередь необходим соответствующий отдых, чтобы укрепить здоровье, набраться сил для новой работы. Поэтому я вношу предложение, господа, разойтись на трехнедельные каникулы. (*Бурные аплодисменты и голоса: «На месячные!»*)

Член конференции Ле Ру, в эту минуту возвратившийся в невменяемом состоянии из ближайшего ресторана, подошел к ораторской трибуне и, стуча по ней кулаком, закричал: «Долой меня отсюда! Требую голосования!» (Слуги, нежно поддерживая Ле Ру, вывели его в кабинет секретариата и уложили на диван.)

Тогда слово взял представитель Боливии, Хуарес-ди-Вега, заявивший, что он будет голосовать против предложения господина председателя. Уже на третий день работы конференции он от имени своего правительства потребовал, чтобы боливийской республике была оставлена ее постоянная армия в количестве двенадцати человек, охраняющих порядок во дворце президента и его окрестностях. Однако после прений, несмотря на его протест, было решено, что Боливия должна повысить контингент своей армии с двенадцати человек до ста двадцати тысяч, поскольку такова численность армий Чили и Перу. Ведь, если вспыхнет война, Боливии угрожает опасность, что на ее двенадцать человек нападут сто двадцать тысяч перуанцев или чилийцев. Для предотвращения войны необходимо установить равновесие вооруженных сил в пропорции 1:1:1.

— Господа, — приподнятым тоном заявил Хуарес-ди-Вега, — достопочтенное собрание! Как раз сегодня я получил отношение своего правительства, где указывается на

абсурдность постановления уважаемой конференции. Все население Боливии мужского пола составляет меньше восьмидесяти тысяч человек. Как же вы хотите, господа, чтобы мы составили из них армию в сто двадцать тысяч? Что же нам, разрезать их пополам или одолжить недостающих сорок тысяч солдат у соседей, нарушив тем самым постановление конференции, запрещающее вербовать войско за границей? Правда, нам дан трехлетний срок, но согласитесь, пожалуйста, что при всем нашем желании мы не можем за это время так размножиться! Я, господа, тоже немного математик...

— Лжете! — перебивает его представитель Чили. — Дайте сюда энциклопедию! (*Шум и смятение в зале.*)

Председатель звонит и посылает секретаря за энциклопедией, а представителя Боливии лишает слова.

— Господа, — заявляет председатель упавшим голосом, — только что мы были свидетелями совершенно неуместной демонстрации. Я не нахожу слов, чтобы выразить, до чего я огорчен случившимся.

В это время возвращается секретарь и просит слова:

— Господа, в энциклопедии нет Боливии!

Представитель Боливии встает, бледный и взволнованный:

— Милостивые государи, два миллиона триста сорок семь тысяч квадратных километров...

Председатель лишает его слова и просит секретаря продолжать.

— Раз в энциклопедии Боливии нет и даже намеком не упоминается о ней, то и для нас не существует никакого господина представителя Боливии с его двенадцатью солдатами! (*Смех в зале.*) Я предлагаю отобрать у него мандат и исключить из числа членов конференции. (*Голос: «Втерся сюда!»*) Происшедший случай весьма прискорбен и наглядно показывает, какие трудности приходится преодолевать конференции, чтобы о ней не скажали, будто она играет комедию!

За предложение об исключении Боливии голосовали все, кроме одного. Последний голос принадлежал члену конференции Мериана, мирно спавшему за своим столом и в этот момент случайно проснувшемуся из-за дыма от окурка сигары, которую он курил перед сном.

Он поднялся, произнес «против», но не успел сесть снова, как паркет вздыбился, раздался оглушительный взрыв и в полу образовалась громадная дыра. С потолка

посыпалась штукатурка. Члены конференции полетели вниз.

Когда дым и пыль рассеялись, обнаружилось, что председатель конференции по разоружению Хавкинс, зацепившись одной штаниной, висит на стальной балке зала заседаний. Он выделывал такие движения, будто участвовал в состязании по плаванию, причем непрерывно вопил: «Mon dieu, mon dieu!»¹

Власти полагали сначала, что это дело рук анархистов, но следствие установило, что взрыв не имел политической подоплеки.

Представитель одной фабрики взрывчатых веществ ожидал в приемной внизу некоторых членов конференции по разоружению, чтобы предложить им новое взрывчатое вещество «Вашингтонит», в две тысячи раз эффективнее экразита и в тысячу восемьсот раз превышающее действие мелинита. По ошибке вместо коробки со спичками он вынул коробку с образцами и, открывая ее, вызвал взрыв.

Вот почему хромой Том Хавкинс поехал отдыхать на Тихий океан.

КАК Я ВСТРЕТИЛСЯ С АВТОРОМ НЕКРОЛОГА ОБО МНЕ

За мое пяти-шестилетнее пребывание в России я был несколько раз убит различными организациями и отдельными лицами.

Вернувшись на родину, я узнал, что был трижды повешен, два раза расстрелян и один раз четвертован дикими повстанцами-киргизами у озера Кале-Исыл.

Наконец меня окончательно закололи в дикой драке с пьяными матросами в одесском кабаке. Эта версия представляется мне самой правдоподобной.

Правдоподобной казалась она и моему доброму другу Кольману, который, найдя очевидца моей геройской смерти, написал об этом, столь неприятно для меня окончившемся событии целую статью в своей газете.

Он не ограничился небольшой заметкой. Его доброе сердце принудило его написать обо мне некролог, который я прочел по своем возвращении в Прагу.

---

¹ Боже мой, боже мой (франц.).

Будучи уверен, что мертвые из гроба не встают, он весьма тонко выругал меня в этом некрологе.

Чтобы убедить его в том, что я жив, я пошел его искать, — и так возник этот рассказ.

Автора своего некролога я нашел в одном из пражских винных погребков ровно в двенадцать часов ночи, когда, согласно какому-то императорскому постановлению от 18 апреля 1856 года, закрываются винные погребки.

Он смотрел на потолок. Со стола убрали залитые ска-терти. Я присел к его столику и спокойно спросил:

— Разрешите? Здесь свободно?

Он все еще обозревал заинтересовавшее его место на потолке и логично ответил:

— Пожалуйста. Уже закрывают, я думаю, вам не по-дадут.

Я взял его за руку и притянул к себе. Он минуту молча смотрел на меня и, наконец, шёпотом спросил:

— Простите, вы не были в России?

Я засмеялся.

— Вы меня теперь все-таки узнали. Я был убит в Рос-сии в одном грязном кабаке в дикой схватке с пьяными матросами.

Он побледнел:

— Вы... вы...

— Да, — сказал я твердо, — я был убит в корчме в Одессе матросами, а вы написали о моей смерти некролог.

Он чуть слышно прошептал:

— Вы прочли, что я о вас писал?

— Ну, конечно, некролог очень интересный, если отбро-сить небольшие недоразумения. Он только длинноват. Даже когда умер государь император, ему не отвели столько места. Ему ваш журнал посвятил сто пятьдесят две строчки, а мне сто восемьдесят шесть по тридцать три геллера за строчку, — как нищенски прежде платили журналистам! — что всего составляет пятьдесят пять крон и пятнадцать геллеров.

— Что вы, собственно, от меня хотите? — спросил он испуганно. — Хотите эти пятьдесят пять крон и пятнадцать геллеров?

— Оставьте себе этот заработок, — ответил я, — мерт-вые не берут гонораров за некролог о своей смерти.

Он побледнел еще больше.

— Знаете что, — сказал я непринужденно, — заплатим и пойдем еще куда-нибудь. Я хочу провести эту ночь с вами.

— Нельзя ли это отложить хотя бы на завтра?

Я пристально посмотрел на него.

— Счет! — крикнул мой собеседник.

Позвав на углу фиакр, я предложил автору своего некролога сесть в него и грубовым голосом сказал извозчику:

— Везите нас на Ольшанское кладбище.

Автор моего некролога перекрестился.

Долго царила томительная тишина, нарушаемая только хлопанием бича и фырканием лошадей.

Я наклонился к своему спутнику:

— Слышите, как вдали воют собаки?

Он задрожал и приподнялся в фиакре. Заикаясь, он произнес:

— Вы действительно были в России?

— Убит в корчме, в Одессе, в драке с пьяными матросами, — ответил я сухо.

— Иисус-Мария! — отозвался мой спутник, — это ужаснее, чем в романах...

И опять наступила томительная тишина... Где-то действительно завывали собаки.

Когда мы очутились на Страшницком шоссе, я сказал своему спутнику, чтобы он заплатил за извозчика.

— Скажите, пожалуйста, нет ли здесь какого-нибудь трактира? — обратился ко мне безнадежным и жалобным тоном автор некролога.

— Трактир? — засмеялся я. — Мы сейчас перелезем через кладбищенскую стену и поговорим где-нибудь на могильной плите об этом некрологе. Лезьте вперед и подайте мне руку.

Он молча подал мне руку, и мы соскочили на кладбище. Под нами затрещали сучья кипариса. Ветер меланхолически шумел между крестами.

— Я дальше не пойду! — сорвалось с уст моего приятеля. — Куда вы меня хотите утащить?

— Сегодня, — весело сказал я, поддерживая его, — мы пойдем посмотреть на склеп старого пражского семейства Бонециани. Совершенно заброшенный склеп в первом отделении, шестой ряд, у стены. Заброшенный с того самого времени, как в нем похоронили последнего потомка, которого привезли в тысяча восемьсот семьдесят четвертом году из Одессы, где он был убит матросами в корчме во время драки.

Мой спутник вторично перекрестился.

Когда мы уселись на надгробную плиту, я проговорил тихим голосом:

— Милый друг! В гимназии учили вас прекрасному лозунгу: о мертвецах ничего — кроме хорошего. Вы же отва-

жились написать обо мне, мертвец, всякие мерзости. Если бы я сам писал о себе некролог, я написал бы, что ни одна смерть не оставляла такого тяжелого впечатления, как смерть такого-то. Я написал бы: «Самой крупной заслугой умершего была любовь к добру, ко всему, что свято для чистых душ». Вы же написали, что умер жулик и комедиа́нт. Не плачьте. Бывают моменты, когда сердце бурлит от желания описать самое прекрасное из жизни умерших. А вы... написали, что покойник был алкоголиком.

Автор моего некролога зарыдал еще сильнее, его скорбные рыдания разносились по тихому кладбищу и терялись где-то вдали.

— Дорогой друг, — сказал я решительно, — не плачьте: теперь уже ничего не исправишь...

Сказав это, я перепрыгнул через кладбищенскую стену, подбежал к будке кладбищенского сторожа, позвонил к нему и заявил, что, возвращаясь с ночной работы, я слышал за кладбищенской стеной первого отделения какой-то плач.

— Это, наверно, какой-нибудь нализавшийся вдовец, — цинично ответил привратник: — мы его арестуем.

Я ждал за углом. Приблизительно через десять минут ночные сторожа вели с кладбища автора моего некролога в участок.

Он упирался и кричал:

— Господа! Это сон или действительность?

ИЗ ДНЕВНИКА УФИМСКОГО БУРЖУЯ*

Говорят, что большевики заняли Казань. Наш владыка Андрей приказал соблюдать трехмесячный пост. Завтра будем кушать три раза в день картошку с конопляным маслом. Да здравствует Учредительное собрание! Чешский офицер Паличка, который у нас на квартире, взял у меня займы две тысячи рублей.

Болтовня о взятии Казани красными действительно отличается от прежней именно тем, что у нее есть известная объективная почва. Наши очистили Казань потому, что, как секретно сообщил мне чешский офицер Паличка, в Казань прибыло два миллиона германских солдат. Со всех купцов и купчих, которые попали в Казани в плен красным, содрали шкуру и печатают на ней приказы Чрезвычайной следственной комиссии. Говорят, что придут беженцы из Казани. Надо спрятать сахар из магазина, чтобы немножко повысить цену. У нашей братии из Казани денег много. Да здравствует Учредительное собрание!

Говорят, что большевиками занят Симбирск. Наши взорвали мост через Волгу. При постройке этого моста дядя мой заработал пятьсот тысяч рублей. Чешские офицеры говорят, что падение Симбирска — ерунда и что все — в стратегическом плане. Офицер Паличка украл у меня золотой портсигар. Да здравствует Учредительное собрание!

Сегодня прибыла в Уфу первая партия беженцев из Казани и Симбирска. По дороге их по ошибке раздели оренбургские казаки. Была торжественная встреча. Я выпил две бутылки коньяку и написал заявление на дворника, что он большевик. Дворника отправили в тюрьму.

В газетах напечатано, что большевики в Симбирске отняли у всех богачей детей и отдали их на воспитание китайцам. Во всех церквях молитвы. Владыка просит всех православных христиан строго соблюдать пост, так как большевики продвигаются на Самару.

Скушал вчера немного ветчины, а вечером пришла телеграмма, что пала Самара. Одного члена комитета Учредительного собрания отправили в сумасшедший дом прямо из Общественного клуба, где он говорил, что падение Самары — чепуха. Беженцы прибывают. Рассказывают, что большевики всех поголовно режут, а головы буржуев нагружают на специальные поезда и отправляют в Москву, где их бальзамируют и хранят в кладовых в Кремле.

Один штабс-капитан рассказывал вчера в Дворянском собрании, что большевики обливают буржуев кипятком, из жен и ей жарят рубленные котлеты, которыми кормят в тюрьмах правых эсеров и кадетов. Купцов обливают керосином и употребляют в таком виде для освещения занятых ими городов. Аристократов и фабрикантов раздевают, жарят в специальных машинах, прибавляют обрешанные копы убитых жен аристократов и фабрикуют из этого валенки для Красной Армии.

Вчера опять отправили в сумасшедший дом одного из правых эсеров. Звал на базаре баб идти громить Москву и записываться в Русско-чешский полк. Мой офицер Паличка взял у меня взаймы еще две тысячи рублей, которые обещал вернуть в тот момент, когда Народная армия возьмет обратно Казань. Думаю, что этих денег никогда не увижу.

Наши отступили от Бугульмы. Нет никакого сомнения, что это только стратегический маневр и что это ничего не значит. Это очень маленький городок. Газеты пишут, что с нами идет Англия, Франция, Япония и Америка. Сам Вильсон приедет в Уфу. Против этого Бугульма — ерунда. Французский консул уже выехал из Уфы. Наверно, едет навстречу Вильсону. Да здравствует Учредительное собрание!

Вчера я читал в газетах, что ради освобождения России от большевиков и ее пробуждения к новой жизни надо эвакуировать Уфу. Сегодня на Центральной улице увидел настоящего француза с отморозенными ушами. Он продавал в кофейне по два рубля открытки со своей фотографией и подписью: «Капитан Легале». Братья чехословаки отдыхают немножко от побед и торгуют на базаре спичками, сигарами, папиросами и самогонкой.

Последний эшелон чехословаков исчез из Уфы. Мой квартирант взял с собой мои часы, дочь и шесть тысяч рублей, которые нашел в письменном столе. Наздар!

Адмирал Колчак издал приказ об аресте всех учредителей. При таких условиях я пришел к убеждению, что Учредительное собрание, так сказать, игрушка. Я потерял с этим Учредительным собранием дочь, двадцать тысяч рублей, золотой портсигар, часы и вместо этого у меня на руках какие-то векселя. Обманули нашего брата. Да здравствует адмирал Колчак!

Карательный отряд колчаковцев реквизирует у меня пару лошадей, двадцать пудов сахара, сто ящиков спичек и взял в солдаты моих приказчиков. Большевики заняли Чишму. Из французов остались в Уфе только два молодца, которые выступают в цирке. Нашего владыку видали на вокзале у коменданта станции. Он очень интересовался, когда идет поезд на Челябинск. Мне тоже надо сходить на вокзал.

ИЗ ДНЕВНИКА УФИМСКОГО БУРЖУА

(продолжение)

Первого марта старого стиля в день св. мучеников Нестора, Тринимия, Антония. Маркелла, девицы Домнины и

Мартирила Зелепецкого, мощи которых оскорбили большевики, вступила в Уфу освободительница нас, буржуев и капиталистов, — народная армия императора Колчака I, самодержавного царя всесибирского, омского, тобольского, томского и челябинского.

С гордостью теперь говорю: «Я буржуй!» Пришла свобода для всех нас, богачей, а для этой рабочей и крестьянской дряни кандалы, ссылка, Сибирь, веревка и расстрел.

Только меня возмущает маленькое недоразумение, которое случилось после обеда. Мы, буржуи, собрались с хлебом и солью встречать наших освободителей, а вместо них встретили по ошибке эскадрон красного кавалерийского полка, который чуть нас всех не изрубил. Я испугался так, что вечером, когда пришли настоящие освободители, лежал на кровати в горячке и видел перед собой только шашки красной кавалерии. Да здравствует крепостное право! Да здравствует император Колчак, царь православный всесибирский!..

Сегодня я благоговейно молился в храме с другими купцами и буржуями о благе нашем и счастья. Как нам свободно теперь дышится! На улицах опять стоят городовые, никто не смеет взять ничего на учет. На своих квартирантов я прибавил по 100 рублей в месяц за комнату. Живет у меня самая пролетарская сволочь. Я им теперь покажу! Сегодня был с доносом у полицмейстера на портного Самуила, жида беженца, который прежде всегда говорил, когда здесь были большевики: «Свет, воздух, свобода!» Я очень рад, что его арестовали и расстреляли. «Свет, воздух, свобода!» Да здравствует крепостное право! Да здравствует император Колчак II!..

Сегодня вступил в город полк Иисуса Христа. У солдат вместо нашивок белые кресты. Я говорил с одним офицером, бывшим батюшкой из Казани, который мне сообщил, что задачей полка Иисуса Христа вырезать всех большевиков и жидов в России, в Европе и освободить Иерусалим от турок и жидов. В полку Иисуса Христа есть специальная пулеметная команда из духовенства...

Настоящая весна для нас, буржуев, после большевистской зимы. Все улицы украшены яркими золотыми погонями. Везде слышно: «Ваше благородие, ваше высокоблагородие, ваше превосходительство». Если солдат не отдает честь и не становится во фронт, бьют его, мерзавца, по морде. Ясно видно, что без рабства жить невозможно и что должен быть порядок. Сегодня объявлен указ, которым отобрана земля у крестьян и отдана помещикам и дворянству. Крестьянин и рабочий будет лишен всех прав и не

смеет уходить от тех владельцев, на чьей земле он сидит или работает. Для пролетарской сволочи отменены все свободы. Каждый рабочий должен ежедневно являться в полицию.

Нам представлена полная власть над рабочим. Указом царя Колчака I введено телесное наказание, закование в кандалы и ссылка в Сибирь. Я говорил с несколькими фабрикантами. Они будут ходатайствовать перед Колчаком о разрешении им продавать рабочих по своему усмотрению.

У нас поселился один офицер Челябинского полка. Какая красота! Золото и ордена. Приказал мне, чтобы я при его вступлении в комнату кричал всей семье: «Встать, смирно!» Боевой парень! Каждый день требует вина и порет своего денщика. Сегодня повешено перед собором 50 большевиков с женами и детьми. Вход на место казни один рубль в пользу георгиевских кавалеров. Да здравствует диктатура буржуазии!..

Вчера была у нас пирушка. Мой офицер расстрелял все зеркала и лампы, шашкой разбил всю посуду, разрезал себе руку, помазал кровью лицо и пел: «Боже, царя храни». Ночью видел везде большевиков и спрятался под кровать. К утру его увезли в больницу. Врач сказал, что это отравка алкоголем, который распространен среди Народной армии...

Сегодня расстреляна в тюрьме третья партия политических заключенных. Разогнаны все профессиональные союзы. Да здравствует император Колчак II!..

Говорят, что большевики во что бы то ни стало возьмут Уфу обратно. Господи, что будет, что будет... Говорят, что отрезали уже от Верхнеуральска путь на Златоуст, деваться некуда.

Проклятая авантюра Колчака...

ТРАГЕДИЯ ОДНОГО ПОПА

Жил-был в Уфимской губернии один поп. Звали его Николаем Петровичем Гуляевым.

Это был истинно русский человек, который в старое время за неимением евреев в его селе ездил на погромы в Самару и Воронеж.

Когда пришел переворот, Николай Петрович Гуляев очень испугался, что ему перестанут носить деньги, и поэтому везде говорил, что человеческая свобода должна руководствоваться нравственным законом, а этим законом для деятельности российской революции должна быть воля

божья. Этим нравственным идеалом должны руководить священники — приказчики г-спода, а поэтому вся революция должна быть в поповских руках.

К сожалению, большевики держатся несколько другого мнения и думают про попов, что они мошенники, так что Николаю Петровичу пришлось еще больше перепугаться, услышав, что церковь и Советская республика не имеют ничего общего и что его доходы от государства кончились.

Когда пришла эра власти учредилковцев, это была радуга в жизни испуганного Николая Петровича Гуляева.

В проповедях в церкви он объявил народу, что Учредительное собрание есть непосредственное творение божье, совершенно отличное от всех окружающих его тварей.

Перед сотворением Учредительного собрания бог держал совет с самим собою, и оно получило благословение господствовать над Уфимской губернией.

— Только, — говорил Гуляев в церкви, — смотрите, чтобы большевики не вернулись. Поэтому молитесь и давайте на молитву, так как теперь все дорого, и вы должны больше платить за молитву ради вашего спасения и искупления, — такова воля божья.

Малая молитва — 10 рублей, большая — 20. Эта цена предусмотрена богом, который в несокрушимой твердости над большевиками повысил цены на все продукты.

И случилось так, что Николай Петрович копил денежки, чувствуя большую благодарность к Учредительному собранию, которое защищало его доходы перед большевиками, помаленьку менял старые, царские деньги и керенки на краткосрочные обязательства с подписями членов совета ведомства учредилковцев и на длинные грустные векселя.

В один хороший день пришла катастрофа в форме телеграммы следующего содержания:

«Священнику Николаю Петровичу Гуляеву. Так как Учредительное собрание разогнано и члены арестованы, приказываем вам немедленно прекратить молитвы в пользу Учредительного собрания и ввести молитвы за адмирала Колчака».

Получив телеграмму, Николай Петрович посмотрел в ужасе на пачку краткосрочных обязательств всероссийского Временного правительства, приказал звонить в колокола и, когда собрался народ, сказал необыкновенным голосом следующую речь:

— Было время, когда весь человеческий род, кроме семейства праведного Ноя, по определению божью, потопом

был истреблен, потому что люди потеряли веру в Колчака и сочувствовали большевикам и Советской власти. И потому бог сказал об этих людях: «Не вечно духу моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они большевики. Православно-христианское учение состоит в следующем: адмирал Колчак есть один по существу, но троичен в лицах, а именно: адмирал Колчак — бог-отец, бог-сын — генерал Войцеховский*, и дух святой — английский посол Колдран. Ура, ура, ура!»

Сказав эти слова, Николай Петрович выбежал из церкви. Когда его догнал церковный староста у леса, Николай Петрович укусил его с криком «Ура, Колчак!»

* * *

Николай Петрович Гуляев находится в настоящее время в Уфимской психиатрической клинике в камере № 6. Таскает с собой по камере какие-то бумажки и кричит: «Краткосрочное обязательство. Председатель совета управляющих ведомствами Филипповский. Члены совета: Нестеров, Рудка, Климушкин, Баев; главноуполномоченный всероссийского Временного правительства Знаменский. Вечная память, вечная память!»

В это время приходит всегда в камеру надзиратель и уводит Николая Петровича Гуляева под холодный душ.

УФИМСКИЙ ИВАН ИВАНОВИЧ

Уфимский купец Иван Иванович не убежал из города с другими буржуями, но остался на своем наблюдательном пункте, в лавке, с определенной целью заниматься по приходе советских войск спекуляцией и провокацией.

Одним из важнейших свойств, отличающих купца Ивана Ивановича от других животных, является дар речи, дар слова.

Иван Иванович пользуется в самом широком смысле этим свойством и злоупотребляет свободой слова при каждой возможности.

Его дар слова имеет в уфимской жизни громадное значение.

Этот дар не касается того, что он говорит дома, в семейном кругу, а лишь того, что говорит он как гражданин в общественном месте, на базаре, в чайных, в кофейных, у парикмахера и в своей лавке.

Он действует так, чтобы было незаметно, что он сам провокатор, распространяющий ложные слухи с намерением внести панику или образовать новые контрреволюционные элементы и врагов советской власти.

Он никогда не скажет прямо: «Я узнал то и то». Он говорит, что «это слыхал», что «это где-то читал».

Он остался в Уфе, чтобы по возможности побольше учинить вреда советской власти, и действует через публику.

Он идет на базар и разговаривает с торговцами с видом человека, интересующегося капустой, мукой, мясом, салом.

— Вот, — говорит он, осматривая поросенка, — Бугульму взяли белые обратно, и поэтому запрещен выезд в Симбирск.

Он знает психологию базарных торговцев, этой темной массы мелкой буржуазии и деревенских кулаков, которые верят всем идиотским слухам, если только в них есть кое-что неприятное для советской власти.

— «Слава тебе, господи», — скажет какая-нибудь старушка, прислушиваясь, и бежит домой, чтобы в кругу темных баб, как попугай, дальше распространять идиотские провокаторские мысли Ивана Ивановича.

Иван Иванович идет к парикмахеру.

— Сегодня ночью, — сообщает он тихим голосом, — бы хороший мороз.

После этой невинной увертюры продолжает:

— Интересно, как далеко за таким морозом слышно стрельбу орудий. Так близко было слышно стрельбу, что сразу подумал, что белые не дальше пятнадцати верст от города.

Иван Иванович хорошо знает, что у парикмахера ждет своей очереди такой же враг советской власти, как он, купец Захаров, который обязательно своим знакомым скажет: «Наши пятнадцать верст от Уфы», и потом прибавляет равнодушно: «Сегодня привезли много раненых».

Исполнив в парикмахерской свою провокаторскую задачу, Иван Иванович идет в кофейную. Знает, что там сидят и болтают бывшие буржуа, у которых предприятия взяты на учет.

Этим приносит большую новость: «Дутов взял Казань и Москву! Петроград занят союзниками».

Все знают, что это идиотство, но все-таки на них действует эта глупая болтовня очень приятно.

Иван Иванович с невозмутимым видом продолжает, что Дутов арестовал Совет Народных Комиссаров, что он это слыхал на вокзале.

Все опять знают, что Дутов разбит под Оренбургом, но это им не мешает распространять все эти провокационные слухи по городу, в среде врагов советской власти.

Вы слышите сегодня, что занят Бирск, завтра Стерлитамак, и не знаете: или смеяться над идиотами, или взять револьвер и пустить им пулю в лоб.

Это последнее, по-моему, есть самое лучшее средство борьбы с провокаторами.

Во время французской революции провокаторов не гильотинировали, а вешали.

Ввиду того, что веревка у нас отменена, предлагаю всех этих провокаторов Иван Ивановичей на месте расстреливать.

ОБ УФИМСКОМ РАЗБОЙНИКЕ ЛАВОЧНИКЕ БУЛАКУЛИНЕ

Есть разбойники, которые действуют топором, обухом. Лавочник Булакулин действовал спекуляцией, и никто из разбойников не относился так легко и насмешливо к своим жертвам, как он.

На базаре платишь за пуд картофеля шесть рублей, а у него за фунт — один рубль пятьдесят копеек. Смотришь с ужасом на картофель и думаешь, что вот-вот он скажет своей жене насчет тебя: «Гляди-ка на мерзавца, точно стограет страстью к картошке».

В своей лавке он является деспотом. Покупатель в его глазах дрянь, а он, смотря на испуганную бакалейную публику, говорит: «Тяжело мне возиться с этой сволочью».

А вечером, считая кассу, все эти драные рубли, марки, пятерки, купоны и грязные керенки, которые обобрал он с рабочего народа, вздыхает: «Ах ты, работа моя неблагодарная», и в это время у него лицо убийцы, не понимающего своего преступления.

Но в лавке его капризам нет конца.

— Не до гляденья тут, коли купить не хочешь, — говорит он старушке, которая не может встать с места, потому что он ей сказал, что фунт постного конопляного масла стоит сорок рублей. — Зачем стонешь, родить, что ли, собираешься?

— Да разве вы не слышали, — обращается он к публике, — что теперь в Москве фунт стоит сто рублей?

Все знают, что толстый разбойник врет, но их участь в его руках.

Ошеломленные, они ждут, что скажет он дальше. Старушка собирается прийти в чувство.

— Берите по сорок рублей фунт конопляного масла, — слышен тихий голос кровопийцы, — не то завтра будет сорок восемь рублей.

— Это спекуляция, — сказал кто-то.

— Не мурлыкай, братец мой. Какая тут спекуляция? Морозы страшные, каких Уфа еще не видела, гражданская война, и если захочу, и пятьдесят два рубля за фунт заплатишь. Наше дело купеческое, маленькое. Ты нам деньги, мы тебе товар.

— Тридцать рублей даю за фунт, — говорит несмелым голосом кто-то из публики, как бы опасаясь, что за это слово поведут на плаху.

— Издайся, — отвечает лавочник Булакулин, — тридцать рублей за фунт конопляного масла! Уничтожить меня хотите, сделать нищим, что ли? Хочешь, чтобы я утопился? Ведь у меня, чать, ребятишки есть!

Бакалейная публика понимает, что все пропало, и покупает фунт конопляного масла за сорок рублей.

— Почему колбаса? — спрашивает новый покупатель.

Лавочник долго молчит и чешет затылок. Неделю тому назад колбаса продавалась по три рубля фунт. В среду — двенадцать рублей, в субботу — шестнадцать рублей, а сегодня, в понедельник...

Вопрос тяжелый.

— Это самая хорошая колбаса, — рекомендует он смесь лошадиного мяса с мукой, — это настоящая краковская, цена двадцать два рубля за фунт.

Лавочник Булакулин опять слышит слово «спекуляция» и обиженным тоном твердо заявляет:

— Говорить и рассуждать вам нечего, вы посмотрите в Уфе, как в других бакалейных лавках. Разве мне ради вас обанкротиться, что ли?

В полном восторге бывал обыкновенно лавочник Булакулин, когда его кто-нибудь спрашивал, нет ли спичек.

Первый ответ его был самый неутешительный.

— Можете из меня щепы щипать, а спичек не найдете. Не стоит продавать, цена очень высокая. Я сам купал десяток за сто двадцать рублей.

В амбаре у него спрятаны два ящика еще от того времени, когда коробка стоила копейку.

— Если хотите, я вам могу отпустить, — предлагает дальше кровопийца, — коробку за двенадцать рублей.

— Не хочу, не надо.

Лавочник Булакулин потрясает кулаком:

— Какой неблагодарный народ, харя.

Испуганный уфимский обыватель машинально вынимает из кармана двенадцать рублей, берет коробку спичек и шепчет:

— Простите меня, окаянного, больше не буду дразнить, — и выбегает из бакалейной лавки с убеждением, что случайно спас себе жизнь.

Никогда в жизни мне не было страшно, только один раз. Это было в лавке Булакулина. При воспоминании об этом случае еще сегодня у меня бегают мурашки по телу.

Я пришел в этот страшный день спросить в бакалейной лавке Булакулина, сколько стоит холодная котлета, которую я видел среди сыра и колбасы.

— Двадцать рублей, — сказал Булакулин таким страшным голосом, от которого у меня зашевелились волосы на голове.

В этом было все: и «руки вверх» и удар обухом, топором.

Далее ничего не помню. Лежу в лазарете, и врачи говорят, что у меня воспаление мозга.

...Вчера я спросил санитаря, что случилось с лавочником Булакулиным. Говорят, что его за спекуляцию расстреляли и что он упорно молчал и только перед смертью, когда он уже стоял у стенки, спросил себя: «А может быть, я очень дешево продал колбасу? Может быть, спрятав ее, я бы нажил на две тысячи рублей больше?..»

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

На станцию Абдулино опять прибыл новый эшелон с пленными нароодоармейцами, сынами сибирских крестьян.

Жандармы и полиция колчаковского самодержавия выгнали их из сибирских родных гнезд сражаться за Уралом ради власти царских генералов, буржуазии, сибирского дворянства и помещиков.

Они радуются теперь, что вырвались из рабства, и не чувствуют себя пленниками; они в полном смысле слова — свои.

По прибытии эшелона на станции был устроен импровизированный митинг. Выступал ряд ораторов из перебежчиков.

— Царские генералы, — сказал один из них, — недели опять брюки с лампасами и издали приказ, чтобы мы, сыновья сибирских крестьян, шли бить Красную Армию за

Урал. А кто в рядах этой Красной Армии? Те же сыновья крестьян, которые уже давно сбросили свою буржуазию и помещиков и сами правят Россией. Нас, сибирских крестьян, царские генералы-помещики послали на фронт под угрозой расстрела отбивать Сибирь от рабочих и крестьян. Нам не нужно фронта, нам, сибирякам, нужна сплоченная работа с Советской Россией для осуществления великих задач коммунизма в Сибири.

Оратор обратился к красноармейцам с просьбой сильнее наступать, чтобы разбить Колчака и освободить сибирских крестьян и рабочих от помещиков, буржуазии и офицерства.

— Вы забрали весь наш полк в плен, — кончает свою речь перебежчик. — Спасибо вам, товарищи. Мы расстреляли своих офицеров, когда узнали, что вы наступаете. Мы живем теперь новой жизнью. Там — это был кошмар, здесь — новый день, заря свободы...

* * *

Вид у всех веселый, добродушный, но они очень плохо одеты, видно, что Колчак не обращает внимания на обмундирование своего пушечного мяса. Очень интересна группа народоармейцев, одетая в какие-то китайские халаты с мандаринскими желтыми кругами.

Денег у них очень мало, жалования не платили им уже три месяца. Один показывает деньги Сибирского временного правительства — пять, десять и двадцать пять рублей формата полтинника и объясняет, что их никто в Сибири не берет. Старых денег также нет, говорят, что их увезли союзники. Вся Сибирь с нетерпением ждет прихода советских войск. Дороговизна страшная. В Омске пуд белой муки — 80 рублей деньгами Сибирского временного правительства (но можно купить за 20 рублей керенками), фунт масла в Томске — 45 рублей. У крестьян отобрана земля и введены новые тяжелые налоги. Все станции Центральной Сибири находятся в руках чехословаков, которых часть уже пробилась во Владивосток. В их руках громадное количество военного имущества, которое они увозят с собой. В Иркутске чехословаки взорвали казенные склады. Колчак издал приказ их обезоружить, но из-за отсутствия достаточных сил не пришлось исполнить этот приказ. Союзных войск в Сибири нет.

— А за что воевать пошли? — спросил кто-то перебежчика.

— Нам говорили, что нужно идти за веру и отечество! Если придут большевики, они наложат чрезвычайный налог на иконы и т. п. Но народ начал понимать, в чем дело. Не за веру и за отечество, а за карманы генеральских, офицерских собак и за помещичью землю гнали нас генералы и помещики.

* * *

Эшелон двинулся. Послышались звуки «Интернационала». Это пели пленные народоармейцы, новые борцы за освобождение Сибири.

Что если бы слышал это «великий» адмирал Колчак?

СИБИРСКАЯ СКОРОПАДЧИНА

«Колчаковская Сибирь угрожает Советской России диктатурой помещиков, офицерства и крупной буржуазии под руководством ее «верховного правителя» царского адмирала Колчака.

Вокруг этого второго Скоропадского соединились все контрреволюционные банды, которые бежали из рабочей России за Уральские горы.

Теперь они, собравшись вместе, решили раздавить власть рабочих и крестьян и потопить в крови все завоевания революции, уничтожить свободу рабочих и крестьян и лишить их всех прав.

Нет сомнения, что захват Уфимской губернии и продвижение вооруженных сил сибирского Скоропадского к Бугуруслану есть только преходящее явление.

Меч революционных красных войск висит уже над головой сибирского Скоропадского — Колчака.

История всегда повторяется. Украинский Скоропадский принадлежит к прошлому, железная логика истории, которая выдвинула диктатуру пролетариата, за первым Скоропадским бросит в пропасть и другого.

Мы накануне крупных событий, которые приведут к полному разгрому сибирской скоропадчины и к созданию советской власти за Уралом и Алтаем.

Поднялось Поволжье и превратилось в огромный военный лагерь. Сверкают на солнце штыки красных стрелков.

А эти красные штыки несут с собой неминуемый конец сибирской скоропадчине».

АНГЛО-ФРАНЦУЗЫ В СИБИРИ *

Везде в железнодорожных киосках в Восточной Сибири можно встретить империалистические газеты: английские — «Маньчжуриян Дей Нью», «Руссиян Дей Нью», «Азиатик Нью Аженс», и французские — «Журналь де Пекин», «Журналь де Сибири».

Перед духовными очами всех господ редакторов этих иностранных газет яркой звездой горит только одна точка: Россия — в качестве страны со старым царским строем, с генералами, капиталистами, губернаторами, городовыми, вокруг которых вертятся «союзники».

Что же препятствует осуществлению этих радостных для буржуазии дней?

Русский рабочий и крестьянин, который хватает режиссеров из империалистического театра за руки и отбирает у них колчаковскую Сибирь и другие декорации и бутафории черносотенной «Святой Руси».

Поэтому роль всех этих английских, французских и американских газет на политическом рынке Лиги наций очень жалка.

Захудалый журналишко, скажем «Азиатик Нью Аженс», лает на огромную пролетарскую революцию, лает на русского рабочего и крестьянина, который сегодня уже взял винтовку в руки, чтобы двинуться через Омск, Томск, Иркутск на Владивосток. Журналишко предлагает буржуазии вязать большевикам руки по всей Сибири и доставлять их к становому в качестве «царских супротивников».

Все эти английские и французские газеты врут не хуже белогвардейских.

«Журналь де Пекин» сообщает 7 мая сего года, что Петроград занят финнами и что большевики и жители убежали в Москву.

Даже после падения Уфы и разгрома Колчака за Белой и под Златоустом «Руссиян Дей Нью» пишет 26 июня: «Армиями адмирала Колчака водворен полный порядок в центре России».

Все-таки известия о поражении Колчака дошли на Дальний Восток. И вот вдруг эти журналы, полные до тех пор победных гимнов, выкидывают флаг пароходных обществ.

Сразу появляются в газетах объявления: «Прямое сообщение пароходами через океан в Америку, Англию, Францию. Путь Сан-Франциско — Вальпарайзо».

«Общество «Дескур и Кабо» отправляет в кратчайший срок и без очереди собственными пароходами в Японию, путь Иокагама...»

Итак, пароходное общество «Дескур и Кабо» является последним этапным пунктом для контрреволюции и буржуазии, бежавшей перед красной грозой.

Все-таки эти газеты дают весьма интересные сведения о внутреннем положении империалистических хищников и об окончательно прогнившей Лиге наций.

«Le Журналь де Пекин» приносит следующую телеграмму из Лондона: «Секретарь министерства морских дел Даниэль объявляет, что в интересах борьбы с большевизмом нужно учредить интернациональную полицию под контролем Лиги наций».

Не скучно читать эти газеты, и есть, чем позабавиться.

От интернациональных городских и сыщиков переходит «Журналь де Пекин» к вопросу о колониальной политике империалистов.

Тут доходит до драки. «Мы ваши, а вы наши, — обращается французский орган к английским приятелям из «Азиатик Нью Аженс», — только бы вот насчет эксплуатации и ограбления Маньчжурии...»

То же самое говорит и американец японцу: «Мы ваши, а вы наши, только бы вот насчет пристани Киао-Чау и Шанчунг... прошу не трогать».

Старая формула разбойников при распределении добычи!

«Маньчжуриян Дей Нью» печатает приказ генерала Кноха по английской заамурской бригаде:

«Так как солдаты королевской заамурской бригады самовольно желают пробраться во Владивосток, предупреждаю, что демобилизация частей внутренней охраны пока произведена не была. Приказываю всем оставаться на своих местах до дальнейшего моего распоряжения и тщательно следить за всеми агитаторами».

Само собой разумеется, что и русские палачи-генералы печатают в этих журнальчиках свои приказы, чтобы показать Англии и Франции, какие они молодцы.

Так «Журналь де Пекин» печатает приказ казачьего атамана Иванова-Рязанова из Владивостока:

«В ответ на террористические акты большевиков в окрестностях Владивостока приказываю всех подозреваемых в большевизме и пленных красноармейцев, содержащихся во Владивостокской тюрьме, разбить на три группы.

Первую группу расстрелять с получением этого приказа, вторую и третью — постепенно, в случае возобновления покушений со стороны большевиков».

Воспеванию таких зверств царских палачей посвящают эти «журналы» три четверти своих страниц.

Искал я в этих «журналах» сведения о чехословаках и нашел, что большевики при занятии партизанскими отрядами станции Тайга у Красноярска разбили чешский карательный отряд, где и пал комендант станции Прагер. Дальше: что 12 мая умер чешский военный министр Стефанек и что чешский добровольческий отряд отправился в Пекин, в Китай для охраны французского посольства.

Вероятно, чешско-словацкие белогвардейцы в настоящее время по поручению «союзников» будут в Китае вешать китайских кули во имя спасения славянства, родины и китайского «учредительного собрания».

ДНЕВНИК ПОПА МАЛЮТЫ *

Из полка Иисуса Христа

Материал взят из игуменн.

Март (Златоуст).

Возлюбленные о господе архипастыри, пастыри и все верные чады православной церкви российской вместе с божьей милостью царем всероссийским Александром IV (Колчаком) объявили гонения на язычников-большевиков. Из нашей братии сформирован батальон, к которому прибавили два батальона из татар и башкир. Это полк Иисуса Христа. Когда мы выехали из Челябинска, то купеческая публика на вокзале кричала нам: «Да здравствует капитализм!», «Вперед за православную веру!» Все татары и башкиры в нашем полку строго ответили: «Ура!»

Март (Бирск).

Меня, по милости божьей, назначили полковым адъютантом. Надеюсь, что приведу в порядок свои финансы, разоренные большевиками — гонителями церковнослужителей.

Отделением церкви от государства они лишили нас жалованья, говоря, что мы занимаемся не трудом, а обирательством. Поэтому мы, все священники, и собираемся

вокруг Александра IV, богом нам данного, собирателя и строителя новой монархии на святой Руси.

И да поможет ему бог в этом великом деле, снизойдет на народную армию благословение божие.

В городе мы расстреляли несколько дюжин большевиков, с которых сняли сапоги и продали в полковой цейхгауз. Сегодня я высек нескольких солдат, чтобы не забывали, что дисциплина — это страх божий!

Апрель (Уфа).

Наш полк Иисуса Христа устроил еврейский погром. Всякий, кому дорога возобновленная родина и жизнь церковная, кто дорожит святым учением евангельским, кому дороги заповеди Христовы, шел бить евреев. Я сам зарубил шашкой на центральной улице одну старушку.

Да укрепит нас господь на служение правде божией и на славу временного сибирского правительства!

Апрель (Белебей).

В Белебее мы построили ряд виселиц. Да будут виселицы Александра IV истинной школой жизни, источником воды живой, которую господь наш Иисус Христос дал нам в своем евангельском учении.

Май (Уфа).

На фронте торжествует антихрист. Красные прогнали нас из Бугуруслана. Завтра преосвященный епископ Андрей устроит крестный ход по всему городу.

После крестного хода опять будет еврейский погром, так как уфимский гарнизон, бригады уральских горных стрелков нуждаются в обмундировании.

Июнь (Уфа).

Мне кажется, что мы напрасно мобилизуем татар и башкир вокруг забытого алтаря православной церкви.

Наши сдали Мензелинск. Красные гонят нас по Каме. К ним в плен попал один батюшка, служивший у пулемета в 27-м Челябинском полку, и они его, вместо любви христианской, расстреляли. Гонение жесточайшее воздвигнуто красными стрелками на армию царя Колчака. Вчера епископ Андрей в своей проповеди в соборе сказал: «Лучше кровь свою пролить и удостоиться конца мученического, чем допустить сдачу Уфы на поругание красным», а сегодня уже выехал из Уфы.

В особом послании зовет нас последовать за ним, идти на подвиг страданий, в защиту святынь. Наш эшелон отправляется завтра утром, в шесть часов, на Златоуст. Надеюсь, что бог поможет и мы еще успеем расстрелять до утра последнюю партию заключенных в тюрьме красных.

Июль (Челябинск).

Мужайся, Александр IV.

Иди на свою Голгофу. С тобою крест святой, дворянство, купцы, офицеры и помещики. Твое войско, побиваемое красными, переходит на их сторону, но с тобой воинство небесное.

Красные взяли Уфу, Пермь, Кунгур, Красноуфимск, идут на Екатеринбург и подходят к Златоусту. «Оскудеша очи мои в слезах, смутиша сердце мое» (Плач Иеремии, 2 гл., 11 ст.).

Эвакуируем Челябинск.

Июль (Омск).

Господи! Прости наш страх перед большевиками. Мы запуганы красными стрелками. Нас тревожит безвестный конец. Эвакуируем Омск.

ЗАМОРОЖЕННЫЕ ЧИНОВНИКИ

В субботнем номере «Нашего пути» я читаю статью «К попу послали», где автор удивляется, что в отделе социального обеспечения не знают декрета об отделении церкви от государства и направляют мать, которая пришла получать пенсию за убитого сына красноармейца, к попу за выпиской из метрической книги.

Этому я никак не удивляюсь, потому что в советских учреждениях везде сидят замороженные чиновники, на которых наложен тяжкий подвиг с умом понимать время, которое пришло.

Для этих чиновников советский строй остается непонятным.

Они служили царю, служили Керенскому, служили белым. Только вывески над учреждениями перекрасились с занятием Уфы нами, но внутри остались те же самые попугаи, которые не стремятся к пониманию окружающего.

Для этих чиновников советский строй остается вполне непонятным — они не могут помириться с новой жизнью.

Они ничего не понимают, их не интересуют декреты, это для них гораздо покойнее.

Притом говорят: «Мы только служим, мы беспартийные». При этом страшно обидно, что много партийных интеллигентных людей или искренне сочувствующих советской власти не могут найти в Уфе никакой должности, потому что в советских учреждениях находятся беспартийные глупцы, которые плачут при снятии икон в советских учреждениях.

Мне столько раз приходилось проходить советскими учреждениями, и я наблюдал, что жизнь в них проходит как-то глухо.

Во многих местах не чувствуешь, что ты в советском учреждении, а в каком-то союзе статских советников и ждешь, когда тебе скажут, что в канцелярию ходить в валенках неприлично.

В народном банке, например, хорошо одетых людей встречают с каким-то восторгом и называют их «господами».

Из финансового отдела управления губерний дали печатать бухгалтерские книги с рубрикой «Министерство, департамент» и очень удивились, когда я им сказал, что уже министерства нет. Не смогли на это ответить ничем иным, как «Это старая форма».

Везде встречаешь такие «старые формы».

Красный свет бьет в окно, но в комнатах сидят люди с воспоминаниями о кадетской жизни, не интересующиеся в настоящее время ничем, кроме сосиски с капустой.

Если бы их раздеть, то на груди их можно было бы найти портрет губернатора.

Они остались служить советской власти, потому что им деваться некуда.

Эти безобидные люди презирают советскую власть, но тем не менее служат ей.

Они не поняли новую жизнь, они замороженные и растут только на своем солнце, которое, конечно, вне советского строя.

БЕЛЫЕ О 5-й АРМИИ

Прощаясь с миром, сибирская реакция оставила нам память прошлого вроде своих белогвардейских газет с откликами о боевых действиях 5-й армии. В августе 1918 года — через месяц после появления 5-й армии, когда начинают белогвардейцы чувствовать опасность, появляется в «Вестнике Комитета Учредительного собрания»: «Красные собирают против нас крупные силы, чтобы взять опять

Самару, Симбирск, Казань. Беженцы из Пензы сообщают, что большевики подвозят на фронт массу войск».

Немного позже, когда 5-я армия наступает на Казань, в той же газете пишет член Учредительного собрания Лебедев: «Большевики перешли в наступление на Казань, но я уверен, что они будут разбиты наголову и Казань будет для них роковой. Тут решается судьба большевизма».

Железные батальоны нашей армии взяли Казань, Симбирск, и правый эсер Фортунатов плачет в своей газете: «Казань и Симбирск залиты потоками крови. Против нас не стоят уже неорганизованные банды большевиков, они организовались и взяли два города... Если мы и в будущем время встретим подобные попытки, мы будем поступать с такими людьми, как с государственными изменниками в военное время... Я уверен, что загубленная Россия возродится...».

В других белогвардейских газетах начинают появляться в сводках о фронте Учредительного собрания короткие, но весьма неприятные для белых сообщения о нашей армии: «Уфимский район. Противник продолжает наступать».

«Власть народа» за 28 ноября 1918 года на одной странице о Западном фронте публикует: «Бугульминское направление. Сведений не поступало» и на другой стороне появляется первое воззвание адмирала Колчака, Верховного Главнокомандующего, к офицерам и солдатам русской армии, в котором мы встречаем, что кровавая армия германо-большевиков с примесью мадьяр и китайцев угрожает Уфе и что нужно спасти родину. «Я призываю вас сплотиться около меня как первого офицера и солдата, — говорит покойный адмирал, — да поможет нам господь бог всемогущий». Но он не помог. Наша армия вошла в Уфу.

Мы отступаем в марте из Уфы. «На пасху будем в Москве» — название одной передовицы в «Отечественных ведомостях». Настроение редакторов белогвардейских газет в то время бодрое, веселое. Шутят, как будут вешать в Москве и Питере рабочих и крестьянскую гольтьбу. Их перо не может приостановиться. И когда наша армия уже опять наступает и берет Бугуруслан, Бугульму обратно, они все-таки пишут, что заняты Колчаком Самара Казань, Инза, Симбирск, где расстреляны при попытке бежать все комиссары Совдепов. Это не мешает в том же номере поместить воззвание к русским гражданам оказать помощь беженцам из Бугуруслана, Давлеканово, Бугульмы.

Наша армия переправляется через Белую и Каму, громит белых, вступает в Уфу и Златоуст.

Перечислить в то время плач и вопли белогвардейских газет не является возможным. Местами утешают статьями:

«О тяжелом положении большевистской армии»: «Из офиц. источников передают, что армия находится в таком моральном состоянии, что не выдержит даже слабого натиска».

Результатом нашего «панического страха» было то, что наша армия перешла Урал и заняла Челябинск.

Когда Колчак опять начал наступать к Тоболу, опять появляются в белогвардейских газетах статьи: «Наша армия победным маршем идет на Урал возвращать русскому народу матушку Москву».

Эти географические ошибки белых журналистов разбила 5-я армия одним ударом, вступив в Петропавловск и Омск. И пришлось белой журналистике писать, что уже Деникин взял Москву, а Юденич — Петроград.

Наша армия характеризуется в «Енисейском вестнике» как «красный зверь, ошалевший от голода в России, который безудержно двинулся в Сибирь». Конец приближается.

В «Енисейском вестнике» пишет епископ енисейский Назарий: «Верующей пастве церкви Енисейской настал последний час, когда решается вопрос, быть или не быть нам. Что всегда спасало русский народ в критические моменты его жизни? Вера в бога. Облекитесь и вооружитесь верою.

Я зову вас к всенародному покаянию перед Пресвятой Богородицей, исконной заступницей и спасительницей Святой Руси.

Да спасет вас она от окончательной гибели».

Но штыки 5-й армии оказались сильнее.

В день годовщины белогвардейская печать отошла в область истории.

5-я армия уничтожила и этого покойника реакции.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

I

Четвертого декабря в 1850 году от разрушения Иерусалима, в 428 году от открытия Америки, а если этого недостаточно, то в 540 году от изобретения пороха я оставил Советскую Россию и появился на границе Эстонской республики.

В Нарве я с большим интересом прочел выцветшее объявление, в котором год тому назад эстонское правительство обещало лицам, которым посчастливится меня схватить и повесить, 50 000 эстонских марок награды.

В то время недалеко от Ямбурга я издавал журнал на татарско-башкирском языке для двух дивизий башкир, оперировавших против белых банд Эстонской республики. Эстонцы, поддерживаемые Англией, вторглись тогда через границу, за что им и всыпали как следует.

50 000 эстонских марок! Хотя у них и ничтожная валюта, — за десять эстонских марок вы получаете одну немецкую, — тем не менее обещание было весьма заманчиво, особенно в то время, когда мне нужны были деньги после того, как на пути из Москвы в Нарву я израсходовал последний миллион советских рублей.

По счастью, я сообразил, что если бы даже я сам себя повесил в Нарве, то никто бы мне не поверил, что это именно я, так как я приехал под фальшивым именем и с поддельным паспортом, на котором подлинной была лишь моя фотография.

Из задумчивости меня вывел один прилично одетый господин, который на ломаном русском языке спросил, не хочу ли я разменять советские рубли на эстонские марки.

Я сразу же узнал его по первому взгляду. После стольких лет снова первый полицейский агент!

Я уже видел эстонских жандармов и полицейских, стоявших длинной цепью за проволочной изгородью, тянувшейся вдоль границы, но тайных агентов увидел впервые и смотрел на них с односторонним чувством, которое, надеюсь, понятно каждому.

Эстония окружила себя проволочными заграждениями от проникновения идеи социализма.

Первый сыщик заговорил со мною. Он всячески старался выпытать из меня, незнакомого иностранца, все, что можно. Говорил он о беспорядках в Эстонии и хвалил Советскую Россию.

К счастью, я получил информацию о Москве и о Советской России из одного номера «Народной политики», которую раздавали чехам, возвращающимся из России, служащие чешской миссии, организованной в Москве капитаном Скала.

Чтобы не хвалить Советы, я стал говорить о том, что прочел в «Народной политике»: «Жена одного чешского сапожника в Петрограде сошла с ума от голода, а в Праге умер дедушка; мертвые валяются на улицах. Из полутора миллионов жителей в Петрограде в живых остался только один человек. Но все это пустяки в сравнении с тем, что делается с новорожденными...»

Господин сыщик, даже не попрощавшись, поспешно ото-

шел на другую сторону вокзала, а я присоединился к транспорту пленных, возвращающихся из России.

Оборванные, грязные солдаты старой Австрии, поблекшие за шесть лет мундиры, смесь голосов и языков всех народов бывшей монархии.

В проходе небольшого домика на станции, где красуется надпись «для мужчин», венгерский поручик пришивает к засаленному воротничку звездочки.

Перед старой крепостью и Нарвским замком представитель международного красного креста приветствует по-немецки «пострадавших защитников отечества».

Немецкая сестра милосердия раздает первое немецкое кофе с сахарином. На башне карантинного лагеря надписи только по-немецки и по-венгерски. Там же красуются флаги всевозможных народностей, исключая славян.

Члены американского союза христианской молодежи раздают библии и спекулируют на обмене «романовских денег», «керенок» и советских рублей на эстонские марки.

Все бранят Россию, а эстонские солдаты тайком продают самогон.

Ворота старого замка немецких крестоносцев закрылись за нами. В замке мы должны находиться в течение четырех дней, не имея права хотя бы на минуту оставить лагерь.

На большой площади замка начинается деление народов. Какой-то субъект кричит по-немецки: «Подданные Венгерской республики — налево, Австрийской — направо, Чехословацкой — в середину, румыны — к воротам!»

Настает страшный переполох. Возле канцелярии стоит какой-то бывший кадет и плачет. Служащий международного красного креста добивается от него, чьим подданным он является. Его ведут в канцелярию к карте, на которой ищут город Колошвар, находят и убеждаются, что согласно Версальскому миру он превратился в румына.

Кадет плачет еще пуще, и сестра милосердия подает ему валерьяновые капли на сахаре.

II

Карантинный лагерь и канцелярия международного красного креста расположились в огромных помещениях старого замка в Нарве, который когда-то построили немецкие крестоносцы, огнем и мечом разорявшие прибалтийские страны.

Теперь это делают английские общества, поставляя ненужные пушки, фарфоровые пепельницы, электрические ап-

параты, спортивные принадлежности: все это очень важно для эстонцев, которым самим нечего есть.

Нарвский замок — полная развалина. Несколько раз его разбивали шведы, стремившиеся выгнать из Нарвы немецких рыцарей. Затем его разрушил Петр Великий, когда выгонял шведов из Нарвы (более подробных сведений вы не найдете ни в одной энциклопедии). Во время гражданской войны стены замка отдавали снарядов как белых, так и красных.

Дело разрушения завершает международный красный крест, который соорудил из остатков старого рыцарского зала уборную без канализации для возвращающихся из России пленных.

Они ухитрились также приспособить башни замка под разные склады. Не дай бог, если сюда заглянет ревизия!

Местные предприниматели-спекулянты продырявили во многих местах стены замка для своих лавчонок и продают пленным протухшую колбасу. Так как проход в замок и всякое сношение населения с возвращающимися пленными строго запрещен, возле каждой такой дыры стоит эстонский солдат, как кошка, поджидающая мышь. Местный гарнизон получает таким образом постоянный доход в пятьдесят процентов с каждого фунта тухлой проданной колбасы и других продуктов такого же качества.

Во всем замке царит образцовая грязь. И вообще все напоминает старые времена, когда город осаждался неприятелем, бросавшим в него вонючие горшки.

В те времена собирали черепки, чтобы они не разрезали обувь, а содержимое горшков оставалось на земле. Такая же картина и теперь в бывших казармах, где размещены пленные: грязные нары, дымящие печи и тяжелый запах фасолевого супа; жены пленных всюду повешали пеленок.

Международный красный крест, на который американцы затратили столько денег, превратился в чисто немецкую организацию, и в Нарве он производит впечатление спекулянтского учреждения.

Сестры милосердия продают колбасу и кофе. Кофе делается из консервов, которые должны были раздаваться бесплатно пленным. Колбаса продается за пять марок или двадцать пять эстонских марок, или за сто двадцать пять романовских рублей, или за триста двадцать керенок, или за тысячу советских рублей. В «солдатском зале» только немецкие газеты. Когда я собирался просмотреть статью в «Фрайгайт» о последних увольнениях рабочих в немецкой «Социалистической республике», неожиданно снаружи раздался страшный крик: какой-то мадьяр бросился

с башни в ров. Я вышел посмотреть и узнал, что бросившийся — офицер Гарани из 18-го полка гонведов. Причина — неудавшаяся финансовая спекуляция.

Гарани был прислан из красноярского лагеря как инвалид в Москву. Он продал на Сухаревке свои брюки за сто двадцать тысяч рублей, блузу за восемьдесят тысяч и таким образом выручил двести тысяч рублей. Но так как он слышал, что советские рубли за границей не принимаются, то купил на них романовок, царских десяти- и пятирублевых (тысяча рублей за пятьдесят тысяч советских). Таким образом у него собралось четыре тысячи романовских денег.

Потом ему кто-то сказал, что Врангель разбит, и что романовских нигде за границей не берут, и что там сейчас в цене керенки. Тогда он обменял четыре тысячи царских рублей на две тысячи керенок, которые в Нарве, к его ужасу, он мог обменять только на четыреста эстонских марок, и недавно эти марки он обменял на восемьдесят немецких. Затем он снова стал покупать советские рубли и давал десять марок немецких за тысячу рублей советских. Так у него образовалось восемь тысяч рублей, которые он выменял, придя в отчаяние, на сорок марок, так как в это время советские рубли упали в курсе. Во вторник он совершил новую спекулятивную сделку с романовскими, а в среду бросился с одной эстонской маркой в кармане с самой высокой башни замка.

Его похоронили за стеною замка, где спят вечным сном четыреста красноармейцев, попавших к эстонцам в плен и расстрелянных из пулемета.

Завтра мы едем в Ревель.

III

Отправиться из Нарвы в Ревель не так-то просто. Вы должны пройти через целый ряд различных препятствий. Прежде всего вы должны раздеться донага и отдать свое платье и белье для дезинфекции. Если вы отдадите в «дезинфекцию» кожаные предметы, например, ботинки и бумажник, то они после дезинфекционного процесса совершенно погибнут, и вы окажетесь в отчаянном положении.

Один несчастный положил в свой узелок ботинки и бумажник, наполненный романовскими пятисотрублевками, которые он, обворовывая Россию, копил в течение двух лет. Пройдя сквозь огненный строй дезинфекционного аппарата, бумажник превратился в зажаренную, сплавленную грудку кожи и листов бумаги, размяв которые, вы получаете кусок пепла. Что же касается ботинок, то они предста-

вляют из себя после дезинфекции совершенную загадку. Каких-то два таинственных узла из твердой кожаной массы лежат перед несчастным, держащим в одной руке то, что пятнадцать минут тому назад было бумажником и имуществом, и тупо смотрящим на свои бывшие ботинки.

В конце концов, его, босого, уводят в канцелярию международного красного креста, где он получает пятьдесят немецких марок и огромные сапоги.

В это время другие купались в грязной холодной воде так называемых «бань», и надсмотрщики тузили покушавшихся на зеленое мыло.

Наконец мы, вымытые и продезинфицированные, выстраиваемся у канцелярии международного красного креста, и с нами начинают проделывать новые операции. Представитель эстонских властей по списку начинает проверять, кто из нас вечером поедет в Ревель. Венгерские, румынские, чешские фамилии для него являются неразрешимой загадкой, и он никак не может их произнести. В связи с этим происходят массовые недоразумения. Он, например, кричит: «Езеф Нефех!» Мы его ищем. Никто не отвечает. Его ищут среди турок, румын, и никому не приходит в голову, что это «Иосиф Новак», который ожидает в группе чехов, чтобы крикнуть: «Здесь!»

Возможно, что этот Иосиф Новак до сих пор еще ожидает в Нарве, когда выкрикнут его имя.

Затем разгорается борьба за консервы, которые раздают по одной коробке на два человека. Делается это все без всякого порядка, и принцип альтуризма где-то в развалинах льет горькие слезы. Напрасно ищут того, кто получил коробку в компании с другим. Этот последний в отчаянии снова становится в очередь в надежде, что ему все-таки удастся вырвать целую коробку. Наконец склады закрываются, и несчастный заведующий складом вместе с экспедитором пытаются разрешить тяжелую математическую задачу.

Сегодня уезжает семьсот двадцать шесть пленных. Одна коробка консервов на двух человек — триста шестьдесят три коробки, а выдали пятьсот шестнадцать (С уважением посвящая это неизвестное уравнение союзу математиков и министру финансов.)

То же самое и с подарками американского красного креста. Симпатичная молодая женщина опрашивает посетителей, которые недавно в бараках посбрасывали рубахи и в голом виде, молча, знаками объясняют, что у них нет рубашек.

Один из просителей пытается знаками объяснить молодой даме, что у него действительно нет кальсон...

Наконец, в шесть часов вечера нас выстраивают в ряды по шести человек, окружают эстонскими солдатами и выводят из замка в сад, где нас снова считают. Количество пленных необычайно подвижное. Как я уже сказал, нас должно было бы поехать 726, на дворе нас было 713, у башни 738, теперь же 742.

Представитель эстонской власти отчаянно машет рукой и кричит: «Ильвая!», что соответствует русскому отчаянно широкому слову «ничего».

Нас гонят через мост, затем около двух километров через город, на котором гражданская война оставила значительные следы.

Через всю площадь тянется длинная лента незасыпанных окопов, очевидно, на память потомкам и на случай проводки канализации, которая здесь в таком же состоянии, в каком была сотни лет тому назад, когда немецкие крестоносцы строили город. На углу площади Майя я наблюдал забавную картину: полицейский никак не мог разнять дравшихся между собою бородатого козла и толстого борова.

Вот все, что я видел хорошего в Нарве, и эту главу я могу закончить теми же словами, как и предыдущую: «Завтра мы едем в Рефель!» Я даю честное слово читателям и редакции, что завтра мы действительно уедем в Ревель.

IV

Сто восемьдесят километров, отделяющие Нарву от Ревеля, мы проехали в два дня. Эстонские власти осматривали нас на нескольких станциях, не впуская и не выпуская никого из поезда на вокзал и не разрешая никаких покупок. В вагонах наблюдались отчаянные сцены: пленные сидели вокруг маленьких железных печек, в которых уже давно погас огонь, и ругали во все тяжкие Эстонию и представителей всех международных красных крестов. Самая продолжительная остановка была на станции Игоратис, где дошло до открытого бунта в последних трех вагонах, занятых румынами и мадьярами. Они окружили несчастного представителя красного креста и угрожающе требовали хлеба. Эта сцена дала мне возможность познакомиться с инженером Иожком. До сих пор он ехал никем не замеченный и никем не оцененный среди австрийских немцев в вагоне номер семь.

Никто не предчувствовал, что этот скромный человек из офицерского лагеря военнопленных города Семипалатинска обладает таким идеалистически-философским характером.

Он выступил перед угрожающей толпой и, прикрывая собою представителя красного креста, проповедническим тоном сказал:

— Господа, будьте рассудительны! Я удивляюсь, что вы так громко кричите. Подумайте о том, что мы — за границей, что мы — гости Эстонии и что каждая такая сцена нас глубоко роняет в глазах эстонцев.

— Мы требуем, — кричали румыны, — чтобы нам немедленно дали хлеба!

— В Нарве, — добавляют мадьяры, — нам дали всего по куску на полдня, а теперь полтора дня нас морят голодом. Режьте его!

— Но, господа, — успокаивал их инженер, — потерпите, не прибегайте к насилию. Пусть эстонцы увидят, что мы действительно умеем себя держать. Что подумают эстонские дети, проходя мимо нас в школу и видя, как позорно мы себя ведем!

Толпа смутно начинает подозревать, что этот инженер тоже нечист на руку, и кто-то из толпы бесстыдно утверждает, что в вагоне, в котором едет инженер, хлеба столько, что им топят печи.

Представитель красного креста, пользуясь во-время разразившейся бурей над головою инженера, исчезает. Искра вспыхивает. Два эстонских солдата спокойно посматривают, как колотят инженера и как тот после хорошей бани с трудом лезет в свой вагон.

— Мне порядком попало, — сказал он уже в вагоне, — мне обидно, что это случилось за границей, на глазах иностранцев. К счастью, эстонские дети не шли в школу, а то могли бы подумать, что мы — дикари.

Представитель красного креста, за которого самоотверженно подставлял свою шею инженер, все же почувствовал, что он что-то должен сделать для пленных, и пошел вести переговоры с местными эстонскими властями относительно варки хотя бы борща для эшелона.

Едва он заикнулся о борще, как немедленно был приведен в движение весь телефонный аппарат. Железнодорожные власти получили приказ немедленно отправить нас дальше, а представителю красного креста было обещано, что борщ мы получим в Игве. Так мы едем в Игву, где узнаем, что борщ не готов для нас по той простой причине, что в Мориголи мы получим целый обед. Станция Мори-

голи стремится избавиться от нас как можно скорее, уверяя, что на следующей станции Вайнемая нас ожидают обед и ужин. К чести моих спутников я могу сказать, что господина, пытавшегося нам все это разъяснить, пришлось отправить в больницу. Мы поехали дальше. На станции Вайнемая наш поезд не останавливается.

Готовые на все, мы ночью подъезжали к Ревелю. Все в таком настроении, что Ревель должен быть разграблен. К следующему утру все мы смотрели на мир, как заядлые грабители и преступники.

Только один инженер не терял надежды и верил, что все же в Ревеле нас накормят. Он непрестанно говорил о том, что каждому давно известно.

— Действительно, — разглагольствовал он, — если человек в течение двух дней ничего не ест, то чувствует голод. Если нас накормят в Ревеле, то голод пройдет сам собою. Человеку трудно обойтись без хлеба.

— Господин инженер, — отзывается голос из угла вагона, — если вы не перестанете трепать языком, честное слово, я на всем ходу выброшу вас из вагона.

Инженер бормочет что-то о красоте, добре и прогрессе и еще о чем-то. Светает. Учитель Земаник спорит со всем вагоном, уверяя, что мы уже у моря и что он чувствует соленый морской воздух. Через некоторое время он обнаруживает в кармане своих брюк целую коллекцию внутренностей гнилых селедок, которыми нас оделили в Нарве и которые мы ему положили в карман. Он, естественно, чувствует себя оскорбленным, а инженер обращает его внимание на необходимость выдержки и подвижничества в этой суетной жизни.

Несколько остроумных выражений и угроз заставляют инженера закутаться в плащ и замолкнуть до самой станции Каольмо, где мы растаскиваем запасы шпал и дров и складываем их в вагонах. Когда принесли украденные дрова и огонь в печке весело потрескивал, инженер слез со своего места и сказал:

— Если мы забираем вещь, которая нам не принадлежит, это называется кражей, а тот, кто так делает, называется вором. Мы все ответственные. Если мы обогреваемся крадеными дровами или углем, то тем самым мы делаемся соучастниками воровства.

Во время спора на эту тему выяснилось, что инженер не участвовал в экспедиции за дровами, а поэтому не имеет права сидеть у печки. Если он хочет остаться в натопленном вагоне, то должен украсть одно полено. Тот, кто принимает благо, должен его заработать.

Открывают двери и выталкивают его на двенадцатиградусный мороз. Через некоторое время он возвращается с большим поленом и говорит:

— Я взял чужую вещь, я — вор.

На станции Каоальмо пронесся слух, что представитель красного креста остался на станции Мориголи вести переговоры по телефону с представителями эстонских властей. Эта новость распространяется с быстротой молнии по всему вагону, но скоро гаснет во всеобщем скептицизме, нашедшем свое выражение в простых словах жителя города Праги: «Опять какое-нибудь мошенничество». Оказалось, он был прав. Когда мы должны были уже въехать на вокзал Ревеля, поезд неожиданно перевели на другую колею, и он стал удаляться от города, где мы должны были получить сразу обед, ужин и завтрак.

Поезд понесся с усиленной быстротой вдоль морского берега. Море уже больше никого из нас не привлекает. Все оборачиваются лицом к тому месту, где трусливо, за песчаными насыпями, прячется город Ревель, вызывавший раньше столько надежд среди отчаявшихся солдат. Наконец поезд останавливается у мола, к которому пришвартован пароход «Кипарис».

На берегу нас ожидает депутация какого-то союза женщин во главе с пастором, которая раздает нам газеты и при этом поет немецкую песню:

Кто хочет быть счастлив на свете,
Пусть очистится от грехов.
Кто блажен, тот и в смерти
Чувствует дыхание божьей молитвы.

Через полчаса пастор вместе со своим женским хором бултыхается в бухте, а мы все с грозным ревом «ур-ра» врываемся на пароход «Кипарис», стоящий у мола.

V

Команда парохода, состоящая из испытанных старых моряков, быстро навела среди нас порядок. Они обращались с нами так, как на базаре считают арбузы, перебрасывая их с телеги на телегу. Мы все проходили из мускулистых рук в руки, пока каждый из нас не попадал в трюм. Там мы все выстраивались по десяткам и не успевали опомниться, как нас гнали уже в другую дверь, на другой конец парохода. Мы получили кусок хлеба, мясные консервы, ложки, металлическую тарелку и чайничек и снова спустились на свое место. Через полчаса весь эшелон был размещен и сыт.

Инженер снова оживает и продолжает свои философские рассуждения.

— Если человек сыт, он удовлетворен; голодный человек чувствует себя неудовлетворенным.— Вокруг него мало слушателей, тем не менее он продолжает делать свои неоспоримые заключения. — Перед тем, как отсюда тронемся, пароход должен поднять якоря, а под паровыми котлами должен быть затоплен огонь. Если бы это был парусный корабль, то мы должны были бы ожидать попутного ветра. Парусные корабли без ветра ходить не могут. Паруса без ветра — все равно, что автомобиль без бензина.

Наконец «Кипарис» подает сигналы маленьким катерам таможенных властей, спрашивая у них разрешения выйти в море, и получает благоприятный ответ. Вот он свистит, и мы разлучаемся с эстонскими берегами, окутанными туманом, которые будто хотят сказать нам: «Не стоит смотреть назад, ничего хорошего вы здесь не нашли».

Тем не менее несколько сентиментальных пленных машут платками. На молу стоит группа эстонских ребят, вышедших из рыбацких домиков, и высовывает нам языки.

Я осматриваю надписи на пароходе, они весьма оригинальны: «Если заметите пожар на пароходе, то сообщите об этом старшему офицеру». «Публике строго запрещено входить на капитанский мостик». «Ключ от склада спасательных поясов находится у младшего офицера, которому надо сообщить о каждом несчастном случае». К этим надписям я приписываю еще одну: «Если пароход потонет, сообщите об этом капитану». Затем я иду осматривать кают-компанию и, завидя надпись: «Распивать спиртные напитки строго воспрещается», глубоко опечаливаюсь.

Где очарование морского рома, виски, грога? Где пьяные матросы Киплинга, которые пили много и кричали: «Ого-го, ого-го»?

На пароходе продают только белое овсяное пиво, лимонад, пряники, лепешки и шоколад, словно пароход предназначен для школьников, совершающих экскурсию под наблюдением учителей.

Другая кают-компания тоже производит грустное впечатление, словно ею ведает общество трезвости. Там продают лимоны, яблоки, селедку, оливки, рыбные консервы, открытки и прескверные немецкие сигары.

Я продолжаю осматривать пароход и обнаруживаю еще несколько надписей, касающихся спасательных лодок и правил спуска. Одна из этих лодок, с большой дырой на дне, меня заинтересовывает. Я наведался также в каюты матросов. Они пьют кофе, народ все трезвый, не курят. У одного

в руке толстая книга в красном переплете, наверное библия. Я тихонько закрываю двери и иду подышать чистым воздухом на нос парохода, который дает сигналы другому пароходу, везущему русских военнопленных. Все наши вылезают на палубу. На пароходе русские выбрасывают красный флаг. Пароходы встречаются, и между ними завязывается разговор. Они и мы машем платками, кричим «ура», и у многих из нас начинают из глаз брызгать слезы, которых никто не стыдится. Еще долго несутся наши взаимные поздравления по широкой морской глади залива и отражаются эхом от скал острова Сильгита. Поверхность залива спокойна. Чайки летают над гладью, плавно опускаясь и поднимаясь.

Инженер, как всегда, мудро замечает:

— Эта птица называется чайкой-хохотуньей, потому что ее крик похож на хохот человека. Если бы она не хотала...

— То я сбросил бы вас с палубы, — сказал я угрожающе.

Мы долго едем мимо берега, и инженер вполне серьезно замечает:

— Эта земля называется островом потому, что со всех сторон окружена водою. Если бы она была с одной стороны связана с континентом, то называлась бы полуостровом.

Вокруг инженера собирается кружок слушателей, и он, показывая на лодки рыбаков в заливе, убежденно говорит:

— Море богато рыбами, и рыболовство — одна из главных профессий рыбаков. Многие рыбы съедают друг друга: если бы этого не было, то они перемерли бы с голода. Акула весьма опасна для купающихся в море. Моря бывают мелкие и глубокие. Морская вода соленая.

Слушатели принимают качать инженера и грозят выбросить его за борт. Инженер кричит:

— Если вы меня уроните, я утону!

Кто-то приносит ведро морской воды, инженера раскладывают на палубе, поливают водой и отправляют в кочегарку для сушки. Он так поражен, что долго не может опаматоваться и что-то вспомнить. Весь вечер он усиленно думает и только во время ужина спохватывается и как бы мимоходом говорит:

— Горох остается круглым даже после того, как его сварят.

Это очевидная истина, но тот горох, который нам подали в супе, очевидно, при варке забастовал и тверд, как гравий. Нас, главным образом, удивило, что в супе сварены сушеные сливы, яблоки, отруби и селедочная икра. Прибавьте,

что большинство из нас перед этим ело холодные мясные консервы, в кают-компании закусывали шоколадом, марципаном, яблоками, маринованной сельдью с луком и шпротами, запивая все это овсяным пивом и лимонадом.

Какая великолепная почва для морской болезни, которая скрывалась где-то на горизонте широкого моря!

Совершенно стемнело. На острове Сильгит замелькали маяки, с северо-запада начинал дуть ветер, и когда мы вышли в море, волнение не заставило себя ждать и со всей энергией заявило о своем присутствии.

«Кипарис» начал резать волны, которые яростно рвали тишину ночи и стремились потопить пароход.

«Кипарис» затанцевал такой «кек-уок» на морских волнах, что нам действительно стало плохо. Идея солидарности победила на всех фронтах: все без различия партий, убеждений, национальностей держались за животы. Общее настроение прекрасно выразил учитель Земаник: «Я думаю, что нас вырвет».

Все писатели, описывая путешествия по морю, касаясь морской болезни, изображают себя героями. Все были больны, и только я, мол, писатель, не был болен. Признаюсь честно, что я тоже держался за перила и делал то, что и другие. Меня скрутило так сильно, что я первый раз в своей жизни вспомнил о боге и принялся горячо молиться.

— Всемогущий бог, ты видишь, что со мною. Ведь ты меня создал для своей славы и теперь сожалеешь, видя меня в таком жалком положении. Я обещаю тебе исправиться, отказаться от всех грехов и блуда, я не хочу нести бремя с язычниками и безбожниками. Я буду сотрудничать только в католических газетах и напишу хвалебную оду в честь папского нунция.

Результатом всего этого было то, что я трясущейся рукой записал в свой дневник: «А мне все время хуже и хуже. Молитва не помогла».

Восходящее солнце застало меня в том же самом положении у перил, в каком я находился ночью. Инженер, склоняя возле меня голову над волнами, шёпотом произнес: «На суше морской болезни не бывает». И у меня, несчастного, не хватало сил выбросить его через перила в жертву разгневанному морю.

Практическое проведение в жизнь всех тех различных движений, которые наука и люди называют морской болезнью, заняло полтора дня времени. Пароход представлял из себя печальную картину, люди ходили, как умирающие осенние мухи, и никто, даже сам капитан, не знал, куда мы, собственно, едем. Он утверждал только одно, что

пароход должен идти по волнам против ветра. Но так как ветер и волны непрерывно меняли свое направление, то мы кружились, как пиратский корабль, боящийся берега.

К вечеру второго дня снова начался танец нашего парохода, еще хуже, и мы все ждали только одного, чтобы это как-нибудь кончилось. Капитан нас уверял, что это все пустяки, что он однажды в течение четырнадцати дней кружился на одном месте, хотя плыл из Данцига в Ригу, а это расстояние гораздо меньше, чем расстояние из Ревеля в Штеттин.

Мы уже начинали привыкать к морской болезни, и нам начинал нравиться немецкий суп из сушеных слив, сваренных с селедкой. Рано утром на палубу вылез инженер и начал кричать: «Земля, земля!» То же самое кричал моряк с мачты корабля Колумба, когда увидел Америку. Сами учителя твердили нам, что этот моряк действительно кричал: «Земля, земля!» Очевидно, инженер заучил эти слова на память и теперь воспользовался этим историческим возгласом и еще раз крикнул: «Земля, земля!»

Мы спросили капитана, где мы находимся. После долгих поисков на картах и измерений он объявил, что мы либо у датских, либо у шведских берегов, но, возможно, что мы находимся возле какого-нибудь острова, принадлежащего или первому, или второму королевству. Сообщение о таком точном местонахождении нашего корабля вызвало всеобщее волнение. Какая-то дама принялась плакать, что она уже не попадет в Германию.

Я ходил среди возмущенных мужчин и рассказами о том, что нас везут в Америку, подливал масла в огонь.

На счастье, ветер снова изменил свое направление, и «Кипарис» был вынужден резать волны по направлению к югу, к Германии. Однако этим дело не ограничилось, и в течение дня мы отошли к юго-востоку, к северо-востоку, затем опять к югу, затем снова на северо-запад и наконец на юго-запад.

Инженер, развалившись на тюфяке на палубе, громко рассуждал:

— Благодаря изобретению компаса на пароходе можно определить юг, север, восток и запад. На юге находится южный полюс, на севере — северный.

Дама, плакавшая в то время, когда мы находились «или у Швеции, или у Дании», упала в истерику и стала кричать, что она ни за что не поедет на северный полюс. Инженер, однако, не позволил себя прервать и продолжал рассказывать:

— Западного полюса и восточного не существует. Полюсов только два: северный и южный, точно так же, как два полушария. Мы принадлежим к северному полушарию, и если бы между нами были австралийцы, то они принадлежали бы к южному полушарию. Земля шарообразна и вертится вокруг своей оси. Если мы завтра приедем в Штеттин, то это будет значить, что мы доехали благополучно. — Затем он выпил овсяного пива и, сопровождаемый враждебными взглядами, отправился спать.

На следующую ночь ветер спал, и «Кипарис» спокойно шел по морской глади. Капитан взял курс на Свиномюнде, небо прояснилось, и к полудню стали показываться чайки. Горизонт впереди нас уже более не волновался, и на море была такая тишина, словно на наших маленьких озерах.

После обеда показались холмы с густыми лесами, и еще засветло мы проехали мимо моряков, рыбацких лодок, мимо пустых купален и матросских казарм Свиномюнде.

Огромный, укрепленный военный порт, крепость Германии, теперь в развалинах. Крепость взорвали вместе с гордыми дредноутами.

Инженер, обескураженный всем, что он видит, никак не может подобрать сразу слов для выражения своих мыслей.

— Так как в этом месте Свина впадает в море, а по-немецки «устье» называется «мюнде», то и город называется «Свиномюнде». Устье Эльбы называется «Эльбенмюнде», Рейна — «Рейнмюнде». Это вполне логично.

Пароход проходит Одерским рукавом, соединяющим порт с городом Штеттином, что заставляет инженера снова сделать следующее логическое заключение:

— Если бы не было реки Одера, Штеттин не был бы большим немецким торговым портом, а мы должны были бы ехать в Штеттин не по воде, а по железной дороге. Кроме того, без воды в Штеттине не могли бы строить пароходы. Поэтому мы можем сказать, что Одер является благодетелем Штеттина.

Это его рассуждения прервал грохот спускаемого якоря. Здесь мы должны остаться до тех пор, пока нас не осмотрит врачебная комиссия.

Когда комиссия приехала, нас выстроили всех поодиночке и заставили пройти мимо с высунутыми языками. Только и всего. Комиссия была вполне удовлетворена и уехала. Мы подняли якорь, музыка заиграла марш, и мы входим в главный город Померании.

Говорят, что нам готовят там торжественную встречу.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Вошедшие в настоящее издание произведения Я. Гашека охватывают собою значительный период творчества выдающегося писателя, они взяты из различных книг, вышедших в Советском Союзе как в центральных, так и местных издательствах.

В основном краткий научный аппарат «Примечаний» данного издания приводится составителем в сокращенном виде по таким книгам Я. Гашека: «Статьи и фельетоны, написанные по-русски», Новосибирское книжное издательство, 1958; «Рассказы, фельетоны», Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1955 и по наиболее полному изданию Я. Гашека в нашей стране, осуществленному в 1966 году — пятитомное собрание сочинений, библиотека «Огонек», издательство «Правда».

Р а с с к а з ы

Мытарства литератора

Публикация по тексту «Новеллы», Псковское областное газетно-книжное издательство, 1950, где рассказ назван не совсем точно — «Затруднения литератора».

«С и р и н к с» («Свирель») — кружок молодых литераторов декадентского направления (1901—1902). Организатором и председателем кружка был двоюродный брат Гашека — Роман Гашек.

Бравый солдат Швейк перед войной

Публикуется по тексту «Рассказы, фельетоны», Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1955. Перевод Д. Горбова.

Мятеж в австрийском флоте

По тексту «Рассказы, фельетоны», Гос. изд. художественной литературы, Москва, 1955. Перевод Т. Аксель.

В Португалии при помощи флота совершен государственный переворот. — Имеются в виду события буржуазной революции в Португалии. 4 октября 1910 года в Лиссабоне вспыхнуло восстание республиканцев. Благодаря поддержке флота восставшие одержали победу. Король Португалии Мануэль II бежал в Англию. В Португалии была провозглашена буржуазная республика.

Мертвый избиратель

По тексту «Новеллы», Псковское областное газетно-книжное издательство, 1950. Переводчик не указан.

Повесть о портрете императора Франца-Иосифа I

По тексту «Рассказы, фельетоны», Гос. изд. художественной литературы, Москва, 1955. Перевод В. Чешихиной.

Напечатано в газете «Чехослован» в Киеве, 1916 г.

Франц-Иосиф I — император Австро-Венгрии, вступивший на престол в 1848 году. Проводил реакционную политику.

«Народни политика» — реакционная чешская газета, выходившая с 1883 года до мая 1945 года, выступала с грубыми антисоветскими выпадами. *Глас народа* — буржуазная чешская газета, выходившая в 90-е годы XIX в.

Битва при Кустоуцце — сражение, происшедшее между итальянской армией и австрийскими войсками 25 июля 1848 года. Итальянская армия, сражавшаяся за освобождение Италии от австрийского гнета, потерпела поражение.

Уши святого Мартина Ильдефонского

Беггардизм — от *беггарды* — члены средневековой секты, возникшей в XIII—XIV веках среди ремесленников Франции, Италии, Германии и других стран. Беггарды, пропагандировавшие общность имущества, отрицавшие светскую и церковную власть, подвергались жестокому гонению, а в XIV веке были преданы инквизиции.

Францисканцы — члены монашеского ордена, созданного в XII—XIII веках, сторонники воинствующего католицизма. Францисканцы, принявшие обет нищеты, в действительности с разрешения папы владели огромными богатствами.

Кальвинисты — сторонники протестантской религии — кальвинизма, возникшего в XVI веке и ставшего знаменем буржуазии в ее борьбе с католической церковью и феодализмом. *Гугеноты* (кальвинисты-протестанты) выступали также против централизации, проводившейся королевской властью.

Алкоран — то есть коран.

Варфоломеевская ночь — массовое уничтожение протестантов-гугенотов, организованное в Париже королевой и католиками в ночь под праздник св. Варфоломея 24 августа 1572 года.

Изабелла Католическая (1450—1504 — испанская королева, совместно со своим супругом и соправителем Фердинандом Католиком проводившая политику укрепления королевской власти. Создав в 1492 году инквизицию в Испании, королева Изабелла превратила католическую церковь в орудие абсолютизма. В 1481—1492 годах, разгромив последний оплот мусульманства — Гренадский эмират, королева добилась объединения Испании. После этого начались жестокие гонения на «еретиков» — мавров, евреев и др.

Альбигойцы — сектанты Южной Франции и других стран периода средневековья и Возрождения, выступавшие против католической религии. Перевод под редакцией И. Калашниковой.

Чаган-Куренский рассказ

По тексту «Рассказы, фельетоны», Гос. изд. Худ. лит., Москва, 1955. Перевод Д. Горбова.

Дело государственной важности

Публикация по тексту «Рассказы и фельетоны», Гос. изд. Худ. лит. Москва, — 1960. Перевод Т. Аксель.

Впервые опубликованы за подписью Ян Стоупа в журнале «Копршивы», № 1, 5/1 1911 г.

Поп и мулла

По тексту «Новеллы», Псковское издательство, 1950, где опубликован под названием «Коза и всемогущий бог».

Взаимоотношения родителей и детей

Напечатано в сборнике рассказов Ярослава Гашека «Конференция по разоружению и другие юморески», вышедшем в Праге в 1922 году в издательстве «Сынек».

Савонарола Джироламо (1452—1498) — средневековый реформатор, монах ордена доминиканцев, выступавших с суровыми обличениями богачей, папства, светского характера культуры Возрождения.

Бойскауты — члены детских буржуазных организаций военно-политического характера в капиталистических странах.

Адвентисты седьмого дня — одна из христианских сект, возникшая в среде американской буржуазии. Адвентисты седьмого дня вместо воскресенья празднуют субботу, как день отдыха «самого бога» при сотворении мира. Американские миссионеры в Чехословакии в 20-х годах XX века пытались насаждать секты адвентистов.

Иглава — район в Чехословакии, в котором во времена так называемой первой республики жило много немцев.

Перевод под редакцией И. Калашниковой.

Батистовый платочек

По публикации газеты «Неделя» за 1982 г. В переводе Н. Зимяниной. В пятитомное собрание сочинений рассказ не вошел.

Как я спас утопающего

и следующие рассказы: «Как пан Караус начал пить», «Трезвенники». «Исповедь старого холостяка», «Счастливый очаг» публикуются по тексту «Новеллы», Псковское областное газетно-книжное издательство, 1950. Переводчики данных рассказов не указаны.

Фельетоны

Моя исповедь

Опубликовано в газете «Чешское слово» в 1921 году. В 1920 году Гашек возвратился в Прагу из Советской России. Чехословацкая буржуазия начала разнузданную травлю писателя. Против Гашека был инсценирован судебный процесс за то, что, порвав с чехословацкими легионами, он в 1918 году вступил в Красную Армию. Буржуазная пресса распространяла о писателе клеветнические измышления. Гашек боролся с клеветниками оружием сатиры. «Моя исповедь» — ответ на пасквиль, напечатанный в антисоветском журнале «28 октября», выходившем в 1920—1923 годах.

Франтишек Модрачек и Иозеф Гудец — редакторы журнала «28 октября», выступавшие с ревизией марксизма.

Научный словарь Отто — чешская иллюстрированная энциклопедия, издававшаяся в 1888—1908 годах.

Перевод Д. Горбова.

Из дневника уфимского буржуя

Первый фельетон Гашека, написанный им на русском языке, напечатан во фронтовой красноармейской газете «Наш путь» 14 января 1919 года в Уфе. Газета являлась органом политотдела 5-й армии Восточного фронта. Бывший редактор газеты «Наш путь» В. Сорокин в статье «Гашек как фельетонист фронтовой части», опубликованной в «Литературной газете» 5 мая 1938 года, писал: «Первый фельетон Гашека очень понравился нашим читателям. Красноармейцы от души хохотали над «переживаниями» уфимского «патриота».

В настоящем издании фельетон «Из дневника уфимского буржуа» печатается по тексту газеты «Наш путь».

Из дневника уфимского буржуа

Газета «Наш путь» № 54, 22 марта 1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Данный фельетон является продолжением первого фельетона, написанного автором по-русски «Из дневника уфимского буржуа». Слово «буржуа» здесь употреблено самим автором. В некоторых изданиях допускается ошибка в написании, а именно — «буржуя».

Трагедия одного попа

Печатается по тексту газеты «Наш путь» № 6, 17 января 1919 г.

...генерал Войцеховский... — царский офицер, командир III полка чехословацкого корпуса, колчаковский генерал.

Уфимский Иван Иванович

Опубликовано в газете «Наш путь», № 31, 16 февраля 1919 года.

Печатается по тексту: Ярослав Гашек, «Статьи и фельетоны, написанные по-русски», Новосибирское книжное издательство, 1959.

Об уфимском разбойнике, лавочнике Булакулине

Рассказ написан Гашеком на русском языке и напечатан в газете «Наш путь» 9 марта 1919 года. Публикуется по тексту газеты «Наш путь».

Перебежчики

Впервые опубликованы в газете «Наш путь» № 64, 5 апреля 1919 года. Материал написан на русском языке. Публикуется по тексту газеты.

Сибирская скоропадчина

Опубликован 22 апреля 1919 года в пятом номере газеты «Красный стрелок». Написано на русском языке. Печатается по тексту газеты.

Англо-французы в Сибири

Опубликовано в газете «Красный стрелок», № 106, 6 сентября 1919 года. Написано на русском языке. Печатается по тексту газеты.

Дневник попа Малюты

Опубликовано в газете «Красный стрелок», № 63, 9 июля 1919 года. Печатается по тексту газеты.

Замороженные чиновники

Публикуется по тексту газеты «Наш путь», № 46, 6 марта 1919 года. Написано по-русски.

Белые о 5-й армии

Статья напечатана в специальном номере газеты «Красный стрелок», посвященном второй годовщине со дня создания 5-й армии. Написано по-русски.

Возвращение

Публикуется по тексту «Новеллы», Псковское областное газетно-книжное издательство, 1950.

В пятом томе собранных сочинений Библиотека «Огонек», издательство «Правда», Москва, 1966 г. данный материал публикуется под названием «И отряхнул прах от ног своих».

Переводчик не указан.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Сердцем с Россней (статья)	5	Батистовый платочек	122
		Как я спас утопающего	124
		Как пан Караус начал пить	127
Р а с с к а з ы		Трезвенники	130
Мытарства литератора	20	Исповедь старого холостяка	133
Бравый солдат Швейк перед		Как я торговал собаками	152
войной	23	Счастливый очаг	160
Мятеж в австрийском флоте	40	Над озером Балатон	195
Мертвый избиратель	44	Службное рвение Штепана	
Повесть о портрете императо-		Брыха, сборщика налогов	
ра Франца-Иосифа I	47	на пражском мосту	198
Уши святого Мартина Ильде-		Амстердамский торговец чело-	
фонского	51	вечинной	201
Чаган-Куренский рассказ	61	Дела небесные	205
Дело государственной важнос-		Марафонский бег	207
сти	64	Мой друг Владыка	213
Суп для бедных детей	68	Хулиганство библиотекаря Ча-	
История поросенка Ксавера	71	буна	218
Урок закона божьего	74	Хозяйственные реформы ба-	
Поп и мулла	77	рона Клейнгампля	221
Нравоучительный рассказ	81	Как Милан Шпатина стал	
Камень жизни	83	атеистом	224
Социальные различия	86	Восхождение на Мозершприц	227
Юбилей служанки Анны	89	Барон и его пес	232
На родине	91	Австрийская таможня	235
Пример из жизни	95	Школа тайной полиции	237
Спасен	98	Повезло	242
У кого какой объем шен	102	Траур дворника Якубека	245
Взаимоотношение родителей		Финансовый кризис	248
и детей	106	Хомяк	250
Наследство Шафранека	112	Уголовный розыск	259
Способ господина полицмей-		Уголовный роман	261
стера	115	Сыщик Паточка	263
Несчастный случай с котом	118		

Детективное бюро	265	Как я встретился с автором некролога обо мне	325
Развод господина Соливера	268	Из дневника уфимского бур- жуя	328
Солидное предприятие	272	Из дневника уфимского бур- жуа (продолжение)	330
Трое мужчин и акула	277	Трагедия одного попа	332
Футбольный матч	281	Уфимский Иван Иванович	334
Фельетоны			
Моя исповедь	289	Об уфимском разбойнике ла- вочнике Булакулине	337
Об удачных названиях	292	Перебежчики	338
Двадцать лет тому назад	298	Сибирская скоропадчица	340
Выборы стражника	303	Англо-французы в Сибири	341
Человеческое тщеславие	306	Дневник попа Малюты	343
Из жизни репортера	309	Замороженные чиновники	345
В поисках убийцы	313	Белые о 5-й армии	346
Похождения чрезвычайного посла	316	Возвращение	348
Роковое заседание конферен- ции по разоружению	321	Примечания	363

Ярослав Гашек

Рассказы и фельетоны

Редактор К. Ш и л и н а
Художник А. К о р о л е в с к и й
Художественный редактор А. А с т р а х а н ц е в
Технический редактор Г. Д а у т о в а
Корректоры Л. О с т а н и н а, Л. А х м е т о в а

ИБ № 2523

Сдано в набор 23. 12. 82. Подписано к печати 18. 03. 83. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Условн. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,47. Учетн.-издат. л. 20,95. Тираж 170 000 экз. (3-й завод 120 001 — 170 000 экз.) Заказ № 327. Цена 1 руб. 80 коп.

Башкирское книжное издательство. Уфа-25, ул. Советская, 18.
Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата Башкирской АССР
Уфа-1, проспект Октября, 2.

Scan Kreyder - 29.04.2019 - STERLITAMAK

1 руб. 80 коп.